

ОЛДОС ХАКСЛИ

Вечная философия

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Олдос Хаксли
ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

© Aldous Huxley, 1944, 1945 © Оформление, серия,
изд-во “Рефл-бук”, 1997 © Перевод, изд-во “Ваклер”, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

- Глава 1. ЭТО И ЕСТЬ ТЫ
- Глава 2. ПРИРОДА ОСНОВЫ
- Глава 3. ЛИЧНОСТЬ, СВЯТОСТЬ, ВОПЛОЩЕНИЕ БОЖЕСТВА
- Глава 4. БОГ В МИРЕ
- Глава 5. ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ
- Глава 6. УКРОЩЕНИЕ СТРАСТЕЙ, ОТСТРАНЕННОСТЬ, ПРАВЕДНЫЕ ТРУДЫ
- Глава 7. ИСТИНА
- Глава 8. РЕЛИГИЯ И ТЕМПЕРАМЕНТ
- Глава 9. САМОПОЗНАНИЕ
- Глава 10. БЛАГОДАТЬ И СВОБОДНАЯ ВОЛЯ
- Глава 11. ДОБРО И ЗЛО
- Глава 12. ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ
- Глава 13. СПАСЕНИЕ, УХОД, ПРОСВЕТЛЕНИЕ
- Глава 14. БЕССМЕРТИЕ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ
- Глава 15. МОЛЧАНИЕ
- Глава 16. МОЛИТВА
- Глава 17. СТРАДАНИЕ
- Глава 18. ВЕРА
- Глава 19. БОГА НЕ ОБМАНЕШЬ
- Глава 20. TANTRUM RELIGIO POTUIT SUADERE MALORUM
- Глава 21. ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСТВО
- Глава 22. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ
- Глава 23. ЧУДО
- Глава 24. РИТУАЛ, СИМВОЛ, ТАИНСТВО
- Глава 25. ДУХОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ
- Глава 26. УПОРСТВО И РЕГУЛЯРНОСТЬ
- Глава 27. СОЗЕРЦАНИЕ, ДЕЙСТВИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА
- ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Словосочетание *philosophia perennis* впервые было использовано Лейбницем. Но сама наука — метафизика, признающая существование божественной Реальности в мире вещей и разумных живых существ; психология, находящая в душе нечто подобное божественной Реальности или даже идентичное ей; этика, полагающая, что главной целью человека является познание имманентной и трансцендентальной Основы всего бытия, — сама наука всеобъемлюща и существует с незапамятных времен. Зачатки Вечной Философии можно обнаружить в фольклоре абсолютно всех примитивных народов, а ее высшие формы отражены во всех религиях мира. Вариант этого Высшего Общего Фактора всех теологий, как прошлого, так и будущего, впервые был изложен в письменной форме более двадцати пяти веков тому назад и с тех пор на эту неисчерпаемую тему пишут представители всех религиозных направлений на всех основных европейских и азиатских языках. Ниже я сведу воедино многочисленные цитаты из этих авторов, самые красивые и запоминающиеся, выбранные в основном по принципу их значимости (они хорошо иллюстрируют отдельные элементы общей системы Вечной Философии). Эти цитаты собраны под различными заголовками и, так сказать, "вмонтированы" в мой комментарий, поскольку я ставил перед собой задачу иллюстрировать, связывать воедино, развивать и, при необходимости, разъяснять мысли их авторов.

Знание есть функция бытия. Когда в бытии знающего происходят перемены, соответственно меняются природа и количество его знаний. Например, бытие ребенка по мере того, как он растет и учится, преобразуется в бытие взрослого человека; в результате этой трансформации кардинально изменяется способ познания, а также количество и характер познанных вещей. По мере развития индивидуума, его знание становится более концептуальным и систематизированным при огромном

повышении уровня информативности и утилитарности. Но все это достигается ценой ухудшения качества непосредственного восприятия, ослаблением и полной потерей интуиции. Подумайте, к примеру, о том, как ученый может изменить свое бытие с помощью чисто механического применения своих инструментов. Астроном, вооруженный спектро스코пом и шестидесятидюймовым зеркальным телескопом, превращается, если говорить исключительно об остроте зрения, в сверхчеловека; и мы должны принять как должное, что знание этого сверхчеловека очень отличается от знания индивидуума, смотрящего на звезды простым человеческим взглядом.

Но на знание индивидуума воздействуют не только перемены в его физиологическом или интеллектуальном бытии. Каши знания зависят также и от того, какие действия мы, будучи существами нравственными, решаем предпринять. Вильям Джеймс сказал, что "практика может не только расширить наши теоретические горизонты, но и привести нас в новые миры и наделить новыми способностями. Знания, которые мы никогда не сможем приобрести, оставаясь теми, кем мы являемся на данный момент, — могут оказаться вполне доступными, если мы разовьем в себе более высокие способности и достигнем более высокого уровня нравственного развития". Короче говоря: "Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога". Эту же идею, в виде наукообразной метафоры, высказал суфийский поэт Джалаладдин Руми: "Астролябия божественных тайн — есть любовь". Повторяю: эта книга является антологией Вечной Философии. Но даже, будучи антологией, она содержит лишь несколько цитат из произведений профессиональных писателей, и даже, будучи посвященной философии, она практически не содержит цитат из произведений профессиональных философов. И по очень простой причине. Вечная Философия изначально занимается одной, божественной Реальностью, имеющей огромное значение для сложного мира вещей и разумных живых существ. Но природа этой Реальности такова, что ее невозможно познать непосредственно. В этом смысле исключение составляют лишь те, кто решил для этого выполнить определенные условия, превратившись в любящую личность с чистым сердцем и страдающей душой. Почему это должно быть именно так? Мы не знаем. Этот факт как раз принадлежит к числу тех, которые мы вынуждены принять как аксиому, даже если они кажутся нам совершенно неправдоподобными и невероятными, и независимо от того, нравятся они нам или нет. Наша повседневная жизнь не дает нам никаких оснований помнить о том, что вода состоит из водорода и кислорода; но природа этих составляющих элементов воды проявляется, когда мы подвергаем ее определенным и весьма суровым процедурам. Точно так же наша повседневная жизнь не дает нам веских причин для предположения, что разум обычного человека, будучи составным элементом столь существенной для многосложного мира Реальности, отчасти напоминает ее или тождественен ей. Но если мы подвергнем разум определенным и довольно суровым процедурам, то божественный элемент, представляющий собой по крайней мере одну из его частей, становится очевидным не только для самого данного разума, но, в силу проявления этого элемента во внешнем поведении индивидуума, и для других разумных существ. Только с помощью физических экспериментов мы можем дойти до внутренней природы материи и ее потенциальных возможностей. И только с помощью психологических и нравственных экспериментов мы можем дойти до внутренней природы разума и его потенциальных возможностей. В обычных жизненных обстоятельствах среднего человека потенциальные возможности разума никак не проявляются. Если мы хотим реализовать их, то должны выполнять определенные условия и подчиняться определенным правилам, обоснованность которых эмпирически доказана опытом человечества.

Что касается большинства профессиональных философов и писателей, то не существует никаких доказательств, что эти люди приложили достаточно усилий к овладению непосредственным знанием. Когда поэты и метафизики рассуждают на тему Вечной Философии, *они*, как правило, пользуются заимствованными мыслями. Но во все времена были мужчины и женщины, соглашавшиеся на условия, без выполнения которых (и это голый эмпирический факт) непосредственно знание остается недоступным. Эти немногие оставили описания той Реальности, которую они получили возможность познать; кроме того, они попытались создать единую систему мышления, в рамках которой они могли бы соотнести данное ощущение с другими своими ощущениями. Этих истинных истолкователей Вечной Философии, как правило, называли "святыми", "пророками", "мудрецами", или "просветленными". В своей книге я, в основном, привожу цитаты из произведений именно этих людей. И на то у меня есть веская причина, ибо я полагаю, что они знали, о чем говорили.

В Индии священные манускрипты делятся на два класса:

Шрути или "ниспосланные свыше писания", истинность которых не подлежит обсуждению, ибо они возникли из непосредственного проникновения в абсолютную Реальность; и Смрити, которые основаны на Шрути и, соответственно, тоже не вызывают никаких сомнений. Шанкара говорит: "Шрути основаны на непосредственном восприятии. Смрити аналогичны введению и их убедительность, как и убедительность любого введения, строится на убедительности основного произведения". Итак, данная книга является антологией, снабженной пояснительными комментариями и цитатами, взятыми из Шрути и Смрити разных времен и народов. К сожалению, внимательное

ознакомление с традиционно почитаемыми писаниями имеет свойство порождать если не высокомерие, то почти аналогичную некую набожную бесчувственность, оцепенение духа, неспособность понять смысл священных слов. Именно поэтому, занимаясь поисками иллюстративного материала к доктринам Вечной Философии в том их вице, в каком они были сформулированы на Западе, я почти всегда обращался не к Библии, а к другим источникам. Христианские Смрити, к которым я обратился, основаны на Шрути канонических книг. Но они выгодно отличаются тем, что менее изучены и, стало быть, если можно так выразиться, больше "бросаются в глаза". Более того, большинство этих Смрити являются произведениями по-настоящему святых мужчин и женщин, которые заслужили право непосредственно познать то, о чем они говорили. Следовательно, эти произведения могут считаться формой ниспосланных свыше и не требующих доказательств Шрути, то есть быть на порядок выше многих писаний, включенных в библейский канон.

За последние годы было предпринято немало попыток по созданию системы эмпирической теологии. Но, несмотря на тонкий и мощный интеллект таких авторов, как Сорли, Оман и Тен-нант, их усилия лишь отчасти увенчались успехом. Даже в устах своих наиболее способных проповедников эмпирическая теология звучит не очень убедительно. Мне кажется, что причина этого кроется в том факте, что теологи-эмпирики в большей или меньшей степени сосредоточили свое внимание на ощущениях людей, которых теологи старой школы называли "необращенными" — то есть тех, которые не очень-то старались выполнять условия, необходимые для овладения духовным знанием. Но два или три тысячелетия истории религии определенно говорят о том, что непосредственно и ясно познать абсолютную Реальность может только тот, кто любит, страдает душой и чист сердцем. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что теология, основанная на ощущениях вполне приличных, обычных, необращенных людей, выглядит совсем неубедительно. В этом смысле эмпирическую теологию вполне можно приравнять к эмпирической астрономии, основанной на ощущениях людей, наблюдающих за звездами невооруженным глазом. Невооруженный глаз может заметить в созвездии Ориона маленькую, тусклую полоску и на основании этого наблюдения, конечно же, может быть создана впечатляющая космологическая теория. Но никакие, даже самые хитроумные рассуждения никогда не дадут нам того представления о галактических и внегалактических туманностях, какое даст непосредственное знакомство с ними при помощи хорошего телескопа, камеры и спектроскопа. Соответственно, сколько не рассуждай о проблесках божественной Реальности среди обычного, необращенного бытия многосложного мира, ни за что не познаешь ее так, как непосредственно познает ее разум, пребывающий в состоянии беспристрастности, смирения и любви к ближнему. Естественные науки — эмпиричны; но они не ограничивают себя ощущениями человеческих существ, которые те испытывают в своем обычном состоянии. Одному Богу ведомо, почему теологи-эмпирики считают себя обязанными следовать исключительно этим ощущениям. И, конечно, до тех пор, пока они будут ограничивать эмпирические ощущения пределами обычного человеческого бытия, они обречены на постоянное сведение на нет всех их усилий. Из материала, избранного ими для изучения, даже самый блестящий ум сможет извлечь только набор возможностей или, в лучшем случае, конкретных вероятностей. Не требующая доказательств определенность непосредственного познания в силу самой природы вещей может быть достигнута только тем, кто обладает "астролябией божественных тайн". Если же индивидуум не является пророком или святым, то лучшее, что он сможет сделать в области метафизики, будет изучение трудов пророков и святых, — тех, которые изменили свой обычный образ человеческого бытия и получили возможность обрести знание, недоступное обычным человеческим существам.

Глава 1 ЭТО И ЕСТЬ ТЫ

Изучение Вечной Философии мы можем начать "снизу" — с практической деятельности и нравственности, "сверху" — с размышлений о метафизических истинах, или даже с "середины" — с той точки в психологии человека, в которой пересекаются пути разума и материи, действия и мысли.

Входить через "нижние врата" предпочитают учителя-практики, люди, которые подобно Гаутаме Будде не считают нужным предаваться размышлениям и, главным образом, стремятся к тому, чтобы погасить в сердце человека ужасный пожар жадности, негодования и слепых страстей. Через "верхние врата" входят люди, призванием которых являются размышления и рассуждения, — прирожденные философы и теологи. "Средние врата" открыты для проповедников того, что получило название "духовной религии", — набожных мыслителей Индии, мусульман-суфиев, католических мистиков позднего Средневековья, и таких представителей протестанства, как Денк, Франк, Кастеллио. Эверард, Джон Смит, Вильям Ло и первые квакеры.

Мы подойдем к теме данной книги именно через "центральные врата" потому, что они являются "центральными". Психология Вечной Философии произрастает из метафизики и совершенно логично принимает облик определенного образа жизни и системы этических ценностей. Если в качестве

стартовой точки разум изберет центральную точку данной доктрины, то ему будет легко двигаться в любом направлении.

В данной главе мы сосредоточим наше внимание только на одной отличительной черте этой традиционной психологии — наиболее важной, наиболее часто упоминаемой всеми проповедниками Вечной Философии и, добавим от себя, — наименее психологической. Ибо доктрина, которой посвящена данная глава, относится скорее не к психологии, а к "автологии" — науке, которая занимается не личным эго, а вечным "Я", притаившемся в глубинах конкретных, индивидуальных "я" и тождественного или, по крайней мере, родственного божественной Основе. Это учение, основанное на непосредственных ощущениях людей, вы полнивших необходимые условия для овладения такого рода знанием, — наиболее сжато выражено в санскритской формуле — *tat tvam asi* ("Это и есть ты"): Атман или имманентное вечное "Я" едино с Брахманом — абсолютным принципом всего бытия; и главная цель любого человеческого существа заключается в том, чтобы открыть, кем оно является на самом деле.

Чем больше Бога во всех вещах, тем больше Его вне их. Чем больше Его внутри, тем больше Его снаружи.

Экхарт

Только трансцендентальное, совершенно "иное" может быть имманентным и не меняться в результате превращения в то, в чем оно обитает. Вечная Философия учит, что желательно и даже необходимо знать духовную Основу вещей не только в пределах души, но и во внешнем мире, а также за пределами души и мира в трансцендентальном "ином" — "на небесах".

Хотя Бог вездесущ, в тебе он присутствует только в самой глубокой и самой центральной части твоей души. Естественные науки не могут подчинить себе Бога или соединить тебя с Ним; более того, присущие тебе понимание, воля и память могут только тянуться к Богу, но не могут быть местом Его обитания в тебе. Но в глубине тебя есть корень, из которого произрастают все эти твои способности, подобно линиям, расходящимся от центральной точки, или ветвям на стволе дерева. Этот корень называется центром, или дном души. Этот корень является единством, вечностью — я чуть было не сказал бесконечностью — твоей души: ибо она настолько бесконечна, что удовлетворить ее или дать ей покой может только бесконечность Бога.

Вильям Ло

На первый взгляд, эта цитата противоречит тому, что было сказано выше. Но это обманчивое противоречие. Бог внутри и Бог снаружи — это два абстрактных понятия, которые можно понять и выразить словами. Но факты, к которым относятся эти понятия, могут быть поняты! и восприняты только в "самой глубокой и самой центральной части души". И это правда, что Бога снаружи столько же, сколько Бога внутри. Но хотя два эти абстрактных понятия должны быть поняты (если использовать пространственную метафору) в одном и том же месте, изначальная природа понимания Бога внутри качественно отличается от изначальной природы понимания Бога снаружи. И каждая из них, в свою очередь, отличается от природы понимания Основы, как присутствующей одновременно внутри и снаружи, — как "Я" индивидуума и, в то же самое время, того (если использовать фразу из "Бхагавад Гиты"), "что пронизывает весь этот мир".

Когда Шветакету было двенадцать лет, его отправили к учителю, у которого он учился до двадцатичетырехлетнего возраста. Выучив Веды, он вернулся домой, переполненный тщеславной верой в глубину своих познаний и склонный все подвергать критике.

Его отец сказал ему:

— Шветакету, дитя мое! Ты, кто столь образован и склонен все подвергать критике, не попросил ли у учителя дать тебе знание, с помощью которого мы можем слышать неслышимое, постигать непостижимое и познавать непознаваемое?

— Что это за знание, отец? — спросил Шветакету. Его отец ответил:

— Познав комок глины, ты познаешь все, что сделано из глины. Здесь разница только в названии, ибо истина в том, что все является глиной. Итак, дитя мое, владеть этим знанием — значит знать все.

— Но мои достопочтенные учителя наверняка не владеют этим знанием; ибо, если бы они обладали им, они поделились бы со мной. Значит, отец, это знание должен дать мне ты.

— Да будет так, — сказал отец. И он попросил:

— Принеси мне плод граната.

— Вот он, отец.

— Разломи его.

— Сделано, отец.
— Что ты в нем видишь?
— Зерна, отец. очень маленькие зерна.
— Разломи одно из них.
— Сделано, отец.
— Что ты в нем видишь?
— Совсем ничего.

Отец сказал: "Сын мой, та тонкая субстанция, которую ты не можешь разглядеть, содержит в себе бытие огромного гранатового дерева. Все, что существует в этой субстанции, имеет свое "я". Это — Истина, Это — "Я", и это, Шветакету, и есть ты".

Сын сказал: "Отец, прошу тебя, говори дальше".

— Да будет так, дитя мое, — ответил отец и предложил, — Брось соль в воду и приходи ко мне завтра утром.

И сын сделал как ему было сказано.

На следующее утро отец сказал:

— Принеси мне соль, которую ты бросил в воду.

Сын начал искать соль, не смог найти ее, ибо она, конечно же, растворилась в воде.

Отец сказал:

— Попробуй воду, что плещется у кромки сосуда. Какая она?

— Соленая.

— Попробуй воду из середины сосуда. Какая она?

— Соленая.

— Попробуй воду со дна сосуда. Какая она?

— Соленая. Отец сказал:

— Выплесни воду и возвращайся ко мне. Сын так и поступил; но соль не исчезла, ибо соль существует вечно.

Тогда отец сказал:

— Точно так же и в своем собственном теле. сын мой, ты не замечаешь Истины. Но она все же там есть. Все, что существует в этой тонкой субстанции, имеет свое "я". Это — Истина, Это — "Я", и Это — и есть ты. (*Свободное изложение шестой части Чхандогья упанишады. *Прим.ред.*)

Из Чхандогья упанишады

Человек, желающий узнать, чем он является, может применить любой из трех способов. Он может начать с обращения внутрь самого себя, к своему конкретному "я". И в ходе процесса "отрешения от своего "я" добраться, наконец, до "Я" — Царства Божьего, находящегося внутри него. Или он может начать с тех "я", что существуют вне его, и попытается попытаться понять их изначальное единство с Богом, и, посредством Бога, Друг с другом и им самим. Наконец (и это несомненно лучший способ), он может попытаться приблизиться к абсолютному "Нечто" как изнутри, так и снаружи, чтобы получить возможность понять Бога, как принцип его собственного "я", и, в то же самое время, как принцип всех других "я", одушевленных и неодушевленных. Это полностью просветленное человеческое существо точно знает, что Бог "присутствует в самой глубокой и самой центральной части его души". Но в то же самое время оно является одним из тех, кто, по словам Плотина, видит все вещи не в процессе становления, а в Бытии, и себя видит в другом. Каждое существо представляет собой целый доступный для понимания мир. Стало быть. Целое — вездесуще. Каждый является Целым, а Целое является каждым. Человек, в его нынешнем состоянии, перестал быть Целым. Но когда он перестает быть индивидуумом, он вновь поднимается и пронизывает весь мир.

Источником философии является более или менее смутное интуитивное понимание единства, которое является основой и принципом всего разнообразия. Впрочем, это понимание является источником не только философии, но и естественных наук. По словам Мейерсона, вся наука является сведением разнообразия к тождеству. Угадывая присутствие Единого внутри и извне множества, мы понимаем изначальную правдоподобность любого объяснения разнообразия с помощью категорий единственного принципа.

Философия упанишад вновь возникает, развивается и обогащается в "Бхагавад Гите", и окончательно систематизируется в девятом веке нашей эры Шанкарой. Учение Шанкары (одновременно теоретическое и практическое, как и учения всех истинных проповедников Вечной Философии) в сжатом виде изложено в его поэме "Вивека-Чудамани" ("Алмаз Мудрости"). Все нижеприведенные цитаты взяты из этой короткой и не отягощенной научными терминами (что было очень мило со стороны автора) работы.

Атман есть то, что пронизывает вселенную, но само не пронизывается ничем. То, что заставляет сиять все вещи, но заставить сиять его самого не могут даже все вещи, вместе взятые...

Природа единой Реальности должна быть познана посредством чистого духовного восприятия самого индивидуума. Она не может быть познана научным путем. Форму луны индивидуум может познать только, благодаря своим собственным глазам. Разве может он ее познать с помощью глаз других индивидуумов?

Кто, кроме Атмана, способен разбить оковы невежества, страстей и корыстолюбивых действий?

Освобождения можно добиться только посредством осознания тождества индивидуального духа со всемирным Духом. Его нельзя добиться ни Йогой (физическими упражнениями), ни Санкхья (спекулятивной философией), ни религиозными церемониями, ни простой учебой...

Болезнь нельзя вылечить, произнося вслух название лекарства. Ее можно вылечить, только принимая лекарство. Освобождение достигается не повторением слова "Брахман", а непосредственным ощущением Брахмана...

Атман есть Признак индивидуального разума и его деяний. Атман есть высшее знание...

Мудрец — это тот, кто понимает, что сутью Брахмана и Атмана является Чистое Сознание, и осознает их абсолютное тождество. Тождественность Брахмана и Атмана подтверждается в сотнях священных текстов...

В Брахмане нет каст, убеждений, семьи и происхождения. В Брахмане нет названий и форм, он выше добродетелей и пороков, он находится за пределами времени, пространства и чувственного восприятия. Это и есть Брахман и "Это и есть ты". Сосредоточь свое сознание на размышлениях об этой истине.

Брахман есть Высшее, которое нельзя выразить словами, но можно познать в результате чистого, абсолютного просветления. Чистая, абсолютная и вечная реальность — это и есть Брахман, и "Это и есть ты". Сосредоточь свое сознание на размышлениях об этой истине...

Брахман — один, но он является причиной множества. Другой причины нет. И все же Брахман независим от закона причинности. Это и есть Брахман и "Это и есть ты". Сосредоточь свое сознание на размышлениях об этой истине...

Истина о Брахмане может быть понята разумом. Но даже в тех, кто понимает эту истину, глубоко укоренилась могучая страсть к личной обособленности, ибо страсть эта существует испокон веков. Она порождает следующее представление:

"Я — действующее лицо. Я — тот, кто ощущает". Это представление порождает привязанность к условному существованию, к рождению и смерти. Эти оковы можно стряхнуть только отчаянным стремлением постоянно жить в единении с Брахманом. Отказ от этого представления и жажды личной обособленности мудрецы называют Освобождением.

Это невежество заставляет нас отождествлять себя с телом, с эго, с чувствами. — с чем угодно, но только не с Атманом. Мудрец — это тот, в ком преклонение перед Атманом побеждает невежество...

Если человек следует путем мира, или путем плоти, или путем традиции (то есть, если он верит в религиозные ритуалы и священные письмена, будто святость присуща им изначально), то он не сможет познать Реальность.

Мудрецы говорят, что этот тройной путь подобен кандалам на ногах того, кто стремится вырваться из темницы нашего мира. Только сбросивший кандалы достигнет Освобождения.

Шанкара

В даосских формулировках Вечной Философии, так же, как и в упанишадах. Гите и трактатах Шанкары, постоянно присутствует мысль об универсальной имманентности трансцендентальной духовной основы всего бытия. Ниже приводится фрагмент одного из величайших классических произведений даосской литературы — "Чжуан-цзы", большая часть которой была написана примерно на рубеже четвертого и третьего веков до нашей эры.

Не спрашивай, где находится Принцип; он присутствует во всех существах. Именно поэтому мы называем его высшим, всемирным, абсолютным... Это он установил пределы существования всех вещей, но сам Он беспределен и бесконечен. Что касается проявления, то Принцип создает последовательность его фаз, но сам этой последовательностью не является. Он — создатель причины и следствия, но сам Он не является ни причиной, ни следствием. Он — создатель возникновения и распада (рождения и смерти, смены состояний), но сам Он не является ни возникновением, ни распадом. Все происходит из Него, и все находится под Его влиянием. Он присутствует во всех вещах, но Он не тождественен им, ибо Он един и беспределен.

Чжуан-цзы

От даосизма мы переходим к буддизму махаяны. На Дальнем Востоке эти два учения объединились, обменялись лучшим, что в них было и, в конце концов, создали учение, которое стало известно под

названием дзэн-буддизма. Ланкаватара Сутра, из которой взята нижеследующая цитата, была священной книгой, которую основатель дзэн-буддизма настоятельно рекомендовал своим первым ученикам.

Те, кто не понимая истины предаются тщетным рассуждениям, заблудились в джунглях Вишнаны (различные формы относительного знания) и бегают взад-вперед, пытаясь обосновать свою точку зрения на эго-субстанцию. В твоём самом глубинном сознании "я" предстаёт в своём чистом виде; оно — это Татхагата-гарбха (буквально, "матка Будды"), царство, в которое закрыт доступ тем, кто до всего пытается дойти одним только умом... Чистый в силу самой своей природы и свободный от категорий конечности и бесконечности, — Всемирный Разум является неоскверненной маткой Будды, о которой у разумных существ сложилось неверное представление.

Ланкаватара Сутра

Одна Природа, совершенная и проникающая, циркулирует во всех природах.

Одна всеобъемлющая Реальность содержит в себе все реальности.

Одна Луна отражается на поверхности всех водоемов,

Дхарма-тело (Абсолют.) всех Будд проникает в мое существо.

И мое бытие едино с их бытием...

Внутренний Свет не ведаёт ни восхвалений, ни осуждений, подобно космосу, не знающему границ;

И, даже находясь внутри нас, он вечно сохраняет своё спокойствие и полноту.

И только, когда ты начинаешь гоняться за ним, ты теряешь его.

Ты не можешь поймать его. но точно так же ты не можешь избавиться от него.

И если ты ничего не можешь с ним поделать, то он следует своим собственным путем.

Ты молчишь, а он говорит; ты говоришь, а он глух и нем;

Великие врата любви к ближнему распахнуты

настежь и на пути к ним нет никаких препятствий.

Я не специалист по буддизму и индуизму, да и страницы этой книги — неподходящее место для дискуссий о различиях между двумя этими учениями. Вполне можно будет ограничиться указанием: когда Будда говорил о том, что человеческие существа по самой своей природе являются "не-Атманами", он явно имел в виду личное "я", а не всемирное "Я". Несогласные с идеей Брахмана, оставившие свои заметки в некоторых из священных книг Пали, даже не упоминают о ведической доктрине тождественности Атмана и Божества и нетождественности это и Атма-на. Они утверждают то, что отрицает Гаутама, — материальность природы и вечное существование индивидуальной души. "Неразумный человек считает, что музыка живет в корпусе флейты, а душа в "скандхасе" (сплав материального и психического, из которого состоит индивидуальное разумное тело)". Будда отказывается говорить о существовании Атмана, который является Брахманом, так же, как он не высказывается по большинству других вопросов метафизики на том основании, что подобные дискуссии не способствуют умственному или духовному развитию членов основанного им монашеского ордена. Но несмотря на то, что метафизическое мышление по-своему опасно и может стать всепоглощающим, оно неизбежно и, в сущности, необходимо. Эту великолепную и впечатляющую систему космологической, этической и психологической мысли основали еще поклонники Хинаяны, а позднее развили поклонники Махаяны, соотнеся ее с постулатами своей религии. Эта система была построена на принципах чистого идеализма и откровенно отбрасывала идею Бога. Но нравственные и духовные ощущения были слишком сильны для философской теории. И, вдохновленные непосредственным ощущением, авторы сутр Махаяны обнаружили, что изо всех сил стараются объяснить, почему Татхагата и Бодхисаттва демонстрируют бесконечную любовь к существам, которых на самом деле не существует. В то же самое время они расширили пределы субъективного идеализма, чтобы в нем нашлось место для Всемирного Разума. Они обосновали идею отсутствия души доктриной, гласящей, что очистившийся индивидуальный разум может отождествить себя со Всемирным Разумом и маткой Будды. И хотя они продолжали утверждать отсутствие Бога, они уверяли, что этот постижимый Всемирный Разум является внутренним сознанием вечного Будды, а разум Будды связан с "великим сострадающим сердцем", которое жаждет освобождения всех разумных существ и дарит божественную благодать всем, кто понастоящему пытается достичь главной цели человечества. Иначе говоря, несмотря на свой злоедающий язык, лучшие из сутр Махаяны содержат подлинные формулы Вечной Философии — формулы в некотором отношении (мы увидим это в главе "Бог в мире") более совершенные, чем любые другие.

В Индии, равно как и в Персии, мысль Мухаммеда была обогащена доктриной, утверждавшей, что Бог имманентен и трансцендентален, а к магометанским обрядам добавились нравственные дисциплины и "духовные упражнения", посредством которых душа подготавливалась к созерцанию

или объединяющему познанию Божества. Знаменательным историческим фактом является возведение поэта Кабира в ранг святого как мусульманами, так и индуистами. Люди, стремящиеся к достижению вечной цели, всегда исповедуют миролюбивую политику; репрессии и войны устраивает именно тот, кто молится на прошлое и будущее, и живет реакционными воспоминаниями и утопическими мечтаниями.

Во всех вещах следуй за Первопричиной, ибо следствие уведет тебя в сторону.

Кабир

То, что такое понимание природы вещей и происхождения добра и зла не является привилегией одного этого святого, доказывает сама структура нашего языка. Ибо язык, как давным-давно заметил Ричард Тренч, зачастую "мудрее не только говорящих на нем простолюдинов, но и говорящих на нем мудрейших мудрецов". Иногда он сохраняет истины, которые когда-то были хорошо известны, а потом забыты. В другом случае, язык содержит в себе зерна истины, которые невозможно разглядеть ясно и четко, но которые на какое-то мгновение являлись взору гениев в счастливый момент ясновидения. Например, по словам Дорчестера, знаменательным является тот факт, что в индоевропейских языках корневое слово "два" означает также и некую порочность. Греческая приставка "де" (дегенерация) и латинская приставка "дис" (дискомфорт) происходят от корневого слова *duo* (два). Родственная им приставка "би" придает уничижительный смысл некоторым современным французским словам, типа *bevue* (грубая ошибка, дословно — "двоение"). Следы "уводящего в сторону следствия" (то есть чего-то, что может быть под номером "два") можно заметить в таких английских словах, как *dubious* (сомнительный), *doubt* (сомнение), и в таком немецком слове, как *Zweifel* (двоедушный). В одном из произведений Баньяна есть персонаж с фамилией Работавший-на-два-фронта, а в современном американском сленге есть слово *two-timer* (неверный муж или неверная жена, дословно "человек, ведущий двойную игру"). Не осознавая своей мудрости, язык подтверждает изыскания мистиков и провозглашает изначальную порочность деления. Кстати, в самом этом слове "деление" (по-английски — *division*) наш старый враг "два" (*duo*) вновь многозначительно выходит из-за кулис.

Здесь можно заметить, что культ "политического единства" является всего лишь эрзацем подлинного (религиозного) единства на личностном и духовном уровнях. Тоталитарные режимы оправдывают свое существование с помощью философии "политического монизма", в соответствии с которой государство есть Бог на земле, единение под пятой божественного государства есть спасение, а все средства (даже изначальны порочные) достижения такого единства являются правильными и должны применяться без всяких угрызений совести. Такой "политический монизм" на практике приводит к всевластию обладающей огромными привилегиями небольшой кучки людей, к угнетению большинства, к внутренним раздорам и международным вооруженным конфликтам. Но всевластие и огромные привилегии являются постоянными возбудителями гордыни, жадности, тщеславия и жестокости; угнетение порождает страх и зависть; война питает ненависть, страдания и отчаяние. Все эти отрицательные эмоции оказывают губительное, воздействие на духовную жизнь. Только тот, кто чист сердцем и страдает душой, может прийти к интуитивному познанию Бога. Поэтому попытка навязать обществу единство еще большее, чем то, к которому готовы его члены. — практически лишает этих индивидуумов психологической возможности постигнуть свое единство с божественной основой и друг с другом.

Христиан и суфиев, к текстам которых мы сейчас возвращаемся, интересовали, в основном, человеческий разум и его божественная суть.

Мое "Я" есть Бог, и я не признаю другого "Я", кроме Бога.

Святая Екатерина Женмская

В тех случаях, когда душа не похожа на Бога, она не похожа на самое себя.

Святой Бернар

Я шел от Бога к Богу до тех пор, пока из внутреннего "я" моего "я" не раздался их возглас: "Ты — это Я!"

Байазид ал-Бхстамч

Две из сохранившихся в летописях притчи об этом святом суфии достойны упоминания на страницах этой книги. Когда Байазид спросили, сколько ему лет, он ответил: "Четыре года". Люди сказали: "Как такое может быть?" Он ответил: "Мир загораживал от меня Бога в течение семидесяти лет, но в течение последних четырех лет я видел Его. Годы, на протяжении которых человек не видит

Бога, не могут считаться годами его жизни. В другой раз кто-то постучал в дверь жилища Байазид и крикнул: "Байазид здесь есть?" Байазид ответил: "Кто здесь может быть, кроме Бога?"

Чтобы измерить душу, мы должны измерить ее относительно Бога, ибо Основа Бога и Основа Души есть одно и то же.

Экхарт

Хотя душа погружает в божественное единство все, что может погружаться, ей ни за что не достать до дна. По самой своей сути душа бессильна измерить глубину своего создателя. И никто уже больше не может говорить о душе, ибо она утратила свою природу там; в единой божественной сути. Ее надо называть не душой, а неизмеримым бытием.

Экхарт

Знающий и знание — едины. Простые люди воображают, что они могут увидеть Бога со стороны. Это не так. Бог и я, мы едины в знании.

Экхарт

"Я живу, и все же это не я живу, а Христос живет во мне". А может быть более правильно будет использовать переходной глагол и сказать: "Я живу, и все же это не я живу, это Логос проживает меня" — подобно тому, как актер проживает свою роль. В таком случае, актер, разумеется, всегда неизмеримо выше своей роли. Шекспировские образы не встречаются в реальной жизни. В лучшем случае, в ней есть место для персонажей Эд-дисона, но гораздо чаще в ней попадают меся Перришоны и тетюшки Чарли, ошибочно считающие себя Юлиями Цезарями и принцами Датскими. Но божественный драматург милостив, и в силах любого персонажа придать своим примитивным глупым репликам сверхъестественный смысл.

О, мой Бог, как же так получается в этом бедном старом мире! Ты так велик, но Тебя никто не замечает; Твой голос так громок, но его никто не слышит: Ты так близок, но Тебя никто не чувствует; Ты отдаешь себя всем и каждому, но никто не знает Твоего имени. Люди бегут от Тебя и при этом говорят, что не могут найти Тебя; они поворачиваются к Тебе спиной и при этом говорят, что не могут увидеть тебя: они затыкают свои уши и при этом говорят, что не могут услышать тебя.

Ганс Денк

Между католическими мистиками четырнадцатого-пятнадцатого веков и квакерами семнадцатого века зияет огромная временная пропасть, образовавшаяся в результате ужасных религиозных войн и преследований. Но нашлись люди, которые перебросили мостик через эту пропасть, — люди, которых Руфус Джонс (его труд является единственной написанной на английском языке книгой, посвященной их жизни и учениям) назвал "Духовными Реформаторами". Денк, Франк, Каstellio, Вей-гедь, Эверард, платонисты Кембриджа, — один апостол приходил на смену другому, невзирая на казни и всеобщее безумие. Истины, содержащиеся в "*Theologia Germanica*" (Лютер громогласно заявлял о своей любви к этой книге, но, судя по его жизни, почерпнул из нее на удивление мало), вновь и вновь звучали в устах англичан во время Гражданской Войны и диктатуры Кромвеля. Мистическая традиция, сохраненная протестантскими Духовными Реформаторами, распространилась в ее изначальном виде в религиозной атмосфере того времени, когда Джорджа Фокса посетило первое великое "просветление" и ощущение непосредственного знания.

Каждый Человек был освещен Божественным Светом Христа, и я видел, что свет этот сияет повсюду; и те, кто поверили в него, избавились от Проклятия и пришли к Свету Жизни и стали Детьми его; а те, кто возненавидели его и не поверили в него, были прокляты им, хоть они и заявляли громогласно о своей любви к Христу. Я познал эти истины, когда мне открылся чистый Свет. Я узнал их не со слов других людей. Прежде, читая священные писания, я не замечал в них этих истин, но прочитав священные писания теперь, я обнаружил их.

Из "Дневника Фокса"

Доктрина Внутреннего Света была более четко сформулирована в писаниях второго поколения квакеров. Вильям Пенн писал: "Есть нечто более близкое нам, чем священные писания, а именно — Слово в сердце, из которого и вышли все священные писания". Чуть позднее Роберт Барклей попытался объяснить непосредственное ощущение категориями августинской теологии, которую, конечно, пришлось расширить и смягчить, чтобы она смогла соответствовать фактам. В своих знаменитых тезисах он утверждал, что человек есть падшее существо, неспособное на добро, если

только он не воссоединился с Божественным Светом. Этот Божественный Свет есть Христос внутри человеческой души, и он также всемирно, как и семена греха. Внутренний Свет присутствует во всех людях, как христианам, так и язычникам, хотя они могут ничего не знать о внешней истории жизни Христа. Отпущение грехов даруется тем, кто не сопротивляется Внутреннему Свету и, тем самым, позволяет новой святости родиться внутри себя.

Доброте не нужно проникать в душу, ибо она уже находится там; просто ее не замечают.

Theologia Germanica

Когда мы рассматриваем Десять Тысяч вещей в их единстве, мы возвращаемся к Первопричине и остаемся там, где мы всегда и были.

Се Шэнь

Из-за того, что мы не знаем, кто мы есть, из-за того, что мы не осознаем, что Царство Небесное находится внутри нас, — мы ведем себя "по-человечески", — как правило, глупо, зачастую безумно, а иногда и преступно. Чтобы добиться спасения, освобождения и просветления, мы должны обратиться к дотоле не замеченному нами добру, которое уже находится внутри нас, мы должны вернуться к нашей вечной Основе и остаться там, где мы, не зная этого, всегда и находились. В своем труде "Республика" Платон говорит о том же самом: "Вечного божественного элемента больше всего содержится в добродетели мудрости". А в "Феэтете" он утверждает (это утверждение так часто высказывали поклонники духовной религии), что мы сможем познать Бога только в том случае, если станем Богоподобными. А стать Богоподобным означает отождествить себя с божественным элементом, который, по сути, составляет нашу изначальную природу, но существование которого мы, из-за нашего, в основном, добровольного невежества, отказываемся признавать.

На пути истины находятся те, кто познал Бога посредством божественного, познал Свет посредством света.

Филон

Филон был проповедником эллинистической Религии Тайн, которая сложилась, как доказал профессор Гудинаф, в иудейской диаспоре в период между 200-м годом до нашей эры и 100-м годом нашей эры. Комментируя Пятикнижие в категориях метафизической системы, порожденной платонизмом, неопифагорейством и стоицизмом, Филон трансформировал полностью трансцендентального и почти человекоподобного личностного Бога Ветхого Завета в имманентный, превосходящий всякое бытие, Абсолютный Разум Вечной Философии. Но даже из уст фарисеев и со страниц классических священных писаний того бурного столетия, которое, наряду с распространением доктрин Филона, видело зарождение христианства, разрушение Иерусалимского Храма и даже гибель стражей Закона, — до нас доносятся знаменательные мистические высказывания. Есть сведения, что Гиллель, великий раввин, чье учение о смирении, любви к Богу и человеку читается, как ранний, более грубый вариант некоторых глав Евангелия, произнес перед собравшейся во дворе Храма толпой следующие слова: "Если я нахожусь здесь (это Иегова говорит устами своего пророка), значит, все находится здесь. Если я не нахожусь здесь, значит — здесь никого нет".

Любимый есть все во всем: любящий только заслоняет Его; Любимый есть все живое, а любящий есть мертвая вещь.

Джалаладдин Руми

Я однажды сказал, что есть сила в духе, и она одна свободна. Порой я говорил, что есть в душе крепость: иногда — что это свет, и иногда еще называл я это искоркой, теперь говорю я, что это не "то" и не "это", и вообще не "что-либо". Это так же далеко от "того" и "этого", как небо от земли, поэтому я определяю это еще более благородным образом, чем раньше... Оно свободно от всех имен и ликов, свободно и сейчас я говорю, что этот принцип находится над всем этим, чисто, как свободен и чист один Бог. И чисто в самом себе. Оно цельно и замкнуто в себе самом, как целен и замкнут в Себе Самом один лишь Бог. Так что выявить этого никоим образом нельзя.

Экхарт

Примитивный вариант некоторых доктрин Вечной Философии можно обнаружить в системах мышления нецивилизованных и так называемых "примитивных" народов. Маори, например, считают, что каждое человеческое существо состоит из четырех элементов — божественного вечного принципа, который они называют "тойора"; эго, которое исчезает со смертью человека; тени-привидения или

души, которая остается и после смерти; и, наконец, тела. У индейцев племени оглала вечный божественный элемент называется "сикан", и они считают его тождественным "тону" — божественной сути мира. Другими элементами "я" являются "наги" — личность и "нийя" — живая душа. После смерти существа "сикан" воссоединяется с божественной основой всех вещей, "наги" продолжает жить в потустороннем мире психических феноменов, а "нийя" растворяется в материальной вселенной.

Что же касается всех, доживших до двадцатого века "примитивных" обществ, мы не можем исключить вероятность воздействия на них какой-либо высшей цивилизации, у которой они могли позаимствовать эти доктрины. Следовательно, мы не имеем права основывать наши представления о прошлом на данных сегодняшнего дня. Если многие современные дикари владеют эзотерической монотеистической философией, родственной монотеистической доктрине "Это и есть ты", — это еще не дает основания утверждать, что люди времен неолита и палеолита придерживались подобных взглядов.

Более правомерными и правдоподобными являются представления, которые можно составить на основе наших знаний о наших собственных физиологии и психологии. Мы знаем, что разумные человеческие существа способны на все — от несусветной глупости до квантовой теории, от *Mein Kampf* садизма до святости Филиппа Нери, от метафизики до кроссвордов, от политики силы до *Missa Solemnis*. Мы также знаем, что человеческий разум связан с человеческим мозгом, и у нас есть все основания для предположения, что на протяжении многих тысяч лет ни размеры, ни структура человеческого мозга не претерпели никаких значительных изменений. Следовательно, мы имеем право предположить, что в далеком прошлом человеческий разум был способен на такие же разнообразные и многочисленные виды деятельности, как и сегодня.

Однако не вызывает сомнения то, что многие виды деятельности, которыми некоторые разумные существа занимаются в настоящее время, в далеком прошлом были неведомы никаким разумным существам. На то есть несколько вполне понятных причин. Определенные мысли практически не могут прийти в голову человеку, если только они не помещены в рамки определенной системы классификации, и если этот человек не владеет соответствующим языком. Если человек не обладает подобными "инструментами", он не может выразить и даже "родить" соответствующие мысли. И это еще не все: для того, чтобы создать определенный образ мышления требуется стимул, а он имеется далеко не всегда. Если мы обратимся к истории и даже к доисторическим временам, то увидим, что на протяжении многих веков мужчины и женщины совершенно не желали обращать внимания на проблемы, столь заинтересовавшие их потомков, хотя, безусловно, были способны на это. Например, нет никаких оснований для предположения, что в тринадцатом-двенадцатом веке человеческий разум претерпел какие-то эволюционные изменения, сравнимые, скажем, с изменениями в физической структуре лошадиного копыта, произошедшие в течение несравненно более долгого периода геологического времени. Просто люди переключили свое внимание с одних определенных аспектов реальности на другие определенные аспекты. Одним из результатов этой перемены было развитие естественных наук. Наше восприятие и наше понимание, в основном, диктуются нашей волей. Мы видим только то, что, по той или иной причине, хотим видеть, и думаем только о том, что, по той или иной причине, хотим познать. Там где есть воля, там всегда есть и мышление. Человеческий разум обладает почти безграничными возможностями. Чем бы мы ни занимались, — овладением знанием, соединяющим нас с Богом, или производством самоходных огнеметов, — добиться успеха можно при условии, что наша воля к достижению поставленной цели будет достаточно сильной. Нет никакого сомнения, что многие вещи, которым современные люди уделяют большое внимание, полностью игнорировались их предками. Следовательно, не развивалось и само ясное и плодотворное мышление об этих вещах. Причем речь идет не только о доисторических временах, но и о начале современной эры.

Отсутствие соответствующего словарного запаса и адекватной системы классификации, а также отсутствие какого бы то ни было сильного и постоянного желания создать эти необходимые "инструменты" мышления — вот две основные причины, по которым множество из почти бесконечного количества способностей человеческого разума в течение долгого времени оставалось незадействованным. Еще одна и, по-своему, не менее значительная причина заключается в следующем: наиболее оригинальные и плодотворные мысли возникают у людей, отличающихся плохим здоровьем и абсолютно непрактичным складом ума. В силу этого, а также в силу того, что ценность чистой мысли, аналитической или, интуитивной, в большей или меньшей степени признана во всем мире, — кажное цивилизованное общество предоставляло и предоставляет мыслителям определенную защиту от проблем и стрессов общественной жизни. Скит, монастырь, колледж, академия и исследовательская лаборатория; подаяние, подарок, покровительство и часть денег налогоплательщиков. — таковы основные методы сохранения "редких птиц": теологов, философов, людей искусства и ученых. Во многих примитивных обществах условия жизни очень тяжелы и лишнего богатства не существует. Прирожденный мыслитель должен совершенно самостоятельно бороться за выживание и положение в обществе. В результате, в большинстве случаев, он либо умирает- молодым, либо настолько поглощен

борьбой за выживание, что не может уделять внимание чему-нибудь еще. В такой ситуации превалирует философия свирепых, экстравертных людей действия.

Все это проливает определенный свет, правда тусклый и порожденный исключительно логикой, на проблему вечности Вечной Философии. В Индии священные писания считались не откровениями, прозвучавшими в определенные моменты истории, а вечными "евангелиями", существующими изначально и бесконечно, а следовательно, на протяжении всей истории человечества, равно как истории любых других плотских или бесплотных разумных существ. Сходную точку зрения высказывал и Аристотель, считавший фундаментальные религиозные истины вечными и неистребимыми. Прогресс и регресс сменяют друг друга (в буквальном смысле: двигаются по кругу); но великая истина о Боге, как о Первотворце вселенной, получившей часть Его божественности, никогда не подвергалась сомнению. Что мы можем сказать об этих традиционных доктринах в свете того, что мы знаем о доисторическом человеке (а наши знания о нем основаны на нескольких заостренных камнях, наскальных рисунках и примитивных скульптурах), и в свете того, что мы уверенно черпаем из других, более основательно документированных областей знания? С моей точки зрения, они могут быть истинными. Из летописей мы знаем, что на протяжении всей истории регулярно и довольно часто появлялось довольно большое количество прирожденный мыслителей. Стало быть, у нас есть все основания предположить, что с такой же регулярностью они появлялись и тогда, когда летописей еще никто не вел. Разумеется, многие из этих людей умерли молодыми или не получили возможности проявить свой талант. Но некоторые из них должны были выжить. В этом контексте знаменательным является тот факт, что у многих из современных примитивных народов прослеживаются два образа мышления — общедоступное мышление большинства, настроенного далеко не философски и мышление (зачастую монотеистическое, основанное на убеждении, что Бог есть не только сила, но также добро и мудрость), доступное только посвященному меньшинству. Нет никаких оснований для предположения, что доисторические люди жили в более тяжелых условиях, чем многие современные дикари. Но если естественный для прирожденного мыслителя эзотерический монотеизм возможен во многих современных примитивных сообществах, большинство членов которых являются приверженками естественной для людей действия политеистической философии, то схожая эзотерическая доктрина вполне могла иметь место в доисторических сообществах. Да, современные эзотерические доктрины могли быть порождены цивилизациями с более высоким уровнем развития. Но даже и в этом случае знаменательным остается то, что некоторые члены примитивных сообществ восприняли эти доктрины и посчитали их настолько ценными, что приложили все усилия для их сохранения. Мы знаем, что многие мысли могли прийти в голову только тем людям, которые владели соответствующими словарным запасом и системой классификации. Но фундаментальные идеи Вечной Философии могут быть изложены и с помощью очень маленького словарного запаса, а испытать непосредственные ощущения, с которыми связаны эти идеи, можно, не обладая вообще никаким словарным запасом. Станные откровения и богоявления считаются нормальным и, если речь идет о маленьких детях, на которых подобные ощущения оказывают глубокое и постоянное воздействие. Нет никаких оснований для предположения, что события, происходящие в наше время с людьми, обладающими очень маленьким словарным запасом, не могли происходить и в глубокой древности. В современном мире (как указывали Возн, Трахерн, Вордсворт и другие) ребенок, по мере вырастания, удаляется от непосредственного осознания существования единой основы всех вещей; ибо привычка к аналитическому мышлению губительна для интуитивного мышления, будь то на психическом или духовном уровне. Психическая заикленность может быть и зачастую является основным препятствием на пути к подлинной духовности. В настоящее время (и, скорее всего, так было и в далеком прошлом) многие очень талантливые индивидуумы заиклились на психическом мышлении. Но некоторые из них сумели выйти за рамки психического мышления и добраться до подлинно духовного ощущения — точно так же, как даже в современных индустриальных сообществах некоторые индивидуумы преодолели превалирующую заикленность на материальных благах и превалирующую привычку к аналитическому мышлению, выйдя на непосредственное ощущение духовной Основы всех вещей.

Таковы вкратце основания для предположения, что исторические традиции восточного и нашего прошлого могут быть истинными. Интересно, что по крайней мере один современный авторитетный этнолог согласен с Аристотелем и Ведами. Доктор Поль Роден в своей работе "Примитивный человек как философ" пишет: "Классическая этнология была ничем иным, как шумной и совершенно не критичной попыткой подогнать теорию Дарвина эволюции к фактам общественной жизни". И продолжает: "В этнологии не будет никакого прогресса до тех пор, пока ученые раз и навсегда не избавятся от странного представления, что все имеет свою историю; прогресса не будет до тех пор, пока они не поймут, что определенные идеи и концепции так же абсолютны для человека, как общественного существа, как специфические физиологические реакции абсолютны для него, как существа биологического". По мнению доктора Родена, к этим абсолютным концепциям относятся и

монотеизм. Зачастую такой монотеизм является всего лишь признанием того, что миром правит единая неведомая и непостижимая сила. Но иногда эта Сила может быть по-настоящему нравственной и духовной.

В девятнадцатом веке даже самые проницательные мыслители стали жертвами повального, маниакального увлечения историей и утопическими пророчествами, забыв о вневременных фактах вечности. Так Т.Х.Грин писал о мистическом единении, как об эволюционном процессе, а не как о состоянии, которое человек, будучи человеком, всегда имеет возможность реализовать (чему имеется немало доказательств). "Животный организм, который имеет историю во времени, постепенно становится оболочкой вечно совершенного сознания, которое само по себе не может иметь истории, кроме истории процесса, в ходе которого животный организм становится его оболочкой". Но на самом деле, подлинное историческое развитие можно отнести только на счет второстепенного знания. За короткое время невозможно накопить достаточное количество навыков и информации, и потому знание материального мира будет несовершенным. Но непосредственное восприятие "вечно совершенного сознания", которое является основой материального мира, представляет собой эту возможность, время от времени реализуемую некоторыми человеческими существами на практически любой стадии развития их собственной личности, начиная с раннего детства и заканчивая глубокой старостью, в любой период истории расы.

Глава 2 ПРИРОДА ОСНОВЫ

Исходным пунктом нашего повествования стала психологическая доктрина "Это и есть ты". Теперь самым естественным образом встает метафизический вопрос: Что такое "Это", свою тождественность которому может обнаружить "ты"?

На этот вопрос полностью разработанное учение Вечной Философии во все времена и во всех уголках земли давало один и тот же ответ. Божественной основой всего бытия является духовный Абсолют, невыразимый в категориях мечущегося мышления. Но человеческое существо, при определенных условиях, может непосредственно ощутить и осознать этот Абсолют. В мистической фразеологии индуистов и христиан этот Абсолют называется Богом-без-формы. Высшей целью человека, главнейшим смыслом человеческого существования является обретение человеком знания, соединяющего его с божественной Основой, — знания, обрести которое могут лишь те, кто готов "умертвить свое "я" и тем самым освободить место для Бога в его чистом виде. Только очень немногие представители любого поколения мужчин и женщин достигли высшей цели человеческого существования; но возможность обрести подобное знание в том или ином виде будет постоянно существовать до тех пор, пока все разумные существа не поймут кем на самом деле они являются.

Абсолютная Основа всего бытия имеет и личностный аспект. Энергией Брахмана является Ишвара, а Ишвара проявляется в индуистской Троице и далее, по нисходящей, в других богах или ангелах индуистского пантеона. Точно так же и христианские мистики считали, что невыразимое, не поддающееся определению Божество проявляется в Троице, в которой можно обнаружить такие человеческие качества, как доброта, мудрость, милосердие и любовь. Просто в Троице эти качества присутствуют в превосходной степени.

Наконец, существует воплощение Бога в человеческом существе, обладающем теми же качествами, что и личностный Бог, но неизбежно проявляющем их в ограниченной степени, из-за находящегося в оболочке материального тела, родившегося в мире в определенный момент времени. Христиане считали и продолжают считать, что может быть только одно воплощение бога; индуисты считали и считают, что таких воплощений может быть много. Как христианские, так и восточные мыслители, следовавшие тропой веры, непосредственно восприняли воплощение, как постоянно возобновляющееся ощущение. Бог-Отец вновь и вновь зачинает Христа в человеческой душе, а игра Кришны представляет собой псевдоисторический символ вечной психологической и метафизической истины: по отношению к Богу человеческая душа пассивна и женственна.

Буддизм Махаяны выдвигает те же самые метафизические истины в форме "Трех Тел" Будды — абсолютного Дхармакая, известного так же, как первичный Будда, или Разум, или Чистый Свет Пустоты; Самбхогакая, соответствующего Ишваре или личностному Богу иудеев, христиан и мусульман; и, наконец, Нирманакая, материального тела, в котором Логос воплощается на земле, как живой, исторический Будда.

Суфии считали "ал-Хакк" — Истинного — божественным первичным хаосом и основой личностного Аллаха, а Пророка они считали исторической личностью и рассматривали его как воплощение Логоса.

Некоторое представление о неистощимом богатстве божественной природы можно получить, анализируя, слово за словом, обращение, с которого начинается молитва "Отче Наш": "Отче Наш, иже еси на небеси". Бог — наш. в том самом смысле, в каком нашими являются наше сознание и наша

жизнь. Но будучи имманентно нашим. Бог также является и трансцендентальным Отцом, который любит свои создания, и они в ответ обязаны любить его и хранить ему верность. "Отче Наш, иже еси". Когда мы воспринимаем эту фразу в отрыве от остального текста молитвы, мы понимаем, что имманентно-трансцендентальный Бог является также и имманентно-трансцендентальным Единым — сутью и принципом всего бытия. И, наконец. Бог пребывает "на небеси", то есть, божественная природа совершенно не похожа на природу созданий, в которых Бог имманентен. Вот почему мы сможем обрести знание, объединяющее нас с Богом, только тогда, когда мы, в определенном смысле, станем Богоподобными, когда мы уничтожим наше личное царство и дадим возможность прийти Царству Божьему.

Можно созерцать любые аспекты Бога и поклоняться им. Но тот, кто поклоняется только одному его аспекту в ущерб всем остальным, подвергает себя серьезной духовной опасности. Стало быть, если мы заикливаемся на представлении, что Бог является личностным, трансцендентальным, всемогущим повелителем мира, мы рискуем запутаться в религии, требующей неукоснительного соблюдения правил, отправления обрядов и принесения искупительных жертв (иногда чрезвычайно ужасных). Это неизбежно. Ибо, если Бог является недоступным правителем, отдающим таинственные приказы, то именно религия такого рода наиболее уместна в данной космической ситуации. Самое лучшее, что можно сказать о неукоснительном выполнении правил и обрядов, это то, что оно воспитывает дисциплинированность. Однако, оно имеет мало общего с изменением характера и ничего общего с изменением сознания.

Гораздо лучше, когда всемогущий, личностный Бог рассматривается также, как любящий Отец. Истинное поклонение такому Богу меняет и характер, и стиль жизни, и может, отчасти, изменить и сознание. Но полная трансформация сознания ("просветление", "освобождение", "спасение") происходит только тогда, когда Бога представляют таким, каким его видит Вечная Философия — имманентным и трансцендентальным, сверхличностным и личностным. Религиозные обряды также должны соответствовать этой концепции.

Те, кто считает Бога исключительно имманентным, отказываются от соблюдения внешних правил и обрядов, и сосредотачиваются на Внутреннем Свете. В данном случае, опасность состоит в квиетизме и аморальности — той частичной трансформации сознания, бесполезной и даже вредной, поскольку не сопровождается трансформацией характера, которая, в свою очередь, является необходимым условием полной, абсолютной и духовно плодотворной трансформации сознания.

В конце концов, вполне возможно думать о Боге, как об исключительно сверхличностном существе. Многие люди считают эту концепцию слишком "философской", не способной дать стимул для практических деяний относительно их веры. А потому они считают, что она не имеет никакой ценности.

Конечно, ошибочно было бы думать, что с людьми, которые поклоняются одному аспекту Бога в ущерб всем остальным, обязательно должна приключиться одна из вышеупомянутых неприятностей. Если они не слишком упрямо цепляются за свои ограниченные взгляды, если они смиренно принимают все, что случается с ними в процессе поклонения, то Бог, имманентный и трансцендентальный, личностный и сверхличностный, может открыться им во всей Его полноте. Тем не менее, фактом остается то, что нам легче добраться до цели, если нам не мешает набор ошибочных или неадекватных убеждений насчет того, какой путь к цели является истинным и какова природа того, что мы ищем.

Кем является Бог? Он — тот, кто Он есть, и лучшего ответа я не могу придумать. Ничто так не соответствует вечности, как Бог. Если вы назовете Бога добрым или великим, или благословенным, или мудрым, или каким угодно еще, — ваши слова будут истинны. То есть, Он именно таков.

Святой Бернар

Задачей любого слова является объяснение назначения объекта. Когда слово доносится до ушей слушающего, оно должно дать ему возможность понять это назначение в соответствии с четырьмя категориями: субстанцией, видом деятельности, качеством и отношениями. Например, "лошадь" или "корова" относятся к категории субстанции. Слова "он готовит обед" или "он молится" относятся к категории вида деятельности. "Белый" или "черный" относятся к категории качества. "Иметь деньги" или "владеть коровами" относятся к категории отношений. Однако, не существует такого класса и рода субстанции, к которым принадлежал бы Брахман. Таким образом, его нельзя обозначить словом, которое, подобно слову "существо" в его обычном смысле, определяет категорию той или иной вещи. Его нельзя также обозначить словом, определяющим качество, ибо он не имеет никаких качеств. То же самое можно сказать и о виде деятельности, ибо он не ведет никакой деятельности — "он пребывает в покое. ни в чем не участвует и ничего не делает", как гласят Священные Книги. Его также нельзя обозначить словом, определяющим отношения, потому что он существует "в единственном числе" и

является объектом только самого себя. Следовательно, его нельзя определить словом или идеей. Как гласят Священные Книги. Он — это Единственный, "от которого отскакивают все слова".

Шанкара

Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей. Поэтому, кто свободен от страстей, видит его (дао чудесную тайну), а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме.

Лао-цзы

Одним из самых больших подарков, которые душа на некоторое время получает в этой жизни, является способность отчетливо увидеть и глубоко почувствовать, что она вообще не может постичь Бога. Эти души до некоторой степени похожи на святых в небесах, где те, кто знают Его, приходят к полному пониманию Его абсолютной непостижимости. Ибо те, чье видение не достаточно ясно, не понимают, насколько он недоступен их видению.

Сан Хуан де ла Крус

Когда я выбрался из Божества во множество, тогда все вещи провозгласили: "Вот он — Бог" (личный Создатель). Но это не могло сделать меня блаженным, ибо отныне я осознал себя, как создание. Но, вырываясь из Божества, я являюсь чем-то большим, чем все создания. Я — ни Бог, ни его создание. Я — тот, кем я был и кем я останусь сейчас и во веки веков. Там я получаю толчок, который возносит меня выше всех ангелов. Этот толчок возносит меня настолько высоко, что Бог уже не вызывает во мне поклонения, если он всего лишь Бог, занятый своей божественной работой. Ибо в результате этого прорыва я понимаю, что Бог и я — одно и то же. Там я — тот, кем я был. Там я не увеличиваюсь и не уменьшаюсь. Ибо там я — неподвижность, которая движет всеми вещами. Человек снова стал тем, кем он всегда был и навечно останется. Бог принят в душу.

Экхарт

Божественность передала все вещи Богу. Божественность настолько бедна, нага и пуста, словно ее и нет вовсе. Она ничего не имеет, ничего не желает, ничего не хочет, ничего не делает и ничего не получает. Это Бог содержит в себе сокровище и любовь. Божественность же настолько пуста, словно ее и нет вовсе.

Экхарт

Мы можем понять кое-что из того, что находится за пределами наших ощущений, в сравнении с аналогичными явлениями, доступными нашим ощущениям. Таким образом, отношения между миром и Богом, и между Богом и Божественностью, похоже, являются аналогичными в некоторой степени тем отношениям, которые существуют между телом (с его окружающей средой) и душой, между душой и духом. В свете того, что мы знаем о втором типе отношений (а знаем мы, с сожалением, не слишком много), — мы можем сформировать не такие уж безнадежно неверные представления о первом типе отношений.

Разум воздействует на свое тело четырьмя способами: подсознательно, посредством того невероятно сложного физиологического мышления, которое по мнению Дриша обладает самостоятельным бытием и которое он назвал энтелехией; осознанно, посредством воли; снова подсознательно, посредством воздействия на физический организм эмоциональных состояний, которое не имеет ничего общего с воздействием на органы или процессы; и, как осознанно, так и подсознательно, посредством определенных "сверхъестественных" проявлений. На материю, находящуюся за пределами тела, разум может воздействовать двумя способами: посредством тела и посредством "сверхъестественного" процесса, недавно изученного в лабораторных условиях и получившего название "эффект ПК". Точно так же разум может установить отношения с другими разумными существами либо косвенно, посредством желания тела заняться символическими видами деятельности, как например, речи или письма; либо "сверхъестественно", непосредственно, с помощью чтения мыслей, телепатии, экстрасенсорного восприятия.

Давайте теперь повнимательнее разберемся в этих отношениях. В некоторых областях физиологическое мышление действует по своей собственной инициативе, например, когда оно руководит постоянными процессами дыхания или усвоения. В других случаях оно действует по приказу осознующего разума, например, когда мы хотим совершить какое-либо действие, но сами не можем заставить наши мускулы, железы, нервы и сосуды выполнить поставленную задачу. На первый взгляд действие подражания очень хорошо иллюстрирует невероятные возможности физиологического мышления. Что происходит, когда попугай (не будем забывать, что у него птичьи клюв, язык и горло) подражает звукам, произведенным губами, зубами, небом и голосовыми связками человека? Каким-то

совершенно непостижимым способом реагируя на желание осознающего, разума им-митировать запечатлевшееся в памяти или только что воспринятое событие, физиологическое мышление приводит в действие большое количество мускулов и координирует их действие с таким мастерством, что в результате появляется более или менее точная копия оригинала. Осознающий разум человеческого существа, находящийся на гораздо более высоком уровне развития по сравнению с осознающим разумом попугая, точно так же окажется совершенно беспомощным перед проблемой подобной сложности.

В качестве примера третьего способа воздействия разума на материю мы можем привести хорошо знакомый нам феномен "несварения желудка на нервной почве". У некоторых лиц симптомы несварения проявляются тогда, когда их осознающий разум обеспокоен такими отрицательными эмоциями, как страх, зависть, гнев или ненависть. Эти эмоции направлены на происходящие в окружающей среде события или на находящихся там людей. Но каким-то образом эти эмоции начинают "действовать в обратном направлении" и влияют на физиологическое мышление, что приводит, помимо всего прочего, к "несварению желудка на нервной почве". Доказано, что огромное количество заболеваний, начиная с туберкулеза, гастрита и заканчивая болезнями сердца и даже кариесом, тесно связано с определенными нежелательными состояниями осознающего разума. Любой врач знает, что спокойный и веселый пациент имеет гораздо больше шансов на выздоровление, чем пациент, пребывающий в возбужденном и подавленном состоянии.

Наконец, мы добрались и до таких явлений, как лечение с помощью веры и левитация — явлений "сверхъестественных" и странных. Но существование этих явлений подтверждается таким количеством доказательств, что их нельзя просто сбросить со счетов. Мы не знаем точно, каким образом вера излечивает болезни (будь то в Лурде или в кабинете гипнотизера) или каким образом святому Иосифу Купертинскому удавалось игнорировать законы земного притяжения. (Но не будем забывать, что мы так же невежественны в вопросе взаимодействия разума и тела в наиболее обычных из повседневных видах деятельности.) Точно так же мы не можем составить ни малейшего представления о *modus operandi* того, что профессор Раин назвал "эффектом ПК". Тем не менее, сейчас уже точно доказано, что состояние ума определенных индивидуумов может повлиять на результат игры в кости, в которой они принимают участие. И если "эффект ПК" можно сконструировать в лаборатории и измерить статистическим способом, то, конечно же, многочисленные свидетельства воздействия разума на материю (причем не только внутри тела, но и во внешнем мире) без того довольно правдоподобные, приобретают прочную основу. То же самое можно сказать и об экстрасенсорном восприятии. Это явление постоянно проявляется в повседневной жизни. Но наука практически бессильна разгадать какой-нибудь отдельный конкретный случай. Возводя свое методологическое бессилие в ранг символа веры, ученые-догматики часто клеймили все, что отказывалось за частотолом их ограниченного знания, как нереальное и даже невозможное. Но когда появляется возможность испытать экстрасенсорное восприятие в стандартизированных условиях, этот предмет попадает под действие закона вероятности и приобретает назло своим страстным оппонентам определенную научную солидность.

Таковы наши наиболее важные и очень куцые знания о способности разума воздействовать на материю. Исходя из скромного знания о самих себе, какой вывод мы можем сделать относительно божественного объекта нашего почти полного невежества?

Прежде всего поговорим о творении. Если человеческий разум способен воздействовать на материю не только внутри человеческого тела, но и за его пределами, — то можно предположить, что божественный разум, имманентный во вселенной или трансцендентальный по отношению к ней, может навязывать формы изначальному хаосу бесформенной материи или, посредством своего мышления, даже порождать как субстанцию, так и формы.

Как только вселенная была создана или сформирована божеством, тут же возникла необходимость поддержания ее существования. По Декарту необходимость постоянного возрождения мира проявляется, "когда мы рассматриваем природу времени или длительность вещей; ибо она относится к тем вещам, части которых не являются взаимозависимыми и никогда не сосуществуют друг с другом. А потому, если мы существуем в данный момент, это еще не значит, что мы будем существовать в следующее мгновение, если только какая-то сила, создавшая нас, не будет продолжать воспроизводить, то есть сохранять нас". На космическом уровне мы тоже можем найти подтверждение того, что физиологическое мышление, как и в случае с людьми и животными, неусыпно следит за тем, чтобы тела вели себя так, как они должны себя вести. И в самом деле, физиологическое мышление может с большим основанием считаться особым аспектом общего, постоянно занимающегося творением Логоса. В представлении китайцев это — Дао, проявляющееся на уровне живых тел.

На тело человеческого существа воздействуют как хорошие, так и плохие состояния его разума. По аналогии, существование в центре всех вещей божественных спокойствия и добра может считаться причиной того, что все болезни мира, пусть даже и хронические, все же не являются смертельными. И

если в психической вселенной присутствует нечто другое и нечто большее, чем человеческое сознание, и это нечто озабочено злыми, эгоистическими и беспокойными мыслями, — то оно может считаться причиной некоторых довольно экстравагантных и невероятно злобных аспектов человеческого поведения.

Деяния, свершить которые желает наш разум, совершаются посредством физиологического мышления и тела, или, в очень редких случаях и в очень ограниченной степени, с помощью непосредственных сверхъестественных средств. По аналогии — физические ситуации, создать которые желает Промысел божий, могут быть созданы посредством постоянно творящего Разума, поддерживающего существование вселенной. В этом случае. Промысел божий делает свое дело с помощью совершенно естественных средств. Но в очень редких случаях божественный Разум может непосредственно извне воздействовать на вселенную, и в этом случае плоды деятельности Промысла божьего могут показаться чудесами. Точно так же, божественный Разум может общаться с разумом смертных существ, манипулируя человеческим миром и миром вещей таким образом, который будет иметь смысл для того конкретного разума, с которым божественный Разум установил контакт. Или же божественный Разум может установить контакт с человеческим разумом способом, напоминающим передачу мыслей на расстояние.

По выражению Экхарта, Бог, создавший этот мир и вечно его воспроизводящий, "постоянно становится чем-то и постоянно перестает быть чем-то". Иными словами. Он пребывает, по крайней мере до определенной степени, во времени. Временной Бог мог обладать природой традиционного иудейского Бога из Ветхого Завета. Он мог быть божеством с ограниченными возможностями вроде того, о котором говорили теологи-философы нашего столетия; или он мог быть возникающим Богом, начавшим свое существование в точке Альфа, как бездуховное существо, и становившимся все более божественным по мере того, как миллионы световых лет текли в направлении гипотетической точки Омега. (Никто толком не может сказать, почему движение должно было происходить в сторону увеличения и улучшения, а не уменьшения и ухудшения, почему оно должно было идти вверх, а не вниз или скачкообразно, и по прямой, а не по кругу. Похоже, нет никаких оснований для предположения, что исключительно временной Бог — Бог, не связанный с вечностью, а просто в один прекрасный момент появляющийся на свет, — не является таким же абсолютным рабом времени, каковым является индивидуальный разум в отрыве от духа. Бог, который становится чем-то, есть Бог, который прекращает быть чем-то, и вот на этом "прекращении" его переход из одного состояния в другое может прерваться. Так что последнее состояние возникающего божества может оказаться хуже его первого состояния.)

Основой многогранной и зажатой в тиски времени души является простое вневременное знание. Очищая свое сердце и страдая духом, мы можем отыскать это знание и отождествить себя с ним. В духе мы не только обладаем знанием, соединяющим нас с божественной Основой, но и сами являемся этим знанием.

По аналогии — основой Бога во времени является вечность бесформенной Божественности. Это в Божественности, которая мыслит, существуют разумные существа; это посредством Бога они становятся чем-то. А целью и задачей того, чем они становятся, является возвращение в вечность Основы.

Внемлите, прошу вас, ради вечной правды и моей души. Я хочу сказать несказанное никогда доселе. Бог и божество не схожи как небо и земля. Но прежде всего: внутренний и внешний человек различны так, как небо и земля. Правда, бог на тысячу миль выше, но и Бог становится и преходит... Благо тому, кто понял эту проповедь! Если бы здесь не было ни одного человека, я должен был бы сказать ее этой церковной кружке.

Экхарт

Подобно святому Августину, Экхарт пал жертвой своего собственного литературного таланта. "Стиль — это человек". Это точно. Но если мы поменяем слова местами, то в этом случае выражение будет только отчасти верным. "Человек — это стиль". Если мы обладаем даром писать в определенной манере, то обнаруживаем, что в каком-то смысле начинаем жить и мыслить в соответствии с нашим литературным стилем. Мы подгоняем себя под нашу конкретную форму красноречия. Экхарт был одним из создателей немецкой прозы и, открыв в себе талант очень выразительного письма, поддался искушению и стал впадать в крайности — его мысли стали отражением его мощного и напыщенного стиля. Такое заявление может породить в читателе убеждение, якобы автор презирал то, что в Ведах называется "низшим знанием" Брахмана, Брахмана, не как Абсолютной Основы всех вещей, а как личностного Бога. На самом же деле, он, как и те, кто постиг мудрость Вед, считал "низшее знание" истинным знанием, а поклонение личностному Богу считал лучшей подготовкой к обретению знания, соединяющего разум с Божественностью. Следует помнить еще и о том, что не поддающаяся

определению Божественность, о которой говорят Веды, буддизм Махаяны, мистицизм христиан и мистицизм суфиев, — является основой всех качеств личностного Бога и Воплощения. "Бог — не хорош, это я хорош" — говорит Экхарт со свойственной ему склонностью к преувеличениям. На самом же деле он имеет ввиду: "Я хорош просто как человек. Бог хорош в превосходной степени. Божественность существует, и ее "бытие" содержит в себе добро, любовь, мудрость, суть и принцип всего остального". В отличие от академиков-метафизиков проповедники Вечной Философии всегда считали Божественность не просто Абсолютом, а чем-то более совершенным, требующим большего поклонения, чем поклонение личностному Богу или его человеческому воплощению — Существо, которому можно поклоняться в высшей степени и которое требует неукоснительного выполнения правил, более строгих и жестких, чем правила, введенные церковными властями (если человек хочет достичь главной цели бытия — обрести знание, соединяющее его с божественной Основой).

Мы считаем, что следует различать Бога и Божественность. действие и покой. Плодотворная природа Личностей вечно живет разнообразной жизнью. Но простое Бытие Бога в силу самой его природы есть вечный Покой Бога и всех сотворенных вещей.

Реисбрук

В известной мистике единой Реальности мы не можем больше говорить об Отце. Сыне и Святом Духе. а также о любом другом создании. Мы можем говорить только об одном Существо, которое является самой субстанцией Божественных Личностей. Там еще до того. как стать созданиями, мы все являемся одним целым, ибо это есть наша сверхсуть. Там Божественность является простой сутью без действия.

Реисбрук

Святой свет веры настолько чист. что по сравнению с ним обычный свет есть ничто иное, как грязь; и даже человеческие образы святых. Девы и Иисуса Христа являются помехами на пути к образу Бога во всей Его чистоте.

Ж.Ж.Олье

Это, сделанное убежденным католиком времен Контрреформации, заявление может показаться несколько странным. Но мы должны помнить, что Олье, который вел жизнь святого и был одним из самых влиятельных проповедников семнадцатого века, в данном случае говорит о состоянии сознания, обрести которое смогли лишь очень немногие. Тем же, кто находится на обычном уровне бытия, он рекомендует другие методы познания. Например, одному из кающихся грешников он, в качестве противовеса трактатам Сан Хуана де ла Крус и других пропагандистов чистой мистической теологии, посоветовал прочитать откровения святой Гертруды о воплощении и даже физиологических аспектах божества. С точки зрения Олье, как и большинства других повелителей душ (католиков или индуистов), было просто глупо призывать к поклонению Богу-без-формы людей, которые были в состоянии понять только личностные и воплощенные аспекты божественной Основы. Это совершенно разумный подход, и мы имеем полное право следовать ему при условии, конечно, что всегда будем помнить: этот путь связан с определенным риском для души. Природу этой опасности мы покажем и обсудим в другой главе. А пока что достаточно будет процитировать предупреждение Филона: "Тот, кто считает, что Бог обладает всевозможными качествами и не является Единым, вредит не Богу, а самому себе".

Ты должен любить Бога. как не-Бога, не-Дух. не-личность, не-образ, а как то, чем Он является. — чистейшее абсолютное Целое, лишенное всякой двойственности, в котором мы должны вечно переходить от небытия к небытию.

Экхарт

То, что Экхарт описывает как чистое Целое, абсолютного не-Бога, в котором мы должны переходить от небытия к небытию, буддизм махаяны называет Чистым Светом Пустоты. Ниже мы приводим отрывок из речи, с которой тибетский священнослужитель обратился к умирающему.

О, благородный от рождения, пришло твое время отправиться на поиски Тропы. Скоро твое дыхание должно прекратиться. В прошлом твой учитель подставил твое лицо Чистому Свету, и скоро ты ощутишь его в реальности, войдя в состояние "Бардо" ("переходное состояние", наступающее сразу после смерти, во время которого душа ожидает решения. вернее, сама решает, в соответствии с характером, сформировавшимся в ходе земной жизни. — какую именно жизнь после смерти она будет вести). В этом состоянии Бардо все вещи подобны безоблачному небу. а чистейший Разум подобен

прозрачной пустоте без центра и границ. В этот момент познай себя и останься в этом состоянии. В данный момент я также помогаю тебе взглянуть в лицо самому себе.

Тибетская Книга Мертвых

Обращаясь к еще более далекому прошлому, в одной из самых ранних упанишад мы находим классическое описание Абсолютного Целого, как Сверхсущей Не-Веши.

Смысл Брахмана выражается словами "нет. нети" (нет. нет): ибо если ты говоришь о чем-то, что "его нет", то дальше говорить уже нечего. Однако, имя Брахману — "Реальность реальности". То есть чувства реальны, а Брахман является их Реальностью.

Брчхадараньяка упанишада

Иными словами, существует иерархия реального. Многослойный мир наших повседневных ощущений реален относительно реальностью, которая на своем уровне не подлежит сомнению. Но эта относительная реальность существует внутри и благодаря абсолютной Реальности, которую, из-за полной уникальности ее природы, мы даже не сможем попытаться описать, хотя у нас и есть возможность непосредственно осознать ее.

Отрывок, который мы приводим ниже, взят из произведения огромной исторической важности, поскольку именно благодаря таким книгам, как "О мистическом богословии" и "О божественных именах", написанным в пятом веке автором, взявшим себе имя Дионисия Ареопагита, — средневековое христианство установило контакт с неоплатонизмом и, по прошествии некоторого времени, с метафизической мыслью Индии. В девятом веке Иоанн Скотт Эриугена перевел эти две книги на латынь, и с того времени они оказывают глубокое и благотворное влияние на философское мышление и религиозную жизнь Запада. Именно на авторитет Ареопагита христианские проповедники Вечной Философии ссылались каждый раз, когда им угрожали (а им всегда кто-нибудь угрожал) те, кого, прежде всего, интересовали ритуалы, правила и строгая организация церкви. А поскольку Ареопагита ошибочно отождествляли с первым афинянином, обращенным святым Павлом, его авторитет имел апостольский ранг. Следовательно, по католическим правилам игры, от обращения к его авторитету нельзя было просто отмахнуться. Этого не могли себе позволить даже те, для кого книги Ареопагита вообще ничего не значили. И хотя эксцентричность следовавших по пути Дионисия мужчин и женщин доводила отцов церкви до белого каления, — они были вынуждены терпеть ее. А когда эти люди получили возможность свободно собирать плоды духа, значительная их часть достигла такого потрясающего уровня святости, что даже руководство испанской инквизиции не посмело проклясть древо, на котором эти плоды выросли.

Простые, абсолютные и неизменные загадки божественной истины скрыты в ярчайшей безмолвной тьме тайного откровения. Ибо эта тьма, будучи абсолютно непроглядной, лучится чистейшим светом: и хотя она недоступна осязанию и зрению, она вполне реально наполняет наш незрячий разум великолепной красотой... Мы отчаянно стремимся поселиться в этой прозрачной тьме и посредством невидения и непознания увидеть того. Кто находится за пределами нашего зрения и способности к познанию. Мы стремимся к этому именно потому, что не видим и не знаем Его. Ибо нам необходимо увидеть, узнать и, отрекаясь от всех вещей, восхвалить Его, стоящего выше всех вещей. Ибо это похоже на искусство тех, кто вырезает из камня образы жизни, снимая с камня все, что мешает четко увидеть дремлющую в нем форму, открывая скрытую красоту исключительно посредством процесса отсечения лишнего. Ибо я считаю, что в восхвалении Его вычитание более уместно, нежели сложение: ибо приписывая Ему определенные качества, мы отрываемся от всемирного, проходим через промежуточное и опускаемся до частного. А нам следует отсечь от Него все частное и промежуточное, чтобы мы могли непосредственно познать непознаваемое, скрытое во всех познаваемых вещах. И мы созерцаем эту тьму, находящуюся за пределами бытия, скрытую за естественным светом.

Дионисий Ареопагит

Здравый смысл воспринимает мир, как нечто, состоящее из бесконечного количества последовательных и наугад связанных друг с другом событий, в которых задействовано бесконечное количество отдельных, индивидуальных вещей, жизней и мыслей. Это нечто является предположительно упорядоченным космосом. Для того, чтобы описать и обсудить эту "вселенную здравого смысла", а также для того, чтобы управлять ею, человечество и придумало языки.

Когда же, по какой-либо причине, нам хочется воспринимать мир не таким, каким он представляется здравому смыслу, а как нечто непрерывное, сплошное, — мы обнаруживаем, что наш традиционный словарный запас абсолютно неадекватен этой задаче. Для ее решения математики были вынуждены изобрести совершенно новую систему символов. Но божественная Основа всего

существования — это не просто нечто непрерывное, сплошное. Она также находится вне времени и отличается по самой своей сути от миров, в которых властны обычные языки и язык математиков. Поэтому труды по Вечной Философии наполнены парадоксальными, экстравагантными и порой, на первый взгляд, богохульными выражениями. Пока что еще никто не изобрел Духовное Исчисление, пользуясь категориями которого мы могли бы связно говорить о божественной основе и мире, как ее проявлении. И потому мы пока что должны проявлять терпение к языковой эксцентричности тех людей, которые вынуждены использовать категории системы символов, привычные для описания определенного порядка ощущений, говоря о другом и совершенно ином порядке.

Значит, говоря о полностью адекватном изложении Вечной Философии, следует признать, что существует семантическая проблема, которая не поддается полному решению. Все, кто вчитываются в ее формулировки, должны хорошенько запомнить этот факт. Только тогда мы будем способны хотя бы отдаленно понять, о чем идет речь. Задумайтесь над негативными определениями трансцендентальной и имманентной Основы всего бытия. Из заявлений вроде того, что сделал Экхарт, следует, что Бог равен ничему. И в определенном смысле это правильное уравнение; ибо Бог, несомненно, является не-вещью. По выражению Иоана Скота Эриугены, Бог есть "нечто". Бог есть Это. Иными словами. Основу можно определить, как существующую "там", но нельзя определить как нечто, обладающее какими-либо качествами. Это означает не только то, что, как и все, приобретенные логическим путем, отрывочные знания об Основе находятся далеко или даже очень далеко от реальности непосредственного восприятия. Это значит, что в силу самой природы нашего языка и стандартного образа нашего мышления, эти познания должны быть парадоксальными. Непосредственное познание Основы может состояться только путем единения, а единения можно достичь только путем уничтожения эго, сосредоточенного на самом себе, которое является барьером между "ты" и "Это".

Глава 3 ЛИЧНОСТЬ, СВЯТОСТЬ, ВОПЛОЩЕНИЕ БОЖЕСТВА

Английские слова латинского происхождения имеют свойство нести на себе печать интеллектуального, нравственного и эстетического "класса" — печать, которой, как правило, не отмечены их англосаксонские эквиваленты. Например, *maternal* означает то же самое, что *motherly* (материнский), *intoxicated* — то же самое, что *drunk* (пьяный). Но какая тонкая разница существует между этими словами! И когда Шекспиру потребовалось имя для комического персонажа, он назвал его сэром Томасом Белчем (Отрыжкой), а не кавалером Тобиасом Эруктатионом.

Слово *personality* (личность) пришло в английский язык из латинского и звучит чрезвычайно солидно. По странной прихоти филологии, саксонский эквивалент слова *personality* почти никогда не используется. А жаль. Ибо, если бы он использовался (точно так же, как слово *belch* (отрыжка) используется вместо слова *eructation*), то вряд ли вокруг той вещи, которую это слово обозначает, возникла бы та почтительная шумиха, которую недавно подняли некоторые англоязычные философы, моралисты и теологи. Нас постоянно уверяют, что "личность" является высшей из всех, известных нам, форм реальности. Но люди, вне всякого сомнения, хорошо бы подумали, прежде чем делать такое заявление или соглашаться с ним, если бы вместо слова *personality* использовался его тевтонский синоним — *selfness* (эгоизм). Ибо, хотя *selfness* означает то же самое, что *personality*, в отличие от последнего это слово звучит совсем не так аристократично. Наоборот, изначальное значение этого слова режет нам слух, словно звук треснувшего колокола. Ибо, как постоянно утверждают все толкователи Вечной Философии, маниакальное увлечение человека сознанием, бытием, и отдельным "я" является последним, наиболее значительным препятствием на пути к единому познанию Бога. Для них быть собой является первородным грехом, а умертвить свое "я" в чувствах, воле и разуме является абсолютной и всеобъемлющей добродетелью. Именно из-за этой точки зрения слово *selfness* и вызывает неблагоприятные ассоциации. А слишком благоприятные ассоциации, которые вызывает слово *personality*, порождены отчасти его изначальным благородным латинским происхождением, а также памятью о том, что было сказано о "личностях" Святой Троицы. Но личности Троицы не имеют ничего общего с нашими собратьями из плоти и крови, — ничего, кроме живущего внутри них Духа, с которым мы должны отождествить себя, но который большинство из нас игнорирует, сосредоточившись на своем индивидуальном "я". То, что такое неуважительное и бездуховное отношение к Богу обозначается тем же самым словом, что и Бог, который есть Дух — мягко говоря, неудачное совпадение. Эта ошибка, как и все ошибки такого рода, была совершена пусть на неясном уровне подсознания, но все же вполне целенаправленно. Мы любим свое "я", мы хотим найти оправдание своей любви. И потому мы обозначаем ее тем же самым словом, которым теологи обозначили Отца, Сына и Святого Духа.

Но сейчас ты спрашиваешь меня, каким образом можно уничтожить это голое знание и ощущение твоего собственного бытия. Ибо, может быть, ты думаешь, что если их уничтожишь, то тем самым ты

уничтожишь вообще все препятствия. И если ты думаешь именно так, ты думаешь совершенно правильно. Но на это я отвечу тебе и скажу, что без особого дара, совершенно свободно данного тебе Богом, и без соответствующей способности с твоей стороны принять этот дар, — голое знание и ощущение твоего бытия никоим образом не могут быть уничтожены. А эта способность есть ничто иное, как ужасно глубокая печаль... У любого человека есть повод для печали; но самым большим поводом является осознание и ощущение того, что человек существует. Никакая другая печаль не идет в сравнение с этой печалью. Ибо эта печаль может усилиться, если человек осознает и почувствует не только, кто он есть, и также и то, что он просто есть. И тот, кто никогда не ощущал этой печали, пусть ощутит ее; ибо он никогда еще не чувствовал абсолютной печали. Когда эта печаль посетит человека, она очистит его душу не только от греха, но и от боли, являющейся заслуженным наказанием за этот грех. И она также даст душе способность принять ту радость, которая освободит человека от осознания и ощущения его бытия. Если эта печаль истинна, то она полна божественного желания; в противном случае человек ни за что не смог бы ее вынести. Ибо, если бы его душа отчасти не утешалась его праведными делами, он не смог бы вынести той боли, какую причиняют ему осознание и ощущение его бытия. Ибо каждый раз, когда его посещают истинные осознание и ощущение его Бога в чистоте духа, а затем ощущение, что такого может и не произойти, ибо он обнаруживает, что его осознание и ощущение вечно заполнены вонючим грязным комком его "я", которое нужно презирать, ненавидеть и проклинать, если он стремится стать примерным учеником Бога, получающим от Него совершенное знание, — каждый раз им овладевает безумная печаль... Каждая душа должна ощущать в себе тем или иным образом эту печаль и это желание, поскольку Бог снизошел до того, чтобы обучать своих нерадивых учеников в соответствии со своей доброй волей и в соответствии с возможностями их душ и тел до тех пор, пока не наступит время, когда они, полностью возлюбив друг друга, не смогут полностью соединиться в Боге, — а такое может произойти, если Бог снизойдет.

"Облако Незнания"

Какова же природа этого "вонючего колоса" эгоизма или личности, который следует так страстно заклеить и полностью истребить, чтобы смогло произойти хоть какое-то "истинное осознание Бога в чистоте духа?" Наиболее лаконичную и неконкретную гипотезу выдвинул Юм. Он говорит: "Человек есть ни что иное, как "куча" различных ощущений, сменяющих друг друга с непостижимой быстротой, и все это пребывает в постоянном изменчивом движении". Почти идентичную теорию выдвинули и буддисты, создав доктрину анатты, которая отрицает существование какой бы то ни было постоянной души, существующей вне пределов потока ощущений и различных психофизических "скандхасов" (очень напоминающих "кучи" Юма), которые составляют наиболее прочные элементы личности. Юм и буддисты дали достаточно реалистичное описание эгоизма в действии; но они не смогли объяснить, каким образом и почему "кучи" вообще стали "кучами". Может быть, составляющие их атомы ощущений соединились по своей собственной воле? И если это так, то почему или каким образом, и в пределах какого рода непространственной вселенной? Убедительно ответить на эти вопросы, пользуясь категориями анатты настолько трудно, что мы вынуждены отбросить эту доктрину и принять точку зрения, что за пределами потока ощущений и внутри "куч" существует некий вид постоянной души, посредством которой ощущения организуются, и которая, в свою очередь, использует эти организованные ощущения для того, чтобы стать конкретной и уникальной личностью. Такова точка зрения ортодоксальных индуистов, с которой не согласны буддисты и почти все европейские мыслители, начиная с доаристотелевых времен и до наших дней. Но если большинство современных мыслителей пытается описать человеческую природу в категориях взаимодействия души и тела или же в категориях неделимого единства этих двух элементов в пределах конкретных воплощенных "я", — то все толкователи Вечной Философии в той или иной форме утверждают, что человек является своего рода троицей, состоящей из тела, души и духа. Третий элемент (*quidquid increa-tum el increabile*, как назвал его Экхарт) родственен или даже идентичен божественному Духу, который является основой всего бытия. Главная цель человека, смысл его существования состоит в том, чтобы познать и возлюбить трансцендентальное и имманентное Божество, а также соединиться с ним. И это отождествление "я" с духовным "не-я", может быть достигнуто только посредством "умервщения" эгоизма и жизни духом.

Разве можно было бы начать отрицать "я", если бы в человеке не было бы чего-то, отличного от этого "я"?

Вильям Ло

Что есть человек? Ангел, зверь, пустота, мир, ничто, окруженное Богом, наполненное Богом, нуждающееся в Боге. способное стать Богом, если оно того пожелает.

Берулич

Отдельная сотворенная жизнь, будучи противоположной жизни в единении с Богом, является всего лишь жизнью различных желаний, страстей и потребностей и никак не может быть чем-либо еще. Сам Бог не может сотворить создание, которое существовало бы в самом себе или в своей собственной природе, да и вообще в чем-либо, за исключением состояния пустоты. Естественная и сотворенная жизнь не может подняться выше этого уровня — она является лишь голой способностью творить добро, но сама стать добром и счастливой жизнью она может только посредством живущей в ней жизни Бога и единения с этой жизнью. Эти две жизни обязательно должны соединиться в одну в каждом праведном, совершенном и счастливом создании.

Вильям Ло

В Священном Писании сказано, что человеческое существо состоит из внешнего человека и внутреннего человека.

Внешнему человеку принадлежит то, что зависит от души, но связано с плотью и слито с нею, а также взаимодействующие функции нескольких органов, таких, как глаза, уши, язык, руки и так далее.

Священное Писание говорит обо все этом, как о старом человеке, земном человеке, внешней личности, враге, рабе.

Внутри каждого из нас находится другая личность, внутренний человек, которого Священное Писание называет новым человеком, небесным человеком, молодой личностью, другом, аристократом.

Экхарт

Божье семя присутствует в нас. Если им займется разумный и трудолюбивый пахарь, то оно прорастет и поднимется к бросившему его в почву Богу; и потому природа его плодов будет божественной природой. Из семян груши произрастают грушевые деревья, из семян ореха произрастает орешник, из божьего семени произрастает Бог.

Экхарт

Воля — свободна, и мы вольны отождествлять наше бытие либо исключительно с нашим эгоизмом и его интересами, считая их независимыми от живущего внутри нас Духа и трансцендентального божества — в этом случае мы будем либо проклятыми, если будем пассивны, либо дьяволами, если проявим активность. Либо мы будем его отождествлять исключительно с божеством внутри и вне нас (в этом случае мы будем святыми), либо, наконец, в один момент и в одном контексте — со своим "я", а в другой момент и в другом контексте — с духовным "не-я" (в этом случае мы будем обычными гражданами, слишком те-оцентричными, чтобы быть полностью потерянными, и слишком эгоцентричными, чтобы достичь просветления и полного освобождения). Поскольку это человеческое стремление можно реализовать только посредством обретения познания, объединяющего человека с Богом, и поскольку разум-тело способно на огромное разнообразие ощущений — мы вольны отождествлять себя с почти бесконечным количеством возможных объектов: с удовольствиями, доставляемыми чревоугодием, невоздержанностью и чувственностью; с деньгами, властью или славой; с нашей семьей — продолжением или проекцией нашего эгоизма; с нашим имуществом; с нашими увлечениями; с нашими коллекциями; с нашими художественными или научными талантами; с нашей любимой областью знания, каким-то волнующим нас "особым предметом"; с нашей профессией, нашей политической партией, нашим вероисповеданием; с нашими недомоганиями и болезнями; с нашими воспоминаниями об успехах и неудачах, с нашими страхами и надеждами на будущее; и, наконец, — с вечной Реальностью, внутри которой и благодаря которой существует все остальное. И мы вольны, конечно, отождествлять себя с несколькими вещами как одновременно, так и последовательно. Отсюда и проистекает невероятно запутанная комбинация черт, составляющих сложную личность. Вот поэтому человек может быть хитрейшим политиком и в то же время отличаться косноязычием, любовью к деньгам и выпивке, может любить свою мать и поэзию Джорджа Мередита и вместе с тем гоняться за несовершеннолетними девочками, любить как свою страну, так и игру на скачках и детективные романы. — и все это вкупе с тайной боязнью адского пламени, ненавистью к Спинозе и неукоснительным посещением церкви по воскресеньям. Личность, рожденная с определенной психофизической конституцией, будет склонна отождествлять себя с соответствующим набором интересов и страстей, а личность, обладающая иным темпераментом, будет склонна отождествлять себя с совершенно иными вещами. Но не следует поддаваться этим искушениям (несмотря на то, что они могут быть очень сильными, если характер обозначен чрезвычайно четко). Люди могут сопротивляться им и делают это; могут отказаться отождествить себя с тем, что кажется им очень легким и естественным, и делают это; могут стать значительно лучше своего собственного "я" и делают это. В этом контексте нижеследующая заметка под названием "Как люди ведут себя в момент кризиса"

(опубликованная в журнале "Харперс Мэгэзин") является чрезвычайно важной. "Молодой психиатр, проводивший медицинские наблюдения в ходе пяти боевых операций Восьмой Воздушной Армии, действующей на территории Англии, говорит, что на большой стресс и опасность люди, как правило, реагируют практически одинаково, хотя в нормальных условиях они являются совершенно непохожими друг на друга. Он принял участие в одной операции, в ходе которой самолет Б-17 был сильно поврежден, а члены экипажа получили настолько серьезные ранения, что спасение казалось невозможным. До начала операции, "на земле", он изучил характеры членов экипажа и обнаружил, что они очень разнятся между собой. Вот что он рассказал об их поведении в момент кризиса:

"Они реагировали на удивление одинаково. Во время ожесточенной схватки и возникших в ее результате отчаянных обстоятельств, они совершенно спокойно разговаривали по внутренней связи и действовали очень четко. Хвостовой стрелок, стрелок правого борта и штурман еще в самом начале боя получили тяжелые ранения, но ни на мгновение не прекратили четко выполнять свои обязанности. Тяжелее всех пришлось пилоту, бортинженеру и башенному стрелку, и все эти люди действовали мастерски, быстро и без какой-либо суеты. Во время боя и, в особенности, после него, принятие решений зависело от пилота, а в некоторых незначительных случаях — от второго пилота и бомбардира. Решения не подлежали обсуждению, принимались быстро, но обдуманно, и оказались абсолютно верными. В самый опасный момент был принят альтернативный план действий, единственной целью которого было обеспечение безопасности всего экипажа. В этот момент экипаж был готов ко всему, вел себя спокойно, непринужденно и весело. Ни у одного члена экипажа ни на мгновение не проявились паралич воли, паника, неясность мыслей, неспособность принять верное решение, или забота только о самом себе".

Поведение членов экипажа никак не свидетельствовало о том, что один из них склонен к резким перепадам настроения, а другой является тихим, застенчивым и погруженным в себя человеком. Все они четко мыслили, четко действовали, и внешне все были спокойны.

Такие действия типичны для экипажа, который хорошо знает, что такое страх, и потому может не обращать внимания на его физиологические проявления; который хорошо обучен, и потому способен на четкие действия; все члены которого полностью доверяют друг другу, что присуще единой команде.

Итак, мы видим, что в MOMSHT кризиса каждый из этих молодых людей забыл о своей конкретной личности, которую он создал из элементов, доставшихся ему по наследству от окружения, в котором он вырос. Каждый из них устоял перед непреодолимым в нормальных условиях искушением отождествить себя с настроением момента, а также искушением отождествить себя со своими личными мечтами и всем остальным. Все эти люди вели себя на удивление одинаково, и все были достойны восхищения. Кризис и предшествовавшая кризису подготовка "извлекли" их из отличных друг от друга личностей и подняли всех на один и тот же высокий уровень.

Иногда одного только кризиса, даже без предварительной подготовки, достаточно, чтобы человек забыл свое привычное "я", и стал на какое-то время совершенно иной личностью. Именно поэтому в каких-нибудь катастрофических условиях героями, мучениками и бескорыстными труженниками становятся люди, от которых этого никто не ожидал. Очень часто такие же результаты дает близость смерти. Например, Сэмюэл Джонсон в течение всей своей жизни был одним человеком и стал совершенно другим на короткий срок своей последней болезни. Потрясающе сложная личность, приводившая в восторг шесть поколений босуэлльцев — известный грубиян и обжора, добродушный хулиган, суеверный интеллектуал, убежденный христианин и фетишист, храбрец, отчаянно боровшийся со смертью, — именно во время смертельной болезни стал простым, спокойным, цельным и сосредоточенным на Боге человеком.

Как это ни парадоксально, но многим людям легче вести себя бескорыстно именно во время кризиса, чем тогда, когда жизнь идет своим нормальным спокойным чередом. Когда все в порядке, то ничто не заставляет нас забыть о нашем драгоценном эгоизме, ничего (за исключением нашей собственной воли к укрощению страстей и познанию Бога) не отвлекает наш разум от тех отстраненных вещей и занятий, с которыми мы решили себя отождествлять; мы вольны "бултыхаться" в нашей личности сколько нашей душе будет угодно. И как же мы "бултыхаемся"! Именно поэтому все духовные учителя так сильно настаивают на важности малых вещей.

Богу более угодно неукоснительное выполнение даже самых незначительных из порученных нам дел, чем самое отчаянное рвение в решении задач, которые нас не касаются.

Святой Франциск Сальский

Нет в мире такого человека, которому без труда дается идеальное и любовное выполнение скучной и обычной работы.

Ж.П. де Коссад

Некоторые люди измеряют ценность добрых деяний только их естественными качествами или их сложностью, отдавая предпочтение деяниям заметным или необычным. Такие люди забывают, что христианские добродетели, которые являются божественным вдохновением, должны рассматриваться с точки зрения благодати, а не природы. Величие и сложность доброго дела действительно обладают тем, что технически называется сопутствующей ценностью, но истинная ценность деяния проистекает из одной только любви.

Жан Пьер Камю (цитируя святого Франциска Сальского)

"Святой — это тот, кто знает, что каждое мгновение человеческой жизни является мгновением кризиса; ибо каждую секунду перед нами встает необходимость принять важнейшее решение — определиться, по какой дороге мы пойдем: по дороге, ведущей к смерти и духовной тьме, или по дороге, ведущей к свету и жизни; определиться, что нас интересует: вещи исключительно временного порядка или вещи порядка вечного; определиться, чьей воле мы будем подчиняться: нашей или воле какой-либо проекции нашей личности, или же Божьей воле. Для того, чтобы подготовиться к кризисным житейским ситуациям, святой соответствующим образом тренирует свой разум и тело точно так же, как это делают солдаты. Но если задачи военной подготовки очень узки, просты, заключаются в том, чтобы сделать людей отважными, хладнокровными и способными на четкое взаимодействие в деле убийства других людей, к которым они не испытывают никакой личной неприязни, — то духовная тренировка направлена на достижение более значительных целей. Основная задача духовной подготовки заключается в том, чтобы привести человеческие существа в состояние, в котором ничто не будет стоять между ними и Реальностью и они будут способны постоянно осознавать божественную Основу их самих и всех других существ. Духовная подготовка направлена также и на то, чтобы дать человеку средства для достижения этой цели, а именно научить его принимать все, даже самые тривиальные, обстоятельства повседневной жизни без злобы, жадности, самонадеянности и добровольного невежества, но с постоянной любовью и пониманием. Ввиду того, что задачи духовной тренировки чрезвычайно обширны и для человека, искренне любящего Бога, каждое мгновение является мгновением кризиса — духовная подготовка несравненно сложнее и труднее подготовки военной. Вот поэтому на земле очень много хороших солдат и очень мало святых.

Мы увидели, что в критических обстоятельствах солдаты, специально тренированные, чтобы справляться с такого рода вещами, забывают о своих врожденных и приобретенных привычках, с которыми в нормальных условиях они отождествляют свое бытие, и, преодолев эгоизм, ведут себя совершенно одинаково — целенаправленно и благородно. То же самое можно сказать и о святых, но с одной существенной разницей: цель духовной подготовки состоит в том, чтобы сделать людей бескорыстными в любых обстоятельствах, в то время, как цель военной подготовки состоит в том, чтобы сделать людей бескорыстными только в определенных, очень специфических обстоятельствах и только по отношению к определенному классу человеческих существ. По иному и быть не может; ибо все, чем мы являемся, все, чего мы хотим, все, что мы делаем, — зависит, в сущности, от нашего представления о Природе Вещей. Философия, оправдывающая политику силы, войны и военную подготовку, всегда (какой бы ни была официальная религия политиков и поджигателей войны) представляет собой абсолютно расходящуюся с реальностью доктрину национального, расового или идеологического идолопоклонства, следствием которой являются идеи о *Herrenvolk* (* *Herrenvolk* (нем.) — в значении "Господствующая раса". — *Прим.пер.*) и "низших существах, не ведающих Закона.

Биографии, святых недвусмысленно свидетельствуют о том, что духовная тренировка поднимает человека над личным не только в специфических обстоятельствах боя, но в любых условиях и по отношению ко всем созданиям. Так что святой "любит своих врагов" или, если он является буддистом, отрицает само существование врагов, относясь ко всем разумным существам, как к тем, кто так и не достиг человеческого уровня, — с одинаковым состраданием и бескорыстной доброй волей. Те, кто достигают знания, объединяющего их с Богом, отправляются в этот ПУТЬ из разных мест. Кто-то является мужчиной, а кто-то — женщиной; кто-то рожден для действия, а кто-то — для созерцания. Все они отличаются друг от друга темпераментом и физической конституцией, и все проводят в жизнь в совершенно разной материальной, нравственной и интеллектуальной окружающей среде. Тем не менее, в силу того, что они являются святыми, в силу того, что они обладают объединяющим знанием, которое делает их "совершенными, подобно их Отцу, совершенному на совершенных небесах", — все они на удивление похожи друг на друга. Все их действия бескорыстны, и все они постоянно собраны, так что они ни на мгновение не перестают понимать, кто они есть и каково их истинное отношение к вселенной и их духовной основе. Даже о ничем не примечательных посредственных людях можно сказать, что имя им — Легион. Что уж говорить об исключительно сложных личностях, отождествляющих себя с разнообразными настроениями, желаниями и точками зрения. Святые же, напротив, не ведают смещения мыслей и чувств, и, несмотря на значительную интеллектуальную

одаренность, отличаются цельностью и абсолютной простотой мышления. Многообразие Легиона уступило место целенаправленности, — но не той злой целенаправленности, которой отличается жажда денег, власти или славы, и даже не той, более благородной, но все же слишком земной, целенаправленности на успех в искусстве, образовании или науке, который является самоцелью, — а той высшей, поднимающейся над человеческим уровнем, целенаправленности, которая является истинным бытием душ, осознанно и неуклонно идущих к главной цели человека, — обретению знания вечной Реальности. Одна из священных книг Пали содержит замечательный рассказ о Брахмане Дрона, который "увидев сидящего под деревом Блаженного спросил его:

— Ты — "дэва"? И Блаженный ответил:

— Нет.

— Ты — "гандхарва"?

— Нет.

— Ты — "якша"?

— Нет.

— Ты — человек?

— Нет. На вопрос Брахмана, кем же он тогда является. Блаженный ответил:

— Я полностью уничтожил то злое воздействие, те желания, которые, пока они не были уничтожены, делали меня "дэвой", "гандхарвой", "якшей" (три типа сверхъестественных существ) или человеком. Так знай же, что теперь я — Будда.

Здесь мы попутно можем заметить, что только целенаправленный человек способен понастоящему поклоняться единому Богу. Монотеизм, как теорию, может с радостью воспринимать человек, имя которому — Легион. Но при переходе от теории к практике, от обрывков знаний к непосредственному знакомству с единым Богом, истинным монотеистом может считаться только тот, кто отличается цельностью души. Человек знает только то, что он хочет знать. Если человек обладает полипсихикой, то вселенная, которую он познает благодаря непосредственным ощущениям, представляется ему политеистической. Будда отказывался что-либо говорить об абсолютной божественной реальности. Он говорил только о "нирване" — ощущении, которое доступно только совершенно бескорыстным и целенаправленным людям. То же самое ощущение другие называли "единением с Брахманом", "единением с ал-Хакком", "единением с имманентным и трансцендентальным Божеством". Будда, заняв по этому вопросу позицию строгого операционализма, говорил только о духовном ощущении, а не о метафизическом бытии, которое по мнению теологов других религий и поклонников позднего буддизма, является объектом и (поскольку в процессе созерцания — знающий и знание едины), в то же самое время, — субъектом и субстанцией этого ощущения.

Когда человек неразборчив, его воля блуждает во всех направлениях, гонясь за бесчисленными целями. Те, кому не хватает разборчивости, могут цитировать священные книги, но на самом деле они не согласны с содержащимися в них истинами. Они полны земных желаний и жаждут вознаграждения небес. Они красиво говорят; они разрабатывают сложные ритуалы, которые, по идее, должны дать наслаждение и силу тем, кто их соблюдает. Но на самом деле они знают только закон кармы, по которому человек обречен рождаться вновь и вновь. Те, кто увлекшись этими речами, утратили разборчивость, глубоко привязаны к удовольствиям и власти.

И потому они неспособны на концентрацию воли, которая ведет человека к полному единению с Богом.

Бхагавад Гита

Описание житий святых у интеллектуальных, культурных людей в настоящее время совершенно не пользуется популярностью. Что, впрочем, и не удивительно. Культурные люди с пытливым умом отличаются ненасытной потребностью в новизне, разнообразии и развлечениях. А святые, чем бы они не занимались и какими бы впечатляющими не были бы их таланты, все время озабочены только одним — духовной Реальностью и средствами, благодаря которым они и их собратья смогут обрести знание, объединяющее их с этой Реальностью. А что касается их деяний, то они так же уныло однообразны, как и их мысли; ибо во всех обстоятельствах они ведут себя бескорыстно, терпеливо и неизменно добродетельно. Что ж удивляться тому, что никто не читает биографии таких мужчин и женщин! На одного хорошо образованного человека, который хоть что-нибудь знает о Вильяме Ло, найдутся две или три сотни тех, кто прочитали повесть Босуэлла о жизни его более молодого современника. Почему? Потому что, до тех пор, пока его не подкосила смертельная болезнь, Джонсон с удовольствием вел увлекательно разнообразную жизнь; а Ло, несмотря на все превосходства его талантов, был почти до абсурда простым и ограниченным человеком. Легион предпочитает читать о

Легионе. И потому, если говорить о литературе, в пьесах и романах вряд ли можно найти образы истинных святых-геоцентристов.

О, Друг, надейся на Него, пока ты жив. знай Его. пока ты жив. понимай Его. пока ты жив: ибо только в жизни возможно спасение.

Если ты не разорвешь оковы, пока ты жив, то можно ли надеяться на то, что ты разорвешь их после смерти?

Соединение души с Богом после того, как они покинула тело, — пустая мечта.

Если мы найдем Его сейчас, то мы найдем Его и потом: а если не найдем, то нам останется только жизнь в Городе Мертвых.

Кабчр

Эта фигура в форме солнца (гравюра на фронтисписе первого издания "Идеального правления") представляет волю Бога. Помещенные на солнце лица представляют души, живущие в божьей воле. Эти лица расположены тремя концентрическими кругами, представляющими три степени божьей воли. Первый, наиболее удаленный от центра круг представляет души деятельной жизни; второй — души жизни созерцательной; третий — души выдающейся жизни. По ободу первого круга расположены различные орудия типа щипцов и молотков, представляющие деятельную жизнь. Но по ободу второго круга не расположено вообще ничего, — это символизирует тот факт, что в жизни созерцательной человек, не предаваясь больше никаким размышлениям и занятиям, должен следовать Божьей воле. Орудия лежат на земле и в тени, ибо всякий внешний труд полон тьмы.

Однако этих орудий касается солнечный луч, указывающий, что труд может быть озарен Божьей волей.

Свет Божьей воли лишь слегка касается лиц первого круга; гораздо больше его на лицах второго круга; а вот лица третьего, самого близкого к центру круга — сияют. Нам хорошо видны черты лиц первого круга; в значительно меньшей степени — черты лиц второго круга; и мы почти не можем различить черты лиц третьего круга. Это символ того, что души первого круга по большей части погружены в себя; души второго круга меньше заняты собой и больше — Богом; души третьего круга почти забыли о себе и полностью заняты Богом, поглощенные его волей. Их глаза неотрывно следят за Божьей волей.

Беиет Кэнфильдский

Именно в силу его растворения в Боге и именно потому, что он не отождествляет свое бытие с врожденными и приобретенными элементами его отдельной личности, — святой способен оказывать абсолютно ненасильственное и потому абсолютно благотворное воздействие на индивидуумов и целую обществу. Или, если выражаться более точно, именно потому, что он очистил себя от эгоизма, — божественная Реальность может использовать его в качестве "проводника" благодати и энергии. "Я живу, но это не я живу, это Христос — вечный Логос — живет во мне". То, что истинно в отношении святого, истинно и в отношении аватары, воплощения Бога. Если, в силу того, что он был святым, святой Павел не был "личностью", то и Христос, конечно же, не мог быть "личностью". И потому речи многих современных либеральных церковников о поклонении "личности Бога" — абсурдны. Ибо нет никакого сомнения в том, что если бы Христос, как и все мы удовлетворился только тем, что он — "личность", то он никогда не оказал бы такого воздействия, и никому бы не пришло в голову рассматривать его, как воплощение Бога, и отождествлять его с Логосом. О нем стали думать, как о Христе, именно потому, что он преодолел эгоизм и стал плотским и умственным "проводником", по которому надличностная, сверхъестественная жизнь текла в наш мир.

Души, которые обрели знание, единящее их с Богом, по словам Бенета Кэнфильдского "почти забыли о себе и полностью заняты Богом". Но исчезающий эгоизм сопротивляется, поскольку, хотя и в очень незначительной степени, они по-прежнему отождествляют свое бытие с какими-то врожденными психофизическими привычками, каким-то приобретенным образом мышления или чувств, какими-то условностями, принятыми в их социальной среде. Иисус был почти полностью растворен в истинной Божьей воле; но несмотря на это, он мог сохранить некоторые элементы эгоизма. Основываясь на существующих данных, трудно судить, до какой степени любая "личность" связана с надличностной, божественной "не-личностью". Например, толковал ли Иисус свое восприятие божественной Реальности и свои, сделанные в ходе этого восприятия, спонтанные умозаключения в категориях тех восхитительно апокалипсических представлений, распространенных среди современных ему иудеев? Некоторые выдающиеся ученые утверждали, что доктрина о неминуемой гибели мира была стержнем его учения. Другие, не менее сведущие, уверяли, что эта доктрина была приписана ему авторами Евангелия, и что Иисус сам не отождествлял свои ощущения и свое теологическое мышление с

распространенными в данной местности представлениями. Кто же прав? Бог его знает. В этом случае, как и во многих других, имеющиеся данные не позволяют дать определенный недвусмысленный ответ.

Мораль всего вышесказанного ясна. Количество и качество сохранившихся биографических документов таковы, что мы не можем понять, какой именно была "остаточная личность" Иисуса. Но если Евангелие мало что говорит о "личности" Иисуса, оно восполняет этот недостаток логическими заключениями, иносказаниями и беседами, посвященными духовной "не-личности", которая проявилась в смертном человеке, и поэтому его ученики стали называть его Христом и отождествили его с вечным Логосом.

Биография святого или аватары ценна только потому, что проливает свет на те средства, с помощью которых в обстоятельствах конкретной человеческой жизни "личность" изгоняется, чтобы освободить место божественной "не-личности". Авторы Евангелия решили не писать такой биографии и никакое количество критических статей и догадок не сможет ее заменить. На протяжении последних сотен лет было потрачено огромное количество энергии на попытки извлечь из сохранившихся документов больше сведений, чем в них на самом деле содержится. Однако, какие бы сожаления не вызывало отсутствие у авторов евангелия интереса к биографическому жанру, какие бы возражения не возникали в связи с поучениями Павла и Иоанна, все равно нет никаких сомнений в том, что инстинкт их не подвел. Каждый по-своему писал о вечной "не-личности" Христа, а не о его исторической "личности"; каждый из них по-своему повествовал о том элементе в жизни Иисуса, в котором, в силу его сверхличности, могли принимать участие все личности. (Природа эгоизма такова, что одна личность не может стать частью другой личности. "Я" может содержать что-то или содержаться в чем-то, что либо меньше, либо больше его. Но "я" никогда не может содержать "я", или содержаться в "я".)

Доктрина о возможности воплощения Бога в человеке присутствует в большинстве основных исторических толкований Вечной Философии — в индуизме, буддизме махаяны, христианстве и магометанстве суфиев, которые уравнивали Пророка с вечным Логосом.

Когда добро слабеет,
Когда ало растет.
Я сооружаю себе тело.
В каждом веке я возвращаюсь,
Чтобы спасти праведных,
Чтобы уничтожить грех грешников,
Чтобы установить справедливость.
Тот, кто знает природу
Моих задач и святого рождения,
Не рождается вновь,
Когда он покидает это тело;
Он приходит ко Мне.
Убегая от страха,
От похоти и гнева,
Он скрывается во Мне.
Его надежном убежище.
Сгорая дотла в пламени моего бытия,
Во Мне многие находят свой дом.* (Интерпретация IV главы Бхагавад Гиты. — Прим.ред.)
Бхагавад Гита

Тогда Блаженный промолвил: "Знай, Васеса, что время от времени в этом мире рождается Татхагата — полностью Просветленный, блаженный и драгоценный, преисполненный мудрости и доброты, счастливый обладатель знания о мирах, непревзойденный поводырь заблуждающихся смертных, учитель богов и людей, Благославленный Будда. Он полностью понимает вселенную, словно видел ее от края до края... Он несет с собой букву и дух Истины, прекрасную в ее рождении, прекрасную в ее развитии, прекрасную в ее завершенной форме. Он рассказывает о высшей жизни во всей ее чистоте и всем ее совершенстве".

Тевигга Сутта

Кришна есть воплощение Брахмана, Гаутама Будда — того, что поклонники махаяны называли Дхармакаей, Этим, Разумом, духовной Основой всего бытия. Христианская доктрина воплощения Божества в человеке отличается от доктрин Индии и Дальнего Востока тем, что утверждает возможность существования только одного единственного аватары.

То, что мы делаем, в значительной степени зависит от того, что мы думаем. И если то, что мы делаем, есть зло, то имеются все эмпирические основания предположить, что наш образ мышления

неадекватен материальной, умственной или духовной реальности. Из-за веры христиан в существование одного единственного аватары, история христианства была в значительно большей степени омрачена кровавыми крестовыми походами, религиозными войнами, преследованиями инакомыслящих и пропагандой империализма, чем история индуизма и буддизма. Да, на Востоке, точно так же, как и на Западе, абсурдные доктрины идолопоклонства, провозглашавшие полубожественность природы государства и его правителя, вынуждали народы вести бесчисленные политические войны. Но по причине того, что восточные народы не верили в одно единственное откровение, прозвучавшее в определенный момент времени, а также не верили в полубожественность церкви, как организации, — им и в голову не пришло совершать массовые убийства во имя религиозных убеждений, которыми с таким ужасным постоянством занимались христиане. И если в этом важном вопросе уровень коллективной нравственности Запада был ниже уровня коллективной нравственности Востока, то то же самое, если судить по имеющимся данным, можно сказать и об уровне индивидуальной святости и индивидуальной нравственности. Если яблоко действительно падает недалеко от яблони, то уход христианства от норм Вечной Философии с философской точки зрения кажется совершенно не имеющим оправдания.

Логос выбирается из вечности во время с одной единственной целью — помочь существам, плотскую форму которых он приобретает, выбраться из времени в вечность. Если появление Аватары на сцене истории и имеет огромное значение, то только потому, что он указывает на средства, с помощью которых человеческие существа могут вырваться из оков истории. А будучи "проводником" благодати и божественной энергии, он сам, в сущности, и является этими средствами. Автор Четвертого Евангелия утверждает, что Слово стало плотью, но в другом месте он добавляет, что плоть не приносит никакой пользы — то есть, никакой пользы сама по себе, но, конечно, — большую пользу как средство единения с трансцендентальным и имманентным Духом. В этом контексте очень интересно проследить за развитием буддизма. В своей книге "Буддистский Китай" Р.И.Джонстон пишет: "Пользуясь различными формами религиозного или мистического воображения, махаяна выражает универсальные истины, в то время, как хинаяна не может освободиться от господства исторических фактов". По словам выдающегося востоковеда Ананды Кумарасвами "махаянист знает, что исторические факты не имеют никакого религиозного значения" (точно также, как прочитавший вишнуитские священные книги поклонник Кришны знает, что Кришна Лила — это не история, а процесс, вечно разворачивающийся в человеческом сердце). За исключением тех случаев, добавим мы, когда они указывают на средства — близкие ли, далекие, политические, нравственные, духовные (или сами являются этими средствами), с помощью которых человек может освободиться от эгоизма и временного порядка.

Мистики Запада приложили определенные усилия к тому, чтобы освободить христианство от достойной сожаления рабской зависимости от исторического факта. (Или, если быть более точными, от той смеси сохранившихся исторических данных с последующими предположениями и домыслами, которая в разные эпохи воспринималась как исторический факт.) Из текстов Экхарта, Таулера, Рейсбрука, Беме, Вильяма Ло и квакеров можно было бы извлечь более духовное и более универсальное христианство. ибо они повествуют не об истории, какой она была. или какой она должна была быть с точки зрения последующих поколений, а о "процессе, вечно разворачивающемся в сердце человека". Но, к сожалению, влияние мистиков никогда не было настолько сильным, чтобы оказаться способным вызывать на Западе "махаянистскую" революцию. Невзирая на мистиков, христианство продолжало оставаться религией, в которой чистая Вечная Философия была погребена под более или менее толстым слоем фанатичного преклонения перед событиями и вещами во времени, воспринимавшимися не как средство, а как цель, изначально священная и поистине божественная. Более того, сделанные на протяжении веков дописки к истории стали самым бесстыдным образом толковаться, как часть истории, и это обстоятельство дало мощное оружие протестантам и рационалистам. Насколько же мудрее было бы признать тот неоспоримый факт, что когда суровость Христа Судии была без необходимости преувеличена, мужчины и женщины почувствовали потребность персонифицировать божественное сострадание в новой форме, в результате чего особое значение получил образ Девы — "посредницы" между людьми и посредником. Точно так же буддисты считали, что исторический Шакьямуни с его доктриной о сосредоточенности, разборчивости и полном умерщвлении "я", как основных средств освобождения, был слишком суровым и слишком большим интеллектуалом. В результате любовь и сострадание, которые Шакьямуни также проповедовал, были персонифицированы в таких Буддах, как Амида и Майтрейя, — божественных существах, не имевших никакого отношения к истории, поскольку их временная жизнь происходила либо в далеком прошлом, либо в далеком будущем. Здесь можно заметить, что огромное количество Будд и Бодхисатв, о котором говорят теологи махаяны, соизмеримо с обширностью их космологии. С их точки зрения, время не имеет начала, а бесчисленные вселенные, в каждой из которых обитают всевозможные разумные существа, рождаются, развиваются, загнивают и умирают только для того, чтобы все начать сначала, —

и так до тех пор, пока не будет достигнута непостижимо далекая высшая точка, в которой абсолютно все разумные существа в абсолютно всех вселенных сумеют освободиться от времени и перейти в вечное Это или Состояние Будды. Эта космологическая основа буддизма близка к картине мира, нарисованной современными астрономами, и в особенности к тому ее варианту, который представлен в недавно обнародованной теории Вайшакера об образовании планет. Если гипотеза Вайшакера верна, то создание планетной системы является обычным эпизодом в жизни любой звезды. Только в одной нашей галактике имеется сорок тысяч миллионов звезд, а помимо нашей галактики существует еще бесконечное количество других галактик. И если (а у нас нет иного выбора, кроме как поверить в это предположение) управляющие сознанием духовные законы одинаковы для всей планеты, вероятно, поддерживающей жизнь вселенной, то в ней, конечно же, имеется достаточно места для бесчисленных искушающих воплощений Этого, на блистающих сонмах которых махаянисты так любят сосредоточивать свои мысли. Более того, вселенная испытывает отчаянную потребность в этих воплощениях.

Со своей стороны, я думаю, что главная причина, по которой невидимый Бог стал видимым во плоти и завел беседу с людьми, заключается в Его желании привести плотских людей, способных только на плотскую любовь, к более здоровой любви к Его плоти, а потом, мало-помалу, — к духовной любви.

Святой Бернар

Доктрина святого Бернара о "плотской любви к Христу" была великолепно подытожена профессором Этьеном Жильсоном в его книге "Мистическая Теология святого Бернара". "Осознание "я" уже переросло в социальную любовь к ближнему, к страдальцу, а сейчас перерастает в плотскую любовь к Христу, примеру сострадания, который принял Муку во имя нашего спасения. Вот именно это место в мистицизме цистерцианцев и заняли размышления о видимой Человечности Христа. Это всего лишь начало, но начало абсолютно необходимое... Разумеется, любовь к ближнему по самой сути своей духовна, и такая любовь является абсолютной с первого же момента своего возникновения. Она будет слишком сильно зависеть от чувств до тех пор, пока мы не научимся благоразумно использовать ее, как нечто, что должно быть превзойдено. Выражаясь подобным образом, Бернар попросту закодировал свое учение, порожденное его ощущениями; ибо с его слов мы знаем, что до своего "обращения" он активно предавался чувственной любви. Позднее он стал воспринимать ее, как первую ступень своего восхождения. Это не значит, что он забыл этот вид любви, он просто добавил к нему другой, который перевесил первый, как рациональное и духовное перевешивает плотское. Тем не менее, это основание является и вершиной".

"Эту чувственную страсть к Христу святой Бернар всегда представлял как любовь относительно низкого порядка исключительно по причине ее чувственной природы, ибо любовь к ближнему по самой сути своей абсолютно духовна. Именно в силу духовной энергии любви к ближнему душа получит возможность непосредственно соединиться с Богом, который является чистым духом. Более того. Воплощение следует рассматривать, как одно из последствий греховности человека. Так что любовь к Личности Христа непосредственно связана с историей грехопадения, в котором не было никакой нужды, и которого вообще не должно было быть. Далее святой Бернар неоднократно замечает, что эта страсть в одиночку не выживет и должна быть поддержана тем, что он называет "наукой". Он приводит примеры ловушек, в которые может попасть даже самая непоколебимая вера, если она не сочетается с разумной теологией и не управляется ею".

Разве могут многочисленные фантастические теории об искуплении грехов, "привитые" христианской доктрине о божественном воплощении, считаться незаменимыми элементами "разумной теологии"? Мне трудно представить, чтобы кто-нибудь, изучивший их историю в том виде, в каком она изложена, скажем, автором Послания к Евреям, Афанасием и Августином, Ансельмом и Лютером, Кальвином и Гроцием, может с уверенностью дать на этот вопрос утвердительный ответ. В контексте данной книги достаточно будет привлечь внимание к одной из самых горьких усмешек истории. Евангельскому Христу правоведа, в сравнении с остальными общественными группами, казались наиболее далекими от Небесного Царства, наиболее неспособными воспринять Реальность. Хуже них были только богачи. Но христианская теология, особенно на Западе, была порождена разумом, пропитанным иудейской и римской юридической мыслью. Есть слишком много примеров того, как непосредственные озарения аватары и геоцентрического святого преобразовывались в логическую систему не философами, а краснобаями-адвокатами и склонными к метафизике правоведами. Почему так невероятно трудно решить проблему, которую аббат Джон Чепмен называет "проблемой примирения (а не просто соединения) мистицизма и христианства"? Да потому, что римское и протестантское мышление было в огромной степени сформировано теми самыми правоведами, которых Христос считал совершенно неспособными понять истинную Природу Вещей. "Аббат (Чепмен явно имеет ввиду аббата Мармиона) называет Сан Хуана де ла Крус губкой, впитавшей в себя

христианство. Вы можете выжать из губки все христианство, и в ней останется полноценная мистическая теория (иными словами чистая Вечная Философия). В результате в течение примерно пятнадцати лет я ненавидел Сан Хуана де ла Крус и называл его буддистом. Я любил святую Терезу и снова и снова читал ее писания. Она была прежде всего христианкой, а уже потом мистиком. А потом я понял, что зря потерял пятнадцать лет, читая не те молитвы".

Задумайтесь над смыслом двух изречений Христа. Первое:

"Ни один человек не придет к Отцу, не став мною", — то есть, не прожив мою жизнь. Второе: "Ни один человек не станет мною, если того не пожелает Отец", — то есть, человек не сможет жить моей жизнью и следовать за мною, если его на это путь не увлечет мой Отец, а именно. Простое и Совершенное Добро, о котором святой Павел говорит: "Когда настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится".

Teologia Germania

Иначе говоря, прежде чем станет возможной отождествление с Отцом, должно иметь место подражание Христу; а чтобы идея подражания земному поведению воплощенного Божества пришла кому-либо в голову, должно иметь место истинное тождество или сходство земного духа и Бога, который есть Дух. Христианские теологи говорят о возможности "обожествления", но отрицают тождественность духовной Реальности и человеческого духа. Почитатели Вед, махаяны, а также суфии считают земной дух и Дух одной и той же субстанцией. Атман — это и есть Брахман. Это и есть ты.

Непросветленные Будды ничем не отличаются от обычных существ: обычные существа, достигнув просветления, становятся Буддами.

Хузи Нень

Значит, любое человеческое существо может стать аватарой, но не только благодаря своим усилиям, а и по воле Божьей. Человеческому существу нужно указать путь и нужно помочь ему божьей милостью. Мужчин и женщин нужно научить, им нужно помочь. И потому божество принимает форму обычного человеческого существа, которое должно заслужить спасение и просветление так, как это предписано божественной Природой

Вещей, — а, именно, любовью к ближнему, полным умерщвлением "я" и абсолютной сосредоточенностью сознания. Достигнув просветления, аватара может указать путь к нему другим людям и помочь им стать теми, кем они уже потенциально являются. *Tel qu 'en Lui-meme en fin l'eternite le change**(* Такой, что в нем самом покоится вечность изменений (фр.) — *Прим.ред.*). И, разумеется, вечность, преобразующая нас в Нас, — это не простое ощущение жизни после смерти тела. Никакого ощущения вневременной реальности не будет, если нет такого же или сходного знания о существующем во времени материальном мире. Своими наставлениями и своим примером аватара учит, что обретение трансформирующего знания — возможно, и все разумные существа способны на это, и что, рано или поздно, так или иначе, все они это знание обретут.

Глава 4 БОГ В МИРЕ

"Это и есть ты. Во всех вещах узри Одно" — Бога внутри и Бога снаружи. В Реальность можно проникнуть сквозь душу, и в Реальность можно проникнуть сквозь мир. А предположение, что до главной цели человек может дойти только по одной из этих дорог, в обход другой, вызывает очень большие сомнения. Дорога к божественной основе пролегает одновременно и через восприятие, и через то, что воспринимается. Это и есть третий, самый лучший и самый трудный путь.

Разум есть ничто иное, как Будда, а Будда есть ни что иное, как разумное существо. Когда Разум принимает форму разумного существа, он ни в коей мере не ослабевает: когда он становится Буддой, он ничуть не усиливается.

Хуан По

Все создания вечно существовали в божественной сути, как в своем прообразе. До тех пор, пока они подчинялись божественной идее. до момента своего создания, они были едины с сущью Бога. (Бог создает во времени то, что было и есть в вечности). С точки зрения вечности, все создания являются Богом в Боге... До тех пор пока они в Боге, они есть ничто иное, как жизнь, суть энергия Единого.

Сузо

Конкретный образ Бога можно обнаружить в любом человеке. В каждом человеке он присутствует во всей своей полноте, и во всем человечестве он присутствует ничуть не в большей степени, чем в отдельном человеке. Таким образом, мы все являемся одним целым, мы все накрепко соединены в нашем вечном образе, который является образом Бога и источником всей нашей жизни. Наши суть и жизнь связаны с ним и не задумываются об их вечной первопричине.

Ришбрук

Бог, который в своей простой субстанции в одинаковой степени присутствует всюду, тем не менее, в разумных созданиях действует не так, как в неразумных, а в хороших разумных созданиях действует не так, как в плохих. Неразумные создания не могут постичь его. Однако, все разумные существа могут постичь его посредством обретения знания. И только праведные могут постичь его также и посредством любви.

Святой Бернар

В каком случае о человеке можно сказать, что он обладает простым пониманием? Я отвечаю: "В том случае, когда человек отличает одну вещь от другой". А в каком случае можно сказать, что человек поднялся над простым пониманием? И на это я могу вам ответить: "Когда человек видит Все во всем. то в этом случае он поднимается над простым пониманием".

Экхарт

Существуют четыре вида Дхианы (духовные дисциплины). Первый: Дхиана, которую практикуют невежды. Второй: Дхиана, посвященная поискам смысла. Третий: Дхиана, целью которой является Это. Четвертый: Дхиана Тахагата (Дхиана Будд).

Что это значит: Дхиана, практикуемая невеждами? Она — удел йогов, овладевающих наукой Шравакасов и Пратиекабудд ("созерцателей" и "одиноким Будд" хинаянской школы), считающих, что субстанции "эго" не существует, что тело — это тень и скелет, преходящие, нечистые, полные страданий, упрямо цепляющиеся за категоричные утверждения. Йоги, оттолкнувшись от тени и скелета, шаг за шагом следуют по пути, ведущему к той точке, в которой прекратятся все мысли. Вот что называется Дхианой, практикуемой невеждами. Тогда, что же такое Дхиана, посвященная поискам смысла? Она практикуется теми, кто больше не задумывается над отсутствием "эго" в вещах, на честным и над общим, над несостоятельностью таких идей, как "я", "другой", "мы", которыми так увлекаются философы. Она практикуется теми, кто изучает и исследует значение различных аспектов состояния Бодхисаттвы. Вот что такое Дхиана, посвященная поискам смысла.

Что такое Дхиана, целью которой является Татхагата (или Это)? Когда йог понимает, что различия между двумя формами отсутствия "эго" — это всего лишь плод фантазии, и что в том месте реальности Этого, в котором он находится, нет никаких различий, — вот это я называю Дхианой, целью которой является Это.

Что такое Дхиана Татхагата? Когда йог, входя в состояние Татхагата и погружаясь в тройное блаженство, характерное для самоосуществления, достигнутого благородной мудростью ради блага всех существ, — посвящает себя свершению непостижимой работы — вот что я называю Дхианой Татхагата.

Ланкаватара Сутра

Если последователи Дзэн не могут вырваться из мира их чувств и мыслей, то все их дела и движения не имеют никакого значения. Но если все чувства и мысли истреблены, то все дороги к Всемирному Разуму закрыты, и проникнуть в него невозможно. Первоначальный Разум можно постичь только посредством работы чувств и мыслей, хотя он не принадлежит им, но зависит от них. Не стройте умозаключений с помощью ваших чувств и мыслей, и пусть они не лежат в основе вашего понимания. Но в то же самое время не ищите разум в стороне от чувств и мыслей, не пытайтесь прийти к Реальности, отбросив их. Когда вы не будете цепляться за них, но и не оторветесь от них. — только тогда вы будете наслаждаться абсолютной свободой, только тогда вы достигните просветления.

Хуан По

По выражению Рене Генона, любое индивидуальное существо, начиная от атома и заканчивая наиболее организованным живым телом и самым развитым смертным разумом, следует воспринимать, как точку, в которой луч изначального Божества встречается с иным творящим лучом творящей энергии того же самого Божества. Создание, как и положено созданию, может быть очень непохоже на Бога в том смысле, что его разум будет не способен постичь божественную Основу его же бытия. Но по своей вечной сути любое создание, в котором встречаются творящая и изначальная Божественность, —

является одной из бесконечного количества точек, в которых божественная Реальность присутствует вечно и в полном объеме. Поэтому разумные существа могут прийти к знанию, объединяющему их с божественной основой, а неразумные и неодушевленные существа могут открыть разумным существам полноту присутствия Бога в рамках их материальных форм. Видение божественного в природе поэтом или художником, осознание верующим святости причастия, символа или образа, — вещи не полностью субъективные. Такое восприятие не может быть доступно всем людям, ибо знание есть функция бытия; но вещь узнанная независима от настроения и природы знающего. То, что поэт и художник видят и стараются донести до нас, на самом деле уже присутствует в природе и ждет того момента, когда оно будет осознанно кем-то, кто обладает соответствующими способностями. Точно так же в священном образе или предмете божественная основа присутствует в полном объеме. Вера и благочестие готовят разум верующего к восприятию луча божества в точке его пересечения с конкретным фрагментом материи, находящимся перед верующим. Время от времени, такой символ, в силу того, что он является объектом поклонения, становится центром энергетического поля. Желания, эмоции и воображение поколений, преклонявших и преклоняющих колена перед сотворенной святыней, представляли собой круговорот психической энергии. Потому данный образ жил, как вторичной божественной жизнью (более низшего порядка), спроецированной на него верующими, так и изначальной божественной жизнью, которая, как и жизнь всех одушевленных и неодушевленных существ связана с божественной Основой. Религиозные ощущения верующих в причастие и поклоняющихся образу могут быть абсолютно подлинными и объективными; но они не всегда должны быть ощущением Бога или Божества. Верующие могут (и, скорее всего, в большинстве случаев так оно и есть), ощущать энергетическое поле, генерированное разумом верующих прошлого и настоящего и спроецированное на священный предмет, на котором оно сохраняется в состоянии, которое можно было бы назвать "вторичной объективностью", в ожидании того, когда оно будет воспринято готовым к этому разумом. Об истинной пользе ощущений такого рода мы поговорим в другой главе. А пока что достаточно будет сказать, что иконоборцы презирают поклонение символическим предметам и символам, считая это ничем иным, как совершенно бессмысленной и глупой игрой с камнями и кусками дерева.

Рабочий люд никак не мог решить,
кого узреть во мне — свинью или святого,
но на последнем выбор свой решил остановить.
и вот теперь я — представитель славного Лойолы.

Автор этого сатирического стихика был слишком рьяным протестантом и забыл, что Бог присутствует в свинье никак не в меньшей степени, чем в общепризнанном священном образе. "Подними камень и увидишь меня, — гласит самое известное из не вошедших в Евангелие изречений Иисуса, — расщепи дерево и я буду там". Те, кто лично и непосредственно поняли истинный смысл этого изречения, как равно и истинный смысл брахманического постулата "Это и есть ты", — те достигли полного освобождения.

Шравака (дословно "слышащий" — так буддисты махаяны называли созерцателей хинаянской школы) не может понять, что Разум сам по себе не имеет никаких фаз и никакой причинности. Подчинив себя достижению цели, он достигает результата и созерцает Пустоту в течение бесконечного количества столетий. Но, достигнув просветления таким образом, Шравака встает на совершенно неверный путь. С точки зрения Бодхисаттвы, его состояние подобно адовым мукам. Шравака похоронил себя в Пустоте и не знает, как ему выйти из состояния тихого созерцания, ибо он не постиг природы Будды.

Мо-цзы

Когда достигается состояние полного Просветления, — Бодхисаттва освобождается от оков вещей, но не стремится освободиться от самих вещей. Сансара (мир становления) не вызывает у него ненависти, а Нирвана не вызывает поклонения. Полное просветление — это не узлы, но, вместе с тем, и не освобождение.

Прунабудда-сутра

Прикосновение Земли всегда стимулирует сына Земли, даже если он ищет сверхфизического Знания. Можно даже сказать, что овладеть сверхфизическим во всей его полноте (а мы на это вполне способны) сумеет только тот, кто твердо стоит на физическом. "Земля есть Его точка опоры" — говорит Упанишада каждый раз, когда отображает "Я", проявляющееся во вселенной.

Шри Ауробиндо

"Мы вполне способны овладеть сверхфизическим во всей его полноте". Для тех из нас, кто все еще барахтается на самом нижнем уровне физического, эта фраза имеет скорее ироничный оттенок. Тем не менее, света даже самого отдаленного знакомства с высотами и полнотой сверхфизического достаточно, чтобы понять смысл того, что хотел сказать ее автор. Открыть Царство Божье внутри себя легче, чем открыть его также и во внешнем мире разумных и неразумных живых существ и вещей. Легче потому, что человек открывает высоты внутри самого себя тогда, когда он готов исключить из своего поля зрения весь окружающий мир. И, хотя уход от окружающей действительности может представлять собой весьма болезненный процесс, он все же менее мучителен, чем участие в окружающей действительности, посредством которого мы поднимаемся на высоты духовной жизни и познаем ее во всей ее полноте. Когда человек сосредоточивается исключительно на высотах внутри самого себя, он избегает искушений и отвлекающих факторов окружающего мира и занимает позицию общего отрицания и подавления. Но если человек надеется познать Бога в связи с окружающим его миром, познать божественную Основу как мира, так и души, тогда он не должен избегать искушений и отвлекающих факторов, но должен следовать им и использовать их как ступени, ведущие к высотам развития. Он не должен отказываться от внешних занятий, а придавать им более священный смысл. Труды его становятся более целенаправленными и более продуманными: он должен постоянно быть начеку и проявлять такт и вкус в мышлении, чувствах и поведении.

В махаянистской и дзэн-буддистской литературе содержится самое лучшее описание психологии человека, для которого Сансара и Нирвана, время и вечность, — одно и то же. Буддизм, вероятно, более четко, чем какая-либо другая религия, указывает нам путь к высотам и всей полноте духовного Знания, пролегающий как через весь мир, так и через душу. В этом контексте мы можем указать на тот важнейший факт, что пейзажная живопись Китая и Японии, по сути своей, является религиозным искусством, вдохновленным даоизмом и дзэн-буддизмом. В Европе же, наоборот, пейзажная живопись и поэзия "поклонения природе" являлись мирскими видами искусства, возникшими в тот период, когда христианство находилось в упадке, и в очень малой мере вдохновлялись его идеалами.

Слепой, глухой, неразумный! Бесконечно далекий от полета фантазии!

В этих строках Секко говорится о том, что вы лишены всего:

того, что вы видите и того, что вы не видите; того, что вы слышите, и того, что вы не слышите; того, о чем вы говорите, и того, о чем вы не можете говорить. Если все это ушло, то вы живете жизнью слепого, глухого и неразумного. Ваши фантазии, хитрости и расчеты закончились раз и навсегда, — более от них нет никакой пользы. Это и есть высшая точка дзэн, в которой мы обретаем истинную слепоту, истинную глухоту и истинное отупление в их простом и безвредном аспекте.

Над небесами и под небесами! Как нелепо, как обескураживающе!

Здесь Секко лает одной рукой и отбирает другой. Скажите мне, что он считает нелепым, что он считает обескураживающим. Нелепо, — что этот неразумный, все-таки, не такой уж и неразумный; что это глухой, все-таки, не такой уж и глухой;

обескураживающе, — что вполне зрячий не видит всего этого, а тот, у кого вполне нормальный слух, — ничего этого не слышит.

Ли Лу не умеет различать цвета.

Ли Лу жил в правление императора Хуана. Говорили, что он был способен разглядеть кончик тонкого волоса на расстоянии в сто шагов. Он отличался невероятной остротой зрения. Во время прогулки по реке Ци император Хуан бросил в воду принадлежавший ему драгоценный камень и заставил Ли искать его. Но тот не смог отыскать камень. Император Хуан заставил Ци Ку искать камень, но и тот не смог найти его. Потом такой же приказ получил Сян Ван, который и нашел камень. Следовательно:

Когда ныряет Сян Ван. драгоценный камень

сияет самым ярким светом. Но там, где бродит Ли Лу, волны встают до небес.

Когда дело доходит до высших сфер, даже глаза Ли Лу не способны правильно различать цвета.

Как может Ши Куан услышать таинственную ноту? Ши Ку-ан был сыном Цинь Куана Циньского и жил в провинции Цянь в эпоху династии Чу. Другим его именем было Цу Е. Он прекрасно мог различать пять звуков и шесть нот; он мог даже услышать, как на другой стороне холма дерутся муравьи. Когда Цинь и Чу воевали между собой, то Ши Куан, неторопливо перебирая струны своей лютни, мог сказать, что сражение наверняка закончится неудачно для Чу. Несмотря на свою невероятную чувствительность, он, по утверждению Секко, не мог расслышать таинственную ноту. Все-таки, тот, кто слышит, на самом деле — глух. Самая благозвучная нота высших сфер была недоступна слуху Ши Куана. Секко говорит, что не желает быть ни Ли Лу, ни Ши Куаном, ибо: С чем это может сравниться? Сидя спокойно у окна, Я смотрел, как одно время года сменяется другим. как облетает листва и как распускаются цветы.

Когда человек достигает этой стадии осознания, видение становится не-видением, слышание — неслышанием, молитва — не-молитвой. Если человек голоден — он ест, если он устал — он спит.

Пусть листва облетает, пусть цветы распускаются так, как им этого хочется. Когда облетает листва, я знаю, что пришла осень; когда распускаются цветы, я знаю, что пришла весна.

Расчистив вам путь, Секко открывает дверь и говорит:

Вы понимаете или нет? Полоска железа без отверстия в ней!

Он сделал все, что мог сделать для тебя; он смертельно устал и может только обернуться и дать тебе эту самую железную полоску без отверстия в ней. Посмотри своими собственными глазами! Если ты колеблешься, ты навсегда упустишь значение.

Йенго (автор этого комментария) поднял свой посох и сказал: "Видите?" Потом он ударил им по стулу и сказал: "Слышите?" Отойдя от стула, он сказал: "Здесь о чем-нибудь шла речь?"

Какой смысл имеет "полоска железа без отверстия в ней"? Не буду притворяться, что я знаю это. В дзэне бессмыслица всегда была любимым средством стимуляции разума, — она вынуждала разум двигаться вперед, за пределы смысла; вероятно, смысл "полосы железа" заключается именно в ее бессмысленности и нашей растерянности, в которую нас повергла эта бессмыслица.

Корень
божественной
Мудрости —
стебель — это
вся Иллюзия:
ее цветок
плод — это
полное
Освобождение.

это
весь
Брахман:
ее — это
весь Мир:
и ее
Тантра
Таттва

Шравакасы и Пратиекабудды, достигнув восьмой стадии учения Бодхисаттвы, настолько упиваются блаженным спокойствием разума, что не понимают, что видимый мир есть ничто иное, как Разум. Они по-прежнему пребывают в царстве индивидуальности: они еще не полностью прозрели. А Бодхисаттвы верны своим изначальным обетам, вытекающим из всеобщей любви, живущей в их сердцах. Они не входят в Нирвану как в состояние, отделяющее их от мира становления: они знают, что видимый мир есть ничто иное, как проявление самого Разума

Сокращенная цитата из Ланкаватары Сутры

Только обладающее сознанием существо понимает смысл движения. Для тех, кто не наделен сознанием, движение абсолютно непонятно. Если ты упражняешься в умении сохранять свой разум в состоянии неподвижности, то ты достигнешь неподвижности существа, не наделенного сознанием.

Если ты жаждешь истинной неподвижности,

То неподвижность заключается в самом движении.

И эта неподвижность есть истинная неподвижность.

Где нет сознания, там не может возникнуть состояние Будды.

Хорошенько задумайся над тем, насколько разнообразны аспекты того, кто неподвижен. И знай, что первая реальность — неподвижна. Только когда ты достигнешь этой реальности. Ты поймешь истинный смысл работы Этого.

Хузи Нень

Эти фразы о неподвижности изначального движения напоминают изречения Аристотеля. Но между Аристотелем и толковавшими Вечную Философию представителями мировых религий есть огромная разница: Аристотеля интересовала прежде всего космология, а исповедовавших Вечную Философию — освобождение и просветление; Аристотель удовлетворился внешним и теоретическим знанием неподвижного движения; цель же поклонников Вечной Философии заключается в том, чтобы непосредственно ощутить его, обрести то знание, благодаря которому они и другие люди смогут соединиться с этой неподвижностью и стать, поистине. Неподвижным Целым. Это объединяющее знание может быть наивысшим знанием, или полным знанием, или одновременно — наивысшим и

полным. Поклонники махаяны считают неадекватным знание лишь высших уровней души. Отказ христиан от душевного покоя мы обсудим в главе "Созерцание и Действие". А пока что читателю будет небезынтересно узнать, что с проблемой, которая вызвала столь ожесточенные споры среди европейцев семнадцатого века, буддисты столкнулись гораздо раньше. Но если в католической Европе борьба, разгоревшаяся вокруг трудов Молиноса, м-м Гюйон и Фенелона, привела к длившемуся почти два века изгнанию мистицизма, то в Азии две группировки проявили терпимость друг к другу и согласились разделить сферы интересов. Поклонники хинаяны продолжали исследовать высоты души, а идеалом поклонников махаяны стал не Архат, а Бодхисаттва, и они обратились к познанию не только высот души, но и полноты духа. Ниже приводится поэтическое описание состояния реализовавших дзэнский идеал, принадлежащее святому дзэн-буддисту, жившему в восемнадцатом веке.

Подчиняясь общему, которое является частным, Они уходят и приходят, но вечно остаются неподвижными.

Предавшись бездумию, которое кроется в мышлении, В каждом своем деянии они слышат голос Истины. Как безграничны небеса созерцания! Как прозрачен лунный свет четырехслойной Мудрости! Когда истина предстает в своем вечном спокойствии. То сама земля становится Чистой Страной Лотоса. А тело человека — телом Будды.

Хакуин

Природу волнуют не еда, питье, одежда, комфорт и все прочее, в чем нет Бога. Нравится вам это или нет, понимаете вы это или нет, — но Природа втайне пытается "взять след Бога".

Экхарт

Любая блоха, соединившаяся с Богом, благороднее самого величественного ангела.

Экхарт

Человек, живущий внутри меня. восхищается вещами не как творениями, но как даром Божьим. Но другой человек. живущий в самой глубине моего существа, воспринимает их не как дар Божий, а как вечность.

Экхарт

Свиньи едят желуди, но не думают ни о солнце, давшем им жизнь, ни о небесах, под воздействием которых они созрели, ни даже о корне дерева, из которого они появились на свет.

Томас Трахерн

Ты не будешь получать подлинного удовольствия от мира до тех пор, пока каждое утро не будешь просыпаться в Раю: видеть себя во дворце своего Отца; воспринимать небо, землю и воздух, как радости, дарованные свыше; и относиться ко всем с таким почтением, как если бы ты был окружен одними Ангелами. Невеста короля, попав во дворец своего суженого, имеет меньше оснований для радости, чем ты.

Ты не будешь получать удовольствия от мира до тех пор, пока море не потечет в твоих жилах, пока ты не облачишься в небеса и не увенчаешь свою голову звездами. Пока ты не станешь считать себя единственным, кому весь этот мир достанется в наследство, и даже кем-то большим, поскольку любой из живущих в этом мире людей является единственным наследником, как и ты. Пока ты не будешь получать такое же удовольствие от Бога, какое скупцы получают от золота, а короли от власти, — ты не будешь получать удовольствия от этого мира.

До тех пор. пока твой дух не заполнит весь мир. а звезды не станут твоими украшениями; пока вечная мудрость Бога не станет для тебя такой же естественной, как умение ходить и принимать пищу: пока ты хорошо не познаешь то неясное ничто, из которого сотворен наш мир; пока ты не возлюбишь людей настолько, что будешь желать их счастья так же сильно, как и своего собственного; пока ты не станешь восхищаться способностью Бога быть добрым ко всем. — ты не будешь получать удовольствия от мира. Пока ты не познаешь мир лучше, чем свои собственные владения: пока красоты земного шара не станут тебе более дороги, чем красота твоего дома: пока ты не вспомнишь, как давно ты был сотворен и как чудесно было появиться на свет. — ты получишь больше удовольствия от дворца своего величия, чем если бы он был сооружен сегодняшним утром. Более того. ты не сможешь получить истинное удовольствие от мира до тех пор, пока ты не возлюбишь саму красоту наслаждения настолько, что страстно возжелаешь убедить других людей наслаждаться миром. И пока ты настолько не возненавидишь ужасную греховность людей, презирающих тех, кто наслаждается миром, что согласишься скорее гореть в адовом пламени, чем разделить с ними вину за их ошибки. Мир есть отражение Бесконечной Красоты, но человек этого не видит. Мир — это Храм Величия, но человек об

этом не думает. Мир — это область Света и Покоя, но человек поднял в ней ужасный шум. Мир — это Рай Божий. Он больше принадлежит человеку со времени падения последнего, чем до него. Мир — это место обитания Ангелов и Врата Небес. Когда Иаков очнулся от сна, он сказал: "Бог — здесь, а я этого не знал. Как величественен этот мир! Он есть ничто иное, как Дом Божий и Врата небес.

Томас Трахерн

Прежде чем перейти к обсуждению средств, с помощью которых можно достичь как высот, так и полноты духовного знания, давайте ненадолго остановимся на ощущениях тех, кто получил привилегию "узреть Единого во всех вещах", но даже не попытался познать Бога в самом себе. Очень много интересного материала на эту тему содержится в книге Бекка "Космическое Сознание". А здесь достаточно будет сказать, что "космическое сознание" может прийти само по себе и по природе своей является тем, что католические теологи называют "благородным даром". Человек может обладать благородным даром (например, целительной энергией или способностью угадывать будущее) и, в то же время, совершать смертные грехи. Для спасения его души этот дар не является ни необходимым, ни достаточным. По мнению Бекка, в лучшем случае, этот неожиданно открывшийся доступ к "космическому сознанию" представляет собой необычное приглашение — приложить усилия в достижении высот внутри души, так и полноты внешнего знания. В подавляющем большинстве случаев это приглашение отклоняется; благородный дар оценивается восторгом, который он доставляет; человек ностальгически вспоминает момент, когда этот дар открылся, и, если этот человек еще и поэт, то он создает изысканное описание этого события — примерами тому служат великолепные места в "Чайльд Гарольде" Байрона, "Тинтернском Аббатстве" и "Прелюдии" Вордсворта. В этом вопросе ни одно человеческое существо не может безоговорочно судить другое человеческое существо. Но на основании биографических данных, по крайней мере можно высказать предположение: нет никаких серьезных причин думать, будто на Байрона или Вордсворта описанные ими богоявления оказали значительное воздействие на трансформацию их характеров; нет также никаких доказательств того, что после описанных ими богоявлений поэты совершили какие-нибудь значительные деяния. По свидетельствам Де Куинси, Китса и Хейлона, Вордсворт до конца своих дней оставался законченным эгоистом. А Байрон, даже после того, как узрел Единого во всех вещах, оставался самым собой — завораживающей трагикомической личностью.

В этом контексте очень интересно сравнить Вордсворта с другим великим писателем и любителем природы — святым Бернаром. "Пусть учителем твоим будет Природа" — говорит первый. И продолжает утверждать это: Одна прогулка в весеннем лесу Скажет больше о человеке, О добре, зле и нравственности, Чем все мудрецы на свете.

Святой Бернар высказывается приблизительно в том же духе. "Все, что я знаю о божественных науках и Святом Писании, я узнал от лесов и полей. Моими единственными учителями были березы и дубы". А в другом из своих писем он говорит: "Послушай опытного человека: в лесу ты узнаешь больше, чем в библиотеке. Деревья и камни скажут тебе больше, чем уста профессора". Оба писателя пользуются примерно одними и теми же выражениями, но их слова имеют разный внутренний смысл. С точки зрения Августина наслаждаться можно только Богом. Созданиями божьими не следует наслаждаться, их следует использовать — использовать с любовью, состраданием и отстраненным восхищением, как средства обретения знания о том, чем следует наслаждаться. Вордсворт, как и почти все обладавшие литературным даром поклонники Природы, воспевают именно наслаждение божьими созданиями, а не их использование для достижения духовных целей — использование, которое, как мы увидим дальше, требует большой самодисциплины. А Бернар чем-то само собой разумеющимся считает, что его читатели постоянно укрепляют самодисциплину и, любя Природу, прислушиваясь к ней, как к учителю, все же воспринимают ее только, как путь к Богу, а не как объект наслаждения, которым может быть только Бог. Красота цветов и пейзажа не просто доставляет удовольствие тому, кто подобно "одиному облаку" бродит по сельской местности, и является не просто приятным воспоминанием для того, кто, попив чаю, лежит "с отсутствующим или задумчивым взглядом" на софе в библиотеке. Реакция на эти красоты должна быть более энергичной и целенаправленной. Древний буддистский автор пишет: "Братья мои, вы видите перед собой корни деревьев и пустое место, так медитируйте". Истина, конечно же, заключается в том, что мир принадлежит тем, кто того заслуживает. Ибо, как сказал Филон, "даже если человек не может сделать себя достойным создателя космоса. он должен попытаться сделать себя достойным самого космоса. Он должен превратиться из человека в природу космоса и стать, если так можно выразиться, маленьким космосом". Для того, кто не сумел сделать себя достойным своего творца (полностью порвав связь с окружающим миром), или хотя бы достойным космоса (привнеся порядок и единство в раздираемую противоречиями недисциплинированную человеческую личность), и поэтому не ставший достойным того, чтобы мир принадлежал ему, — мир, с духовной точки зрения, является очень опасным местом.

Единство Нирваны и Сансары обусловлено природой вселенной; но полностью осознать или непосредственно ощутить этот факт могут только те, кто достиг высокого уровня духовного развития. Когда обычные, милые, не обновленные духовно люди принимают этот факт на веру и применяют его на практике, то они попросту ищут приключений на свою голову. Ужасные истории об отказе от общепринятых норм морали предупреждают нас о том, что может произойти, когда мужчины и женщины применяют на практике воспринятую только разумом и по-настоящему не осознанную теорию, что все есть Бог, а Бог есть все. Не менее угнетающей, чем проявления аморальности, является и "гармоничная" жизнь добропорядочных граждан, которые из всех сил стараются жить в святости, но на деле понятия не имеют, что такое жизнь настоящего святого. Доктор Оман в своей книге "Естественное и Сверхъестественное" немало пишет на тему того, что "примириться с мимолетностью — значит открыть вечность". И в недавно вышедшей книге "Наука, религия и будущее" Кэнон Равен восхищается Оманом за то, что тот сформулировал принципы теологии, не содержащие антагонистических противоречий между природой и благодатью, наукой и религией, — принципы, в которых мир ученого и мир теолога представляют собой поистине одно и то же. И все это в полном согласии с даосизмом, дзэн-буддизмом и такими христианскими поучениями, как *Ama et fac quod vis** (* Люби и делай, что пожелаешь (лат.). - *Прим.ред.*) святого Августина и советом отца Лаллемана теоцен-трическим созерцателям отправиться в мир и действовать, ибо истинное добро порождается только соответствующими деяниями. Но ни доктор Оман, ни Кэнон Равен не дают достаточно ясно понять, что ощутить истинное единство природы и благодати, Нирваны и Сансары могут только те люди, которые выполнили определенные условия. *Fac quod vis* во временном мире — не только после того, как ты обучился бесконечно трудному искусству всем разумом и сердцем любить Бога и ближнего, как себя самого. Но если ты не овладел этим искусством, то ты станешь либо преступником, либо эксцентриком, либо человеком, ведущим благонамеренную "гармоничную" жизнь, у которого не осталось времени, чтобы разбираться как в природе, так и в благодати. В Евангелии абсолютно ясно говорится о процессе, посредством которого и только его одного, человек может обрести право жить в мире, как в своем собственном доме: он должен полностью отказаться от эгоизма и обуздать свое "я". Сам Иисус в определенный период своей жизни подверг суровым испытаниям не только свой разум, но и свое тело. Сохранился рассказ о его сорокадневном посте и заявлении (сделанном явно в результате личных ощущений), что определенных демонов может изгнать только тот, кто постится так же усердно, как и молится. (Кюре д'Арс, знание чудес и телесных епитимий которого основано на личном опыте, настаивает на существовании тесной связи между суровыми испытаниями плоти и способностью заставить сверхъестественные силы ответить на обращенную к ним мольбу.) Фарисеи упрекали Иисуса за то, что он "ел и пил" и общался с "откупщиками и грешниками". Они не знали или игнорировали тот факт, что, в свое время, этот пророк соперничал с Иоанном Крестителем в суровом укрощении плоти и упражнялся в укрощении духа, которое он постоянно проповедовал.

Образ жизни Иисуса по сути соответствует образу жизни того идеального мудреца, о котором говорится в "Пасторалиях", столь популярных среди дзэн-буддистов. Дикого быка, символизирующего необновленное в духовном смысле "я", заставляют изменить направление пути, ловят, укрощают и постепенно превращают из черного в белого. Процесс трансформации заходит так далеко, что на определенное время бык вообще исчезает, и на картинках остается лишь полная луна, символизирующая Разум, Эго, Основу. Но и это еще не конец. В конце пастух возвращается в мир людей, восседая на своем быке. Поскольку сейчас он способен любить настолько, что его любовь тождественна божественному объекту его любви, — он может делать все, что ему хочется; ибо ему хочется того же, чего хочет Природа Вещей. Он сидит в компании пьяниц и мясников; и он, и они все превратились в Будд. Он полностью примирился с мимолетным, и в результате этого примирения открыл вечное. Но обьранные, милые, не обновленные духовно люди примиряются с мимолетным только тогда, когда потворствуют своим страстям, поддаются искушениям и получают от них удовольствие. Если вы скажете таким людям, что мимолетное и вечное есть одно и то же, и при этом немедленно не разъясните смысл этого утверждения, — это неминуемо приведет к катастрофическим последствиям. Ибо, на самом деле, они являются одним и тем же только для святого; история не знает такого случая, чтобы святым стал тот, кто в самом начале своей деятельности не вел себя так, словно мимолетность и вечность, природа и благодать не являлись совершенно разными и во многих отношениях несовместимыми вещами. Дорога духовности — это всегда узкая, словно лезвие бритвы, тропа между двумя пропастями. С одной стороны — опасность простого бегства от реальности, с другой — опасность получения удовольствия от вещей, которые должны использоваться только в качестве инструментов или символов. Ниже приводится подпись под последней из "Пасторалей".

Даже за пределом всего есть еще дорога.

Идя по ней, он вернется в шесть царств существования.

Любое земное дело теперь есть работа буддиста.
И где бы он ни был, он дышит воздухом родного дома.
Даже если кругом грязь, он выделяется в ней, словно алмаз,
Даже если повсюду огонь, он сверкает в нем, словно чистое золото.
Он идет по бесконечной дороге рождений и смертей И ему достаточно самого себя.
В любых обстоятельствах он сохраняет спокойствие и объективность.

Средства, с помощью которых достигается главная цель человека, будут подробно описаны в главе "Укрощение плоти и духа и отстраненность". Однако, это глава посвящена в основном укреплению воли. Но сильная воля должна сочетаться с не менее сильным сознанием. Должно иметь место внезапное или постепенное преобразование не только сердца, но и всех чувств, а также разума. Ниже приводится краткое описание "метанойи", как называли греки полную и радикальную "смену разума".

Наиболее систематизированные сведения по данному вопросу даны в индуистских и буддистских формулировках Вечной Философии. Они предписывают процесс осознанного разграничения между личным "я" и "Я", тождественным Брахману, между индивидуальным эго и маткой Будды или Всемиренным Разумом. В результате этого разграничения может наступить более или менее внезапная и полная "смена" сознания и возникновение состояния "неразума", которое можно определить, как освобождение от перцепционной и мыслительной связи с эго-принципом. Это состояние "не-разума" существует на "лезвии бритвы" между беззаботностью обычного чувственного человека и чрезмерно отчаянным усердием фанатика, жаждущего спасения. Чтобы достичь этого состояния, человек должен продвигаться к нему очень осторожно. А чтобы сохранить его, он должен научиться сочетать высочайшую бдительность со спокойствием и жертвенной пассивностью, непоколебимую решимость с полным ее подчинением указаниям духа. Хуан По говорит: "Когда разум ищет "не-разум", тот делает его конкретным объектом мышления. Единственным ответом является молчание; этот процесс не поддается осмыслению". Иными словами, мы, как отдельные личности, не должны пытаться думать о нем, а должны позволить ему думать о нас. В "Алмазной Сутре" мы также можем прочесть о том, что если Бодхисаттва в его попытке познать Это "сохраняет мышление "эго", личности, отдельного существа или души, — то он больше не является Бодхисаттвой". Ал Газали, философ-суфий, также указывает на необходимость покорности разуму. "Если тому, кто пребывает в "фане" (термин, примерно соответствующий дзэнскому "не-разуму" или "мушину"), приходит в голову мысль, которую он вычеркнул из своего "я", то это — плохо. Высшее состояние наступает тогда, когда стирается уже стертая мысль". Иступленное стирание уже стертого имеет место на внутренних высотах Атмана-Брахмана; но еще более полное стирание уже стертого происходит также и повсеместно в мире, в пробуждающемся повседневном познании Бога во всей его полноте.

Чтобы быть истинно нищим, человек должен быть настолько свободным от своей сотворенной воли, насколько он был, когда его не было. Истинную правду говорю вам: пока есть у вас воля исполнять волю Бога и вы имеете какое-либо желание, относится ли оно к вечности или к Богу, до тех пор пор вы не нищи действительно. Ибо только тот человек нищ, который ничего не хочет, ничего не знает, ничего не домогается.

Экхарт

Совершенный Путь нетруден, если не считать того, что он не дает возможности выбора. Только тот, кто освободился от ненависти и любви, Увидит его ясно и четко.

Сойди с него хотя бы на один палец. И небо и земля отделятся друг от друга. Если ты хочешь увидеть его своими глазами, Не думай о нем ни хорошо, ни плохо.

Противопоставлять то, что тебе нравится, тому, что не нравится, — Вот болезнь разума.

Разум того, кто не понимает истинного смысла Пути, Пребывает в смятении безо всякой на то надобности.

Не ставь себе сложных внешних задач, Не живи во внутренней пустоте;

Будь спокоен в единстве вещей, И дуализм исчезнет сам собой.

Если ты стремишься достичь состояния покоя прекращением движения. То покой, достигнутый таким образом, есть вечное движение. Пребывая в таком дуализме, как можешь ты познать единство? Если единство не познано до конца, То этот недостаток проявляется двояко: Отрицание внешней реальности есть утверждение ее, Утверждение Пустоты (Абсолюта) есть отрицание его...

Преобразования, происходящие в открывающемся нам пустом мире.

Кажутся реальными по причине нашего невежества. Не пытайся искать истину. Просто перестань принимать определенную точку зрения.

Двое существуют благодаря Одному;

Но даже с Ним они не едины.

Когда разум пребывает в покое,
То и десять тысяч вещей не могут причинить ему вреда...
Если глаза никогда не смыкаются во сне. То все сновидения прекратятся сами собой;
Если Разум сохраняет свою абсолютность. То десять тысяч вещей являются одной субстанцией.
Когда мы постигнем глубокую тайну единого Этого, Мы сразу же забудем все внешние сложности;
Когда мы рассматриваем десять тысяч вещей в их единстве, Мы возвращаемся к началу и остаемся там, где мы всегда и были...

Одно во всем, Все в Одном. — Пойми только это, И больше не беспокойся о своем совершенстве!

Когда Разум и каждый верующий разум не разделены, Когда не разделены каждый верующий разум и Разум, Тогда слова бессильны, Ибо нет прошлого, настоящего или будущего.

Третий Патриарх Дзэн

Делай то, что ты делаешь в настоящий момент, страдай от того, от чего ты страдаешь в настоящий момент. Чтобы делать все это со святостью, нужно изменить только свое сердце. Святость состоит в видении Божьей воли во всем, что с нами происходит.

де Коссад

Француз, живший семнадцатом веке пользовался совсем иными выражениями, чем живущий в седьмом веке китаец. Но оба они дают нам по сути один и тот же совет. "Покориться волей Божьей", "подчиниться указаниям Святого Духа", — иной набор слов, но выражает он то же самое, что "следовать Совершенным Путем", "отказаться принимать определенную точку зрения", "держать глаза открытыми, чтобы прекратились сновидения". И в том, и в другом случае, должна открыться Истина.

В мире, населенном обычными, милыми, не обновленными духовно людьми, большую часть времени царит скука, настолько сильная, что они вынуждены отвлекать свой разум от осознания этого факта с помощью всевозможных искусственных "развлечений". Изредка она сменяется кратким мигмом удовольствия и частенько — неприятными ощущениями или даже страданиями. Те, кто подготовил себя к тому, чтобы видеть Бога как в мире, так и внутри собственной души, и тем самым заслужил этот мир, видят его под совершенно иным углом зрения.

То была бессмертная пшеница Востока, у которой никогда не будет жатвы и которая никогда не была посеяна. Я думал, что это поле существовало всегда и всегда будет существовать. Пыль и камни улицы были ценны, как золото. Ворота поначалу показались краем света. Зеленые деревья за воротами, когда я в первый раз увидел их, привели меня в восторг и упоение; их душистый запах и необычная красота заставили мое сердце колотиться в экстазе, настолько они были ни на что не похожи и великолепны. А Люди! О, какими почтенными выглядели старцы! Бессмертные Херувимы! Юноши казались сверкающими ангелами, переливающимися красками, а девушки — неведомыми неземными созданиями. полными жизни и красоты! Мальчики и девочки резвились на улице, словно ожившие драгоценные камни. Я знал, что они не были рождены и не должны умереть. Все вещи существовали вечно и находились на положенных им местах. Вечность проявилась в свете дня и за всеми вещами появилось что-то бесконечное. Это бесконечное беседовало с моими надеждами и разжигало мое желание. Похоже, что город находился в Эдеме или был построен в Небесах. Эти улицы были моими, этот храм был моим. эти люди были моими, так же, как их одежды, золото, серебро, сияющие глаза, светлая кожа и румяные лица. Небо было моим, а так же солнце, луна и звезды. — весь мир был моим; я был единственным, кто видел его и наслаждался им... Так случилось, что в результате больших усилий я был развращен узнать грязные методы управления миром. позабыл. Я стал подобным малому ребенку. Царство Божье.

И потому я дарю вам еще одну мысль, еще более чистую и еще более духовную: в Царстве Небесном все пребывает во всем, все — едино, и все принадлежит нам.

Экхарт

Доктрина, утверждающая, что Бог присутствует в мире повсеместно, имеет одно важное практическое значение: она указывает на святость Природы и на греховность и глупость самоуверенных попыток человека стать ее повелителем вместо того, чтобы быть ее благоразумно-покорным сподвижником. К живым существам, не достигшим человеческого уровня развития, и даже к вещам необходимо относиться с уважением и пониманием, и не следует грубо эксплуатировать их ради достижения наших целей.

Владыкой Южного Океана был Поспешный, владыкой Северного Океана — Внезапный, владыкой Центра — Хаос. Поспешный и Внезапный часто встречались на земле Хаоса, который принимал их радушно, и они захотели его отблагодарить.

— Только у Хаоса нет семи отверстий, которые есть у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, — сказали они. — Попытаемся их ему проделать. Каждый день делали по одному

отверстия и на седьмой день Хаос умер.

Чжуан-цзы

В этой юмористической притче под Хаосом понимается Природа в состоянии "ву-вей" — равновесия. Поспешный и Внезапный — это образы тех деятельных личностей, которые думают, что могут улучшить Природу, превращая сухие степи в поля пшеницы и орошая пустыни; которые гордо объявили о Покорении Воздуха, а затем обнаружили, что нанесли колоссальный ущерб цивилизации; которые вырубили огромные леса, чтобы сделать из них бумагу, необходимую для торжества всеобщей грамотности и победе демократии и разума во всем мире, но вместо этого получили эрозию почвы на огромных пространствах, потоки бульварного чтива и органы фашистской, коммунистической, капиталистической и националистической пропаганды. Короче говоря. Поспешный и Внезапный — ярые поборники апокалипсической религии Неизбежного Прогресса и кредо их таково: Царство Небесное находится вне тебя и ждет тебя в неопределенном будущем. А Чжуан-цзы, как и любой истинный даосист, не намерен принуждать Природу становиться средством для достижения временных и плохо понимаемых целей, что полностью противоречит главной задаче человека, сформулированной в Вечной Философии. Он хочет работать вместе с Природой над созданием материальных и общественных условий, в которых индивидуумы смогут осознать Дао на всех уровнях, — от физиологического до духовного.

В отличие от даосистов и буддистов, христиане относились к Природе на удивление бесчувственно, а зачастую откровенно пытались подчинить ее себе с помощью насильственных методов. Отталкиваясь от неудачной формулировки в Книге Бытия, католические моралисты рассматривали животных, как обычные вещи, которые человек имеет право эксплуатировать для достижения своих собственных целей. Подобно искусству пейзажной живописи, гуманитарное движение в Европе было почти полностью светским делом. А на Дальнем Востоке и то, и другое, по самой своей сути, были религиозными предприятиями.

Греки верили, что за гордыней всегда следует возмездие: если вы зайдете слишком далеко, по получите удар по голове, который напечет вам, что боги не потерпят дерзости от смертных людей. В области человеческих отношений современный разум понимает доктрину "гордыни" и считает ее в принципе верной. Мы хотим, чтобы гордыня была посрамлена, и зачастую становимся свидетелями этого явления.

Того, у кого слишком много власти над своими собратьями или слишком много денег, или слишком честолюбивые планы, или слишком большая тяга к насилию, ожидает наказание, и мы знаем, что когда-нибудь это наказание в той или иной форме обязательно придет. Но греки на этом не остановились. В силу того, что Природа для них была отчасти божественным явлением, они полагали, что ее следует уважать, и были убеждены, что высокомерное отношение к Природе повлечет за собой наказание со стороны богини возмездия. В "Персах" Эсхил перечисляет причины — абсолютные, метафизические причины поражения варваров. Ксеркс был наказан за два преступления: высокомерную империалистическую политику в отношении Афин и высокомерное имперское отношение к Природе. Он пытался поработить своих собратьев-людей и море, построив мост через Геллеспонт.

Атосса От берега до берега перекрыл он Геллеспонт.

Призрак Дария Ну и что, разве он сможет сковать могучий Босфор?

Атосса Все равно, кто-то из богов помогает его замыслам.

Призрак Дария Какой-то бог власти затуманил его разум.

В наше время мы осознаем опасность первого вида империализма и осуждаем его. Но большинство из нас игнорирует существование и даже саму возможность существования второго вида. Но автор "Эдгина" определенно не был дураком, и сейчас, когда мы платим ужасную цену за воспетое нами "покорение Природы", его книга актуальна более, чем когда-либо. И в девятнадцатом веке Батлер был не единственным, кто скептически относился к Неизбежному Прогрессу. За поколение или чуть раньше Альфред де Виньи писал о новом технологическом чуде того времени — паровом двигателе, и тон его значительно отличался от восторженных воплей его великого современника, Виктора Гюго.

*Sur fe taureau de fer, qiii finne, souffle ef beugle L 'homme est monte trop tot. Nul ne connaif encor Qiels orages en lui porte ce rude aveitg/e, Et le gai voyageur hii livre son tresor**

Далее в том же стихотворении он пишет:

*Tons se sont dit: "Allans ", mais aucun n 'est le maitre D 'nu dragon mugissant qii 'Illi savant a fait iaitre Nous nous sommes joues a plus fort quo nous tons.***

На железного быка, который дымит, пыхтит и ревет, Человек взгромоздился слишком рано. Никто не может знать, Какие бури таит в себе -это грубое слепое существо, А радостный путешественник доверяет ему свое сокровище. ** Все сказали себе: "Давайте", но никто из нас не хозяин Этому

мычащему дракону, которого породил некий мудрец. Мы позволили себе играть с тем, с чем потом не сможем совладать.

Оглядываясь на бесконечные побоища и опустошения, мы можем увидеть, что Виньи был абсолютно прав. Никто из тех веселых путников, о которых с таким восторгом писал Виктор Гюго, не имел ни малейшего представления о том, куда их везет первый, смешной маленький "Пыхтящий Билли". Вернее, у них было абсолютно ясное представление, но оно оказалось абсолютно неверным. Ибо они были уверены, что "Пыхтящий Билли" на полной скорости мчит их к миру во всем мире и братству всех людей. Им также казалось, что газеты, которые они с гордостью читали, пока поезд, мерно постукивая, вез их к Утопии, находящейся примерно в пятидесяти годах пути, были гарантией того, что разум и свобода вскоре восторжествуют повсеместно. Между тем, "Пыхтящий Билли" превратился в четырехмоторный бомбардировщик, загруженный мощной взрывчаткой и белым фосфором, а свободная пресса повсеместно обслуживает либо его рекламную кампанию, либо группу лоббистов, либо правительство.

Тем не менее, по какой-то необъяснимой причине, путники, уже давно переставшие веселиться, по-прежнему истово веруют в Неизбежный Прогресс, то есть, по сути дела, вопреки всему опыту человечества веруют в то, что в жизни что-то можно получить даром. Насколько более разумным и реалистичным представляется мнение греков: каждая победа имеет свою цену, и чрезмерно высокая цена некоторых побед делает эти победы бессмысленными! Современный человек больше не рассматривает Природу как существо божественное хоть в каком-нибудь смысле этого слова и считает, что абсолютно вправе вести себя по отношению к ней, как надменный завоеватель и тиран. Современный технологический империализм создал огромное количество благ; но богиня возмездия позаботилась о том, чтобы нам достались не только "пироги и пышки", но и "синяки да шишки". Например, перевешивает ли удовольствие, которое человек получает от возможности переместиться из Нью-Йорка в Лос-Анжелес за двенадцать часов, те страдания, которые ему причиняют падающие с неба зажигательные бомбы? Не существует такой формулы, пользуясь которой можно было бы вычислить общее количество счастья и доброты в мире. Однако, не вызывает сомнения: преимущества, созданные технологическим прогрессом, или (если пользоваться терминологией греков) борьбой человеческой гордыни с Природой, — как правило сопровождаются соответствующими отрицательными явлениями, и продвижение вперед на одном направлении оборачивается отступлением на другом, и что за все в этой жизни надо платить. Нам не дано получить точный ответ при вычитании потерь из приобретений, и не дано узнать, будет ли результатом этого вычитания истинный Прогресс в области добродетели, счастья, любви к ближнему и разума. Именно потому, что реальность Прогресса так и не получила точного определения, люди девятнадцатого и двадцатого века были вынуждены относиться к Прогрессу, как к предмету религиозной веры. А вот поклонники Вечной Философии не придают первостепенного значения размышлениям о том, неизбежен ли Прогресс или даже реален ли он вообще. Для них значение имеет то, что индивидуальные мужчины и женщины должны обрести знание, объединяющее их с божественной Основой. Что же касается общества, то их интересуют не его прогрессивность или не-прогрессивность (чтобы там не означали эти термины), а то, в какой степени общество помогает или мешает индивидуумам достичь главной цели человека.

Глава 5 ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.

1 Иоанн, 4.8

Любовь может охватить и удержать Его, но мысль — никогда.

Облако Незнания

Всякий, кто хочет достичь созерцания (то есть, объединяющего знания) должен начать со строгого вопроса к самому себе: насколько сильно я люблю? Ибо любовь есть движущая сила разума (*machiia mentis*), которая вырывает его из мира и высоко возносит его.

Святой Григорий Великий

Любовь есть астрология Божественных тайн.

Джалаладдин Руми

О небо, столь спокойное доселе! Пусть поскорей узнает мощь твою Тот похотью изъеденный богач, Который, не желая видеть ничего, поскольку чувств лишен, Своими слугами твои законы сделал.

Шекспир

Любовь — безошибочна; она не ошибается, ибо все ошибки совершаются из-за нехватки любви.
Вильям Ло

Мы можем любить только то, что мы знаем, и мы никогда не знаем до конца то, чего мы не любим. Любовь — это форма знания, и когда любовь достаточно бескорыстна и достаточно сильна, это знание становится объединяющим и приобретает качество безошибочности. Там, где нет бескорыстной любви (проще говоря, любви к ближнему), есть только эгоистичная любовь к самому себе, и, как следствие, только частичное и искаженное знание как о своем "я", так и о внешнем мире вещей, живых существ, разума и духа. "Измученный похотью" человек подчиняет себе "законы Неба" — то есть, использует законы Природы и духа ради достижения своих корыстных целей. В результате он становится "бесчувственным слепцом" и, стало быть, не способен к познанию. Его невежество абсолютно добровольно; если он и "слепец", то только потому, что он "не желает видеть ничего". Такое добровольное невежество неизбежно приводит к отрицательным последствиям. Гордыня влечет за собой возмездие, которое в некоторых случаях принимает очень драматичные формы, когда добровольный "слепец" (Макбет, Отелло, Лир) попадает в ловушку собственного честолюбия, или собственничества, или капризного тщеславия. В некоторых случаях оно проявляется менее заметно, когда власть, богатство и слава сопутствуют человеку до конца его дней, но ценой постоянно увеличивающейся невосприимчивости к благодати или даже полной неспособности когда-либо вырваться из душевной темницы эгоизма и обособленности. Насколько сильно духовное невежество может поразить тех, кто "ставит себе на службу законы Неба", подтверждает поведение кардинала Ришелье на смертном одре.

Присутствовавший при кончине кардинала священник предложил великому человеку подготовить душу к ждущему ее впереди испытанию и простить всех своих врагов. "У меня никогда не было никаких врагов", — ответил кардинал со спокойной искренностью невежды. Долгие годы интриг, накопления богатств и претворения в жизнь честолюбивых планов сделали его невежество таким же абсолютным, какой была его политическая власть, "уступавшая только власти короля". Как и Наполеон, он по своему "почувствовал мощь Неба", поскольку отказал себе в удовольствии питать любовь к ближнему и тем самым не пожелал узнать всю правду о своей собственной душе и о чем-либо еще.

Здесь, на земле, любить Бога — лучше, чем знать Его, а знать низкие вещи — лучше, чем любить их. Если мы их знаем, то мы, так сказать, поднимаем их на уровень нашего разума, а вот если мы их любим, то мы склоняемся перед ними и становимся их слугами, как скупец становится слугой золота.

Святой Фома Аквинский (^перепарафразировано)

Это замечание, на первый взгляд, несовместимо с теми, что предшествовали ему. Но на самом деле святой Фома просто проводит границы между различными формами любви и знания. Лучше любить-знать Бога, чем просто знать о Боге без любви, прочитав теологический трактат. С другой стороны, золото невозможно полностью познать с помощью любви, а вернее, плотского вожделения, которое к нему испытывает скряга, или с помощью абстрактного интереса к нему ученого-исследователя, или же бескорыстной любви-знания художника по металлу или поклонника его творчества, которых приводит в восторг просто его красота, а не ценность и возможность обладания им. То же самое относится к сотворенным вещам и разумным живым существам. Плохо любить-знать их из эгоистических и корыстных побуждений; целесообразнее познавать их с бесстрастностью ученого; но лучше всего дополнить абстрактное бескорыстное знание истинной бескорыстной любовью-знанием, обладающей качеством эстетического наслаждения или любовью к ближнему, или тем и другим одновременно.

Мы сотворяем кумира из голой истины: ибо истина в отрыве от любви к ближнему не есть Бог, а есть его образ и кумир, которого мы не должны любить и которому мы не должны поклоняться.

Паскаль

В результате филологической неточности (которая, вероятно, была никакой не случайностью, а еще одним тонким выражением глубоко укоренившейся в человеке жажде невежества и духовной тьмы), в современном английском языке, слово *charity* (любовь к ближнему) стало синонимом слова *almsgiving* (благотворительность) и почти никогда не используется по своему прямому назначению — как обозначение высшей и наиболее божественной формы любви. Из-за этого обеднения и в лучшие времена не очень адекватного запаса психологических и духовных терминов, слово *love* (любовь) вынуждено было взвалить на себя дополнительную ношу. Мы бойко повторяем, что "Бог есть любовь", и что мы должны "возлюбить ближнего своего, как себя самого". Но, к сожалению, слово "любовь" обозначает все: от восторженного слияния на киноэкране (крупным планом) губ — до тех чувств,

которые испытывают к неграм-рабам Джон Вул-мен или Питер Клейвер (эти два храма Святого Духа), от состояния орущей, поющей и машущей флагами толпы в "СпортПаласе" или на Красной Площади — до состояния одинокого созерцателя, погружившегося в простую молитву. Двусмысленность слов приводит к путанице в мыслях. А что касается любви, то здесь путаница в мыслях прекрасно служит тому, чтобы не обновленная духовно и разделенная человеческая натура, утверждала, что она служит Богу, а на самом деле служила Мам-моне. Марсу или Приапу.

Знатоки духовной жизни в длинных произведениях или коротких афоризмах и притчах описали природу истинной любви к ближнему и отделили ее от других, более низких форм любви. Давайте по порядку рассмотрим ее основные характеристики. Во-первых. любовь к ближнему — бескорыстна, не ждет похвалы и не позволяет себе огорчиться, когда за добро ей воздают злом. Бога следует любить за то, что Он есть, а не за Его дары, и любую личность или вещь следует любить во имя Бога, ибо они являются храмами Божьего Духа. Более того, поскольку любовь к ближнему — бескорыстна, она просто обязана быть всемирной.

Любви не нужны ни причины, ни плоды своего существования: она сама по себе — плод, сама по себе — наслаждение. Я люблю, потому что я люблю: я люблю в силу того, что я могу любить... Из всех порывов и движений души любовь — то единственное, посредством чего создание, пусть и не на равных, может общаться с Создателем и возвращать что-то, напоминающее то, что было ему дано... Когда Бог любит, он хочет только одного — быть любимым, зная, что всех, кто любит Его, любовь сделает счастливыми.

Святой Бернар

У любви нет никаких побочных целей, она не хочет ничего, кроме своего увеличения, и потому все является маслом, подливаемым в ее огонь: она должна получить то, чего она хочет, и она не может быть разочарована, поскольку все (в том числе, и недоброе отношение со стороны объекта любви) естественным образом помогает ей жить так, как ей того хочется, и творить свою работу.

Вильям Ло

Те, кто плохо отзываются обо мне, на самом деле являются моими добрыми друзьями. Когда на меня клеветали, я не испытывал ни враждебности, ни предубежденности. Во мне накапливается сила любви и смирения, рожденная Нерождавшимся.

Кун Чэн-цзы

Некоторые люди хотят видеть Бога, как они видят корову, и хотят любить Бога, как они любят корову. — за молоко, которое она дает, за сыр, который из него можно сделать, за прибыль, которую из всего этого можно извлечь. Так обстоят дела с людьми, которые любят Бога во имя внешнего богатства или внутреннего комфорта. Они любят Бога не по-настоящему, если они любят его ради своей выгоды. Я скажу вам — воистину, любая, поставленная вами цель, какой бы хорошей она не была, будет барьером между вами и внутренней Истиной.

Экхарт

Я — нищий, но, Господь, я прошу у Тебя Больше, чем может попросить тысяча царей. Каждый хочет чего-то и просит его у Тебя. Я же пришел к тебе, чтобы попросить дать мне Тебя.

Ансари ал-Харави

Я не буду иметь ничего общего с любовью к Богу. Такой любви чистая любовь вынести не может; ибо чистая любовь есть сам Бог.

Святая Екатерина Женевская

Мать, даже рискуя собственной жизнью, защищает своего единственного сына. Пусть же добрая воля в неограниченном количестве присутствует в каждом существе. Пусть добрая воля господствует на всей земле, над землей, под землей, вокруг земли, — безмерная, не ведающая различий и противоречий. Если в часы бодрствования человек постоянно пребывает в этом состоянии разума, тогда приходит время сказать: "Даже и этот мир является священным".

Метта Сутта

Учись смотреть на все существа одинаково, видя одно "Я" во всех.

Шримад Бхагатавам

Вторая отличительная особенность любви к ближнему заключается в том, что, в отличие от низших форм любви, она не является эмоцией. Она начинается, как усилие воли, и достигает своего пика, как чисто духовное озарение, объединяющая любовь-знание сути своего объекта.

Пусть каждый знает, что настоящая любовь к Богу состоит не в пролитии слез, и не в той нежности, к которой мы, как правило, стремимся, потому что она утешает нас, — а в справедливом, стойком, смиренном служении Богу.

Святая Тереза

Ценность любви заключается не в высоких чувствах, а в отрешенности, в готовности вытерпеть все испытания во имя Бога, которого мы любим.

Сан Хуан де ла Крус

Под любовью я не подразумеваю никакую естественную нежность, которая в большей или меньшей степени присуща человеческой природе; нет, я имею ввиду значительно больший принцип души, основанный на разуме и благочестии, который делает нас нежными и добрыми по отношению к нашим собратьям, как к созданиям Бога. и во имя Его.

Вильям Ло

Природа любви к ближнему или любви-знания Бога определена Шанкарой, великим индуистским святым и философом девятого века, в тридцать втором двустии его произведения Вивека-Чудамани".

Среди средств освобождения высшим является любовь. Сказано, что созерцание истинной формы настоящего "Я" (Атмана, тождественного Брахману) есть любовь.

Иными словами, высшей формой любви к Богу является непосредственная духовная интуиция, посредством которой "знающий, знаемое и знание становятся единым целым". Средства и первые фазы обретения духом этой высшей любви-знания Духа описаны Шанкарой в предыдущих двустиях его философской поэмы и состоят в усилиях воли, направленных на отказ от эгоизма в мыслях, чувствах и деяниях; на уничтожение желаний и достижений отрешенности или (если использовать соответствующий христианский термин) "святого безразличия"; на веселое отношение к несчастьям и отказ от жалости к самому себе и мыслей о том, чтобы платить злом за зло; и, наконец, на обретение неусыпной целенаправленной бдительности Божества, которое трансцендентально и, будучи трансцендентальным, одновременно имманентно в каждой душе.

Ясно, что никакой определенный объект, доставляющий удовольствие воле, не может быть Богом, поэтому, если воля желает соединиться с Ним, она должна опустошить себя, отбросить все беспорядочные порывы желаний, отказаться от всех удовольствий, высоких и низких, временных и духовных, чтобы, очистившись от всех бурных удовольствий, наслаждений и желаний, она могла полностью сосредоточиться на любви к Богу. Ибо, если воля вообще способна осознать Бога и соединиться с Ним, то она может это сделать никак не посредством желаний, а только посредством любви; и поскольку все удовольствия, радости и наслаждения, на которые способна воля, не являются любовью, — то ни одно из этих приятных ощущений не может служить средством соединения воли с Богом. Таким средством может быть только усилие воли. И поскольку усилие воли не имеет ничего общего с чувством, — именно посредством этого усилия воля соединяется с Богом и покоится в Нем; это усилие есть любовь. Это единение не может быть результатом ощущений или исполнения желаний, ибо они остаются в душе, как задачи и цели. Чувства могут быть только отправной точкой любви, если воля твердо решила двигаться вперед и только вперед...

Если человек, утративший духовное благоденствие и наслаждение, думает, что это Бог оставил его, то он совершает очень большую ошибку: то же самое можно сказать о нем, когда он, вновь обретя их, довольно думает, что обрел Бога.

Еще более глуп тот, кто ищет в Боге удовольствия, наслаждается этим процессом, живет в нем; ибо, поступая так, он ищет Бога не посредством воли, основанной на чистой вере и любви к ближнему, а посредством воли, основанной на духовных наслаждениях, — то есть следует за своей волей и приятными ощущениями.

...Воля может обрести благоденствие и благодать единения с Божеством только посредством отрешенности, отказа от всех удовольствий, доставляемых земными и небесными вещами.

Сан Хуан де ла Крус

Любовь (обычная эмоциональная любовь) не служит единению. Да, она служит действию единения; но она не служит единению сути.

Экхарт

Причина, по которой чувственная любовь даже самого высшего порядка не может соединить душу с духовной сутью божественной Основы состоит в том, что, как и все порывы сердца, чувственная любовь обостряет тот эгоизм, который является основным препятствием на пути к такому единению. "Прокляты те, кто вечно пребывает в движении, не зная ни мгновения отдыха; мы, смертные, все еще продолжая наш путь, можем иногда прервать наше движение и отдохнуть... Не движется только Бог". Стало быть, мы обретаем знание и любовь к Богу только тогда, когда пребываем в божественном покое, превосходящем всякое понимание. А к превосходящему всякое понимание покою мы должны прийти дорогой самого обычного и всеми хорошо понимаемого мира — мира между народами и внутри них (ибо войны и насильственные революции почти полностью отгораживают Бога от большинства их участников); мира между индивидуумами и внутри индивидуальных душ (ибо ссоры на личностном уровне, а также страх, любовь, ненависть, честолюбие отдельного человека не менее губительны для духовной жизни, чем великие потрясения). Мы должны стремиться к такому миру для себя и для других, какой мы сами можем установить, чтобы подготовить себя к принятию того другого мира, который является плодом Духа и условием, по словам святого Павла, обретения знания-любви, единящего нас с Богом.

Только приведя свои разум в состояние полного покоя, ты сможешь преобразовать этот фальшивый разум смерти и нового рождения в чистый Интуитивный Разум и, совершив это, понять изначальную и просветляющую Суть Разума. Это должно стать отправной точкой твоих духовных упражнений. Приведя отправную точку в соответствие с твоей целью, с помощью правильных упражнений ты сможешь достичь истинно совершенного Просветления.

Если ты хочешь привести свой разум в состояние полного покоя и восстановить его изначальную чистоту, ты должен действовать так, словно ты очищаешь воду из грязного источника. Ты должен дать ей отстояться, пока осадок не соберется на дне кувшина, и вода не станет чистой, что соответствует состоянию, в котором разум пребывал до того, как его начали беспокоить нечистые желания. Затем ты старательно процеживаешь чистую воду... Когда разум войдет в состояние полного покоя и абсолютной сосредоточенности, тогда он увидит все вещи не в отдельности, а в их единстве, в котором нет места страстям и которое полностью соответствует таинственной и неопишуемой чистоте Нирваны.

Сурангама Сутра

Тождество Единого с тем, что находится вне Его, и с тем, что находится в Нем, является бьющим ключом сияющей Любви.

Экхарт

Духовный прогресс, как мы имели возможность убедиться на нескольких других примерах, всегда двойственен и движется по спирали. Освобождение от эмоционального возбуждения есть путь к любви к ближнему; а любовь к ближнему или объединяющая любовь-знание есть путь к высшему божественному покою. То же самое можно сказать о смирении, которое является третьей характерной чертой любви к ближнему. Смирение является необходимым условием высшей формы любви, а высшая форма любви дает возможность превратить смирение в абсолютную скромность.

Хочешь ли ты стать путником на дороге Любви? Тогда выполни первое условие: будь смиренным, как пыль и пепел.

Ансари ал-Харавч

По поводу любви к ближнему я могу сказать только одно — обрести ее тебе поможет только смирение: только осознание своей слабости может сделать тебя терпимым и снисходительным к другим. Ты ответишь: "Да, я понимаю, что смирение делает меня терпимым по отношению к другим, но как мне обрести смирение?" Смирение рождается в результате соединения двух вещей, и ты никогда не должен отделять их друг от друга. Первой из них является созерцание бездны, из которой всемогущая рука Господня извлекла тебя, и над которой она держит тебя, так сказать, в подвешенном состоянии. Вторая — это присутствие всепроникающего Бога. Только бескорыстно и любя Бога, мы можем научиться тому, как забывать свое "я", правильно оценивать ослепившее нас ничтожество и с благодарностью растворяться в Величии, поглощающем все вещи. Люби Бога, и ты обретишь смирение: люби Бога, и ты отбросишь любовь к своему "я": люби Бога, и ты возлюбишь все, что Он дает тебе возможность любить во имя любви к Нему самому.

Фенелон

Мы уже знаем, что чувства могут мотивировать любовь к ближнему; но любовь к ближнему сама по себе рождается в воле — воле к миру и смирению в самом себе, в воле к терпимому и доброму отношению к своим братьям, в воле к той бескорыстной любви к Богу, которая "ничего не просит и ни в чем не отказывает". Но волю можно укрепить постоянными упражнениями. Хорошей иллюстрацией к этому может послужить запись, восхитительная в своей босуэловской живости, разговора между молодым епископом Белльским и его обожаемым другом и учителем Франциском Сальским.

Однажды я спросил епископа Женевского, что должен делать человек, чтобы достичь совершенства. "Ты должен возлюбить Бога всем своим сердцем, — ответил он. — и возлюбить ближнего своего, как себя самого". "Я не спрашиваю, в чем состоит совершенство, — возразил я. — я спрашиваю, как его достичь". "Любовь к ближнему. — снова заговорил он. — это одновременно и цель и средство, и достичь этого совершенства мы можем только посредством самой любви к ближнему... Если душа — это жизнь тела, то любовь к ближнему — это жизнь души". "Я знаю все это. — сказал я. — Но я хочу знать, каким образом человек может любить Бога всем своим сердцем и любить ближнего своего, как себя самого". Но снова он ответил: "Мы должны любить Бога всем своим сердцем и любить ближнего своего, как себя самого". "Я так ничего и не понял, — ответил я. — Скажи мне, как обрести такую любовь?"

"Самый быстрый, самый лучший, самый простой способ возлюбить Бога всем своим сердцем состоит в том, чтобы возлюбить Его всем своим сердцем!"

Он продолжал повторять один и тот же ответ. И все же, в конце концов, епископ сказал: "Ты не один такой. Очень многие хотят узнать у меня метод, систему и тайный способ достижения совершенства, и я могу сказать им только одно: единственный секрет состоит в искренней любви к Богу, а достичь такой любви можно только, любя. Ты учишься говорить в процессе речи, ты овладеваешь знаниями в процессе их обретения, ты учишься бегать, бегая, ты учишься работать, работая: точно также, ты учишься любить Бога и человека, любя их. Все, кто думают, что есть другой путь, обманывают себя. Если ты хочешь любить Бога, то люби Его все больше и больше. Начни, как простой ученик, и сама сила любви приведет тебя к мастерству. Те, кто достигли наибольшего прогресса, будут постоянно идти вперед и ни за что не поверят, что дошли до цели: ибо любовь к ближнему должна постоянно расти в нас до самого нашего последнего вздоха".

Жан Пьер Камю

Переход от того, что святой Бернар называет "плотской любовью" к священному человечеству, к духовной любви к Божеству, от эмоциональной любви, которая может привести только к действительному соединению любящего и любимого, к совершенной любви к ближнему, соединяющей их в духовной субстанции, в религиозной практике отражен, как переход от прерывистой и эмоциональной медитации к глубокому созерцанию. Все христианские авторы уверяют, что духовная любовь к Божеству выше плотской любви к человеку, которая является лишь началом и средством достижения своей главной цели — обретения любви-знания, объединяющего его с божественной Основой. Но все они не менее упрямо уверяют, что плотская любовь является обязательным началом и незаменимым средством. Восточные авторы соглашаются, что это верно для многих людей, но не для всех, поскольку существуют и прирожденные созерцатели, способные "совместить исходную точку с целью" и сразу же ВСТУПИТЬ на путь Йоги Знания. Ниже мы приводим отрывок из произведения величайшего из даоистских философов, написанного именно с точки зрения прирожденного созерцателя.

Одни только видят Небо, как своего отца и его в силу этого, любят, тем более, что выше неба. Другие только видят благородного мужа (царя), их превосходящего и готовы за него умирать; тем более должны бы это делать ради того, что более истинно, чем царь. Когда источник высыхает, рыбы поддерживая одна другую, собираются на мели, и стараются дать друг другу влагу дыханием и слюной. Но лучше им забыть друг о друге в просторах рек и озер.

Хуан Цзун

"Слизь" личной и эмоциональной любви лишь отдаленно напоминает воду духовного божественного бытия и отличается от нее более "низким качеством" и (именно потому что эта любовь — личная и эмоциональная) "недостаточным количеством". Осушив в результате своего добровольного невежества, неверных действий и несправедливого бытия божественные реки, человеческие существа могут скрасить ужас своего положения "обмениваясь слизью". Но не может быть никакого счастья или безопасности во времени и никакого освобождения в вечности, пока они не перестанут думать, что могут обойтись одной только "слизью", и пока не призовут вернуться божественные воды, отдавшись тому, что, в сущности, является их стихией. Ищите прежде всего Царство Божие, а все остальное

приложится. А если вы ищите, подобно тем, кто в настоящее время молится на прогресс, прежде всего, все остальное, надеясь, что к результатам обуздания ядерной энергии и трех очередных революций приложится Царство Божье, — вы все потеряете. И все же мы продолжаем доверять прогрессу, продолжаем считать личную слизь высшей формой духовной влаги, и продолжаем предпочитать мучительное и невозможное существование на суше — любви, радости и покою в нашем родном океане.

Секта влюбленных не похожа на все остальные: у влюбленных своя религия и своя вера.

Джалаладдин Руми

Душа живет не в теле, ею одушевленном, а в том, что она любит. Ибо она не живет в теле, она, скорее, дает жизнь телу и живет в том, что любит.

Сан Хуан де ла Крус

Смирение есть любовь, полностью сосредоточившаяся на Нем, который является ее объектом; отвага есть любовь, готовая с радостью вынести все во имя Него, который является ее объектом; правосудие есть любовь, служащая только Ему, который является ее объектом и, стало быть, правит справедливо; благоразумие есть любовь, правильно отличающая то, что ей мешает, от того, что ей помогает.

Святой Августин

Отличительными чертами любви к ближнему являются бескорыстность, спокойствие и смирение. Там, где есть бескорыстие, — нет ни стремления выгадать что-либо для себя, ни страха потерять что-то или быть наказанным? Там, где есть спокойствие, — нет ни желания, ни отвращения, а есть непоколебимая воля подчиниться божественному Дао или Логосу на любом уровне бытия и постоянное осознание божественного Этого и того, что должно быть связью Его и индивидуума. И там, где есть смирение, нет ни придиристости, ни восхваления эго, ни спроецированного за счет других альтер эго, которое обладает теми же самыми недостатками и слабостями, но считается способным превосходить других в обретении знания, единящего его с Богом. Из этого всего следует, что любовь к ближнему есть корень и основа нравственности, и что там, где мало любви к ближнему, есть много зла, которого можно было бы избежать. Все это суммируется в формуле, созданной святым Августином: "Люби и делай все, что хочешь". В качестве примера более поздних разработок затронутой святым Августином темы мы приводим ниже отрывок из писаний Джона Эверарда, одного из тех одаренных духовно мудрецов семнадцатого века, к учениям которого остались глухи воюющие друг с другом группировки, и на которые, еще меньше внимания обратили церковники эпохи Реставрации и их наследники эпохи неоклассицизма, когда революция и военная диктатура были уже позади. (О том, насколько глухи были эти люди, мы можем судить по тому, что написал Свифт о своих любимых и нравственно совершенных Fv-ингнмах. Основной темой их бесед и их поэзии были такие вещи, как "дружба и благожелательность, видимые деяния природы или древние традиции; узы и пределы добродетели, непогрешимое правление разума". И они никогда не занимали свой разум мыслями о Боге, или любви к ближнему, или об освобождении этого самого разума. О чем достаточно ясно свидетельствует то, как относился декан церкви святого Патрика к религии, на которой он сделал себе деньги.)

Дайте человеку, который нашел внутри себя живого Поводыря, делать все, что ему заблагорассудится, и пусть он забудет, если сможет, все законы внешнего мира! С таким же успехом вы можете сказать человеку, нежно любящему свою жену: "Если тебе того хочется, ты волен бить ее, калечить или убить".

Джон Эверард

Из этого следует, что там, где есть любовь к ближнему, там не может быть никакого принуждения.

Бог никого не заставляет, ибо любовь не терпит принуждения. и, стало быть, служение Богу есть вещь абсолютно добровольная.

Ганс Денк

Но именно потому, что любовь к ближнему не терпит принуждения, она обладает некой мирной силой авторитета, с помощью которой она защищает себя и помогает своим служителям. Разумеется, она не может автоматически помочь всем и каждому (ибо некоторые индивидуумы и, тем более, организации, защищены от божественного воздействия непроницаемой броней), но, на удивление, в большом количестве случаев сила ее оказывается действенной.

Небо вооружает жалостью тех, кого хочет сохранить
Лао-цзы

"Он оскорбил меня. он ударил меня. он одержал верх надо мною. он ободрал меня". У тех, кто таит в себе такие мысли, ненависть не прекращается.

"Он оскорбил меня. он ударил меня. он одержал верх надо мною. он ободрал меня". У тех, кто не таит в себе таких мыслей, ненависть прекращается.

Ибо никогда в мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма.

Дхамманада

Нынешнее состояние дел в экономике, общественных и международных отношениях объясняется, в основном, организованным отсутствием любви. Мы начали с утраты любви к Природе,

так что вместо того, чтобы постараться взаимодействовать с Дао или Логосом на уровне неодушевленных вещей и существ, стоящих ниже человека, — мы пытаемся подавлять и эксплуатировать, мы разбазариваем полезные ископаемые, разрушаем почву, уничтожаем леса, сбрасываем отходы в реки и загрязняем ядовитыми испарениями воздух. От отсутствия любви к Природе мы перешли к отсутствию любви к искусству — настолько полному, что мы почти полностью убили все фундаментальные и полезные виды искусства, заменив их всевозможной массовой продукцией, создаваемой при помощи машин. И, конечно, это отсутствие любви к искусству в то же самое время является отсутствием любви к человеческим существам, которые вынуждены выполнять несложные и лишенные изящества задачи, навязанные нашими механическими суррогатами искусства и бесконечной возней с бумагами, связанной с массовым производством и массовой дистрибуцией. Рука об руку с массовым производством и массовой дистрибуцией идет массовое финансирование, и эти процессы объединили свои усилия в деле экспроприации все большего количества маленьких участков земли и средств производства, тем самым ограничивая свободу среди большинства людей и стимулируя способность меньшинства насильственно контролировать жизнь своих собратьев. Это способное к насильственному контролю меньшинство состоит из частниковкапиталистов или правительственных чиновников, иди и тех, и других, объединивших свои усилия. И разумеется, как бы не называл себя начальник — "директором компании" или "слугой народа", — контроль, который он осуществляет, является принудительным и, стало быть, по сути своей, лишенным любви. Единственная разница между двумя видами этих олигархических правителей заключается в том, что власть первых зиждется, в большей степени, на богатстве, чем на их положении в обладающей устоявшимся авторитетом иерархии. А власть вторых зиждется в большей степени на служебном положении, чем на богатстве. На эту повсеместно идентичную основу не отмеченных любовью отношений нагромождены другие отношения, — в каждом обществе свои, зависящие от местных условий, местных привычек и местного образа мышления. Вот несколько примеров: эксплуатация и презрительное отношение к цветному меньшинству, живущему среди белого большинства, или цветное большинство, управляемое белым меньшинством; ненависть к евреям, католикам, масонам или любому другому меньшинству, чьи язык, привычки, внешний вид или религия отличаются от соответствующих черт местного большинства. А венцом всего этого является организованное отсутствие любви между государствами — отсутствие любви, которое выражает себя в нетребующей никаких доказательств убежденности, что нации имеют естественное право вести себя подобно вора и убийцам, вооружаться до зубов и при первой представившейся возможности грабить и убивать. (О том, насколько суждения о природе наций, хорошо свидетельствует история Центральной Америки. До тех пор, пока отдельные области Центральной Америки с их произвольно очерченными границами назывались провинциями испанской колониальной империи, их обитатели жили в мире и согласии друг с другом. Но в начале девятнадцатого века различные административные районы испанской империи разорвали связь с "родиной" и решили стать нациями по европейскому образцу. Результат: они немедленно начали воевать друг с другом. Почему? Потому что суверенное национальное государство по определению является организацией, которая имеет право и обязана принуждать своих членов осуществлять грабежи и убийства в самых больших масштабах.)

"Не вводи нас в искушение" — вот каким принципом должны руководствоваться все общественные организации; искушений следует опасаться, и, по мере возможности, искушения следует ликвидировать при помощи соответствующих экономических и политических мер. Во-первых, распространение и общее принятие любой формы Вечной Философии сможет помочь удержать мужчин и женщин от искушения поклоняться временным вещам — церкви, государству, революции, индивидуализму, ибо все они, по самой своей сути, неизбежно противоречат любви к ближнему. За этим должны последовать децентрализация, широкое распространение мелкой частной собственности

на землю и средства производства, ликвидация, как государственных, так и корпоративных монополий, разделение экономической и политической власти (лорд Актон не уставал повторять, что это является единственной гарантией гражданских свобод в условиях законности). Эти социальные преобразования должны помешать честолюбивым индивидуумам, организациям и правительствам поддаться искушению установить тиранию. А кооперативы, демократические профессиональные организации и городские собрания должны освободить народные массы от искушения сделать свой децентрализованный индивидуализм слишком буйным. Но, конечно, ни одна из этих изначально желательных реформ не может быть осуществлена до тех пор, пока суверенные государства будут считать своим естественным состоянием готовиться к войне друг с другом. Ибо современную войну могут вести только страны с чрезмерно развитой промышленностью; страны, в которых экономическая мощь находится в руках государства или нескольких монополистических корпораций, которые легко облагать налогом или, при необходимости, временно национализировать; страны, в которых трудящиеся, не обладающие частной собственностью и лишённые корней, могут быть легко перемещены с места на место и вышколены производственной дисциплиной. Любое децентрализованное общество свободных, не подвергающихся никакому принуждению мелких частных собственников, общество со сбалансированной экономикой, в воинственном мире вроде нашего, станет жертвой любого другого общества, где производство высоко механизировано и централизовано, где народ не имеет частной собственности и потому легко поддается принуждению, — общества, в экономике которого имеется явный перекос. Вот почему индустриально неразвитые страны типа Мексики или Китая хотят только одного: стать Германией, Англией, или Соединёнными Штатами. До тех пор, пока будет существовать организованное отсутствие любви, выражающееся в войнах и подготовке к ним, не может быть и речи об уменьшении отсутствия любви в экономических и политических отношениях в масштабах отдельных стран и всего мира. Войны и подготовка к ним являются постоянными искушениями сделать нынешнее плохое, забывшее о Боге общество ещё более плохим, в то время, как технология будет становиться всё более эффективной.

Глава 6 УКРОЩЕНИЕ СТРАСТЕЙ, ОТСТРАНЕННОСТЬ, ПРАВЕДНЫЕ ТРУДЫ

Драгоценное Царство Божие было отгорожено от души временем, многообразием, её собственными трудами, или, ненадолго, её творческой природой. Душа сумеет открыть в себе Царство Божие в такой степени, в какой она сумеет отделиться от многообразия. В Царстве Божьем душа и Божество являются единым целым.

Экхарт

"Наше царствие уходит" — это обязательное и неизбежное следствие того, что "Твое царствие приходит". Ибо, чем больше "я", тем меньше Бога. Божественная вечная полноценная жизнь достанется только тем, кто осознанно расстался с раздраемой противоречиями жизнью страстей, корысти, эгоцентрического мышления, эгоцентрических чувств, желаний и действий. Укрощение страстей или осознанное умерщвление "я" с бескомпромиссной твердостью пропагандировалось каноническими книгами христианства, индуизма, буддизма, больших и малых религий, а также геоцентрическими святыми и духовными реформаторами, которые не только толковали принципы Вечной Философии, но и жили в соответствии с ними. Но подобный "отказ от своего "я" не считается (по крайней мере людьми, знающими о чем они говорят) концом пути. Он является просто инструментом, незаменимым средством достижения цели. По словам человека, цитаты из произведений которого мы уже не раз приводили в предыдущих главах, всем нам необходимо "узнать истинную природу и ценность любого самоотречения и укрощения страстей".

Что до их природы, то, сами по себе, они не содержат ни добра, ни святости, не способствуют по-настоящему нашей канонизации, не питают по-настоящему Божественную Жизнь в наших душах, не обладают очищающей силой. Их единственная ценность заключается в том, что они устраняют препятствия на дороге к святости, сокрушают барьеры между нами и Богом и прокладывают путь в наши души очищающему Божьему духу, который только он один может вдохнуть Божественную Жизнь в наши души или подарить им мельчайшую частичку истинной святости или духовной жизни... Теперь понятно, почему многие люди не только ничего не приобрели, но даже многое потеряли в результате укрощения страстей. Они неправильно поняли природу и ценность этого укрощения. Они практиковали его ради него самого, как вещи, ценной самой по себе. Они решили, что оно является истинной частью святости и потому остановились на нем и не пошли дальше, зато очень выросли в собственных глазах благодаря своим успехам в укрощении страстей. В результате они стали самоуверенными, угрюмыми, суровыми судьями всех тех, кто не достиг таких же успехов. В результате самоотречение привело их к тому же, к чему других людей приводит следование страстям: оно

воздвигло барьер между Богом и их душами. И вместо того, чтобы по-настоящему умертвить свое "я", они только укрепили его царствие.

Вильям Ло

Искоренение и истребление страстей есть добро, но не абсолютное: обретение Мудрости — вот абсолютное добро. Когда это время наступит, все люди запоют.

Фчлон

Мой личный опыт мне подсказывает: что натура человека, живущего в соответствии с религиозными принципами, но неверно толкующего молитвы и другие вещи, связующие душу с Богом, — становится гораздо хуже, чем она могла быть, если бы он жил по мирским законам. Ибо гордыня и эгоизм, укоренившиеся в душе из-за греха, способны безмерно укрепиться, благодаря религии, если душа встала не на тот путь, что ведет к знанию и истинному смирению. Ибо я вижу, как в результате метаний и противоречий воли, которых нельзя избежать ни в одной религиозной общине, сердце превращается в камень. И смягчить его может только настоящая молитва, посредством которой душа тянется к Богу и учится у Него истинному смирению.

Гертруда Мор

Однажды, когда я жаловалась что мне приходится есть мясо и не каяться, мне сказали: иногда желание каяться содержит в себе больше эгоизма, чем сам грех.

Святая Тереза

Тот факт, что укротившие свои страсти люди в некотором отношении хуже тех, кто своим страстям потворствует, — не раз находил отражение в истории, художественной литературе и описательной психологии. Например, пуританин может исповедовать все основные добродетели: благоразумие, стойкость, выдержку и целомудрие — и при этом оставаться очень плохим человеком. Ибо слишком часто эти его добродетели сопровождаются, а по сути причинно связаны с такими грехами, как гордыня, зависть, хронический гнев, неприязнь, иногда доходящая до самой настоящей жестокости. Ошибочно принимая средства за цель, пуританин вообразил себя святым на основании своей способности к стоическому воздержанию. Но стоическое воздержание есть ни что иное, как возвышение более почтенной стороны "эго" за счет его менее почтенной стороны. А святость, напротив, есть полное отрицание отдельного "я", как его достойных, так и недостойных аспектов, и подчинение воли Богу. Чем больше человек привязан к таким понятиям, как "Я", "меня", "мое", тем меньше он способен обрести знание, объединяющее его с божественной Основой. Укрощение страстей должно быть доведено до уровня отрешенности или (по выражению святого Франциска Сальского) "святого безразличия"; в противном случае, оно просто переведет своеволие в другое русло, причем своеволие от этого может не только не уменьшиться, но даже увеличиться. Как это всегда и бывает, лучшие люди, развратившись, становятся худшими. Разница между укротившим свои страсти, но по-прежнему горделивым и сосредоточенным на самом себе стойким и отчаянным гедонистом заключается в следующем: последний, будучи слабохарактерным, ленивым и в душе стыдящимся самого себя человеком, не имеет ни энергии, ни мотивов, чтобы причинить вред кому-нибудь или чему-нибудь еще, кроме своего тела, разума и духа. Первый, в силу того, что он обладает всеми вторичными достоинствами и смотрит свысока на тех, кто не похож на него, морально готов и вполне способен причинить вред в самом большом масштабе и без всяких угрызений совести. Это очевидные факты. И все же, в современном религиозном жаргоне слово "аморальный" обозначает исключительно человека, невоздержанного в плотских удовольствиях. В то же время, люди вполне респектабельные, но алчные, честолюбивые, жестокие, скрывающие дикую жажду власти за соответствующей идеологической ширмой, не только не подвергаются осуждению, а считаются образцами добродетели.

Представители организованных церквей начинают создавать нимбы вокруг голов людей, которые делают все, что в их силах, чтобы разжечь очередную войну или революцию, и продолжают причитать по поводу того, что наш мир пребывает в таком плачевном состоянии.

Вопреки тому, что воображают многие люди, — укрощение страстей не представляет собой, прежде всего, суровый образ жизни в физическом отношении. Возможно, что определенные лица при определенных обстоятельствах смогут достичь главной цели человека при помощи суровых физических самоограничений. Однако, в большинстве случаев, аскетизм такого рода ведет не к освобождению, а к чему-то совершенно другому, — развитию "психических" способностей. Умение добиться удовлетворения молитвы-просьбы, дар целителя, способность заглядывать в будущее или разум другого человека, — вот качества, которые, похоже, зачастую имеют некую причинную связь с постами, бдениями и самоистязаниями. Большинство великих теоцентрических святых и духовных учителей признавало существование сверхъестественных способностей, но только для того, чтобы вы-

сказать сожаление по этому поводу. Они говорили: мнение, будто эти "сиддхи", как называли таких людей индусы, имеют что-то общее с освобождением, — является опасной иллюзией. Штучки такого рода либо не имеют отношения к главной цели жизни, либо (если они слишком ценятся и им уделяется слишком много внимания) являются препятствием на пути духовного развития. И это не единственный отрицательный аспект физического аскетизма. Крайние его формы могут оказаться опасными для здоровья, — а человеку с ослабленным здоровьем очень трудно постоянно совершать усилия, необходимые в духовной жизни. А поскольку физический аскетизм — дело трудное, болезненное и, вообще, очень бросающееся в глаза, — он является постоянным искушением для людей тщеславных, стремящихся к установлению всякого рода рекордов. "Когда ты подвергал себя физическим страданиям, ты был велик, ты вызывал восхищение". Так пишет Сузо о своих личных ощущениях, которые привели его, как за много столетий до него и Гаутаму Будду, к отказу от умерщвления плоти. А святая Тереза замечает, что налагать на себя великую епитимью гораздо легче, чем терпеливо, с любовью и смирением выносить обычные тяготы повседневной семейной жизни, что, впрочем, не помешало ей, до самого последнего ее дня, подвергать себя самым жестоким самоистязаниям. (Мы не можем знать, действительно ли эти страдания помогли ей в обретении знания, объединяющего ее с Богом, или она их ценила и практиковала для тех психических способностей, которые они помогали развивать.)

Наш дорогой святой (Франциск Сальский) не одобрял тех, кто безудержно постится. Он говаривал, что дух перекормленное тело не выносит, а в недоедающем не задерживается.

Жан Пьер Камю

Если воля, получая какое-либо удовольствие от чувственного объекта, летит на крыльях этого удовольствия к Богу, или чувственный объект вызывает в ней желание молиться, — тогда она не должна пренебрегать чувственным объектом. Она должна использовать его в таких святых целях. Ибо чувственный объект в таких условиях делает то, ради чего его создал Бог, а именно — дает возможность лучше узнать и больше полюбить Его.

Сан Хуан де ла Крус

Тот, кто не осознает свободы духа среди чувственных объектов — вещей, которые должны вызывать желание молиться, и чья воля опирается на них и питается ими, — тот должен воздержаться от их употребления: ибо для него они — препятствие на дороге к Богу.

Сан Хуан де ла Крус

Один человек может сказать, что он не способен поститься: но может ли он сказать, что не способен любить Бога? Другой может заявить, что он не способен сохранить девственность или продать все свое имущество, чтобы раздать деньги бедным: но может ли он сказать мне, что не способен любить своих врагов? Нужно всего лишь заглянуть в собственное сердце: ибо Бог не просит у нас того, за чем следует отправляться в дальние края.

Святой Иероним

Любой, кто желает поступать именно так, может более чем успешно практиковать укрощение страстей в условиях обычной повседневной жизни и при этом даже не прибегать к суровым физическим самоограничениям. Мы приведем правила, составленные для Гертруды Мор автором "Священной Мудрости".

Во-первых, она должна делать все то, что ей положено делать по любому закону, — человеческому или Божьему. Во-вторых, она не должна совершать поступков, запрещенных человеческими или Божьими законами, или же Божественным вдохновением. В-третьих, она должна терпеливо и с самоотречением преодолевать все препятствия, сооруженные на пути ее воли рукой Божьей. Таковыми, например, являются скука, искушение, физическое увечье, болезнь и немощь, потеря друга и потребность в уюте. Все эти страдания следует выносить терпеливо, вне зависимости от того, посланы они Богом или Его созданиями... Такого укрощения страстей вполне достаточно для Дамы Гертруды или любой другой души, а укрощения иного рода не следует советовать, так как нет в нем никакой нужды ни для кого.

Августин Беикер

Подводя итог, можно сказать: лучшим результатом укрощения страстей является отказ от своеволия, корысти, эгоцентрических мышления, желания и воображения. Крайние формы физического аскетизма вряд ли дадут такой результат. А вот смиренное отношение к тому, что случается с нами в ходе нашей повседневной жизни (за исключением, разумеется, наших грехов) скорее всего дадут желаемый эффект.

Если человек претворяет в жизнь специфические методы самоотречения, то они должны быть неброскими, безопасными для здоровья и лишены духа соревнования. Например, что касается диеты, то большинство людей посчитает истинным укрощением страстей отказ от продуктов, которые эксперты по питанию объявили вредными. А что касается отношений между людьми, то самоотречение должно здесь принять формы не показушного смирения, а сдержанности в речах и поступках, — отказ от недоброжелательных или легкомысленных речей (что, на практике, означает отказ от пятидесяти процентов обычных разговоров) и умение вести себя спокойно и бодро, когда внешние обстоятельства или состояние здоровья могут вызвать тревогу, угрюмость или излишнее возбуждение.

Когда человек любит ближнего своего ради того, чтобы вновь родиться на небесах или ради славы, или ради награды, или из страха, — то такая любовь не может привести к полному успеху.

Сутра о Понимании и Защите Дхармы

Когда князь Вен Ван посещал Цан, он увидел старого рыбака. Но старик не занимался настоящей рыбной ловлей, ибо удил не для того, чтобы поймать рыбу, а просто из удовольствия. Вен Ван захотел сделать его членом своего правительства, но боялся, что его министры, дяди и братья будут возражать. С другой стороны, он не мог вынести мысли, что если он даст старику уйти, то другие люди не смогут увидеть столь прекрасный пример.

Чжуан-цзы

Боже, если я поклоняюсь Тебе из страха перед адом, то сожги меня в аду. И если я поклоняюсь Тебе в надежде попасть в Рай, то изгони меня из Рая; но если я поклоняюсь Тебе ради Тебя самого, то не скрывай от меня Твоей вечной Красоты.

Рабиа

Рабиа, святая-суфий, говорит, мыслит и чувствует категориями благочестивого теизма; буддийский теолог — категориями безликого нравственного Закона; китайский философ, с характерным для этих людей юмором — категориями политики. Но все они настаивают на необходимости отказа от корысти — и настаивают так же сильно, как настаивает Христос в своем обращении к Фарисеям, которых он критикует за эгоцентрическую набожность; как настаивает Кришна из "Бхагавад Гиты", когда он приказывает Арджуне выполнять его долг перед Богом, не ожидая награды и не опасаясь наказания.

Святого Игнатия Лойолу однажды спросили, что бы он почувствовал, если бы Папа стал подавлять Общество Иисуса. Он ответил:

— Я бы четверть часа молился, а потом об этом вообще не думал.

Вероятно, это самая трудная форма укрощения страстей — достичь "святого равнодушия" к временным успехам или неудачам в том деле, которому человек отдает все свои силы. Человек добился триумфа — хорошо, потерпел поражение — тоже хорошо, хотя ограниченному и закрепощенному временем разуму совершенно непостижима полезность поражения.

Под человеком, лишенным страстей, я понимаю человека, который не позволяет ни добру, ни злу разрушить его внутреннее хозяйство, а подстраивается под то, что произошло, и не прибавляет его к сумме своей смертности.

Чжуан-Цзы

Готовность к единению с Богом не означает, что душа должна каким-то образом понимать, осязать, воображать или чувствовать на вкус природу Бога или какой-либо вещи; душа должна пребывать в той чистоте и той любви, которые являются абсолютной отрешенностью от всех вещей, за исключением Бога.

Сан Хуан де ла Крус

Тщеславие всегда порождает беспокойство и не приносит никакой пользы. Даже если весь мир и все вещи в нем пришли в смятение, беспокойство по этому поводу есть тщеславие.

Сан Хуан де ла Крус

Своей заботы достаточно не только для каждого дня, но и для каждого места. Возбужденное отношение к событиям, на которые мы не в состоянии повлиять, потому что они либо еще не произошли, либо происходят слишком далеко от нас, — есть ни что иное, как заражение ожидаемым или удаленным от нас злом, которое становится предметом нашего беспокойства. Слушать четыре-пять раз в день новости и комментарии к ним, читать ежедневные газеты, а также все еженедельные и

ежемесячные журналы, — все это называется теперь "проявлять разумный интерес к политике". Сан Хуан де ла Крус назвал бы это потворством праздному любопытству и культивированием беспокойства ради самого беспокойства.

Я хочу очень немногого, и того, что я действительно хочу. я хочу не очень-то и сильно. У меня почти нет желаний, но если бы мне пришлось родиться заново, я должен был бы вообще их не иметь. Мы не должны ничего просить и ни в чем не отказывать, и. подчинившись воле божественного Провидения. не тратить попусту время на любые желания, за исключением тех. которые являются желаниями Бога.

Снятой Франциск Сальский

Сохрани свой покой.
И вещи смогут сами расти,
Я буду ждать их возвращения.

*Лао-
цзы*

Все вещи расцветут
И вернутся к своему началу.
Это возвращение к корням называется Покоем;
Покой называется покорностью Судьбе;
То, что покорилось Судьбе, является частью вечности:
Познать вечность значит быть просветленным;
Не знать ее — значит слепо совершать зло.

Я хотел бы иметь возможность присоединиться к "Отшельникам" (на острове Калди) вместо того, чтобы быть начальником и писать книги. Но, конечно, я не хочу получить то, чего я хочу.

Аббат Джон Чепмен

Мы не должны хотеть ничего, кроме того, что происходит в данный момент, и в то же время, мы должны постоянно распространять добро.

Святая Екатерина Женевская

Прогресс в деле укрощения страстей, как и прогресс в большинстве других сфер жизни, — это скольжение по лезвию ножа. С одной стороны притаилась Сцилла эгоцентрического аскетизма, а с другой — Харибда блаженного наплевательства. Святое безразличие, пропагандируемое толкователями вечной Философии, не является ни стоицизмом, ни обычной пассивностью. Оно представляет собой, скорее, активное отречение. Отказ от своеволия означает не то, что волю можно отправить в бессрочный отпуск, а то, что божественная воля может использовать укрощенные разум и тело, как орудия добра. Или, вместе с Каби-ром, мы можем сказать, что "правоверным является тот, в чьем сердце соединяются любовь и отстраненность, подобно тому, как смешиваются воды Ганга и Джамны". До тех пор, пока мы не расстанемся с частными увлечениями, мы не сможем любить Бога всем сердцем и разумом и не сможем испытывать вселенскую любовь ко всем Божьим созданиям во имя самого Бога. Потому Евангелие так сурово и говорит о необходимости отказа от исключительно семейных связей. И если Сыну Человеческому негде приклонить голову, если Татхагата и Бодхисаттва "осознали природу Реальности, ничего при этом не делая", то это только потому, что разум не может заключить в темницу предубеждений и антипатий истинно Божественную любовь, которая, подобно солнцу, одинаково светит и праведникам, и грешникам.

Душа, привязанная к какой-либо вещи, сколько бы добра эта вещь не содержала, никогда не достигнет свободы божественного единения. Какое значение имеет то, что именно мешает птице взлететь — толстая проволока или тонкая нить. если привязь эта крепка: ибо. пока путы не будут разорваны, птица не сможет взлететь. Так и душа. скованная, пусть даже непрочными с виду кандалами человеческих страстей, не сможет проложить себе путь к Богу, пока не разорвет кандалы.

Сан Хуан де ла Крус

Есть люди. которые лишь недавно освободились от своих грехов и потому по-прежнему являются новичками и учениками. нестойкими и слабыми, хотя они и полны решимости любить Бога... Они любят Господа Нашего и. в то же самое время, они любят огромное количество поверхностных,

тщетных и опасных вещей. Хотя они и любят Бога превыше всех вещей, но продолжают получать удовольствие от многих вещей. Богу не угодных. — вроде невоздержанности в речах, одеяниях, жестах и развлечениях.

Святой Франциск Сальскчи

Есть души, которые добились определенного успеха в божественной любви и отсекали любовь ко всем опасным вещам. И все же они способны на опасную и поверхностную любовь, потому что они действительно любят только то, что хочет Бог. но слишком нежной и страстной любовью... Любовь к родственникам, друзьям и благодетелям угодна Богу. но она может принимать крайние формы: то же самое можно сказать и о нашем призвании, каким бы духовным оно не было: и о нашем благочестии (которое, конечно, мы должны любить очень сильно). Если все вышеназванное мы ставим выше послушания или общего добра, или же считаем его целью, мы не понимаем, что оно является всего лишь средством.

Святой Франциск Сальскчи

Божественные вещи, коих не сосчитать, могут поместиться только в пустом и одиноком сердце.

Сан Хуан де ла Крус

Представим себе человека, переплывающего реку на лодке, и представим себе другую лодку — пустую, которая готова врезаться в эту лодку. В этом случае даже раздражительный человек не выйдет из себя. Но представим себе, что во второй, пустой лодке кто-нибудь есть. Тогда человек в первой лодке крикнет человеку во второй, чтобы тот был поосторожнее. И если тот, второй, не услышит предупреждение с первого раза. или даже на третий раз. тогда неизбежно последует поток ругательств. В первом случае гнева не было, во втором — был. потому что в первом случае вторая лодка была пуста, а во втором случае в ней сидел человек. Что верно для лодки, то верно и для человека. Если бы он только был способен пройти по жизни порожняком, кто был бы в состоянии причинить ему вред?

Чжуан-цзы

Когда сердце скорбит о потерях, дух радуется приобретениям.

Афоризм неизвестного суфия

Только расставшись с эгоцентрической жизнью, мы сохраняем скрытую дотоле жизнь, которая в духовной части нашего бытия, объединяет нас с божественной Основой. Эта новообретенная жизнь "более изобильна", чем та, что была прежде, и стоит на другой, более высокой ступени. Обретение этой жизни есть уход в вечность, есть освобождение, которое есть красота. Так и должно быть; ибо для Брахмана, который един с Атманом, это не только Бытие и Знание, но и Блаженство, а окончательным плодом Духа после Любви и Покоя — является Радость. Укрощение страстей — болезненный процесс, но эта боль является одним из предварительных условий обретения благодати. Это духовное ощущение иногда неправильно понимается из-за языка, которым оно описывается. Так, когда Христос говорит о том, что в Царство Небесное смогут войти лишь те, кто подобен малым детям, — мы можем забыть (настойчиво трогательны образы, вызванные этой простой фразой), что человек не может стать похожим на ребенка, если только он не пройдет чрезвычайно суровый и напряженный курс самоотречения. На практике повеление стать подобным малому ребенку равносильно повелению расстаться с жизнью. В прекрасном отрывке из произведения Трахерна, процитированном нами в главе "Бог в Мире", ясно сказано, что никто не может познать сотворенную Природу во всей ее изначально священной красоте, если прежде всего не забыть грязные методы взрослого человечества. Если смотреть на вселенную сквозь очки корысти, стекла в которых имеют цвет навоза, — то вся вселенная покажется просто навозной кучей. А если такие очки носить достаточно долго и они прирастут к глазам, то процесс "очищения врат восприятия", по крайней мере, на первых стадиях духовной жизни, может быть болезненным, как хирургическая операция. Правда, впоследствии даже самоотречение может преисполниться радостью Духа. В этой связи очень уместно привести отрывок из произведения четырнадцатого века "Масштаб Совершенства".

Многие люди обладают такими добродетелями, как смирение, терпение и любовь к ближнему только потому, что того требуют их разум и воля. и не находят в этих добродетелях никакого духовного наслаждения. Ибо зачастую человек следует этим добродетелям с трудом, горечью и ворчанием, и только потому, что его разум боится Бога. Эти добродетели навязаны человеку его разумом и волей, но он не любит их. Но когда, по милости Иисуса и при помощи духовных и телесных упражнений, разум превратится в свет. а воля — в любовь, он начинает искренне любить эти добродетели. Ибо он так долго грыз горькую кору или скорлупу ореха, что, в конце концов, она треснула, и он добрался до ядра.

Добродетели, которым поначалу было так трудно следовать, теперь превратились в чистое наслаждение.

Уолтер Хилчюн

До тех пор, пока я являюсь тем или этим. или обладаю тем или этим. я не являюсь всем и не владею всем. Очищайся до тех пор, пока ты перестанешь быть тем или этим. и перестанешь владеть тем или этим. Тогда ты — вездесущ и. не будучи ни тем, ни этим. ты — это все.

Экхарт

Это драматичное утверждение Экхарта очень часто повторяется исследователями духовной жизни. Только когда мы перестанем заикливаться на таких понятиях, как "Я", "меня", "мое", мы станем истинными хозяевами мира, в котором живем. Все принадлежит нам, если, конечно, мы ничто не считаем своей собственностью. И все принадлежит не только нам; оно также принадлежит всем остальным.

Истинная любовь тем отличается от вашей грешной плоти. Что, разделив ее, с собой не унесете.

Полный коммунизм может наступить только при наличии определенных плодов духа и, до некоторой степени, разума, и только тогда, когда мужчины и женщины смогут обладать этими плодами в состоянии отстраненности и самоотречения. Следует заметить, что определенный уровень укрощения страстей является обязательным предварительным условием даже для обычной творческой работы интеллекта и эстетического вкуса, а также для наслаждения плодами этой работы. Человек, выбирающий себе профессию художника, философа или ученого, зачастую, выбирает себе жизнь, полную бедности и неоплачиваемого тяжелого труда. Но это отнюдь не единственное испытание, которому он должен себя подвергнуть. Когда художник смотрит на мир, он должен отказаться от обычной человеческой тенденции смотреть на вещи с корыстной и утилитарной точки зрения. Философ-критик должен укротить свой здравый смысл, а исследователь должен упрямо сопротивляться искушению мыслить стандартно и упрощенно, и научиться покорно следовать за таинственным Фактом. И то, что истинно для творцов, истинно и для потребителей плодов их труда. То, что такого рода укрощение страстей, является делом нешуточным, неоднократно подтверждалось в истории. Например, можно вспомнить об укротившем свой интеллект Сократе и о чаше с ядом, которую, в благодарность за это, ему поднесли не укротившие свои страсти сограждане. Можно вспомнить о тех героических усилиях, которые приложили Галилей и его современники для того, чтобы разрушить аристотелевы штампы; и о не менее героических усилиях, которые в наше время требуются от любого ученого, убежденного, что во вселенной есть еще многое помимо того, что было обнаружено с помощью освященных временем рецептов Декарта. Такого рода укрощение страстей вознаграждается обретением определенного состояния сознания, соответствующего на низшем уровне духовной красоте. Художнику — а философ и ученый тоже являются художниками — знакомо блаженство эстетического созерцания, открытия и отстраненного обладания. Плоды работы интеллекта, эмоций и воображения — истинные плоды; но они не являются абсолютным добром, и если мы воспринимаем их, как самоцель, мы впадаем в идолопоклонничество. Укрощение воли, желаний и деятельности — это еще не все; должно также иметь место и укрощение познания, мышления, чувств и фантазии.

Интеллектуальные способности человека в результате его Падения находятся в гораздо более худшем состоянии, чем его животные устремления, и требуют гораздо большего самоотречения. И когда несчастный падший человек удовлетворяет запросы своей воли, своего понимания и своего воображения, и вроде бы обогащает и облагораживает их с помощью драгоценных знаний, почерпнутых из чтения беллетристики, — то они могут помочь ему понять Христа с таким же успехом, с каким искусство приготовления пищи, хорошо изученное знатоком Евангелия, поможет ему понять дух христианского воздержания и применить это воздержание на практике.

Вильям Ло

Поскольку слово "культура" — немецкое и пишется через "К" (*Kultur*, по-английски — *culture*), то во время Первой Мировой Войны оно подвергалось насмешливому презрению. Сейчас все перевернулось. В России Литература, Изобразительное Искусство и Наука стали новой гуманистической святой Троицей. Но Советский Союз — это не единственная страна, в которой существует культ Культуры. На культуру молится большинство интеллектуалов и в странах капиталистической демократии. Умные, прошедшие огонь и воду журналисты, которые пишут обо всем со снисходительным цинизмом людей, знающих все о Боге, Человеке и Вселенной, и видящих насквозь всю абсурдную тщету мира, буквально заходятся от восторга, когда речь идет о культуре. С энтузиазмом, который в данных условиях представляется просто смехотворным, они призывают нас

разделить их чисто религиозное отношение к Высокому Искусству, представленному новейшими образцами стенной росписи. Они уверяют, что пока госпожа Икс пишет свои неподражаемые романы, а господин Игрек — свои критические статьи, мир продолжает оставаться разумно устроенным, несмотря на явные признаки обратного. То же чрезмерно восторженное отношение к Культуре, та же вера, что Изобразительное Искусство и Литература являются самоцелью и могут процветать в изоляции от разумной и реалистичной философии жизни, — проникли даже в школы и высшие учебные заведения. Среди "прогрессивных" преподавателей есть немало таких, которые, похоже, думают, что все будет хорошо до тех пор, пока подросткам будет предоставляться возможность "самовыражения", а маленьких детей будут поощрять к "творчеству" на уроках по искусству. Но, увы, пластилин и самовыражение не решат проблем образования. Как не решат их технология, помощь в определении призвания, классическое искусство и серия "Сто Лучших Книг". Приводящиеся ниже критические замечания по поводу образования были сделаны более чем два с половиной столетия тому назад; но сегодня они актуальны так же, как и в семнадцатом веке.

Тот, кто не знает ничего из того, что ему следовало бы знать, думает, что он знает все, не представляя, как оно соотносится с Богом, ангелами и людьми, со всеми земными, небесными и адскими созданиями, со временем и вечностью.

Томас Трахерн

Тем не менее, некоторые вещи тоже были несовершенными (в Оксфорде времен Английской Революции). Там не было преподавателя, который по-настоящему учил бы Счастью, хотя эта наука является королевой всех прочих наук. И все мы относились к этой науке, как к чему-то "чуждому", хотя должны были относиться к ней с восторгом. Мы приобретали знания, но не знали во имя чего. И не зная точно цели, мы ошибочно выбрали средства

Томас Трахерн

В словаре Трахерна "счастье" означает "красота", которая на практике тождественна освобождению, которое, в свою очередь, тождественно знанию, объединяющему нас с Богом, как на небесах нашей души, так и во всем внешнем мире.

Ниже приводится описание укрощения разума, которое должно практиковаться всеми, кто прежде всего озабочен познанием Божества на небесах своей души.

Счастлив тот, кто постоянно уничтожая все образы, сосредоточиваясь на самом себе, и обращая свой разум к Богу, в конце концов, оставляет за собой и забывает все препятствия. Только так, своими обнаженными, чистыми, простыми эмоциями и разумом, он внутренне воздействует на самый чистый и простой объект — Бога. Поэтому знай, что все воздействие на Бога внутри тебя полностью зависит только от этих обнаженных разума, эмоции и воли. Ибо воистину, это воздействие не может быть оказано никаким телесным органом и никаким внешним чувством. Оно может быть оказано только тем, что составляет суть человека — пониманием и любовью. Стало быть, если ты желаешь короткого и безопасного пути к истинному блаженству, тогда с искренним желанием и сосредоточением постоянно очищай сердце и разум. Добавь к этому полное спокойствие и невозмутимость чувств, а также устремление вверх сердечных порывов. Трудись над смирением своего сердца, и, оставаясь непоколебимым и недоступным любым тщетным фантазиям, ты всегда сможешь крепко держаться за Бога внутри себя, настолько крепко, словно душа уже вошла в вечное "сегодня" — то есть, в состояние божества. Подняться к Богу — значит войти в самого себя. Ибо тот, кто входит в себя и возвышается над собой — тот восходит к Богу. Стало быть, разум должен возвыситься над самим собой и сказать: "Тот, кто стоит надо всем, что мне нужно, стоит надо всем, что я знаю". Погружаясь в собственную тьму, в это все достаточное добро, разум учится оставаться дома и удерживаясь со всей страстью за это высшее добро внутри него, навсегда закрепляется в нем. Продолжай в этом духе до тех пор, пока ты не станешь неизменным и действительно не обретишь ту истинную жизнь, которая есть Сам Бог, и будешь постоянно, без всякого чередования времени и пространства, пребывать в скрытых от постороннего взгляда тихих владениях Божества. *Альберт Великий (?)*

Некоторые люди превыше всего почитают знание и интуицию. Но смотри, тогда процесс познания ценится выше познаваемого: ибо мнимый естественный свет любит свои знания и возможности, которые для него сами по себе являются чем-то большим, чем то, что познается. И если бы только этот мнимый естественный свет мог понять ту простую истину, что, будучи в Боге и правде, он не теряет своих качеств, то есть, он не может потерять себя и все, принадлежащее ему. *Theologia Germanica*

Между нравственным поступком и духовным знанием существует прочная взаимосвязь. Бескорыстное поведение открывает доступ к знанию, а доступ к знанию дает возможность и в дальнейшем совершать еще более бескорыстные поступки, которые, в свою очередь, усиливают способность индивидуума к познанию. И так далее, если все идет хорошо и присутствуют бесконечные

покорность и послушание. Итог этого процесса отражают несколько строк из Майтри упанишады. Человек совершает праведный поступок (что, конечно, включает в себя истинную сосредоточенность и истинную медитацию) и это дает ему возможность на какое-то мгновение увидеть то "Я", которое лежит в основе его отдельной индивидуальности. Увидев свое "я" как "Я", он становится бескорыстным (и, стало быть, действует бескорыстно), и в силу его бескорыстия его следует считать абсолютным человеком. Это высшая тайна, предвещающая освобождение; благодаря бескорыстию, он не испытывает ни наслаждения, ни боли (иными словами, входит в состояние отрешенности или святого равнодушия) и достигает абсолюта" (или, как говорит Альберт Великий, "становится неизменным и обретает ту истинную жизнь, которая есть Сам Бог").

Если укрощение страстей достигает совершенства, то его наиболее характерным плодом является простота.

Простое сердце любит все самое ценное на земле — мужа или жену, родителя или ребенка, брата или друга — и при этом не теряет своей простоты: внешние вещи не представляют для него никакого интереса, если только они не ведут души в Нему: бахвальство, неестественность, неискренность и фальшь должны покинуть такого человека, подобно тому, как капли росы исчезают под лучами солнца. Человек желает только одного — доставить удовольствие Богу, и потому ему все равно, что говорят и думают другие, так что его слова и действия абсолютно просты и естественны, хотя и только с его точки зрения. Подобная христианская простота есть ни что иное, как само совершенство внутренней жизни, она есть Бог, его воля и удовольствие.

Н. Гру

А вот более пространные рассуждения на эту же тему одного из величайших мастеров психологического анализа.

Когда люди говорят о каком-то человеке, что он — "простой", то они, как правило, имеют ввиду глупую, невежественную, доверчивую личность. Но истинная простота — это далеко не глупость, и является почти вершиной. Все хорошие люди восхищаются ей, стараются не грешить против нее, замечают ее в других и знают, что она собой представляет: и все же они не могут дать ей точного определения. Можно сказать, что простота есть честность души, которая исключает эгоизм. Она не тождественна искренности, которая является добродетелью более низкого порядка. Многие искренние люди не отличаются простотой. Они говорят только то, во что они верят, и не боятся показаться такими, какими они являются на самом деле. Но они вечно следят за собой, взвешивают каждое свое слово и мысль, и опасаются сделать слишком много или слишком мало. Они не чувствуют себя свободно в присутствии других людей, а окружающие не чувствуют себя свободно в их присутствии. В этих людях нет ничего легкого, естественного, откровенного или свободного. Возникает ощущение, что лучше иметь дело с людьми менее достойными, но не такими чопорными. Увлеченность внешним миром и полное пренебрежение миром внутренним есть слепота человека, занятого только тем, что приятно и осязаемо, и которая диаметрально противоположна простоте. Другой крайностью является полная погруженность в свои мысли, чему бы они не были посвящены — Богу или человеку, и в результате человек становится замкнутым, тщеславным, самоуверенным, неприязненно относящимся ко всему, что может нарушить его внутреннее спокойствие. Подобная фальшивая мудрость, несмотря на внешнюю солидность, не менее пуста, чем легкомыслие тех, кто с головой погружается в мирские удовольствия. Одного человека опьяняет окружающая среда, другого — воображаемая внутренняя работа; и тот, и другой — пьяны, но второй находится в худшем положении, поскольку, у него сложилось обманчивое представление о своей мудрости и он не пытается излечиться. Истинная простота одинаково далека и от бездумия, и от фанатизма; душа не заикливается на внешних обстоятельствах и потому не теряет способности к размышлениям, и в то же время не подвергает себя бесконечным исправлениям, как того требует сосредоточенность исключительно на самом себе. Только та душа, которая смотрит, куда она идет, но не тратит время на обсуждение каждого шага и не оглядывается постоянно назад, обладает истинной простотой. Воистину, подобная простота является великим сокровищем. Как ее можно достичь? Я отдал бы все, что у меня есть, в обмен на нее; она — драгоценная жемчужина Священного Писания. Значит, прежде всего, душа должна отложить все внешние вещи и заглянуть внутрь себя, чтобы узнать свою истинную цель: это вполне правильный и естественный шаг; это всего лишь мудрая любовь к себе самому, которая стремится избежать опьянения внешним миром. Затем, к самосозерцанию, душа должна добавить созерцание Бога, которого она боится. Это — начало пути к истинной мудрости, но душа все еще слишком занята собой: она не удовлетворяется простым страхом перед Богом; она хочет удостовериться, что действительно боится его, и опасается того, что на самом деле она его не боится, то есть, душа бежит по замкнутому кругу сосредоточенности на самой себе. Все эти беспокойные размышления о собственном "я" далеки

от покоя и свободы истинной любви: но эта любовь уже видна вдали; душа должна пройти сквозь череду испытаний, ибо если она неожиданно погрузится в состояние покоя, то не будет знать, как им воспользоваться. Третья фаза состоит в том, что душа, прекратив беспокойное самосозерцание, начинает размышлять о Боге и постепенно забывается в Нем. Она переполняется Им и перестает жить самой собой. Такая душа не ослеплена собственными недостатками или безразличием к собственным ошибкам: она осознает их сильнее, чем когда-либо, и усилившийся свет позволяет разглядеть их более отчетливо. Но это самопознание исходит от Бога и потому не является ни беспокойным, ни отягощающим.

Фенелон

Какие восхитительно тонкие и точные замечания! И требующие особого внимания, в тщеславном двадцатом веке родилось ничем не обоснованное предположение, что до Фрейда никто ничего не знал о психологии. Но истина состоит в том, что большинство современных психологов понимает человека хуже, чем самые способные из их предшественников. Фенелон и Ларошфуко знали все о тающихся в глубинах подсознания темных силах и прекрасно осознавали, что за вежливой маской слишком часто скрываются похоть и жажда власти. Макиавелли четко разделял "осадок" и "вино", то есть истинные, корыстные мотивы поступков политика, и красивые теории, принципы и идеалы, с помощью которых эти поступки оправдываются и объясняются доверчивой публике. Паскаль, подобно Будде и святому Августину, предельно низко оценивал добродетели и рациональность человека. Но все эти люди, даже Ларошфуко, даже Макиавелли, знали нечто, что психологи двадцатого столетия решили игнорировать — факт тройственной природы человека, состоящей из духа, разума и тела; тот факт, что мы живем на границе двух миров — временного и вечного, физического человеческого мира и божественного; тот факт, что хотя человек сам по себе ничего не представляет, он есть "ничто, окруженное Богом, нуждающееся в Боге, способное обрести Бога и преисполниться Им, если оно того пожелает".

Христианская простота, о которой пишут Гру и Фенелон, тождественна той добродетели, которой так восхищались Лао-цзы и его последователи. По мнению этих китайских мудрецов, все личные грехи и пороки общества объясняются тем фактом, что люди отделили себя от божественного источника и живут в соответствии со своей волей и представлениями, а не в соответствии с Дао (Великим Путем, Логосом, Природой Вещей), который проявляется на каждом плане, начиная с животного мира, и заканчивая духовным. Просветление наступает в том случае, если отказываемся от своеволия и покорно следуем Дао, как во внешнем мире, так и внутри наших тела, разума и духа. Иногда философы-даосы пишут так, словно они верят в "Благородного Дикаря" Руссо и (будучи китайцами и, стало быть, более озабоченными конкретными и практическими вещами, нежели простыми рассуждениями) обожают описывать методы, с помощью которых правители могут упротить сложность цивилизации и уберечь своих подданных от разлагающего воздействия мыслей, чувств и поступков, порожденных человеком и, следовательно, уводящих от Дао. Но правители, на которых возложена задача защиты народных масс, сами должны быть мудрецами; а чтобы стать мудрецом, человек должен освободиться от всех условностей, сковывающих необновленного духовно взрослого человека, и снова стать ребенком. Ибо истинно живым является только податливое и покорное; всех победит и переживет то, что ко всему приспосабливается, то, что ищет самое незаметное место — не твердую скалу, а воду, которая размывает тысячелетние холмы. Простота и непосредственность идеального мудреца — это плоды укрощения страстей, то есть, укрощения воли и, посредством сосредоточенности и медитации, укрощения разума. Только очень собранный художник может на высшем уровне повторить непосредственный рисунок ребенка, впервые взявшего в руки кисть. Нет ничего сложнее простоты.

— Могу ли я спросить, — сказал Ян Ху, — в чем заключается сердечный пост?

— Развивай единство, — ответил Конфуций. — Ты слушаешь не ушами, но разумом: не разумом, но душой. Но с помощью ушей прекрати слушать. С помощью разума прекрати его же работу. Тогда душа станет негативным бытием, пассивно реагирующим на внешние обстоятельства. В таком негативном состоянии может пребывать только Дао. И это негативное состояние и есть сердечный пост.

— Тогда, — сказал Ян Ху, — причина, по которой я не могу использовать этот метод, заключается в моей индивидуальности. Если бы я мог применить этот метод, то моя индивидуальность исчезла бы. Ты это понимаешь под негативным состоянием?

— Именно это, — ответил Учитель. — Позволь мне кое-что сказать тебе. Если ты сумеешь войти во дворец этого князя (плохого правителя, которого честолюбивый Ян Ху хотел наставить на путь истинный), не задевая его гордости, если ты будешь радоваться, когда он выслушает тебя. и останешься спокоен, если он не обратит на тебя внимания, если ты не будешь пользоваться научными методами и снадобьями, а будешь просто жить там в состоянии полного равнодушия — ты будешь

близок к успеху... Посмотри на это окно. Открывающийся из него вид украшает комнату: но пейзаж остается снаружи. Так и ты, можешь использовать свои глаза и уши для связи со своим внутренним миром, но можешь оставить всю мудрость (расхожую мудрость учебников) за пределами своего разума. Это и есть метод воспроизводства всего творения.

Чжуан-цзы

В этом контексте укрощение страстей может рассматриваться как процесс познания, в ходе которого мы учимся, наконец-то, естественно реагировать на события — реагировать в соответствии с Дао, Этим, Божьей Волей. Заставившие себя покориться божественной Природе Вещей, реагирующие на обстоятельства не с восторгом и отвращением, а с любовью, которая позволяет им непосредственно делать то, что им нравится; имеющие полное основание сказать: "Не я, но Бог во мне" — такие мужчины и женщины сравниваются толкователями Вечной Философии с детьми, дураками, простаками, и даже, как в нижеследующем отрывке, с пьяницами.

Ведь пьяный при падении из повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения у него такие же, как и у других людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознано и упал неосознано. Думы о жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, потому, сталкиваясь с предметом, он не сжимается от страха. Если человек обретает подобную целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы. Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить.

Чжуан-цзы

Только долгим путем послушания и тяжелого труда художник может прийти к непринужденности, непосредственности и мастерству. Зная, что он никогда не сможет ничего создать сам по себе, так сказать, используя только верхние слои своего личного сознания, он покорно подчиняется воздействию "вдохновения", и зная, что материал, с которым он работает, обладает своей собственной природой, которую нельзя игнорировать или насиловать, он превращается в ее терпеливого слугу и, таким образом, обретает полную свободу выражения. Но жизнь — это тоже искусство, и человек, желающий стать хозяином жизни, должен следовать тем же путем, которым живописец, скульптор или любой другой художник приходят к совершенству в своей конкретной сфере.

Повар князя Прекрасномилостливого принялся разделывать тушу быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибания колена сопровождался треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. работа шла в четком ритме, точно танец "В тутовой роще" или "Цзин шоу".

— Ах, как прекрасно! Как совершенно твое мастерство! — воскликнул Прекрасномилостливый. Опустив нож, повар сказал:

— Я. ваш слуга, привержен пути (дао) более, чем своему мастерству! Когда я. ваш слуга, стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я смотрю на него, а понимаю его разумом, не воспринимаю его органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, а поэтому меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, а поэтому меняет нож раз в месяц. Ножу вашего слуги ныне девятнадцать лет. я разделал им много тысяч бычьих туш. а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне. Между сочленениями есть щели. а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находятся с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне.

Но, несмотря на это, каждый раз, подойдя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постаю, оглянусь по сторонам, пройду в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостливый. — Услыша рассказ повара, я понял, как достичь долголетия.

Чжуан-цзы

Описывая свой Восьмиступенчатый Путь, Будда говорит, что семь ступеней являются обязательными условиями, которые должны быть соблюдены любым человеком, желающим достичь истинного созерцания, которое и является восьмой и последней ступенью. Выполнение этих условий связано со всеобъемлющим укрощением страстей — укрощением воли и интеллекта, желаний и

эмоций, мышления, речи, деятельности и, наконец, добычи средств к существованию. Определенные профессии в большей или меньшей степени несовместимы с достижением главной цели человека, а определенные способы получения средств к существованию причиняют столько физического и, прежде всего, нравственного, интеллектуального и духовного вреда, что даже в том случае, если их можно использовать с отстраненным духом (что в принципе невозможно), то и тогда их должен сторониться любой человек, искренне преданный задаче освобождения не только себя, но и других. Толкователи Вечной Философии не довольствуются осуждением преступных занятий, типа содержания публичных домов, фальшивомонетничества, вымогательства и им подобных; они также сторонятся (и советуют это делать другим) и многих способов зарабатывать на жизнь, которые подавляющее большинство людей считает вполне законными. Например, во многих буддистских общинах, производство оружия, спиртных напитков и массовый забой скота (в отличие от современных христианских государств) не вели к богатству, почетным званиям и политическому влиянию; эти виды деятельности вызвали сожаление, поскольку считалось, что люди, которые ими занимаются, затрудняют себе и другим членам своих общин путь к просветлению и освобождению. В средневековой Европе христианам запрещалось зарабатывать себе на жизнь ростовщичеством и спекулятивной торговлей. Тони и другие исследователи указали, что только после Реформации ростовщичество, игра ценными бумагами и товарами и аналогичные способы стрижки купонов превратились в уважаемые виды деятельности и были одобрены церковью.

Для квакеров профессия военного была и остается несправедливым образом жизни — ибо война, с их точки зрения, дело антихристианское, и не столько из-за того, что она причиняет страдания, сколько из-за того, что она сеет ненависть, вознаграждает обман и жестокость, заражает целые народы страхом, гневом, гордыней и недоброжелательством. Эти страсти преграждают путь Внутреннему Свету и, стало быть, порождающие их войны, какими бы не были их непосредственные политические результаты, должны считаться крестовыми походами, ведущими мир к полной духовной тьме.

Опыт человечества свидетельствует об опасности составления подробного списка не подлежащих обсуждению наставлений о праведной жизни; опасность этого занятия заключается в том, что большинство людей не видит никаких причин к тому, чтобы быть чрезмерно праведными, и потому реагирует на попытку навязать ему слишком жесткий кодекс поведения лицемерием или открыть неповиновением. Например, христианская традиция разграничивает правила, обязательные для всех и каждого, и советы по достижению совершенства, обязательные к исполнению только теми, кто чувствует себя способным на полный уход из мирской жизни. Правила включают в себя обычный кодекс нравственного поведения и заповеди возлюбить Бога всем сердцем и умом, и возлюбить ближнего своего, как себя самого. Некоторые из тех, кто всерьез пытается выполнять эту последнюю и основную заповедь, обнаруживают, что они не могут искренне выполнять ее, если только не будут следовать советам по достижению совершенства и не разорвут все связи с миром. Тем не менее, мужчинам и женщинам совершенно не обязательно давать обет безбрачия, продавать все свое имущество и раздавать деньги бедным для того, чтобы достигнуть этого "совершенства", которое является освобождающим обретением знания, единящего их с Богом. Фактическая бедность (отсутствие денег) далеко не всегда является эмоциональной бедностью (равнодушием к деньгам). Человек может быть беден, но постоянно думать о вещах, которые можно купить за деньги, может быть полон желаний, зависти и горькой жалости к самому себе. А у другого человека может быть много денег, но он совершенно не будет цепляться ни за сами деньги, ни за вещи, власть и привилегии, которые на эти деньги можно купить. "Евангельская бедность" является сочетанием фактической бедности с бедностью эмоциональной; но люди, которые не являются фактически бедными, вполне способны на бедность эмоциональную. Отсюда можно сделать вывод, что праведная жизнь не укладывается в рамки общепринятого кодекса нравственного поведения и является сугубо личным делом. Встающие перед каждым индивидуумом проблемы и соответствующий способ их разрешения зависят от уровня знаний, нравственности и духовности, достигнутого каждой конкретной личностью. Именно поэтому универсальные правила праведного поведения могут быть сформулированы только в самом общем виде. "Вот три мои сокровища, — говорит Лао-цзы. — Охраняй и береги их! Первое — это жалость, второе — умеренность, третье — нежелание считать себя самым умным". И когда незнакомец просит Иисуса разрешить спор о наследстве между ним и его братом, Иисус отказывается (поскольку ему не известны обстоятельства дела) быть судьей и просто произносит общую фразу о вреде алчности.

Однажды Гадзан поучал своих последователей: "Правы те, кто осуждает убийство и хочет спасти жизнь любого разумного существа. Даже защита животных и насекомых есть доброе дело. Но что можно сказать о тех людях, которые убивают время, уничтожают богатство и разрушают экономику общества? Мы не должны забывать о них. Опять же, что можно сказать о том, кто проповедует без просветления? Он убивает буддизм".

Из книги "Сто одна история Дзэн "

Однажды благородный Ибрагим, сидя на троне,
Услышал грохот, вопли и
Тяжелые шаги на крыше своего дворца.
Он задался вопросом: "Чьи это тяжелые ступни?"
Он крикнул из окна: "Кто это ходит там?"
Охрана, полная смущения, склонила головы, сказав:
"Мы это,- и в поисках мы сбились с ног". Он спросил: "Чего вы ищите?" Они ответили:
"Верблюдов наших". Он спросил: "Да кто ж верблюдов ищет там. на крыше?" Они ответили: "Мы
следуем примеру того. Кто ищет единства с Богом, но при этом занимает трон".

Джалаладдин Руми

Из всех социальных, нравственных и духовных проблем, самой острой, постоянной и трудно поддающейся разрешению является проблема власти. Жажда власти не является плотским грехом, и потому, в отличие от чревоугодия, неводержанности и похоти, покидающих усталое или пресыщенное тело, она никуда не исчезает. В данном случае, аппетит действительно приходит во время еды, и жажда власти может проявляться бесконечно, невзирая на болезнь или усталость. Более того, общество устроено так, что, чем выше поднимается человек по лестнице политической, экономической или религиозной иерархии, тем больше ему предоставляется возможностей употреблять свою власть. Но восхождение по иерархической лестнице — это, как правило, медленный процесс, и честолюбцы редко достигают вершины в еще относительно молодом возрасте. Властолюбец, по мере своего старения и по мере появления у него все новых возможностей удовлетворения своей страсти, испытывает все большее количество еще более сильных искушений. В этом смысле он совершенно не похож на неумного любителя плотских наслаждений. Последний может и не захотеть расставаться со своими грехами, но с возрастом он обнаружит, что его грехи расстанутся с ним; а вот первый не расстанется со своим грехом и его грех не расстанется с ним. Старость, вместо того, чтобы принести властолюбцу благословенное избавление от страсти, только обостряет ее, предоставляя возможность удовлетворять свои желания в большем масштабе и чрезвычайно экстравагантным способом. Вот почему, по словам Актона, "все великие — плохие люди". А потому стоит ли нам удивляться, что действия политиков, предпринятые не для общего блага, а исключительно, или, по крайней мере, в значительной степени, ради удовлетворения жажды власти, слишком часто оказываются вредными или даже совершенно катастрофическими?

*"L'etat c'est moi,"** ("Государство — это я" (фр.)). Слова принадлежат Людовику XIV. *Прим.ред.*) — сказал тиран; и это, конечно же, верно не только для автократа, стоящего на вершине пирамиды, но и для всех членов правящего меньшинства, с чьей помощью он правит, и которые являются истинными повелителями нации. Более того, до тех пор, пока политика удовлетворения жажды власти правящего класса является успешной, и до тех пор, пока цена успеха не слишком велика, даже сами массы подданных МОГУТ считать себя государством — огромной и великолепной проекцией изначально ничтожного эго индивидуума. Средний человек, так же, как и великий, может косвенно удовлетворить свою жажду власти посредством действий империалистического государства; разница между средним и великим человеком не принципиальна, и заключается только в масштабе.

Не существует никакого безотказного способа контроля за политическими проявлениями жажды власти. Поскольку власть по своей СУТИ является вещью, способной к бесконечному расширению, обуздать ее может только столкновение с другой властью. Поэтому любое общество, которое ценит свободу, в том смысле, чтобы им управляли по закону, а не в соответствии с классовыми или личными интересами, должно позаботиться о разделении власти. Единство нации означает, что вся нация находится на службе у одного человека и поддерживающей его олигархии. Организованная и сбалансированная раздели ценность является обязательным условием свободы. Оппозиция Ее Величества — это самые верные подданные Ее Величества, поскольку они являются самой полезной частью любого свободолюбивого общества. Более того, поскольку жажда власти есть вещь чисто умственная и, в силу этого, ненасытная и неприступная для болезней или старости, любое свободное общество не должно позволять своим правителям слишком долго находиться у руля. Монашеский картезианский орден, который "не нужно реформировать, потому что его никогда не деформировали", своим долгим иммунитетом от развращения властью обязан тому, что его аббаты избираются всего лишь на один год. В древнем Риме считалось, что количество свободы находится в обратной зависимости от длины срока пребывания магистрата у власти. Правила контроля за жадой власти очень легко сформулировать, но, как показывает история, очень трудно провести в жизнь. Особенно это трудно сделать в такие времена, как наши, когда освященная временем политическая машина устарела

из-за быстрых технологических перемен и превосходный принцип организованной и сбалансированной разъединенное требует воплощения в новых и более подходящих институтах.

Актон, эрудированный католический историк, придерживался того мнения, что все великие — плохие люди; Руми, персидский поэт и мистик, считал, что искать единения с Богом и в то же время сидеть на троне так же бессмысленно, как искать верблюдов на крыше дворца. Несколько более оптимистично высказывался по этому поводу святой Франциск Сальский, взгляды которого донес до нас его друг, молодой епископ Беллийский.

— *Mon Pere* (* Отец мой (фр.) — *Прим.ред.* , — сказал я однажды, — могут ли люди, сидящие в высоких кабинетах, практиковаться в добродетели послушания?

Франциск Сальский ответил: "Они имеют для этого гораздо больше возможностей, чем их подчиненные".

И поскольку я не понял его ответа, он продолжил: "Те, кто обязан слушаться, как правило, слушаются только своего начальника... Но те, кто сами являются начальниками, имеют гораздо больше возможностей для послушания, даже тогда, когда они отдают приказы; ибо, если они помнят, что это Бог возвысил их над другими людьми и дал им ту власть, которую они имеют, то они применяют власть в соответствии с Божьими заветами и в силу этого, даже отдавая приказы, они подчиняются. Более того, нет такого властелина, у которого не было бы наставника по вопросам сознания и души. Но есть еще и высший уровень послушания, на который могут подняться все властелины и наставники, уровень, о котором говорит святой Павел: "Хотя я и не подчиняюсь ни одному человеку, я сделал себя слугой всех людей". Именно посредством такого вселенского послушания всем людям мы и становимся "всем для всех"; и служа всем, во имя Господа Нашего, мы всех считаем своими повелителями".

Я запомнил это правило и часто наблюдал, что Франциск Сальский относился ко всем приходившим к нему людям, даже самым незначительным, так, словно он был их слугой; он никогда никого не отталкивал, никогда не отказывался вступить в беседу, говорить сам или слушать, никогда не проявлял ни малейшего признака усталости, нетерпения или раздражения, каким бы назойливым или незванным не был его гость. Тем, кто спрашивал его, почему он так разбазаривает свое время, он неизменно отвечал: "На то воля Божья; Он от меня того требует; могу ли я просить большего? Когда я занимаюсь этим, от меня не требуется делать ничего другого. Святой Волей Божьей должны светиться все наши деяния; а все остальное просто суета".

Жан Пьер Камю

Что ж, мы видим, что и "великий человек" может быть хорошим — даже настолько хорошим, что оказывается способным овладеть знанием, единящим его с божественной Основой — если, конечно, употребляя власть, он выполняет два условия. Во-первых, он должен отказаться от всех личных преимуществ, которые дает ему власть, и должен упражняться в терпении и сосредоточенности, без которых не может быть любви ни к Богу, ни к человеку. И, во-вторых, он должен понять, что данная ему волею случая власть не дает ему духовного авторитета, которым обладают только те живые или мертвые провидцы, которые достигли прямого погружения в Природу Вещей. Общество, глава которого свихнулся настолько, что вообразил себя пророком, обречено на гибель. Жизнеспособным обществом является то, в котором достойные видеть, указывают необходимые цели, а облеченные властью уважают авторитет провидцев и прислушиваются к их советам. По крайней мере в теории это хорошо понимали в Индии и до начала эпохи Реформации в Европе, где "не было такого властелина, у которого не было бы духовного наставника по вопросам сознания и души". К сожалению, церковь попыталась найти золотую середину — соединить духовный авторитет с брэнной властью, осуществляемой либо непосредственно на троне, либо в его тени. Но духовным авторитетом могут обладать только люди абсолютно бескорыстные, намерения которых остаются вне всяких подозрений. Церковная организация могла называть себя Мистическим Телом Христа; но если ее прелаты являются рабовладельцами и повелителями государств, как это было в прошлом, или если церковная организация является крупным капиталистом, как это происходит сейчас, тогда никакие титулы, какими бы почетными они не были, не могут скрыть того факта, что высказывая какое-либо суждение, эта организация выступает, как заинтересованная сторона в определенном политическом или экономическом процессе. Да, в вопросах, не связанных со брэнной властью организации, индивидуальные церковники могут быть, и, собственно, являются абсолютно бескорыстными, и, соответственно, обладают подлинным духовным авторитетом. Святой Филипп Нери — хороший тому пример. Не обладая никакой брэнной властью, он оказывал глубокое воздействие на Европу шестнадцатого века. Если бы не это влияние, то попытки Триден-тского собора реформировать римско-католическую церковь изнутри вряд ли увенчались бы серьезным успехом.

Сколько великих людей, на самом деле, выполнили или готовы выполнить условия, которые делают власть безвредной, как для правителя, так и для подданных? Если не учитывать святых, то эта проблема оказалась неразрешимой. И поскольку истинное самоуправление возможно только в очень малых группах, сообщества национального и сверхнационального масштаба всегда будут управляться олигархическими меньшинствами, члены которых получали власть благодаря своей жажде власти. Это означает, что проблема власти, будет существовать вечно, и ПОСКОЛЬКУ разрешить ее могут только люди типа Франциска Сальского, она всегда будет доставлять неприятности. А это, в свою очередь, значит, что мы не можем надеяться на то, что большие сообщества будущего будут лучше больших сообществ прошлого в краткий период их расцвета.

Глава 7 ИСТИНА

Поэтому молчи и не болтай о Боге. Ибо когда ты болтаешь о нем, то ты лжешь, творишь грех.

Экхарт

В религиозной литературе слово "истина" употребляется по крайней мере в трех определенных и очень разных значениях. Так, иногда оно считается синонимом слова "факт" — в тех случаях, когда звучит утверждение, что Бог есть Истина, то есть первичная Реальность. Но в такой фразе, как "поклоняться Богу в духе и в истине", это слово явно приобретает иное значение. Нет ни малейшего сомнения, что в данном случае "истина" означает непосредственное восприятие духовного Факта, противоположное вторичному знанию "о" Реальности, сформулированному в предложениях и принятому потому, что оно либо было сообщено авторитетным лицом, либо убедительно доказано на основе считающихся догмой постулатов. И, наконец, это слово несет в себе более стандартное значение, в предложениях типа: "Это заявление является истиной", то есть, когда мы имеем ввиду, что словесные символы, из которых составлено это заявление, соответствуют фактам, о которых в нем идет речь. Когда Экхарт пишет, что "ибо когда ты болтаешь о нем, то ты лжешь, творишь грех", он не утверждает, что все теологические заявления расходятся с истиной. Так как может существовать некое соответствие между человеческими символами и божественным Фактом, некоторые теологические постулаты являются истинными настолько, насколько мы можем их такими сделать. Будучи сам теологом, Экхарт, конечно же, согласился бы с этим. Но Экхарт был не только теологом, но и мистиком. И как мистик, он хорошо понимал то, что современный семантик так старательно (и так безуспешно) пытается разъяснить современному разуму: слова — это не то же самое, что вещи, и знание слов, которыми излагается какой-либо факт, не является эквивалентом непосредственного восприятия самого факта. Собственно, Экхарт утверждает следующее: что бы не говорилось о Боге, эти слова никогда не станут "истиной" в первых двух значениях этого загадочного слова, которым столь часто злоупотребляют. Святой Фома Аквинский иными словами высказал ту же мысль, когда, пройдя через углубленное созерцание, он перестал писать теологические труды, заявив, что все написанное им до этого момента было всего лишь пылинкой, по сравнению с полученным им непосредственным знанием. За двести лет до Фомы, в Багдаде, великий магометанский теолог ал-Газали тоже отказался от анализа истин о Боге и обратился к созерцанию и непосредственному восприятию Истины-Факта, отказался от чисто интеллектуальной доктрины философов и обратился к нравственному и духовному учению суфиев.

Мораль вышесказанного ясна. Всякий раз, когда мы слышим или читаем об "истине", мы должны остановиться, чтобы задать себе вопрос, в каком из трех значений применяется это слово в данный момент. Благодаря этой простой предосторожности (а ее соблюдение является истинным проявлением интеллектуальной честности), мы оградим себя от совершенно лишнего беспокойства и смятения ума.

Желая поддразнить слепого. Будда игриво позволил словам вылететь из своего золотого рта, Небо и земля испокон веков заполнены густыми зарослями шиповника.

Дан-о Кокушч

Нет ничего правдивого нигде,
Истины нигде не отыскать.
А если говоришь ты, что видел Истину,
То это значит, что видел ты не то.
Когда же Истина предоставлена самой себе,
В ней ничего нет лживого, поскольку она есть Разум.
А если Разум сам от фальши не свободен,
То Истины не существует, ее нигде ты не найдешь.

Хуэи Нень

Будда никогда не проповедовал истину, поскольку видел, что каждый должен ее осознать внутри самого себя.

Сутраламкара

Чем дальше он [мудрец] идет, тем меньше познает.

Лао-цзы

— Послушайте! — закричала Обезьяна. — После всех тех неприятностей, которые нам доставлял Китай, и после того, как ты особо приказал, чтобы нам передали священные книги. Ананда и Касиапа принесли совсем не то. Они передали нам пустые листы: Я спрашиваю тебя. какая нам от них польза?

— Не нужно кричать. — сказал Будда с улыбкой. — ...Эти пустые свитки и есть настоящие священные книги. Но я ясно вижу. что народ Китая слишком глуп и невежественен, чтобы поверить в это. и потому ничего не остается, как вручить ему листы с написанными на них словами.

Ву Чень-ен

Философы действительно умны, но хотят обрести мудрость; что же касается остальных, то они либо невежественны, либо незрелы! Они считают, что в сжатом кулаке есть что-то, кроме воздуха, и думают, что указующий перст является объектом, на который он указывает. И поскольку они неотрывно смотрят на этот перст, как на Луну. все их усилия пропадают даром.

Иока Дачии

То, что известно, как учение Будды, учением Будды не является.

Алмазная Сутра

"В чем суть учения Буддизма?" "Ты не поймешь его. пока не овладеешь им".

Шч Чоу

Предметом Вечной Философии является природа извечной, духовной Реальности; но язык ее формулировок был разработан с учетом явлений, существующих во времени. Вот почему во всех ее формулировках имеется элемент парадокса. Природу Истины-Факта нельзя описать посредством словесных символов, которые не соответствуют ей адекватно. В лучшем случае о ней можно говорить аллегорично, категориями нелогичных заключений и противоречий.

К этим неизбежным парадоксам некоторые духовные писатели намеренно добавляли языковые аномалии — крепкие выражения, преувеличения, иронию или юмор, рассчитанные на то, чтобы шокировать читателя и вывести его из самодовольного спокойствия, этого первородного греха интеллекта. Этот второй тип парадоксов был особенно любим учителями даосизма и дзэн-буддизма. Последние, действительно, использовали паралогические и даже бессмысленные утверждения для того, чтобы "силой захватить царство небесное". Желających обрести совершенную жизнь поощряли к занятиям бессвязной медитацией, построенной на какой-нибудь совершенно нелогичной формуле. Результатом было *Reductio ad absurdum** (* Сведение к абсурду (лат.) — *Прим.ред.*) всей сосредоточенной на личности и на мире системы бессвязного мышления, неожиданный прорыв из "разума" (выражение философов-схоластов) в интуитивный интеллект, способный на подлинное проникновение в божественную Основу всего бытия. Такой метод кажется нам странным и эксцентричным; но факт остается фактом — благодаря ему многие люди достигли окончательной "метанойи\ или трансформации сознания и характера.

Использование учителями дзэн почти комических ситуаций для привлечения внимания к философским истинам, которые они считали наиболее важными, хорошо иллюстрирует первый из процитированных выше отрывков. Мы не можем всерьез полагать, что аватара проповедует для того, чтобы разыграть человечество. И, тем не менее, автору удалось встряхнуть нас и тем самым вывести из нашего обычного спокойного восприятия доморощенной словесной вселенной, в котором мы проводим большую часть нашей жизни. Слова — это не факты, и уж никак — не первичный- Факт. Если мы будем воспринимать их слишком серьезно, то заблудимся в густых зарослях шиповника. Но если мы впадем в другую крайность и не будем воспринимать их достаточно серьезно, то мы так и не узнаем, что существует путь, с которого можно сбиться, и есть цель, которой нужно достичь. Если бы Просветленный не проповедовал, то никто бы не обрел освобождения. Но в силу того, что человеческий разум и язык являются такими, какими они есть, это необходимое и незаменимое проповедование сопряжено с многочисленными опасностями. Истории всех религий имеют одну важную общую черту; некоторые из их приверженцев просветлены и освобождены потому, что они приняли решение реагировать соответствующим образом на слова, вырвавшиеся из уст основателей

этих религий; другие достигают частичного освобождения, реагируя лишь отчасти соответствующим образом; но другие вредят себе и своим собратьям, реагируя совершенно неадекватно — либо вообще игнорируя эти слова, либо, что бывает чаще, воспринимая их слишком серьезно и относясь к ним так, словно они тождественны тому Факту, о котором идет речь.

То, что слова являются одновременно и незаменимыми, и во многих случаях фатальными, признается всеми толкователями Вечной Философии. Так, Иисус говорил, что приносит в этот мир кое-что похуже шиповника, а именно мечь. Святой Павел проводил черту между буквой, которая убивает, и духом, который дает жизнь. И на протяжении последовавших веков мастера христианской духовности считали необходимым снова и снова высказываться по этой теме, которая никогда не устаревала, поскольку *Homo Loquax* — говорящее животное — по-прежнему пребывает в наивном восторге от своего главного достижения, все еще остается такой же беспомощной жертвой собственных слов, какой оно было во времена построения Вавилонской Башни. В последние годы появилось немало работ по семантике и хлынул целый поток националистической, расовой и милитаристской пропаганды. Еще никогда раньше столько талантливых писателей не предупреждало человечество об опасности неправильно понятых слов — и еще никогда раньше политики так лихо не пользовались словами, а общественность не воспринимала эти слова настолько серьезно. Несомненно, что проблемы меняют только форму, а по сути остаются такими же, какими были всегда — неотложными, нерешенными и, по всей видимости, неразрешимыми.

В этой жизни все, что воображение может представить, а разум постичь и понять, не является и не может быть средством единения с Богом.

Сан Хуан де ла Крус

Сухие и бесплодные рассуждения могут приоткрыть складки одеяния Истины, но они не смогут обнажить ее очаровательного лица.

Джон Смит, платоник

Во всех лицах лицо лиц является прикровенно и загадочно. открыто же его не увидеть, пока мы не войдем, поднявшись выше всех лиц, в некое потаенное и заповедное молчание, где ничего не остается от знания и понятия лица. Этот мрак, это облако, этот сумрак, или это незнание, в которое вступает ищущий Твое лицо. вырвавшись за пределы всякого знания и представления, есть предел, ниже которого Твое лицо можно видеть лишь прикровенно. Сам же мрак открывает, что в нем Твое лицо возвышается над всеми покровами.

Николай Кузанский

Поскольку Божество безымянно и любое имя ему чуждо, то и душа — безымянна: ибо она есть подобие Божие.

Экхарт

Бытие Бога, как и Он сам — недоступно, не останавливайся на размышлении об объектах, воспринимаемых чувствами и укладывающимися в понимание. Это значит удовлетвориться тем, что меньше Бога; поступая так, ты уничтожишь энергию души, необходимую для того, чтобы идти с Ним.

Сан Хуан де ла Крус

Ни сейчас, ни потом, ты не сможешь найти или познать Бога с помощью каких-либо внешних средств или чего-то еще. кроме того, что Бог сам являет тебе. и что не требует доказательств. Ибо Бог, рай, ад, дьявол, плоть могут быть познаны в тебе или тобой только в результате их собственного существования и проявления в тебе. И все кажущееся знание о любой из этих вещей, находящееся за пределами этой самоочевидной разумности их рождения внутри тебя. сродни знанию слепого человека о никогда не виденном им свете.

Вильям Ло

Ниже мы приводим вывод выдающегося исследователя индуистских доктрин об "джнанае" — освобождающем знании Брахмана или божественной Основы.

"Джнана" — это вечная, общая, необходимая вещь, которая не является личным знанием какого-то конкретного человека. "Джнана" — это знание, находящееся в самом Атмане, похороненное под слоем "авидии" (невежества): его нельзя сдвинуть с места, но можно скрыть от взоров, оно недоказуемо. поскольку самоочевидно и не требует никаких доказательств. потому что оно само является доказательством существования возможного. Эти мысли созвучны тому "знанию", о котором говорит

Экхарт. и учению Августина о Вечной Истине в душе, которая, будучи абсолютно бесспорной, является основой всей -бесспорности, и принадлежит не А или Б, а "душе".

Рудольф Отто

Эстетика — это вовсе не создание произведений искусства и их восприятие. Как можно научиться разбираться в живописи или быть хорошим художником? Уж никак не читая Бенедетто Кроче. Научиться рисовать можно только рисуя, а научиться ценить живопись можно только посещая картинные галереи.

Но это вовсе не значит, что Кроче и ему подобные напрасно тратили свое время. Мы должны быть благодарны им за труды по созданию системы мышления, с помощью которой непосредственно воспринятые смысл и ценность произведения искусства могут быть оценены в свете общего знания, соотнесены с другими фактами и определенным образом и в определенной степени "объяснены".

Это же можно сказать и о теологии. Теологические размышления имеют ценность только в том случае, если они дают возможность тем, кто непосредственно ощутил различные аспекты Бога, сформировать четкие идеи о природе божественной Основы и личном восприятии Основы относительно других их ощущений. И созданная цельная система теологии полезна только в том случае, если она убеждает изучающих ее людей в том, что нет никакого изначального противоречия между постулатом о божественной Основе и тем, что для готовых выполнить определенные условия, постулат станет осознанным Фактом. Однако, ни при каких обстоятельствах, изучение теологии или согласие разума с теологическими предположениями не может заменить то, что Лю называют "рождением Бога внутри". Ибо теория — это не практика, а слова — это не вещи, которые они обозначают.

Теология, в том виде, какой мы ее знаем, была сформирована великими мистиками, в первую очередь святым Августином и святым Фомой. А у многих других великих теологов — у святого Григория, святого Бернара, и даже Суареса — не было бы таких озарений, если бы не было мистического сверхзнания.

Аббат Джон Чепмен

Этой точке зрения мы должны противопоставить взгляды доктора Теннанта, по мнению которого, религиозное ощущение есть вещь реальная и уникальная, но она совершенно не увеличивает познаний о абсолютной Реальности и должно всегда разъясняться в категориях идеи о Боге, почерпнутой из других источников. Изучение фактов позволяет сделать вывод, что обе эти точки зрения, до определенной степени, являются верными. факты мистического озарения (вместе с фактами так называемого исторического откровения) объясняются категориями общего знания и становятся основой теологии. А существующая теология, в свою очередь, пользуясь категориями общего знания, оказывает сильное воздействие на тех, кто вступил на путь духовной жизни, побуждая находящихся на низком уровне, удовлетворяться им, а тех, кто поднялся на высокий уровень, отбрасывать, как неадекватное, восприятие любой формы реальности, отличительные черты которой несовместимы с описанными в книгах чертами Бога. Так мистики создают теологию, а теология создает мистиков.

Личность, которая соглашается с неверной догмой, или сосредоточивает все свое внимание на одной истинной догме всеобъемлющей системы, забывая об остальных (многие христиане сосредоточиваются исключительно на человеческом Втором Лице из Святой Троицы, забывая об Отце и Святом Духе), рискует ограничить себе доступ к непосредственному восприятию Реальности. В религии, как и в естественных науках, ощущение возникает только в результате ощущения. Безнадёжно составлять свое мнение заранее, пытаться втиснуть его в теоретическую форму, которая либо не соответствует вообще никаким фактам, либо соответствует только некоторым из них. "Не пытайся искать истину, — пишет учитель дзэн, — просто перестань придерживаться определенной точки зрения". Есть только один способ ликвидировать последствия веры в фальшивую или несовершенную теологию, который в то же время является единственным известным способом перехода от веры даже в истиннейшую теологию к знанию первичного Факта — к бескорыстию, покорности, готовности воспринимать сведения о Вечности. Мнение — это вещь, которую мы создаем, и которую, стало быть, мы можем понять, сформулировать, и о которой мы можем спорить. Но, по словам Сан Хуана де ла Крус, "остановиться на размышлениях о вещах, воспринимаемых чувствами или доступных пониманию, означает удовольствоваться тем, что меньше Бога". Знание, единящее с Богом, доступно только тем, кто "перестал придерживаться определенной точки зрения" — даже той точки зрения, которая является верной настолько, насколько верными могут быть выраженные словами абстракции.

Восстань же, благородная душа! Выйди вон из себя и иди так далеко, чтоб не возвратиться совсем, и войди в Бога так далеко, чтоб никогда из Него не выйти, только там пребывая, чтобы никогда вновь

не быть тебе в том положении, в котором ты бы имела дело с творениями.

Экхарт

Вооружившись лампой слов и пристрастия, человек должен выйти за пределы слов и пристрастия и вступить на путь понимания.

Ланкаватара Сутра

Слово "интеллект" Экхарт применяет в его схоластическом значении — непосредственная интуиция. Фома Аквинский пишет: "Интеллект и разум — это не две силы, ибо они отличаются друг от друга, как совершенство отличается от несовершенства... Интеллект подразумевает глубокое проникновение в истину; разум — в исследования и беседы". Именно идя по рациональному и эмоциональному пути "слова и пристрастия", а затем сойдя с него, человек получает возможность вступить на интеллектуальный или интуитивный путь "понимания". И все же, несмотря на предостережения тех, кто тропой бескорыстной любви перешел от буквы к духу, и от теории к непосредственному знанию, организованные христианские церкви упорствуют в губительной привычке путать средства и цель. Выраженные словами более или менее адекватные теологические объяснения ощущения воспринимаются слишком серьезно и пользуются таким уважением, которое положено только Факту, ими толкуемому. Церковники вообразили, что душа спасется соответствием тому, что в данной местности считается правильной формулой, и губится несоответствием этой формуле. Два слова, *Uioque* может и не являются единственной причиной раздора между Восточной и Западной церквями; но они, несомненно были *casus belli**. * Повод к войне (лат.) - *Прим. ред.*

Придавание слишком большого значения словам и формулам может рассматриваться как особая форма придавания слишком большого значения вещам, существующим во времени, которое так губительно характерно для исторического христианства. Знать Истину-как-Факт и знать ее в единстве, "в духе и в исти-не-как-непосредственном-восприятии" — это и есть освобождение, "наша вечная жизнь". Знать облеченные в словесную форму истины, которые символически соответствуют Истине-как-Факту постольку, поскольку она может быть познана в истине-как-непосредственном-восприятии или в истинекак-историческом-откровении — это не освобождение, а просто изучение особой области философии. Даже самое обычное ощущение определенной вещи или события, существующих во времени, не может быть полностью или адекватно описано словами. Невозможно описать ощущение, возникающие в нас, когда мы смотрим на небо или страдаем от невралгии; в лучшем случае мы можем сказать "голубое" или "больно", надеясь на то, что слушающие нас люди испытывали аналогичные ощущения и по-своему понимают о чем идет речь. Однако, Бог — это не вещь или событие, существующие во времени, и закованные в кандалы времени слова, бессильные даже в случае с бренными вещами, еще более неадекватны изначальной природе и ощущению, единящему нас с тем, что принадлежит несопоставимо другому порядку. Предположение, что люди могут спастись посредством изучения и принятия формул, равносильно предположению, что человек может попасть в Тимбукту, тщательно изучая карты Африки. Карты — это символы, но даже лучшие из них являются неточными и несовершенными. Но для того, кто действительно хочет достичь цели своего путешествия, карта — незаменима, поскольку указывает направление, в котором следует двигаться, и дорогу, по которой следует идти.

Поздняя буддистская философия считает слова одним из основных определяющих факторов в творческой эволюции человеческих существ. Эта философия признает пять категорий бытия — Название, Видимость, Установление Различий, Истинное Знание, Это. Первые три связаны со злом, два последних — с добром/ Органы чувств разделяют видимость на объекты (устанавливают различия), которые они овеществляют, давая им названия, так что слова принимаются за вещи, и символы используются, как мера реальности. По этой теории, слова являются главным источником чувства разъединенности и богохульной идеи самодостаточности индивидуума, которые неизбежно приводят к появлению жадности, зависти, жажды власти, гнева и жестокости. А эти пагубные страсти, в свою очередь, порождают необходимость в бесконечно продлеваемом и постоянно обособленном существовании в тех же самых, самовоспроизводящихся, условиях безрассудных желаний. Спастись можно только с помощью творческого акта воли, которой помогает милость Будды, и которая ведет через бескорыстие к истинному Знанию, состоящему, помимо всего прочего, из верной оценки Названий, Видимости и Установления Различий. В Истинном Знании и с его помощью, человек расстается с безумной иллюзией таких понятий, как "Я", "меня", "мое", и, сопротивляясь искушению отречься от мира в состоянии преждевременного и одностороннего экстаза, или, наоборот, утвердиться в мире, живя жизнью обычного чувственного человека, он, наконец, обретает преобразующее осознание единства сансары и нирваны, обретает понимание, единящее его с чистым Этим — абсолютной Основой, которую можно только обозначить с помощью словесных символов, но нельзя с их помощью описать.

В связи с махаянистской теорией о важной и даже творческой роли слов в эволюции не обновленной духовно человеческой природы, мы можем привести аргументы Юма против реальности причинности. Юм начал с постулата, что все события происходят "обособленно" друг от друга и с безупречной логикой пришел к выводу о полной бессмысленности организованного мышления или целенаправленного действия. Как указал профессор Стаут, его ошибка заключается во вводимом постулате. И когда мы зададим себе вопрос, что побудило Юма сделать странное и совершенно нереалистичное предположение об "обособленности" событий, мы увидим, что единственной причиной, по которой он отвернулся от непосредственного ощущения, было то, что вещи и события в нашем мышлении символически представлены существительными, глаголами и прилагательными. И что эти слова, действительно "обособлены" друг от друга, в то время как символизируемые ими вещи и события таковыми, конечно же, не являются. Считая слова мерой вещей, вместо того, чтобы считать вещи мерой слов, Юм незаметно втиснул континуум реального ощущения в языковую схему, что дало невероятно парадоксальные результаты, с которыми мы все очень близко знакомы. Большинство людей не являются философами и им наплевать на последовательность в мышлении и действии. Так, при определенных условиях, они считают само собой разумеющимся, что события не происходят "обособленно" друг от друга, а происходят параллельно или последовательно в организованном и организующем поле космического целого. Но в другом случае, когда противоположная точка зрения больше соответствует их страстям или интересам, они подсознательно занимают позицию Юма и воспринимают события так, словно они обособлены друг от друга и от всего остального мира, как и слова, которые их символизируют. Как правило, это происходит в том случае, когда задействованы такие понятия, как "я", "меня", "мое". Овеществляя "обособленные" названия, мы и вещи воспринимаем, как обособленные объекты — не подчиненные закону, не входящие в систему взаимоотношений, которая в действительности и удерживает их в их физической, социальной и духовной окружающей среде. Мы считаем абсурдной идею о том, что в природе не существует никакого причинного процесса и не существует никакой органической связи между вещами и событиями в жизни других людей; но, в то же время, мы считаем аксиомой утверждение, будто наше собственное священное эго "обособленно" от вселенной и стоит над нравственной дхармой и даже, во многих отношениях, над естественным законом причинности. Как в буддизме, так и в католицизме, монахов и монахинь побуждали избегать личных местоимений и говорить о себе только иносказаниями, которые явственно указывали на их истинную связь с космической реальностью и своими братьями. Это была мудрая предосторожность. Наши реакции на знакомые слова являются обусловленными рефлексам. Сменив стимул, мы можем кое-что сделать в направлении изменения рефлекса. Никаких колокольчиков Павлова, никакого слюноотделения; никакого разглагольствования о словах типа "меня" или "мое", никакого чисто автоматического и бездумного самомнения. Когда монах говорит о себе, но при этом говорит не "я", а "этот грешник" или "этот бесполезный работник", он перестает воспринимать как должное "обособленность" своего "я" и осознает свою истинную, органическую связь с Богом и своими ближними.

На практике слова используются не для того, чтобы делать заявления о фактах, а для других целей. Очень часто они используются риторически, чтобы расшевелить страсти и направить волю в желаемое русло деятельности. Иногда слова используются поэтически, то есть, помимо того, что они описывают реальные или воображаемые вещи и события, и помимо того, что они вызывают к воле и страстям, они еще заставляют читателя осознать их красоту. Красота в искусстве или природе есть вопрос взаимоотношений между вещами, которые не являются изначально красивыми сами по себе. Например, нет ничего красивого в таких словах, как "память" или "слог". Но когда они используются во фразе типа "покуда память сохраняет хоть слог один", связь между звучанием составляющих фразу слов, между нашими представлениями о вещах, которые они символизируют, и между ассоциациями, которые вызывает каждое слово по отдельности и вся фраза в целом, в результате непосредственного ее восприятия представляется красивым явлением.

Нет нужды много говорить о риторическом использовании слов. Есть риторика во благо и риторика во вред — риторика, расжигающая страсти и при этом относительно не расходится с фактами, и риторика, являющаяся неосознанной или намеренной ложью. Умение распознавать, к какому именно типу относится данная риторика, является важнейшей частью интеллектуальной нравственности; а интеллектуальная нравственность является как необходимым предварительным условием духовной жизни, так и сдерживающим фактором воли, сердца и языка.

А сейчас мы должны рассмотреть более сложную проблему. Как поэтическое использование слов должно соотноситься с жизнью духа? (И, конечно, то, что верно для использования слов поэтом, то верно и для использования красок художником, звуков — композитором, глины или камня — скульптором, короче говоря, верно для всех видов искусства.)

"Красота есть истина, истина есть красота". Но, к сожалению, Ките не потрудились уточнить, в каком именно смысле он использовал слово "истина". Некоторые критики предположили, что он

использовал его в третьем из перечисленных в начале этой главы значений и потому отбросили этот афоризм, как бессмысленный. $Zn + H_2SO_4 = ZnSO_4 + H^+$. Это — истина в третьем значении этого слова, и эта истина явно не тождественна красоте. Но также явно и то, что Ките говорит не о такой "истине". Он использует это слово прежде всего в его первом значении, как синоним слова "факт", и отчасти в том значении, в каком оно было использовано святым Иоанном, когда он говорил о "поклонении Богу в истине". Стало быть его фраза имеет двойной смысл. "Красота есть Первичный Факт, а Первичный Факт есть Красота, принцип любой конкретной красоты"; и "Красота есть непосредственное ощущение, и это непосредственное ощущение тождественно Красоте-как-Принципу, Красоте-как-Первичному Факту". Первое из этих заявлений полностью соответствует доктринам Вечной Философии. Среди триад, в которых проявляется невыразимое Единство, имеется триада Добра, Истины и Красоты. Мы видим красоту в гармоничных интервалах между частями целого. В этом контексте божественная Основа может быть парадоксально определена, как Чистый Интервал, независимый от того, что отделено, и пребывающий в гармоничном единстве с совокупностью.

Нет никакого сомнения, что комментаторы Вечной Философии не согласились бы со вторым значением афоризма Китса. Ощущение красоты в искусстве и в природе в качественном смысле может быть родственно непосредственному ощущению, единящему человека с божественной Основой или Божеством; но оно не тождественно этому ощущению и воспринятый конкретный факт красоты, хотя и является, в определенном смысле, частью божественной природы, стоит на несколько порядков ниже Божества. Поэт, любитель природы и эстет получают возможность воспринимать Реальность примерно так, как ее воспринимает бескорыстный созерцатель; но поскольку они не задали себе труда стать совершенно бескорыстными, они не способны познать божественную Красоту во всей ее полноте, такой, какая она есть. Поэт рожден со способностью выстраивать слова таким образом, что другие люди ощущают часть его божьего дара и вдохновения между строчками стихотворений, так сказать, в белых промежутках. Это великий и драгоценный дар; но если поэт удовлетворяется этим даром самим по себе, если он упорствует в поклонении красоте в искусстве и природе, не собираясь при этом с помощью бескорыстия развить в себе способность воспринимать Красоту такой, какой она есть в божественной Основе, тогда он является всего лишь идолопоклонником. Да, это идолопоклонничество высшего уровня; но, тем не менее, это всего лишь идолопоклонничество.

Ощущение красоты есть ощущение чистое, самопроявляющееся. в равной степени состоящее из наслаждения и сознания. свободной от примеси какого-либо другого ощущения; оно является истинным братом-близнецом мистического ощущения, а само его существование есть сверхчувственное чудо... Это ощущение приходит к тем. кто понимает красоту. точно так же. как форма Бога доставляет наслаждение тем. кто понимает его.

Вишванатха

Ниже мы приводим последнее произведение дзэнской монахини, которая в юности была известной красавицей и сформировавшейся поэтессой.

Эти глаза шестьдесят шесть раз видели приход Осени. Я достаточно много говорила о лунном свете. Больше не проси меня об этом. Просто прислушайся к голосу сосен и кедров в безветренный день.

Ре-Нен

Тишина леса в безветренный день есть то, что Малларме называл *creux want musicien** (Пустое звуков нсбъпс (пер. М.Галова). Строка из стихотворения С.Малларме "Уж кружево отменено..." — *Прим.ред.*). Но хотя музыка, которую слушал поэт, существовала только в его эстетическом воображении, она была тем чистым Этим, о котором говорила ушедшая из мира созерцательница. "Стой спокойно и знай, что я есть Бог".

Об этой истине нужно не только говорить, нужно жить в соответствии с ней... Об этом учении нечего спорить: Любой спор противоречит самой его задаче. Доктрины, требующие доказательств, ведут к рождению и смерти.

Хуэн Нень

Долой выдумки и плоды непоследовательного разума, как про — так и антихристианские! Они — это всего лишь своевольный дух разума, игнорирующего Бога и не понимающего своих собственных природы и состояния. Смерть и жизнь — вот что имеет значение: жизнь есть Бог. живущий и трудящийся внутри души: смерть есть душа. живущая и трудящаяся в соответствии с чувством и разумом звериных плоти и крови. Эти жизнь и смерть растут сами по себе. растут внутри нас каждая из

своего зерна, и рост их зависит не от разговоров и указаний суетливого разума, а от того к которой из них обращено наше сердце.

Вильям Ло

Как я могу объяснить, что такое Дружба тому, кто ни с кем не дружит?

Джалаладдин Руми

Когда мать кричит сосущему ее грудь ребенку: "Давай, сынок, я — твоя мать!"

Разве ребенок говорит: "Мама. дай мне доказательство того, что я должен получать удовольствие от приема молока".

Джалаладдин Руми

Великие истины не находят себе пристанища в сердцах народа. И сейчас, когда весь мир пребывает в заблуждении, как даже я, знающий дорогу, могу быть проводником? Если я, зная, что не могу достичь успеха, все же попытаюсь это сделать, то мои действия будут ничем иным, как еще одним источником заблуждения. Получается, что лучше будет воздержаться от каких бы то ни было устремлений: но кто же будет стремиться, если не я?

Чжуан-цзы

Единственным решением дилеммы Чжуан-цзы могут быть только любовь, покой и радость. Только те, кто демонстрирует обладание, пусть даже и в очень незначительной степени, плодами Духа, могут убедить других, что духовная жизнь стоит того, чтобы жить ею. Споры и предъявление доказательств практически бесполезны; а во многих случаях они приносят несомненный вред. Разумеется, с этим положением трудно согласиться людям, способным к силлогизмам и саркастическим умозаключениям. Мильтон, несомненно, искренне верил, что трудится во имя истины, праведности и во славу Господа, когда разражался потоками ученой брани в адрес врагов своего любимого диктатора и своей любимой формы инакомыслия. На деле же, он и другие спорщики шестнадцатого и семнадцатого веков причинили только вред той истинной религии, за которую они сражались по разные стороны баррикад, но с равными знанием и изобретательностью, и с равной безудержной склонностью к брани. Дальнейшие споры продолжались, лишь изредка прерываемые периодами благоразумия, в течение почти двух сотен лет паписты спорили с антипапистами, протестанты — с другими протестантами, иезуиты — с квиетистами и янсенитами. Когда страсти, наконец, улеглись, христианство (которое, как и любая другая религия, может выжить только в том случае, если будет являть плоды Духа) было практически мертво; истинной религией большинства образованных европейцев стало националистическое идолопоклонничество. В восемнадцатом столетии этот переход к идолопоклонничеству казался (после жестокостей, сотворенных во имя христианства Валленштейном и Тилли) переменной к лучшему. Произошло это потому, что правящие классы пришли к выводу, что ужасы религиозных войн не должны повториться, и придали политике силы некоторое благородство. Определенные признаки благородства еще можно было заметить в ходе наполеоновских войн и Крымской войны. Но Молох национализма пожирал идеал восемнадцатого века, ни на мгновение не прекращая своей работы. Во время Первой и Второй мировых войн мы стали свидетелями полного отсутствия старых сдерживающих факторов. Последствия политического идолопоклонничества проявились в полной мере, а сдерживающее воздействие человеческой чести, этикета или высшей религии полностью исчезло. Историческое христианство, в результате междоусобной борьбы за формулировки, формы организации, деньги и власть, завершило свое самоуничтожение, на которое оно так трагически обрекло себя своей заиклен-ностью на бранных вещах.

Продай свой ум и купи непонимание:

Ум — это всего лишь определенное мнение. Непонимание — это интуиция.

Джалаладдин Руми

Разум — это чиновник в отсутствие Царя:

Стоит Царю появиться, чиновник теряет власть и прячется:

Разум — это тень Бога: Бог — это солнце.

Джалаладдин Руми

Неразумные создания не оглядываются назад и не смотрят в будущее, а живут в вечности своего постоянного настоящего; благодатью и вдохновением животных являются их инстинкты; и животные никогда не испытывают искушения нарушить свою дхарму, или высший закон. Благодаря своему разуму и его инструменту — языку, человек (в своем обычном состоянии) живет с ностальгией по

прошлому, со страхом перед настоящим, и с надеждой на будущее; у него нет инстинктов, которые говорили бы ему, что ему следует делать; он должен в большей степени опираться на свой ум, чем на вдохновение, ниспосланное ему божественной Природой Вещей; он пребывает в состоянии хронической гражданской войны между страстью и благоразумием, и, на высшем уровне сознания и этической чувствительности, между самовлюбленностью и пробуждающейся духовностью. Но это "утомительное человеческое состояние" является обязательным предварительным условием просветления и освобождения. Человек должен жить во времени, для того, чтобы получить возможность проникнуть в вечность, уже не на животном, а на духовном уровне; он должен осознавать себя как отдельное эго, чтобы получить возможность возвыситься над своим отдельным "я"; он должен по-настоящему сражаться со своим низшим "я", чтобы стать тождественным тому высшему "Я" внутри него, которое родственно божественному Не-Я; и, наконец, он должен использовать свой разум для того, чтобы выйти за его пределы и обрести интеллектуальное видение Истины, непосредственное знание, единящее его с божественной Основой. Разум и его работа "не являются и не могут быть прямой дорогой к единению с Богом". Прямой дорогой является "интеллект", в схоластическом значении этого слова, или дух. По большому счету, задача разума состоит в том, чтобы создать для своего преобразования в дух (посредством духа же) благоприятные внутренние и внешние условия. Разум — это лампа, с помощью которой он же найдет путь, по которому сможет выйти за его же пределы. Значит, можно сделать вывод, что непоследовательное мышление человека является важнейшей дорогой к прямому пути, ведущему к Главной Цели Человека. Но если, в нашей гордыне и нашем безумии, мы относимся к нему, как к прямому пути к божественной Цели (так поступали и по-прежнему поступают многие религиозные люди), или, отрицая само существование вечной Цели, мы считаем его одновременно и путем к Прогрессу, и вечно ускользающей во времени целью, то разум становится нашим врагом, источником духовной слепоты, нравственного зла и социальных катастроф. И еще никогда раньше разум не ценился так высоко и не использовался так активно и эффективно в определенных направлениях, как в нынешний исторический период. И еще никогда раньше интеллектуальное видение и духовность не ценились так низко, а главная Цель, прямым путем к которой они являются, не пребывала в таком забвении. Видя развитие технологии, мы воображаем, что движемся вперед по всем направлениям; в значительной степени подчинив себе неодушевленную природу, мы убедили себя, что являемся абсолютными хозяевами своей судьбы и повелителями своих душ; и поскольку разум дал нам технологию и власть, мы верим, вопреки всем признакам обратного, что нам нужно только становиться еще умнее, и еще больше систематизировать наши знания, чтобы достичь спокойствия в обществе, мира между народами и личного счастья.

В потрясающем шедевре У Чена есть комичный и в то же время подлинно философский эпизод. Обезьяна (аллегорическое воплощение человеческой мудрости) попадает на небеса и устраивает там такой переполох, что для того, чтобы утихомирить ее, приходится пригласить самого Будду. В результате происходит следующая беседа.

— Я хочу заключить с тобой пари, — сказал Будда. — Если ты действительно такая умная, то прыгни с моей правой ладони. Если ты сумеешь это сделать, я прикажу Нефритовому Императору явиться ко мне и жить со мной в Западном Раю, а ты без лишних хлопот займешь его трон. Но если ты потерпишь неудачу, то вернешься на землю и будешь там искупать свою вину в течение многих калып* (Калыпа — мировой период, равняющийся 4320 млн. лет. — *Прим.пер.*), прежде чем сможешь вернуться и снова поговорить со мной.

Обезьяна подумала про себя: "Этот Будда — полный дурак. Я могу пропрыгать пятьсот сорок тысяч километров, а его ладонь не превышает и шестнадцати сантиметров в ширину. Конечно же я смогу с нее прыгнуть".

— Ты уверен, что сможешь выполнить свое обещание? — спросила она Будду.

— Конечно, — ответил Будда.

Он протянул свою правую руку, ладонь которой, на первый взгляд, не превышала размерами лист лотоса. Обезьяна заложила свою дубинку себе за ухо и прыгнула изо всех сил. "Все в порядке, — сказала она себе. — Я уже прыгнула с ладони". Она мчалась так быстро, что стала почти невидимой, и Будда, наблюдая за ней глазом мудрости, видел только несущийся вихрь.

Наконец, обезьяна добежала до пяти высоко вздымающихся розовых столпов. "Это — край Света, — сказала она себе. — Теперь мне нужно только вернуться к Будде и потребовать свой приз. Трон — мой".

"Погоди-ка, — спохватилась она. — Мне следует оставить здесь следы своего пребывания, на тот случай, если у меня возникнут какие-нибудь проблемы с Буддой". Она выдернула шерстинку, дунула на нее волшебным дыханием и крикнула:

"Превратись!". Шерстинка сразу же превратилась в кисточку, пропитанную чернилами. На основании центрального столпа обезьяна написала: "Великая и Мудрая, равная Небесам, была здесь".

Затем, чтобы продемонстрировать свое презрение, она испражнилась на основание первого столпа и поскакала обратно. Стоя на ладони Будды, она сказала: "Что ж, я спрыгнула и вернулась. Можешь сказать Нефритовому Императору, чтобы он освободил небесный дворец".

— Мартышка ты вониючая, — сказал Будда. — Ты все время была на моей ладони.

— Как же ты не прав, — сказала обезьяна. — Я добралась до самого края Света, где увидела пять вздымающихся в небо столпов телесного цвета. Я кое-что написала на основании одного из них. Если хочешь, может туда пойти и посмотреть.

— В том нет нужды, — сказал Будда. — Просто посмотри себе под ноги.

Обезьяна опустила свои яростные глаза и увидела на основании среднего пальца Будды надпись: "Великая и Мудрая, равная Небесам, была здесь". Ложбинка между большим и указательным пальцами пахла обезьяньей мочой.

Из рассказов об обезьяне

Вот так и та обезьяна, что живет внутри нас, торжествуя пописав на протянутую руку Мудрости и преисполнившись наглой уверенности в своем всемогуществе, начинает придавать миру людей и вещей ту форму, какая особо мила ее сердцу. Иногда "обезьяна" руководствуется благами намерениями, а иногда осознанно творит зло. Но, каковыми бы не были намерения, деятельность даже самого блестящего, но не просветленного божественной Природой Вещей и не подчиненного Духу, ума, как правило, приводит к плачевным результатам. Человечество всегда ясно отдавало себе в этом отчет, доказательством чего является его лексика. Слова "хитрый" и "коварный" — эквиваленты словосочетания "слишком много знающий", и любое из этих трех прилагательных представляет собой не очень лестную нравственную оценку того индивидуума, в отношении которого оно применяется. "Тщеславие" — это просто "концепция"* (* По английски "coiiceit" — тщеславие, "concept" — концепция. — *Прим.пер.*). Человеческий разум особенно легко соглашается с тем, что высшей ценностью является его собственное эго. Слово *shrewd* (проницательный) происходит от слов *shrew* (сварливый, строптивый, злой) и *beshtrew* (ругаться, проклинать). Нынче проницательными называют хороших бизнесменов и юристов, что является сомнительным комплиментом. Слово *wizard* (колдун, волшебник) происходит от слова *wise* (умный), вернее, от того значения, которое это слово имеет в американском слэнге — "умник". И наоборот — в старину, в народе дураками величали людей, чистых душой. Ричард Тренч пишет: "Такое отношение к чистым душой людям свидетельствует, что люди используют свои интеллектуальные способности прежде всего для того, чтобы причинять вред и страдания окружающим, что умный человек — это, скорее всего, злой человек". Между тем, никто не сомневается в том, что ум и приобретенные знания являются незаменимыми, но дополнительными, а не основными средствами, не говоря уже о том, чтобы являться целью. Святой Бернар говорит: *Quid faceret eruditio sine dilectione? Inflaret. Quid, absque eniditione dilcctio ? Erraret.* (Что есть знание без любви? Гордыня. Что есть любовь без знания? Ошибка.)

Каков человек, таким он представляет и Бога.

Джон Смит, платоник

Люди способны постичь вторичные причины, но только пророкам дано постичь Первопричину.

Джалаладдин Руми

Количество и тип приобретенных знаний зависят, во-первых, от силы нашей воли, и, во-вторых, от нашей психо-физической конституции и ее модификаций, возникших в результате воздействия окружающей среды и наших осознанных усилий. Стало быть, как указал профессор Беркитт, в случае с технологическими открытиями "важным фактором было желание человека. Каждый раз, когда человеку чего-то очень хотелось, он невероятно быстро умудрялся добиться желаемого... И наоборот — никто, например, не смог научить бушменов Южной Африки земледелию и скотоводству. У них не было никакого желания заниматься этим". То же самое можно сказать и об открытиях этического и духовного плана. "Вы святы настолько, насколько сами того хотите" — сказал Рейсбрук пришедшим к нему в гости ученикам. И он вполне бы мог добавить: "Стало быть, вы можете узнать о Реальности столько, сколько сами захотите". Ибо человек овладевает знаниями в соответствии со своим настроем, а определенные важнейшие аспекты настроения человека находятся под его контролем. Освобождающее постижение Бога приходит к тому, кто чист сердцем и смирен духом; и хотя обрести эти чистоту и смирение очень нелегко, это может сделать каждый.

Она сказала, что если бы кто-то обрел чистоту ума, то ему следовало бы воздержаться от высказывания суждений о своем ближнем и от всех пустых разговоров о его поведении. Такой человек должен искать во всех созданиях только волю Божию. С воодушевлением она сказала: "Ни у кого нет никаких оснований давать оценку действиям или мотивам других созданий. Даже, когда мы видим

отъявленного грешника. мы должны не судить его, а искреннее и свято посочувствовать ему и смиренно помолиться за него Богу.

Из завещания Святой Екатерины Сченскоч, записанного Томмазо ди Пьетра

Полный отказ от попыток судить своих собратьев — это всего лишь одно из условий внутренней чистоты. О других мы уже говорили в главе "Укрощение страстей".

Кто учиться, с каждым днем увеличивает (свои знания). Кто служит дао, изо дня в день сокращает (свои желания). В непрерывном уменьшении (человек) доходит до недеяния.

Лао-цзы

Именно в результате недеяния своеволия и эгоцентрического ума создаются условия для деятельности внутри полностью очищенной души вечного "Я". А если полностью познана вечность внутренних высот, то полностью познана и вечность внешнего мира.

Удавалось ли тебе когда-нибудь увидеть вечность в мгновении? Удавалось ли тебе когда-нибудь увидеть бесконечность в точке? Если да, то тогда ты знаешь, что такое дух — остроконечная вершина в неизмеримых глубинах жизни, вершина, на которую дружно взбираются все вещи. место, где они встречаются и удовлетворенно рассаживаются по своим местам.

Питер Стерри

Глава 8 РЕЛИГИЯ И ТЕМПЕРАМЕНТ

В этом месте, пожалуй, будет лучше оставить на некоторое время этику и обратиться к психологии, где мы столкнемся с серьезной проблемой, которой комментаторы Вечной Философии уделили очень много внимания. Каково точное соотношение между конституцией и темпераментом индивидуума и количеством и качеством приобретаемого им духовного знания? Мы не можем исчерпывающе ответить на этот вопрос, поскольку не располагаем соответствующими данными. Исключение, пожалуй, составляет лишь та форма непередаваемого знания, которое основано на интуиции и длительной практике и существует в умах опытных "духовных учителей". Тем не менее, мы можем дать, пусть неполный, но глубокий ответ.

Нам уже известно, что знание есть функция бытия. Или, если ту же самую мысль выразить схоластическими категориями, индивидуум познает вещь так, как он на то настроен. Во "Введении" мы упоминали о знании изменений бытия, происходящих на так называемой вертикальной оси бытия, на которой есть только два пути — к святости или в противоположном направлении. Однако, вариации имеются и на горизонтальном плане. Появившись на свет, любой из нас оказывается в определенной точке горизонтального плана и это расположение обусловлено пси-хо-физической конституцией индивидуума. Горизонтальный план — это огромный, все еще не полностью исследованный континент, протянувшийся от дебилизма до гениальности, от трусливой слабости до агрессивной силы, от жестокости до предельного добродушия, от навязчивой общительности до мизантропии и стремлению к одиночеству, от почти безумного сладострастия до почти непоколебимого воздержания. Начав свой путь в любой точке этого огромного континента, человеческая натура может почти до бесконечности двигаться вверх или вниз, по направлению либо к божественной Основе индивидуума и всех остальных существ, либо к адски крайним проявлениям отчужденности и эгоизма. Но при горизонтальном движении человеческая природа обладает гораздо меньшими возможностями. Один тип физической конституции не может трансформироваться в другой; а свойственный данной физической конституции конкретный темперамент может претерпевать только незначительные изменения. Какой бы силой воли не обладал индивидуум и в каких бы благоприятных общественных условиях он не находился, он может надеяться только на то, что ему удастся наилучшим способом использовать свои врожденные психофизические данные: он не в состоянии кардинально изменить КОНСТИТУЦИЮ и темперамент.

В течение последних тридцати столетий неоднократно предпринимались попытки создания системы классификации, в соответствии с которой можно было бы измерять и описывать различия между людьми. Например, в древней Индии существовал метод классификации людей по кастам в соответствии с их психофизическо-социальными данными. Существуют два вида медицинской классификации, приписываемые Гиппократу. Согласно первому люди делились по двум типам поведения — спокойному и буйному; по второму — по четырем типам настроения (ярость, спокойствие, черная зависть и белая зависть) и по четырем качествам (тепло, холод, влажность, сухость). Сравнительно недавно — в восемнадцатом и начале девятнадцатого века возникли различные системы физиогномики; примитивное и чисто психологическое деление на экстравертов и

интровертов; более сложные, но тоже неадекватные, психо-физические системы классификации, предложенные Кретчмером, Стокардом, Виолой и другими; и, наконец, более разветвленная, более гибкая, более адекватная, чем все предыдущие, система, разработанная доктором Вильямом Шелдоном и его сподвижниками.

В данной главе мы рассмотрим классификацию различий между людьми в связи с проблемами духовной жизни. Мы опишем и проиллюстрируем примерами традиционные системы, а открытия Вечной Философии сравним с результатами новейших научных исследований.

На Западе традиционная католическая классификация человеческих существ основывается на евангельской истории о Марфе и Марии. Марфа идет к спасению души через действие, Мария — через созерцание. Вслед за Аристотелем, воззрения которого по этому, да и по многим другим вопросам, совпадали с постулатами Вечной Философии, католические мыслители пришли к выводу, что созерцание (высшей категорией которого является знание, единящее индивидуум с божеством) есть главная цель человека и по этой причине всегда утверждали, что Мария шла более верным путем.

Знаменательный факт — по сути теми же категориями пользуется доктор Радин, классифицируя и оценивая примитивные человеческие существа, в соответствии с их философскими и религиозными наклонностями. Он абсолютно убежден в том, что высшие монотеистические формы примитивной религии созданы (или, как говорил Платон, "открыты") людьми, принадлежащими к первому из двух больших психо-физических классов человеческих существ — к людям мысли. Те же, кто принадлежат к другому классу, к людям действия, создали или открыли примитивные, нефилософские, политеистические виды религии.

Это простое деление людей на два типа является по-своему верной классификацией людей. Но, как любое деление, будь-то физическое (типа гипократового деления на спокойных и буйных), или психологическое (типа юнговского деления на интро-вертов и экстравертов), это деление религиозно настроенных индивидуумов на людей мысли и людей действия, на идущих путем Марфы и идущих путем Марии, не соответствует истине. И, конечно, никакой духовный пастырь, никакой глава религиозной организации ни за что не удовольствуется столь простой системой. Признавая, что католики написали самые лучшие молитвы и создали самую лучшую систему определения призвания и распределения обязанностей, мы, тем не менее, ощущаем существование скрытой и несформулированной классификации людей, которая более полна и более соответствует фактам, чем грубое деление на действие и созерцание.

Очертания этой более сложной и более адекватной системы явно прослеживаются в индуизме. К освобождающему единению с Богом ведут не два, а три пути — путь труда, путь знания и путь ревностного исполнения религиозных обрядов. В "Бхагавад Гите" Шри Кришна рассказывает Арджуне о всех трех путях — освобождение посредством добровольных действий; освобождение посредством познания "Я" или Абсолютной Основы бытия, что одно и то же; освобождение посредством поклонения личному Богу или божественному воплощению.

Поэтому всегда совершай должные дела без привязанности, ибо человек, совершающий дела без привязанности, достигает высшего. Ведь действиями достигли совершенства Джанак и другие: таким образом, ты должен действовать, имея в виду целостность мира.

Но есть и путь Марии.

Освободись от страстей, страха и гнева, укройся во Мне, растворясь во Мне, очистишься огнем Знания и стань со Мною одним целым.

И снова:

Только те, кто полностью контролируют свои чувства и в любой ситуации сохраняют спокойствие разума, благодаря чему могут созерцать Неистребимое, Невыразимое, Непостижимое, Скрытое, Вездесущее, Вечное, только те, кто желают добра всем существам, только они и никто больше обретут Меня.

Но путь созерцания нелегок.

Перед разумом, сосредоточившемся на Скрытом, стоит более чем трудная задача; ибо плотскому существу тяжело понять Скрытое. Но те, кто все свои действия посвящает Мне (как личному Богу или Воплощению божества), те, кто считает меня высшей Целью, те, кто поклоняется Мне и полностью сосредоточившись медитирует обо Мне, то есть, те, кто растворил свой разум во Мне, те будут спасены Мною от всемирного океана смертности.* (*Здесь и выше свободный пересказ апокрифического "Евангелия от Марии". — Прим.ред.)

Эти три пути спасения точно совпадают с тремя категориями, на основании которых Шелдон разработал, несомненно, наилучшую и наиболее адекватную систему классификации различий между людьми. Он продемонстрировал, что человеческие существа постоянно мечутся между вечными крайностями трехполюсной системы; можно провести физические и психологические замеры и на их основании точно определить расположение любого данного индивидуума в системе этих трех координат. Можно выразиться иначе и сказать, что любой данный индивидуум состоит из трех физических и

трех психологических компонентов, объединенных в присущей только данному индивидууму пропорции. Силу каждого компонента можно измерить эмпирически разработанными методами. Три физических компонента Шелдон назвал эндоморфным, мезоморфным и эктоморфным. Индивидуум с высоким эндоморфным уровнем отличается мягкими и округлыми формами и легко может растолстеть. Индивидуум с высоким мезоморфным уровнем обладает крепким телом, широкой костью и сильными мускулами. Индивидуум с высоким эктоморфным уровнем отличается худобой, узостью кости и тонкими и слабыми мускулами. Эндоморфный индивидуум обладает огромным кишечником, который раза в два тяжелее и длиннее кишечника любого эктоморфного индивидуума. Поистине, его тело является лишь придатком пищеварительного тракта. Главной отличительной чертой физической конституции мезоморфного индивидуума является мощная мускулатура. Эктоморфный индивидуум отличается чрезмерной чувствительностью и (поскольку показатель соотношения поверхности тела с его массой у этого типа выше, чем у двух других) относительно незащищенной нервной системой.

С эндоморфной конституцией тесно связан тот тип темперамента, который Шелдон назвал висеротоническим. Висеротоники любят покушать и, особенно, покушать хорошо; любят комфорт и роскошь; любят церемонии; неразборчивы в дружбе и любви; боятся одиночества и жаждут общения; несдержанны в выражении эмоций; ностальгически вспоминают детство и находят огромное удовольствие в семейной жизни; жаждут привязанности и общественной поддержки, попав в беду, ищут помощи у других людей. Темперамент мезоморфного индивидуума называется соматотоническим. В нем превалируют любовь к физической работе, агрессивность и жажда власти; безразличие к боли; черствое отношение к людям; жажда борьбы; большая физическая отвага: ностальгические воспоминания уже не о детстве, а о юности, как времени наибольшей силы мускулов; потребность в действии при столкновении с проблемами.

Вышеприведенное описание дает возможность понять, насколько неадекватной является юнгианская концепция экстра-вертности, как простой противоположности интровертности. Экстравертность — не простое явление; существуют два его вида, совершенно не похожих друг на друга. Есть эмоциональная экстравертность висеротонического эндоморфного индивидуума — личности, вечно жаждущей общения и рассказывающей всем о своих чувствах. И есть экстравертность мускулистого соматотонического индивидуума — личности, воспринимающей мир, как место, где она должна добиться власти, подчинить людей своей воле и придать вещам желаемую форму. Есть экстравертность коммивояжера, общительного благонамеренного обывателя, либерального протестантского священника. И есть экстравертность инженера, работающего во имя обретения власти над вещами, экстравертность спортсмена и профессионального военного, экстравертность честолюбивого бизнесмена и политика, экстравертность диктатора, будь-то он всего лишь домашний тиран или повелитель целого государства.

Покинув добродушный мир мистера Пиквика и полный борьбы мир капитана Сорвиголовы, мы попадаем в совершенно иную и несколько пугающую вселенную — мир Гамлета и Ивана Карамазова. Людей такого типа Шелдон называет цереброто-никами. Законченный церебротоник — это крайне настороженный, крайне чувствительный интроверт, больше интересующийся не внешним миром, верными слугами которого являются ви-серотоник и соматотоник, а тем, что происходит внутри его черепной коробки — мысленными конструкциями, вариациями чувств, воображением и сознанием. Церебротоники практически лишены стремления к господству, но они не разделяют и безоглядную любовь висеротоников к человечеству вообще; они хотят жить и давать жить другим и терпеть не могут, когда кто-то вмешивается в их дела. Одиночество — самое страшное наказание для мягкой, округлой, добродушной личности — церебротоник вообще не считает карой. Самый страшный кошмар церебротоника — это школа-интернат и армейская казарма. В обществе церебротоники отличаются нервностью, стеснительностью, скованностью и непредсказуемой сменой настроений. (Знаменательный факт — ни один законченный церебротоник не стал хорошим актером.) Церебротоники терпеть не могут хлопать дверью или повышать голос, и очень страдают от безудержных воплей и топая соматотоников. Они сдержанны в манерах и, особенно, в выражении чувств. Эмоциональные излияния висеротоников церебротоники считают оскорбительно мелкими и даже неискренними. Их также раздражает пристрастие висеротоников к церемониям, роскоши и блеску. Церебротоники с трудом приобретают привычки и им тяжело подчинить свою жизнь определенному распорядку, что так естественно дается соматотоникам. В силу своей сверхчувствительности, церебротоники зачастую отличаются крайней, почти безумной сексуальностью; но их вряд ли можно соблазнить выпивкой, поскольку алкоголь, усиливающий врожденную агрессивность соматотоника и благодушную дружелюбие висеротоника, у них вызывает болезненные ощущения и депрессию. Висеротоник и соматотоник, каждый по своему, хорошо приспособлены к тому миру, в котором они живут; но интроверт-церебротоник, в определенном смысле, несовместим с окружающими его вещами, людьми и учреждениями. В результате очень многим церебротоникам не удается стать добропорядочными гражданами и столпами общества. Но если многим терпят неудачу, то многим удастся подняться

значительно выше среднего уровня. В университетах, монастырях и исследовательских лабораториях — надежных укрытиях для тех, чьи маленькие желудки не способны переварить то количество пищи, которое поглощают толстяки, а хилые мышцы не способны нанести удар, отличающий прирожденного забияку — имеется очень большое количество чрезвычайно одаренных и удачливых церебротоников. Осознавая важность существования этого странного, слишком много думающего и обладающего очень малым запасом живучести типа людей, все цивилизации предоставляли ему тот или иной вид прикрытия.

В свете вышесказанного мы можем более ясно понять принцип классификации путей к спасению, содержащейся в "Бха-гавад Гите". Путь ревностного отправления религиозных обрядов естественней для индивидуума, в котором преобладает висе-ротонический элемент. Его врожденная склонность безудержно выплескивать на других людей свои эмоции может быть укрощена и направлена в нужное русло, в результате чего животное чувство стадности и человеческое добродушие превращаются в истинную любовь к ближнему — преданность личному Богу и всеобщему добру, а также сострадательное отношение ко всем разумным существам.

Путем действия идут экстраверты соматотонического типа, те, кто в любой ситуации стремятся "что-то сделать". У непреображенного соматотоника эта жажда действия всегда выливается в агрессивность, отчаянное стремление к самоутверждению и власти. Кришна объясняет Арджуне, что прирожденный "кшатрий" (воин) должен излечиться от присущих жажде действия смертельно опасных болезней и работать, не думая о вознаграждении, работать в состоянии полного самоотречения. Что, конечно, как и все остальное в этом мире, гораздо легче сказать, чем сделать.

И, наконец, есть путь знания, двигаясь по которому сознание трансформируется таким образом, что перестает быть эгоцентрическим, и сосредотачивается на божественной Основе и соединяется с ней. Это естественный путь законченного церебротоника. Перед ним стоит особая задача — он должен справиться со своей врожденной склонностью к интровертности ради самой интровертности, склонности к безудержной фантазии и перескакиванию с одной мысли на другую, а также от стремления воспринимать мышление, воображение и самоанализ, как цели, а не как средства, преобразовав все это в бесконечный акт чисто интеллектуальной интуиции.

Мы уже знаем, что население Земли постоянно трансформируется и что в большинстве людей эти три элемента присутствуют в относительно равной пропорции. Индивидуумы, в которых полностью доминирует какой-то один элемент, встречаются крайне редко. Тем не менее, несмотря на немногочисленность, именно их образ мышления доминирует в религии и этике, по крайней мере, в их теоретической части. Причина очень проста. Любая бескомпромиссная позиция более четко обозначена и, стало быть, более заметна и понятна, чем умеренная, естественная для индивидуума, в котором все три основных элемента личности представлены в равной степени. Следует заметить, что умеренная позиция никоим образом не является компромиссным вариантом крайних позиций; она просто представляет собой определенный образ мышления — один из пунктов в списке возможных систем. Создание единой всеобъемлющей мета-физико-этико-психологической системы — задача, которую еще не удалось решить ни одному отдельно взятому индивидууму именно потому, что он — индивидуум, то есть обладает конкретными конституцией и темпераментом и, стало быть, способен познавать мир только в соответствии с образом своего бытия. Теперь становятся понятны изначальные преимущества того пути к истине, который можно назвать антологическим.

Санскритское слово "дхарма" — одно из ключевых в индуистских формулировках Вечной Философии — имеет два основных значения. Прежде всего, дхарма индивидуума — это его суть, подлинный закон его бытия и развития. Но есть и другое значение этого слова — "закон праведности и благочестия". Смысл этого двойного значения ясен — то, как человек должен жить, то, во что он должен верить, и то, что он должен делать во имя своей веры — все это обусловлено сутью его природы, его конституцией и темпераментом. Индуисты и буддисты пошли гораздо дальше католиков с их доктриной призвания и признали право индивидуумов, обладающих разной дхармой, поклоняться различным аспектам или концепциям божества. В результате страны, населенные индуистами и буддистами, практически не знали кровавых преследований инакомыслящих, религиозных войн и империалистического стремления всеобщего обращения в свою веру. Справедливости ради следует отметить, что в пределах своей церковной системы, католицизм отличается почти такой же терпимостью, как индуизм и буддизм Махаяны. Теоретически, каждая из этих религиозных систем состоит из большого количества разнообразных религий, представляющих всю гамму интеллектуальных систем и паттернов поведения: фетишизм, политеизм, строгий монотеизм, поклонение священной человеческой природе аватары. Вечную Философию и чисто духовную религию, стремящуюся к обретению знания, единящего индивидуума с Абсолютным Божеством. То, что общая религиозная система терпимо относится к существующим внутри нее обособленным религиям, конечно, еще не значит, что все эти религии считаются равноценными или одинаково истинными. Индивидуум, в силу своей дхармы, может быть политеистом; тем не менее, его главной целью остается обретение знания,

единящего его с Божеством, а все, сложившиеся на протяжении истории человечества, формулировки Вечной Философии дружно говорят о том, что каждое человеческое существо должно достичь и, вероятно, в той или иной степени, достигнет этой цели. Отец Гарригу-Лагранж пишет: "Каждая душа слышит доносящийся издали один и тот же голос, зовущий ее к мистической жизни; и если бы каждая душа сумела, как ей и положено, избежать не только смертных, но и простительных грехов, если бы она, в меру своих сил, служила Святому Духу, и если бы она прожила достаточно долго, то наступил бы день, в который она обрела бы совершенство и была бы призвана в ту жизнь, которая так точно названа мистической". С этим утверждением, пожалуй, согласились бы индуистские и буддистские теологи; но они бы добавили, что любая душа, так или иначе, но, в конце концов, все равно достигнет этого самого "совершенства". Зов слышат все, но в каждом конкретном поколении есть только несколько избранных, ибо только несколько индивидуумов избирают этот путь. Но цепочка осознанных существований, плотских или бесплотных, бесконечно длинна; а потому у всякой души есть время и возможность извлечь необходимые уроки. Более того, всегда найдутся помощники. Периодически Божество "нисходит" в физическую форму: и во все времена существуют будущие Будды, которые, стоя на самом пороге единения с Познаемым Светом, готовы вновь и вновь отказываться от благодати полного освобождения и возвращаться в бренный мир страданий и зла до тех пор, пока каждое разумное существо не обретет свободу и не перейдет в вечность.

Вполне понятно, к каким практически последствиям ведет применение этой доктрины. Низшие формы религии, будь-то эмоциональные, активные или интеллектуальные, никогда не будут признаны абсолютными. Да, к определенным формам естественным путем тяготеют люди определенных конституции и темперамента; но человек любой дхармы не должен довольствоваться ревностным поклонением той устраивающей его несовершенной религии; он должен подняться над ней, но не отрицая свойственный ему от рождения образ мышления, поведения и чувства (что невозможно), а используя его, чтобы при помощи предоставленных ему его природой средств подняться над самой этой природой. Так интроверт "устанавливает различия" (по выражению индусов) и учится отличать умственную деятельность эго от изначального сознания "Я", которое родственно или тождественно божественной Основе. Эмоциональный экстраверт учится "ненавидеть своих отца и мать" (то есть избавляется от эгоистической склонности любить всех без разбора и быть любимым всеми), сосредоточивает свое поклонение на личном или воплощенном аспекте Бога и, наконец, начинает любить Абсолютное Божество посредством акта, уже не чувств, но воли, просветленной знанием. Но существует и другой тип экстраверта, который не стремится любить и быть любимым, а жаждет власти над вещами, событиями и людьми. Чтобы с помощью своей природы поняться на самой этой природой, он должен пойти по пути, по которому пошел в "Бхагавад Гите" потрясенный Ар-джуна — по пути индивидуума, который трудится, не думая о вознаграждении, по пути, который святой Франциск Сальский назвал "святым безразличием", по пути, который через забвение "я" ведет к открытию "Я".

В истории часто случалось, что та или иная несовершенная религия воспринималась слишком серьезно и считалась добром и истиной, а не средством для достижения главной цели всех религий. Такие ошибки зачастую приводят к катастрофическим последствиям. Например, многие протестантские секты настаивали на необходимости, или, по крайней мере, желательности, насильственного обращения в свою веру. Но, как указал Шел-дон, насильственное обращение — это феномен, присущий практически исключительно людям с преобладанием соматотонического элемента. Такие люди настолько экстравертны, что не замечают происходящего на нижних уровнях их разума. Если же, по какой-то причине, они начинают заниматься самокопанием, то полученные ими знания о самих себе, в силу своей новизны и необычности, обладают силой и качеством откровения, и эти люди испытывают внезапную и мучительную "мета-ноию" — изменение сознания. Эта смена может выразиться в обращении к религии или чему-нибудь еще, например, к психоанализу. А настаивать на насильственном обращении, как на единственном средстве спасения души, так же глупо, как настаивать на том, чтобы у всех людей обязательно были круглые лица, широкие кости и мощные мускулы. Тем людям, которые естественным образом тяготеют к такого рода эмоциональным потрясениям, доктрина, провозглашающая зависимость спасения души от обращения в истинную веру, дает спокойствие, оказывающее губительное воздействие на духовное развитие. А людей, не способных к такого рода потрясениям, она наполняет не менее губительным отчаянием. Не составит труда найти и другие примеры неадекватной теологии, основанной на невежестве в вопросах психологии. Скажем, можно вспомнить печальную историю Кальвина, церебротоника, который настолько серьезно воспринял свои собственные мысленные конструкции, что утратил всякое чувство реальности, как человеческой, так и духовной. Или, например, наш собственный либеральный протестантизм, эту исключительно висеротоническую ересь, которая, похоже, забыла о самом существовании Отца, Духа и Логоса и уравнивает христианство с эмоциональной привязанностью к человеческой природе Христа или (используя ныне популярное выражение) "личности Иисуса",

которой поклоняются так истово, словно иного Бога и не существует. Даже из чрезвычайно разнообразной системы католицизма до нас постоянно доносятся жалобы на невежественных и эгоистичных руководителей, которые навязывают вверенным им душам совершенно несоответствующую тем лхарму. Результаты подобных действий такие авторы, как Сан Хуан де ла Крус, называли совершенно пагубными. Итак, мы видим, что нам от природы свойственно видеть в Боге те качества, которые позволяют нам разглядеть в Нем наш темперамент; но если наша природа не найдет способа возвыситься над собой, то мы проиграли. По большому счету, Фи-лон был абсолютно прав, когда говорил, что те, кто не могут постичь Бога, как чистую и простую Идею, причиняют вред, но не Богу конечно, а самим себе и своим собратьям.

Путь знания наиболее естественен для индивидуумов с явно церебротоническим темпераментом. Говоря это, я не имею ввиду, что это легкий путь для церебротоника. Ему так же трудно справиться с присущими его темпераменту грехами, как сомато-тонику с жадностью власти, а законченному висеротонику со страстью к обжорству, комфорту и популярности в обществе. Я имею ввиду, что церебротонику спонтанно приходит в голову мысль о существовании такого пути и о том, каким образом по нему следовать (установление различий, бескорыстный труд, поклонение какому-то одному объекту). На всех уровнях цивилизации подобный индивидуум является прирожденным монотеистом; и, как убедительно доказал доктор Расин на примере теологии примитивных народов, этот прирожденный монотеист зачастую является монотеистом *tat tvam asi* — школы внутреннего света. Экстраверты обоих типов являются прирожденными политеистами. Но прирожденных политеистов без особого труда можно убедить в теоретическом превосходстве монотеизма. Природа человеческого разума такова, что любая гипотеза, пытающаяся объяснить многообразие категориями единства и свести разнообразие к базовой идентичности, кажется ему изначально правдоподобной. Оттолкнувшись от этого теоретического монотеизма, наполовину обращенный политеист сможет, если захочет, продолжать двигаться (по пути, наиболее подходящему его темпераменту) в направлении истинного осознания божественной Основы, как своей собственной, так и всех остальных людей. Я повторяю, что он может это сделать и иногда в действительности это происходит. Но это бывает не часто. Есть множество теоретических монотеистов, вся жизнь которых является доказательством того, что они по-прежнему остаются теми, кем им велит быть их темперамент — политеистами, поклоняющимися не одному Богу, о котором они периодически говорят, а многим богам (нации, технологии, финансам, семье), которым они служат самым преданным образом.

В христианском искусстве Спаситель почти всегда изображался худым человеком, с тонкой костью и слабо развитыми мускулами. Крупный, физически сильный Христос был довольно шокирующим исключением из этого древнего правила. Вильям Блейк презрительно написал о распятии Рубенса: Любезный, я думал, что Христос был плотником, а не слугою пивовара.

Вообщем, Иисус традиционно представлялся человеком, в конституции которого преобладал эктоморфный элемент, а в темпераменте, соответственно — церебротонический. Основа примитивной христианской доктрины подтверждает правильность этой иконографической традиции. Религию Евангелия — вот что мы должны ждать от церебротоника. Разумеется, не от каждого церебротоника, а только от того, ибо использовал пси-хо-физические особенности своей природы, чтобы подняться на самой этой природой, который, следуя за своей конкретной дхармой, достиг духовной цели. Утверждение, что Царство Небесное находится внутри человека; игнорирование ритуалов: несколько презрительное отношение к букве закона, к церемониям и правилам организованной религии, к священным дням и местам; общая отрешенность; особая сдержанность не только в действиях, но даже в желаниях и не выраженных намерениях; безразличие ко всем благам материальной цивилизации и любовь к бедности, как к одному из ярчайших проявлений добра: доктрина отстраненности, реализуемая даже в сфере семейных отношений: утверждение, что даже преданность высшим человеческим идеалам, даже праведность книжников и фарисеев, являются идолопоклонством, отвлекающим от любви к Богу — все это характерные для церебротоника идеи, которые никогда спонтанно не придут в голову жаждущему власти экстраверту или также экстравертному висеротонику.

Примитивный буддизм церебротоничен ничуть не менее примитивного христианства и то же самое можно сказать о веданте, метафизической дисциплине, представляющей собой сердцевину индуизма. Конфуцианство, напротив, является в основном висеротонической системой — семейной, церемониальной и полностью приземленной. А вот ислам представляет собой систему, в которой доминирует соматотонический элемент. Отсюда и тянувшийся за ним мрачный след "священных войн" и преследований инакомыслящих. Такой же след оставило за собой и позднее христианство, после того, как эта религия была настолько заражена грубой стоматотонией, что назвала себя "воинствующей церковью".

Если говорить о главной цели человека, то достичь ее не смогут ни законченный церебротоник, ни законченный висеротоник, ни законченный соматотоник. Но если церебротоник и висеротоник могут

причинить вред разве что самим себе и тем, кто находится с ними в непосредственном контакте, то соматотоник, с его врожденной агрессивностью, ввергает в хаос целые государства. С одной точки зрения цивилизацию можно определить как комплекс религиозных, юридических и образовательных механизмов, которые не дают законченному соматотонику причинить слишком много вреда и направляют его неукротимую энергию в желательное для общества русло. Конфуцианство и китайская культура попытались решить эту задачу с помощью внушения почтительного отношения к родителям, выработки хороших манер и добродушного висеротонического эпикурейства. Как это не парадоксально, но система была подкреплена церебротонической духовностью, а также терпимостью буддизма и классического даосизма. Индийская кастовая система являет собой попытку подчинить военных, политиков и финансовых воротил духовной власти; а мысль о том, что основной целью человека является обретение знания, единящего его с Богом, по-прежнему настолько активно внедряется в сознание всех слоев общества, что даже и сейчас, после двухсот лет постепенно усиливающей европеизации, удачливые соматотоники в расцвете лет отказываются от богатства, высокого положения и власти, и до конца своих дней смиренно ищут просветления. Как и в Индии, в католической Европе тоже наблюдалась попытка подчинить брэнную власть власти духовной; но поскольку сама церковь обладала брэнной властью, носителями которой были прелаты-политики и торговцы в митрах, то эти усилия увенчались лишь частичным успехом. А после Реформации даже эти идеалистические желания ограничить брэнную власть властью духовной были полностью забыты. По словам Стаббса, Генрих VIII "произвел себя в Папы и власть его была не только не меньшей, но даже большей, чем власть подлинного Папы". С того времени примеру Генриха последовали главы многих государств. Власть можно было ограничить только другой властью, а не напоминанием об основополагающих принципах, трактуемых теми, кто имеет на то нравственное и духовное право. Тем временем интерес к религии повсеместно упал и даже среди верующих христиан Вечную Философию в значительной степени заменила метафизика неизбежного прогресса и развивающегося Бога, страстные мысли не о вечном, а о будущем. И почти внезапно, в течение последних двадцати пяти лет, произошло то, что Шелдон называет "соматотонической революцией", направленной против всего церебротонического в теории и практике традиционной христианской культуры. Вот некоторые симптомы этой революции.

Традиционное христианство, как и все великие религиозные системы Вечной Философии, считает аксиомой, что созерцание есть цель и задача действия. Сегодня, даже искренне верующие христиане в подавляющем большинстве считают действие (направленное на ускорение материального и общественного прогресса) целью, а аналитическое мышление (об интегральном мышлении или созерцании уже вообще нет и речи) — средством для достижения этой цели.

Традиционное христианство, как и другие системы Вечной Философии, говорит, что секрет счастья и путь к спасению следует искать не во внешней среде, а в состоянии ума индивидуума и его связи с внешним окружением. Но сегодня главным считается состояние окружающей среды, а не состояние ума. Считается, что счастье и нравственный прогресс зависят от повышения уровня жизни и создания технических приспособлений все более высокого уровня.

В традиционном христианском воспитании весь упор делался на умеренность и сдержанность; а вот недавно сложившаяся "прогрессивная школа" сосредоточена исключительно на активности и "самовыражении". Традиционные христианские хорошие манеры исключали выражение удовольствия от удовлетворения физических appetitov. "Ты можешь любить противно кричащую сову, но ты не должен любить жареную курицу" — вот такой стишок разучивали дети в детских садах всего пятьдесят лет назад. Сегодня молодые беспрерывно разглагольствуют о том, насколько они "любят" и "обожают" то или иное блюдо и тот или иной напиток; подростки и взрослые рассуждают о "трепете", который у них вызывает стимуляция их сексуальности. Наиболее широко распространенная жизненная философия перестала основываться на классических духовных произведениях и правилах аристократического хорошего воспитания и ныне формируется авторами рекламных текстов, которые ставят перед собой только одну задачу — убедить всех и каждого быть экстра-вертными и настолько жадными, насколько это возможно, ибо только вечно недовольные собой люди, склонные к накопительству и бездумному времяпрепровождению готовы потратить деньги на те вещи, которые "рекламщики" хотят продать. Технологический прогресс, с одной стороны является порождением соматотонической революции, а с другой, он сам порождает эту революцию и не дает ей застопориться. Экстравертное мышление приводит к технологическим открытиям. (Знаменательный факт — цивилизации с высоким уровнем материального развития всегда отличались широкомасштабным и официально санкционированным политеизмом.) Технологические открытия, в свою очередь приводят к массовому производству; а массовое производство, само собой разумеется, может развиваться полным ходом только в том случае, если все население принимает соматотонический идеал "благополучия" и действует соответствующим образом.

Подобно технологическому прогрессу, современная война одновременно является и причиной, и следствием соматотонической революции. Национал-социалистическое воспитание, конкретно готовившее молодое поколение к войне, ставило перед собой две основные задачи: обострить проявление соматотонического элемента у тех индивидуумов, в личности которых он присутствует в наибольшем количестве, и заставить остальную часть населения устыдиться ее дружелюбия, чувствительности, самокопания, умеренности, терпимости и определенной недисциплинированности. Во время войны противники нацизма, естественно, были вынуждены заимствовать у него эту философию воспитания. С той поры во всем мире десятки миллионов юношей и даже девушек систематически приучаются быть "крутыми" и ценить "крутость" выше всех остальных нравственных достоинств. С этой системой соматотонической этики связаны идолопоклонство и политеистическая теология национализма — псевдорелигия, которая в настоящее время более успешно пропагандирует зло и разобщенность, чем христианство или любая другая монотеистическая религия — добро и единение. В прошлом цивилизация пыталась бороться с соматотонией. Это было необходимой самообороной; цивилизация не хотела, чтобы ее физически уничтожила властолюбивая агрессивность наиболее активного меньшинства, и хотела избежать духовной слепоты, вызванной излишком экстравертности. За последние несколько лет все изменилось. "К чему приведет этот всеобщий отказ от существовавшей с незапамятных времен социальной политики?" — с тревогой думаем мы. Ответ даст только время.

Глава 9 САМОПОЗНАНИЕ

Незнание себя есть часть природы любого живого существа, кроме человека; для человека незнание себя есть грех.

Бозиций

Греху можно дать следующее определение — добровольно принятый образ поведения, ведущий к плохим результатам ввиду, во-первых, своей безбожности, и во-вторых, вредности для самого индивидуума и окружающих его собратьев. Незнание себя в какой-то степени соответствует этому определению. Все начинается с того, что человек осознанно отказывается от самопознания; ибо заглядывая внутрь себя и прислушиваясь к суждениям других людей о своем характере любой человек может, если только захочет, разобраться в своих слабостях, недостатках и истинных, а не декларируемых, мотивах своих поступков. Большинство людей не знают самих себя только потому, что самопознание — это болезненный процесс и человек предпочитает ему приятную иллюзию. Что касается последствий этого невежества, то они плохи по любым критериям, начиная с утилитарных и заканчивая трансцендентальными. Незнание себя ведет к утрате реального взгляда на жизнь, что навлекает на индивидуума всевозможные неприятности; без самопознания не может быть истинного смирения и истинной скромности, и, стало быть, не может быть знания, единящего с божественной Основой "я", которую само "я", как правило, и не дает разглядеть.

Святые и целители всех великих религиозных традиций подчеркивали важность и необходимость самопознания. Нам, на Западе, в этом смысле наиболее известен голос Сократа. Индийские комментаторы Вечной Философии высказывались на эту тему еще более определенно, — чем Сократ. Например, в буддистском трактате "Как научиться заботиться о самом себе" излагается (со свойственной священным книгам Пали скупостью) искусство самопознания во всех его проявлениях — познание собственного тела, познание собственных ощущений, познание собственных чувств, познание собственных мыслей. У искусства самопознания имеются две явные задачи. Ближайшая цель заключается в том, чтобы "брат, как тело, следящее за собой, был ревностен, собран и внимателен, преодолев и тягу к удовольствиям, и подавленность, столь часто встречающиеся в этом мире. Это же относится к чувствам, мыслям и идеям — следя за ними, он должен быть ревностным, собранным и внимательным, преодолев тягу к удовольствиям и подавленность". Через это желаемое психологическое состояние ведет путь к главной цели человека — познанию того, что лежит в основе индивидуализированного "я". Аналогичные мысли высказывали и христианские авторы.

У человека не одна кожа, а много, и под ними скрыты глубины его души. Человек знает много вещей, но не знает самого себя. Да, тридцать — сорок кож или шкур, по толщине и крепости равных шкуре вола или медведя, закрывают до ступ к душе. Так пробей свой собственный панцирь и научись познавать себя.

Экхарт

Только глупец считает себя уже пробудившимся — настолько ограничено его знание. Он может быть князем и может быть пастухом, но он так глупо уверен в самом себе.

Чжуан-Цзы

Эта метафора — "пробуждение от сна" — часто встречается в различных толкованиях Вечной Философии. В этом контексте освобождение можно определить как пробуждение от того бессмысленного, кошмарного или полного иллюзорных удовольствий сна, который зовется реальной жизнью. Пробуждение заключается в познании вечности. "Полная уверенность в близости блаженства" — эта чудесная фраза Мильтона, описывающая восприятие выдающегося музыкального произведения, с моей точки зрения, как нельзя лучше обозначает просветление и освобождение.

Ты (человеческое существо) есть, чего нет. Я — это я. Если ты постигнешь эту тайну души твоей, ни один враг не сможет тебя обмануть; ты обойдешь все его капканы.

Святая Екатерина Сиенская

Познать самих себя значит понять откуда мы пришли, где мы находимся и куда мы идем. Мы вышли из Бога и находимся в изгнании; и именно потому, что объектом нашей способности любить является Бог, мы осознаем то, что находимся в изгнании.

Рейсбрук

Духовный прогресс является постепенным осознанием того, что "я" есть ничто, а Божество есть всеобъемлющая Реальность. (Разумеется, если это знание чисто теоретическое, то оно является абсолютно бесполезным; оно должно пониматься как непосредственное, интуитивное ощущение и соответственно использоваться.) Один из крупнейших знатоков духовной жизни профессор Этьен Жильсон пишет: "Замена страха Любовью к ближнему путем смирения — вот в чем заключается аскеза святого Бернара, ее начало, развитие и венец". Страх, беспокойство, тревога — эти явления составляют сердцевину индивидуализированного эгоизма. От страха можно избавиться не усилием воли, а только сосредоточенностью эго на деле более значительном, чем интересы самого индивидуума. Сосредоточенность в любом случае поможет разуму избавиться от некоторых страхов; но только сосредоточенность на любви к божественной Основе и на познании ее может избавить его от всех страхов. Ибо сосредоточенность на любой цели, кроме высшей, приводит к тому, что страх и тревога переносятся с эго на само дело — например, когда героическое самопожертвование во имя любимого индивидуума или института сопровождается тревогой за то, во имя чего приносятся жертвы. А вот когда на жертвы идут ради Бога или ради других людей во имя Бога, тогда не может быть никакого страха или вечной тревоги, поскольку божественной Основе ничто не может угрожать и даже неудачу или катастрофу следует принять, как нечто, угодное божественной воле. Только очень немногие мужчины и женщины любят Бога настолько сильно, что способны отбросить страх за любимые личности и учреждения. А мало их потому, что только очень немногие настолько смиренны, что способны любить так, как положено. У большинства людей отсутствует необходимое смирение, поскольку они не осознают своей индивидуальной ничтожности.

Смирение заключается не в том, чтобы скрывать свои таланты и достоинства, и считать себя хуже и зауряднее, чем мы есть на самом деле, а в том, чтобы четко понимать, чего нам недостает, и не зазнаваться, ибо, что бы мы не имели, чем бы нас не наградил Господь, мы все равно остаемся бесконечно незнательными существами.

Лакордер

По мере того, как усиливается свет, мы видим, что мы хуже, чем думали. Мы изумляемся тому, насколько были слепы. когда видим, как из нашего сердца вываливается целый клубок постыдных чувств, подобных мерзким рептилиям, выползающим из потаенной пещеры. Но мы не должны изумляться или беспокоиться. Мы не стали хуже, чем прежде; наоборот, мы стали лучше. Но если наши недостатки уменьшаются, то свет, благодаря которому мы их видим, усиливается и нас переполняет ужас. До тех пор, пока не появляются признаки излечения, мы не осознаем серьезности нашего заболевания; мы пребываем в состоянии слепой самонадеянности и упрямства, мы — жертвы самообмана. До тех пор, пока мы плывем по течению, мы не осознаем его стремительности; но стоит нам только попытаться поплыть против течения, как мы сразу же ощутим его мощь.

Фенелон

Дочь моя, возведи себе две кельи. Первую — настоящую, чтобы праздно не шататься по округе. Выходи из нее только тогда, когда это тебе необходимо или из любви к ближнему. Вторая келья — духовная. Ее ты всегда сможешь взять с собой. Это келья истинного самопознания; ты познаешь в ней доброе отношение Бога к тебе. В действительности эти две кельи едины и если ты живешь в одной из

них, то ты должна жить и в другой; в противном случае душа будет пребывать либо в отчаянии, либо в самонадеянности. Если ты погрузишься в одно только самопознание, то придешь в отчаяние; если ты погрузишься в только в познание Бога, у тебя появится склонность к самонадеянности. Оба вида познания должны идти рука об руку и так ты достигнешь совершенства.

Святая Екатерина Сиенская

Глава 10 БЛАГОДАТЬ И СВОБОДНАЯ ВОЛЯ

Освобождение есть уход от времени к вечности и достигается оно покорным следованием вечной Природе Вещей. Нам дана свободная воля для того, чтобы усилием ее мы могли ликвидировать наше своеволие и навсегда поселиться в "стране благодати". В сущности, все наши деяния должны быть направлены на то, чтобы сделать нас пассивными по отношению к деятельности и бытию божественной Реальности. Мы, подобно золотой арфе, наделены способностью, либо подставлять себя ветру Духа, либо прятаться от него.

Дух Долины никогда не умирает. И зовется он Таинственным Женским Началом. А врата Таинственного Женского Начала есть источник, из которого вышли Небо и Земля. Этот источник все время находится внутри нас. Пользуйся им сколько захочешь, ибо он неиссякаем.

Лао-цзы

В любом толковании Вечной Философии человеческая душа считается "женщиной" по отношению к Божеству, личностному Богу и даже Порядку Природы. Гордыня, первородный грех, выражается в том, что личное эго воспринимается как самодостаточный "мужчина" по отношению к Духу внутри и Природе снаружи и в соответствующих действиях.

Святой Павел очень четко определил разницу между *psyche* и *pneuma* (*И то, и другое слово по-гречески значит — "дух, душа". — *Прим.пер.*) Но второе слово так и не вошло в обиход, и безнадежно двусмысленный термин *psyche* стал переводиться и как "личное сознание", и как "дух". И почему это западные церковные авторы решили говорить об *anima* человека (под *anima* древние римляне понимали низшую, животную душу), вместо того, чтобы использовать слово, которое традиционно обозначало душу разумную, а именно слово *animus*! Я думаю, дело в том, что им любой ценой хотелось подчеркнуть изначальную "женственность" человеческого духа по отношению к Богу. Авторы посчитали, что *pneuma*, слово среднего рода, и *animus*, слово мужского рода, менее адекватны, чем *anima* и *psyche*. Подумайте над этим конкретным примером; структура греческого языка и латыни создавала разговаривающим на этих языках людям огромные трудности в отождествлении души (слово женского рода) с героиней Песни Песней — аллегорической фигурой, которая на протяжении многих столетий играла в христианских мышлении и чувствах ту же самую роль, какую девы Гопи играли в теологии и ритуалах индуизма.

Обратите внимание на эту фундаментальную истину. Все, что действует в природе и в создании, за исключением греха, есть деяние Бога в природе и создании. Создание может только одно — свободно использовать свою волю, а эта свободная воля может либо подчиняться, либо сопротивляться деяниям Бога в природе. Обладающее свободной волей создание не может ничему дать жизнь и никоим образом не может изменить деяния природы; оно может только сменить свое состояние или место в деяниях природы и в результате почувствовать или обнаружить нечто, чего оно раньше не чувствовало или не находило.

Вильям Ло

Если воспользоваться психологическими терминами, то благодать — это не наше самосознающее личное "я", а нечто иное, посланное нам в помощь. Мы знаем три вида такой помощи — животную благодать, человеческую благодать и духовную благодать. Животная благодать нисходит на нас в том случае, если мы живем в полном согласии с нашей природой на биологическом уровне — не утомляем наши тела излишествами, не вмешиваемся со своим желанием и отвращением в работу живущего внутри нас животного разума, а живем цельной жизнью и открываем себя "силе солнца и духу воздуха". В награду за гармонию с физическими и физиологическими аспектами Дао или Логоса мы получаем хорошее самочувствие и радуемся жизни не по какой-то причине, а просто потому, что живем. Когда мы пребываем в состоянии животной благодати, у нас не возникает никаких вопросов; ибо в этом состоянии жизнь сама по себе является достаточной причиной для того, чтобы жить. Жизнь, как и добродетель, сама по себе является наградой. Но, разумеется, полная животная благодать есть удел животных. Природа человека такова, что он должен жить осознанной жизнью во времени, а не в блаженной субрациональной вечности, на той стороне добра и зла, которая оказалась к нему ближе.

Соответственно, животная благодать есть нечто, с чем он встречается только время от времени, когда "отдыхает" от самосознания, или же она является дополнением к другим состояниям, в которых жизнь уже не является самодостаточной наградой, а проживается по причине, находящейся вне самой жизни.

Человеческая благодать нисходит на нас от других индивидуумов, или от социальных групп, или от наших собственных желаний, надежд и воображения, спроецированных в окружающий нас мир и каким-то образом задержавшихся в психической среде в том состоянии, которое можно назвать "побывавшей в употреблении объективностью". Мы все ощущали различные виды человеческой благодати. Например, благодать, нисходящая на ребенка от матери, отца, няни или любимого учителя. Повзрослев, мы ощущаем благодать, ниспосланную нам друзьями; благодать, ниспосланную нам мужчинами и женщинами, которые высоконравственнее и умнее нас; благодать, ниспосланную гуру или духовным пастырем. Затем на нас нисходит благодать, ниспосланная нашей привязанностью к стране, партии, церкви или любой другой общественной организации — благодать, которая помогала даже самым хилым и самым застенчивым индивидуумам достичь того, что без нее было бы невозможно. И, наконец, есть благодать, которая нисходит на нас от наших идеалов, будь-то низких или высоких, абстрактных или облеченных воображением в конкретные формы. Похоже, что благодать последнего типа ощутили многие истинные приверженцы различных религий. Можно предположить, что помощь, полученная теми, кто искренне молился какому-нибудь личностному святому, божеству или аватаре, зачастую в действительности была не духовной, а человеческой благодатью, вернувшейся молящемуся из вихря психической энергии, возникшего в результате серии актов веры, желания и воображения, совершенных самим индивидуумом и другими людьми.

В духовной благодати постоянно или во всей ее полноте могут жить только те, кто усилием воли подавил свое своеволие до такой степени, что имеет полное право сказать: "Не я, но Бог во мне". Однако, есть люди, которые настолько безоговорочно сами себя приговорили к заключению внутри их собственной личности, что полностью утратили способность воспринимать благодать, которая время от времени предлагается каждой душе. Периодически большинство из нас ухитряется забыть, хотя и не до конца, нашу озабоченность "я", "меня", "мое", и в результате обрести способность воспринять, хотя и не в полном объеме, ту благодать, которая нисходит на нас в данный момент.

Духовная благодать зарождается в божественной Основе всего бытия и дается человеку для того, чтобы помочь ему достичь главной цели, которая является возвращением к этой Основе из царства времени и эгоизма. Как и животная благодать, она исходит из источника, совершенно отличного от наших самоосознающих человеческих "я"; и действительно, животная благодать и духовная благодать — это одно и то же, с той лишь разницей, что духовная благодать проявляется на более высоком витке направленной вверх спирали, ведущей от материи к Божеству. В любой данный момент человеческая благодать может быть абсолютно положительным явлением, поскольку помогает тому, на кого она снизошла, обрести знание, единящее его с Богом; но поскольку ее источником является индивидуализированное "я", она всегда вызывает некоторые подозрения и во многих случаях действительно помогает достичь цели, имеющей мало общего с истинной целью нашего существования.

Все наши добродетели и положительные качества даны нам в долг; они принадлежат Богу. Бог трудится; и трудится он над созданием Бога.

Сан Хуан де ла Крус

Постоянное вдохновение необходимо для праведной, святой и счастливой жизни, как постоянное дыхание необходимо для жизни физической.

Вильям Ло

И наоборот, праведная, святая и исполненная красоты жизнь является обязательным условием постоянного вдохновения. Действие и созерцание, этика и духовность неразрывно связаны друг с другом. Все здесь является одновременно и причиной, и следствием.

Когда устранили великое дао, появились "гуманность" и "справедливость".

Лао-цзы

В китайском языке глаголы не имеют времен. Нижеприведенное упоминание о гипотетическом историческом событии имеет такое же отношение как к настоящему времени, так и к будущему. Смысл этого утверждения очень прост: с ростом самосознания животной благодати становится уже не достаточно и ее нужно подкрепить осознанным и продуманным выбором между добром и злом. Выбор этот должен быть сделан в свете четко сформулированного нравственного кодекса. Но, как неустанно повторяли даосские мудрецы, нравственный кодекс и осознанный выбор, сделанный поверхностной

волей, — это прекрасно, но это еще не все. Индивидуализированную волю и поверхностный разум следует использовать для восстановления древней животной связи с Дао, но уже на более высоком, духовном уровне. Цель — постоянное вдохновение, получаемое из источников, находящихся за пределами; средства ее достижения — "человеческие праведность и нравственность" — ведущие к любви к ближнему, являющейся знанием, единящим индивидуума с Дао, которое есть одновременно Основа и Логос.

Ты, Господи, дал мне бытие, и такое, что оно само может постоянно делать себя все более способным вместить Твою благодать и благость. Эта сила, которая у меня от Тебя и в которой я имею живой образ Твоей всемогущей силы, есть свободная воля. Ею я могу или расширить, или ограничивать способность вместить Твою благодать.

Николай Кузански

Шун спросил Чена: "Может ли человек получить Дао в свою единоличную собственность?"

Чен ответил: "Даже твое тело не принадлежит тебе. Что тогда говорить о Дао?"

Шун сказал: "Господи, если мое тело мне не принадлежит, то кто же его хозяин?"

"Твое тело есть образ Бога, данный тебе Богом, — ответил Чен. — Твоя жизнь тебе не принадлежит. Она есть божественная гармония, врученная тебе Богом. Твоя индивидуальность тебе не принадлежит. Она есть приспособляемость Бога, врученная тебе Богом. Твое потомство тебе не принадлежит. Оно есть проявление способности Бога "сбрасывать кожу", врученной тебе Богом. Ты двигаешься, но не знаешь как. Ты пребываешь в покое, но ты не знаешь почему. Ты ощущаешь вкус, но ты не понимаешь причины этого. Все это — результаты действия божественных законов. Так как же ты можешь получить Дао в свою единоличную собственность?"

Чжуан-цзы

Я могу служить Богу и могу не служить ему. Служа Ему, я увеличиваю добро в себе и добро во всем мире. Не служа Ему, я утрачиваю то добро, что есть во мне, и лишаю мир того добра, создать которое было в моих силах.

Лев Толстой

Не Бог отнял у тебя возможность пользоваться его любовью, а ты отнял у Бога возможность помогать тебе. Бог никогда бы не отверг тебя, если бы ты не отверг его любовь. О, вседобрый Бог, Ты не покидаешь нас до тех пор, пока мы не покидаем Тебя, Ты не отнимаешь у нас свои дары до тех пор, пока мы не отнимаем у Тебя наши сердца.

Святой Франциск Сальски

Плотник Счастливый вырезал из дерева раму для колоколов. Любовавшиеся рамой поражались его искусству, будто сделали ее духи или боги. Увидел раму луский царь и спросил:

— Какой секрет помог тебе ее вырезать?

— Каким секретом могу обладать я. Ваш слуга, рабочий человек? И все же был один. Я, Ваш слуга, задумав вырезать раму для колоколов, не смел напрасно расходовать свой эфир и должен был поститься, чтобы обрести покой. Постился сердцем три дня и уже не смел думать о получении мною, Счастливым, награды — ранга или жалованья; постился пять дней и уже не смел думать о хвале и хуле, удаче или неудаче; постился семь дней и вдруг забыл о самом себе, своем теле, руках и ногах. И не стало для меня ни царского двора, ни того, что отвлекало и смущало, исчезло все внешнее. И тогда я отправился в горы, в леса, приглядываясь к природному характеру деревьев. И в лучшем по форме и сущности дереве передо мной предстала воочию рама. Иначе пришлось бы от замысла отказаться. И тут я приложил руки, естественное во мне соединилось с естественным в дереве и музыкальный инструмент был создан сосредоточием жизненной силы. Вот он! То, что вы посчитали результатом действия сверхъестественной силы, есть просто плод всего вышеназванного.

Чжуан-цзы

Вдохновение художника может быть и человеческой, и духовной благодатью, и комбинацией их обеих. Достижение успехов в искусстве невозможно хотя бы без этих форм интеллектуального, эмоционального и физического смирения, соответствующих той сфере искусства, которой посвящает себя художник. Этот вид смирения можно назвать профессиональным смирением. Некоторым художникам удается подняться на более высокий уровень смирения, который является необходимым предварительным условием обретения знания, единящего индивидуума с божественной Основой. Например, Фра Анджелико готовил себя к работе с помощью молитв и медитаций; а вышеприведенная

цитата из произведения Чжуан-цзы показала нам, насколько поистине религиозно (а не просто профессионально) подходил даосский мастер к своему искусству.

Кстати, механизация несовместима с вдохновением. Ремесленник может выполнить свою работу очень плохо и зачастую так оно и бывает. Но если он, подобно Чиню, главному плотнику, по-настоящему любит свое искусство и готов сделать все, что нужно для того, чтобы полностью подчиниться вдохновению, то может создать (и иногда действительно создает) настолько прекрасное произведение, что оно кажется "делом сверхъестественных сил". Среди многочисленных и огромных преимуществ автоматических станков есть и такое: они не могут ошибаться. Но именно потому, что они не могут ошибаться, на них не может снизойти благодать. Управляющий такой машиной человек совершенно глух к любой форме эстетического вдохновения, как человеческого, так и по-настоящему духовного происхождения. "Промышленность без искусства есть животное состояние". Но произнесший эту фразу Рескин, по сути, клеветает на животных. Деятельные птица или насекомое в процессе своего труда вдохновляются неодолимой животной благодатью инстинкта — Дао, проявляющемся на уровне, следующем сразу же за физиологическим уровнем. Рабочий, управляющий неспособной ошибаться и отлученной от благодати машиной, трудится в сотворенной человеком вселенной пунктуальных автоматов — вселенной, которая на любом уровне (животном, человеческом, духовном) полностью находится вне сферы действия Дао.

В этом контексте мы можем упомянуть те неожиданные богоявления, которые иногда наблюдают дети и взрослые, поэты и серые обыватели, люди образованные и не очень. Но у всех у них есть нечто общее — они совершенно не были готовы к произошедшему. Эти неожиданные благодати, давшие толчок к созданию стольких произведений литературы и живописи, часть которых была великолепна, а часть (если вдохновение не было подкреплено врожденным талантом) — до смешного бездарна, как правило, относятся к одной из двух основных разновидностей — внезапному и чрезвычайно впечатляющему восприятию абсолютной Реальности, как Любви, Света и Блаженства, и не менее впечатляющему ее восприятию, как темной, непостижимой и вселяющей ужас Силы. Вордсворт облек свое ощущение обоих этих аспектов божественной Основы в незабываемую форму.

Был момент, когда лужок, тропинка и ручей, Земля и хорошо знакомый лес, Показались вдруг душе моей Озаренными светом небес.

И так далее. Но это не было простым видением.

Сладострастно Весла свои погрузил я в притихшее озеро, И когда начал грести, моя лодка Словно лебедь заскользила по глади озерной;

А когда миновал я скалистый обрыв, то увидел, Как там, на горизонте, мне навстречу поднялся утес, Огромный и черный, словно голова Непокорной силы инстинкта. Я греб и греб,

А неподвижное грозное тело Все росло и росло, Заслоняя от глаз моих звезды...

А затем я увидел То зрелище, над которым так долго Мозг мой трудился, смутно ощущая Неведомые типы бытия; мысли мои Погрузились во тьму, что зовется Одиночеством или сплошной пустотой.

Знаменательный факт — примитивный разум с готовностью воспринимает именно второй аспект Реальности. Страшный Бог, которому, в конце концов, покоряется Иов, есть "неведомый тип Бытия", наиболее характерными творениями которого являются Бегемот и Левиафан. Этот тот Бог, который призывает, по словам Кьеркегора, к "теологически оправданному временному отказу от нравственных устоев", выражающемуся, как правило, в кровавых жертвоприношениях, в том числе и человеческих. Индуистская богиня Кали, в своих наиболее страшных аспектах, — это еще одно проявление неведомого типа Бытия. Многие современные дикари воспринимают и теологически определяют божественную Основу, как абсолютную неумолимую Силу, в честь которой следует приносить искупительные жертвы и которую следует, если получится, использовать к своей выгоде при помощи черной магии.

Представление о Боге, как просто о Силе, а не как о Силе, Любви и Мудрости, вполне естественно для обычного, непреображенного ума. Только совершенно бескорыстные люди способны экспериментальным путем прийти к пониманию того, что вопреки всему "все будет хорошо" и, в некотором смысле, все уже хорошо. Руми писал: "У философа, отрицающего промысел Божий, нет того восприятия, которое есть у святых". Только те, кто обладает таким же восприятием, как у святых, могут непосредственно ощутить, что божественная Реальность проявляет себя как любящая, сострадательная и мудрая сила. Остальные еще не настолько духовно развиты, чтобы свершить нечто значительное, а не просто принять на веру результаты изысканий просветленных индивидуумов. И если бы не оставленные просветленными книги, мы были бы склонны согласиться с Иовом и варварами.

Вдохновение приходит к нам раньше, чем мы успеваем подумать о нем; но после того, как мы его почувствовали, только от нас зависит дальнейшее — либо мы подчинимся ему и последуем его

указаниям, либо воспротивимся и отвергнем его. Вдохновение приходит к нам независимо от того, хотим мы того или нет, но оно не может заставить нас подчиниться ему.

Святой Франциск Сальский

Наша свободная воля может стать на пути вдохновения и когда благоприятный ветер божьей благодати наполняет паруса нашей души, в наших силах остаться непоколебимыми и тем самым ослабить действие ветра; но если корабль нашего духа пойдет по ветру и успешно закончит путешествие, следует помнить, это не наша заслуга в том, что ветер подул; не наша заслуга в том, что он наполнил наши паруса; не наша заслуга в том, что корабль нашего сердца сдвинулся с места; мы просто покорились порыву ветра, согласились с его направлением и позволили нашему кораблю плыть, не замедляя его хода своим сопротивлением.

Святой Франциск Сальский

Благодать необходима для спасения; то же самое можно сказать и о свободной воле; но благодать дает спасение, а свободная воля получает его. Стало быть, мы не должны делить работу добра между благодатью и свободной волей; эта работа производится единым и неделимым действием их обеих; всю ее выполняет благодать, всю ее выполняет свободная воля, но работа второй проистекает из работы первой.

Святой Бернар

Святой Бернар проводит черту между *voluntas communis* и *voluntas propria*. *Voluntas communis* — это воля, общая в двух смыслах; принадлежащая всем и присущая, как человеку, так и Богу. В практическом смысле она является эквивалентом любви к ближнему. *Voluntas propria* — это воля индивидуума и она является корнем всех грехов. В своем познавательном аспекте, *voluntas propria* идентична *sensum proprium*, то есть точке зрения индивидуума, которой он очень дорожит, поскольку она является его точкой зрения, и которая, стало быть, всегда нравственно ошибочна, хотя теоретически может быть верна.

Два студента Парижского университета пришли в гости к Рейсбруку и попросили его подарить им короткую фразу, которая могла бы стать девизом их жизни. "*Vos estis tarn sanct'i sicut vultis*" — ответил Рейсбрук. "Ты свят настолько, насколько ты того хочешь".

Бог обязан действовать, обязан излить Себя в тебя, как только Он увидит, что ты к этому готов.

Экхарт

Воля — это самая большая сила; она создает рай и она создает ад; ибо ад есть только там, где воля создания отвернулась от Бога, а рай существует только там, где воля создания действует заодно с Богом.

Вильям Ло

О человек, взгляни на самого себя! Ты находишься в самой гуще отчаянной вечной схватки добра со злом; вся природа постоянно трудится над созданием условий для великого искупления; весь сотворенный мир корчится в муках и усердно работает, чтобы добиться освобождения от тщеты времени; так будешь ли ты пребывать в спячке? Все, что ты видишь или слышишь порождено вечным светом или вечной тьмой; ибо, как все наше время делится между днем или ночью, так и все наши мысли, слова и деяния делятся между адом и раем. В каком бы направлении ты не шел, что бы ты не делал, о чем бы ты не думал, ты будешь либо слугой рая, либо слугой ада. Ты не можешь пребывать в покое, поскольку живешь в постоянно действующей брэнной и вечной природе; и если ты не работаешь на добро, то присутствующее в природе зло увлекает тебя за собой. В тебе заключены глубина и высота вечности и, стало быть, когда ты трудишься в доме, поле, мастерской или в церкви, ты сеешь то, что дает всходы, которые должны быть пожаты в вечности.

Вильям Ло

Бог ждет от тебя только одного — ты должен подняться над собой настолько, насколько это в силах сотворенного существа, и должен позволить Богу быть Богом в тебе.

Экхарт

Для тех, кто получает удовольствие от теологических рассуждений, основанных на текстах священных книг и догматических постулатах, существуют тысячи страниц, исписанных католиками и протестантами в спорах о благодати, труде, вере и справедливости. А для занимающихся сравнительным религиоведением имеются научные комментарии к "Бхагавад Гите", работам Ра-

мануджи и поздних вишнаитов, доктрина благодати которых поразительно похожа на доктрину Лютера; имеется и история буддизма, в которой старательно излагается развитие этой религии от представления сторонников хинаяны о спасении, как о плоде усердного самосовершенствования, до убежденности сторонников махаяны в том, что спасения нельзя достичь без помощи Первичного Будды, внутреннее сознание и "великое сострадательное сердце" которого составляют вечную Сущность вещей. Что касается всех остальных, то, как мне кажется, вышеприведенные цитаты из произведений христианских и ранних даосских авторов дают вполне достаточное представление о видимых фактах благодати и вдохновения, а также их связи с видимыми фактами свободной воли.

Глава 11 ДОБРО И ЗЛО

Желание есть первое исходное данное нашего сознания; мы рождаемся с симпатиями и антипатиями, желаниями и устремлениями. Сначала бессознательно, а потом осознанно, мы оцениваем: "Это — хорошо, а вот это — плохо". Чуть позже мы открываем для себя понятие долга. "Это — хорошо и это нужно сделать; а вот это — плохо и этого делать не нужно".

Все оценки не являются одинаково верными. Мы призваны давать оценки тому, что наши желания и наша неприязнь считают хорошим или плохим. Очень часто мы сталкиваемся с тем, что вердикт верховного суда отличается от быстрого и легкомысленного решения суда первой инстанции. В свете того, что мы знаем о самих себе, о наших собратьях и о мире вообще, мы обнаруживаем, что кажущееся поначалу добром, может в перспективе или в более широком контексте оказаться злом; а то, что поначалу кажется злом, может оказаться добром, и мы думаем, что совершить его — наш долг.

Когда мы говорим, что человека посетило пронизывающее нравственное озарение, мы имеем ввиду, что он обладает четким представлением об истинных ценностях; что он знает достаточно много, чтобы понять, что является добром и в перспективе, и в более широком контексте. Когда мы говорим, что данный человек обладает сильным в нравственном отношении характером, мы подразумеваем, что он готов действовать в соответствии с данными своего озарения, даже если эти данные неприятно или по-настоящему болезненно расходятся с его первоначальными, спонтанными оценками.

В реальной жизни нравственное озарение никогда не является делом исключительно одного какого-то индивидуума. Судья приводит в действие закон и руководствуется прецедентом* (* Английская судебная система основана на прецеденте — конкретное решение, принятое конкретным судьей по конкретному делу, становится законом при рассмотрении всех последующих идентичных дел. — *Прим.пер.*). Иными словами, каждый индивидуум является членом общества, в котором существует нравственный кодекс, основанный на представлениях предшествующих поколений о том, что есть добро и что действительно оказалось таковым в перспективе и расширенном контексте. Как правило, большинство членов любого конкретного общества подчиняется общепринятому нравственному кодексу; некоторые отвергают либо весь этот кодекс, либо какую-то его часть; и очень немногие принимают решение жить в соответствии с другим, более строгим кодексом. Если применить христианскую фразеологию, то существует определенное количество людей, которое упрямо придерживается пути греха и антиобщественного беззакония; очень многие люди законопослушны, следуют нравственным заповедям, совершив смертных грех, каются, но не слишком стараются избегать мелких грешков; и, наконец, есть те немногие, чья праведность "выше праведности книжников и фарисеев", те, кто следует заповедям совершенства, те, кому доступно озарение, те, у кого достает характера избегать мелких грешков и даже несовершенств.

Философы и теологи попытались подвести теоретическую базу под существующие нравственные кодексы, с помощью которых индивидуальные мужчины и женщины переоценивают свои спонтанно возникшие точки зрения. От Моисея до Бентама, от Эпикура до Кальвина, от христианской и буддистской философии всеобщей любви до безумных доктрин национализма и расового превосходства — список длинен и спектр учений невероятно разнообразен. Но, к счастью, нам не нужно рассматривать все эти теории. Нас интересует только Вечная Философия и система этических принципов, которыми пользуются приверженцы этой философии, когда они оценивают суждения свои и других людей. Вопросы, которые мы поставим в этой главе, достаточно просты, и ответы тоже будут простыми. Как всегда, трудности начинаются только при переходе от теории к практике, от нравственного принципа к его конкретному применению.

Если принять за аксиому, что основа индивидуальной души родственна или идентична божественной Основе бытия, и что эта божественная Основа есть невыразимое Божество, проявляющее себя в виде личностного Бога или даже воплощенного Логоса, то какова тогда абсолютная природа добра и зла и в чем состоит главная цель человеческой жизни?

Довольно подробные ответы на эти вопросы можно найти в трудах наиболее удивительного английского мыслителя восемнадцатого столетия Вильяма Ло. (О, странности нашей системы образования! Студенты, изучающие английскую литературу, вынуждены читать изящные статьи Стила

и Эддисона, от них требуется знать все о проходных вещах Дефо и элегантных рассказах Мэтью Прайора. Но они могут сдать все экзамены *summa cum laude**(^{*} Оценка при испытании, проверке (лат.). — *Прим.ред.*), даже не заглянув в книги человека, который был не только блестящим прозаиком, но и одним из самых интересных мыслителей своего времени и одним из наиболее привлекательных праведников во всей истории англиканской церкви.) То, что в наше время на Ло не обращают никакого внимания, является еще одним признаком того, что воспитатели двадцатого века перестали интересоваться вопросами постижения абсолютной истины или абсолютного смысла, стали проводниками глупейшей идеи образования ради самого образования и сосредоточились исключительно на распространении безродной и бестолковой культуры.

В
аду
горит
только
душа.

*Theologia
Germanica*

Разум — на костре, мысли — на костре. Разум-сознание и полученные разумом впечатления, и вытекающие из полученных разумом впечатлений ощущения — все они также на костре.

А что горит на костре вместе с ними? Жадность, зависть, ослепляющая страсть, рождение, старость, смерть, печаль, стенания, страдание, горе и отчаяние — вот что горит на том же костре.

Из Огненной Проповеди Будды

Если ты еще не видел дьявола, то посмотри на самого себя.

Джалаладдин Руми

Твое "я" — это твой Каин, который убивает твоего Авеля. Ибо каждое деяние и движение "я" несет в себе дух Антихриста и убивает ту божественную жизнь, что находится внутри тебя.

Вильям Ло

Град Божий возведен любовью к Богу, презирающей "я";
земной город возведен любовью к "я", презирающей Бога.

Святой Августин

Разница между хорошим и плохим человеком заключается не в том, что один хочет добра, а другой — нет, а исключительно в том, что один подчиняется живущему внутри него вдохновляющему духу Господа, а другой сопротивляется ему и в силу одного только своего сопротивления уже может быть заряжен злом.

Вильям Ло

Оставайся отрешенным от всех людей, пусть никакое воспринятое впечатление не волнует тебя, освободись от всего, что может иметь чуждое воздействие на твое существо, что может привязать тебя к земному и принести тебе горе, и обращай непрестанно твою душу на целительное созерцание, в котором ты несешь Бога в сердце своем, как вечную цель, от которой твои глаза не отвращаются никогда! А другие упражнения, которые бывают: пост, бдение и молитва, все направь к той же цели, и пользуйся ими только поскольку они помогают тебе в этом; так достигнешь ты вершины совершенства.

Экхарт

Человек образован верой, какова его вера, таков он.

Бхагавад Гита

Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего.

Дхаммапада

Природа человеческого бытия определяет природу его действий; а природа бытия проявляется прежде всего в разуме. Все, чего человек жаждет, о чем думает, во что верит, и что чувствует — это, так сказать. Логос, посредством которого основной характер индивидуума совершает свои творческие деяния. Эти деяния будут прекрасны и нравственны, если в центре бытия находится Бог, и уродливыми и безнравственными, если в их центре находится личное "я". Экхарт говорит: "Камень непрерывно, днем и ночью, выполняет свою работу". Бытие человека — это его потенциальная энергия, направленная к Богу, или в противоположную сторону; и именно по состоянию этой энергии будет определяться то, хороший он или плохой — поскольку, если говорить языком Евангелия, человек может совершить прелюбодеяние и убийство в сердце своем, даже и оставаясь безупречным в деяниях своих.

Алчность, зависть, гордыня и гнев — четыре элемента личности, или природы, или ада, и все они неотделимы от нее. И причина, по которой дела должны обстоять так, а не иначе, заключается в том, что жизнь дается созданию для того, чтобы оно достигло некоего высшего сверхъестественного добра, созданного Творцом. Но в этой жизни не может быть места ни для какой потенциальной способности к достижению этого добра, если только она сама не является беспредельной потребностью в таком добре и беспредельным желанием достичь его. Стало быть, когда эта жизнь лишена Бога или отпала от Него, она не может быть ничем иным, кроме как беспредельной потребностью, постоянно чего-то желающей, и беспредельным желанием, постоянно испытывающим в чем-то потребность. В силу этого, такая жизнь не может быть ничем иным, кроме как чумой и муками алчности, зависти, гордыни и гнева, которые и составляют природу, "я", или ад. Но алчность, гордыня и зависть — это не три разных вещи, а три разных названия беспокойной деятельности одной и той же воли или желания. Гнев — четвертый элемент, порожденный тремя предыдущими — не может возникнуть до тех пор, пока один из этих трех или все разом не сталкиваются с чем-то, что противоречит их воле. Эти четыре качества сами порождают свои собственные муки. У них нет ни внешней цели, ни внутренней силы для изменения самих себя. Стало быть, "я" или природа должны полностью пребывать в таком состоянии до тех пор, пока некое сверхъестественное добро не проникнет или не зародится в них. Хотя человек и в самом деле живет среди тщеты времени, его алчность, зависть, гордыня и гнев могут быть вполне терпимыми и могут превратить его жизнь в "зебру", состоящую из черных и белых полос; они могут быть не только разъяренными, но и удовлетворенными. Но когда смерть положит конец тщете всех земных иллюзий, то душа, которая не вернется в сверхъестественный Мир и Дух Божий, неизбежно окажется погребенной под своими собственными неизменными, ненасытными, самомучительными алчностью, завистью, гордыней и гневом.

Вильям Ло

Да, ты не можешь должным образом выразить степень своей греховности; причина заключается в следующем — в этой жизни невозможно представить грехи во всей их мерзости; увидеть их сущность мы можем только при свете Божьем. Бог дает некоторым душам представление о чудовищности греха, в результате чего они понимают, что грех гораздо более мерзок, чем кажется. Такие души могут постичь свои грехи так, как их представляет вера (то есть постичь их суть), но они вынуждены довольствоваться тем, что опишут их теми человеческими словами, какие способен выговорить их рот.

Шарль де Кондрен

Люцифер, когда он предстает в своем естественном величии, таким, каким его создал Бог, является абсолютно благородным созданием. Но когда он предоставляется самому себе, когда он относится к своему "я" и своему естественному величию, как к своей собственности, он превращается в падшего ангела, то есть в дьявола. То же самое относится и к человеку. Если он замыкается на самом себе и воспринимает свое естественное величие, как свою собственность, он превращается в падшего человека, то есть в дьявола.

"Следуя за Христом"

Если бы вкуснейший и благоухающий плод имел возможность отделить себя от своих нежных вкуса, запаха и цвета, которые он почерпнул из полезных качеств воздуха и солнца, или если бы в самом начале своего роста он мог бы отвернуться от солнца и не получить от него никаких полезных качеств, то тогда он впервые бы предстал кислым, горьким, терпким, вонючим; то же самое можно сказать и о дьяволах, которые замкнулись в своих темных корнях и отвергли Свет и Дух Божий. Стало быть, адская натура дьявола есть ничто иное, как первоначальная форма его жизни, отделенная от райских Света и Любви, точно также, как кислый вкус, горечь и терпкость плода являются ничем иным, как первоначальной формой его растительной жизни, возникшей еще до того, как плод дотянулся до полезных качеств солнца и воздуха. Если бы плод обладал разумом и замкнулся в

первоначальной форме своей жизни, в своих терпкости, горечи и отчаянно кислом вкусе, то он преисполнился бы страданий; так и ангелы, когда они возвращаются в такую же точно первоначальную форму жизни, когда они порывают связь с райскими Светом и Любовью Божьими, превращаются в свой собственный ад.

Никакого ада для них не возводилось, никаких новых качеств им не придавалось, никакая месть Господа любящего не настигала их; они просто оказались в состоянии обособленности от Сына и Святого Духа Божьего и в это состояние они загнали себя сами. В них нет ничего, кроме того, что они получили от Бога — первоначальной формы райской жизни; но они загнали себя в состояние самомучения, потому что они отделили себя от Любви и Света.

Вильям До

При всем разнообразии возможностей и вещей, существуют и могут существовать только одно счастье и одна напасть. Этой единственной напастью являются природа и создание, предоставленные самим себе, а единственным счастьем — Жизнь, Свет, Дух Божий, проявившиеся в природе и создании. Вот истинный смысл слов Господа Нашего: есть только одно добро и оно есть Бог.

Вильям Ло

Люди находятся в аду не от того, что Бог рассердился на них; они погружены во тьму потому, что отвернулись от вечного света Божьего, подобно тому, как закрыв глаза, они перестают видеть солнечный свет.

Вильям Ло

Хотя свет и удовольствия внешнего мира избавляют даже худших из людей от постоянно сильного ощущения той ужасной, испепеляющей, мрачной и самомучительной природы, которая является самой сутью каждой падшей непреображенной души, все же, любого человека более или менее часто посещает достаточно ясное понимание того, что происходит в самых глубинах его души. К скольким ухищрениям должны прибегать некоторые люди, чтобы заглушить определенное внутреннее неудобство, которого они боятся и происхождения которого не понимают? Увы, источником его является падший дух, полыхающий внутри и никогда по-настоящему не затухающий черный огонь; этот дух пытается разобраться в самом себе и каждый раз, когда земные радости покидают его, он взывает о помощи.

Вильям Ло

В иудейско-христианской традиции Грехопадение следует за творением и единственной его причиной является эгоцентрическое использование свободной воли, которая должна быть сосредоточена на божественной Основе, а не на отдельном "я". Миф о Творении воплощает очень важную психологическую истину, но не является достаточно удовлетворительным символом, потому что он даже не упоминает, не говоря уже о том, чтобы объяснить, факт наличия зла и страдания в нечеловеческом мире. Чтобы соответствовать нашим ощущениям, миф должен был иметь два "слоя". Во-первых, в нем нужно было абсолютно ясно заявить, что непостижимый переход от непроявленной Идеи к проявленному многообразию природы от вечности ко времени — это не просто прелюдия к Грехопадению и необходимое его условие; в определенном смысле это и есть Грехопадение. А во-вторых, в нем должно было быть указано, что нечто, аналогичное свободной воле, может существовать и ниже человеческого уровня.

То что переход от духовного единства к многообразной брэнности является неотъемлемой частью Грехопадения, говорится в буддистских и индуистских трудах по Вечной Философии. Боль и зло неотделимы от индивидуального существования в брэнном мире; что касается человеческих существ, то эти неизбежные боль и зло обостряются, когда желание сосредоточивается на самой личности и многом другом, но не на божественной Основе. К этому мы можем добавить и следующую гипотезу — возможно, даже субчеловеческие существа (как индивидуумы, так и целые виды) обладают каким-то подобием возможности выбора. Вот потрясающий факт: "человечество — одиноко", то есть все остальные виды являются живыми ископаемыми, неспособными ни на какую эволюцию и обреченными на вырождение и вымирание. Если пользоваться фразеологией последователей Аристотеля, то у материи есть аппетит к форме — не обязательно к лучшей форме, а просто к форме, как таковой. Обозревая окружающий нас мир живых вещей, мы видим (с восхищенным удивлением, к которому, надо признать, иногда примешивается испуг непонимания) бесчисленные формы, всегда прекрасные, зачастую экстравагантные, а иногда даже зловещие, в которых нашел выход ненасытный аппетит материи. Только та часть живой материи, которая организовалась в человеческие существа, сумела создать форму, способную, по крайней мере в интеллектуальном смысле, к дальнейшему развитию. Вся остальная живая материя замкнута в формах, которые могут оставаться только такими,

как есть, а если и способны меняться, то только в худшую сторону. Похоже на то, что в ходе своей биологической карьеры и космического экзамена "на разумность", вся живая материя, за исключением человеческой, поддалась искушению и приняла не наилучшую, а наиболее доступную и удобную форму. В результате действия чего-то, аналогичного свободной воле, каждый вид выбрал путь узкой специализации, путь временного совершенства на низком уровне бытия. В результате все виды зашли в эволюционный тупик. К первоначальному космическому Грехопадению, многообразному проявлению во времени, они добавили не совсем понятный биологический эквивалент добровольного Грехопадения человека. Как виды, они выбрали путь немедленного удовлетворения своего "я", а не способность к воссоединению с божественной Основой. За свой неправильный выбор нечеловеческие формы жизни были соответственно наказаны, поскольку им недоступно понимание высшего добра, на которое способна только не специализированная и потому более свободная, обладающая более высоким сознанием, человеческая форма. Но конечно же следует помнить, что способность к достижению высшего добра дается только ценой способности творить и беспредельное зло. Да, мы с полной уверенностью можем сказать, что животные не страдают так сильно и так разнообразно, как страдают люди. Более того, они абсолютно лишены той (в буквальном смысле этого слова) дьявольской зловерности, которая, наряду со святостью, является отличительной чертой рода человеческого.

Следовательно, мы можем сделать вывод, что, согласно Вечной Философии, добро есть подчинение и полное растворение индивидуального "я" в давшей ему жизнь божественной Основе; а зло — это обострение обособленности, нежелание знать о существовании Основы. Разумеется, эта доктрина идеально совпадает с этическими принципами, как рядом отрицательных и положительных божественных заповедей, и даже, как практическими принципами, на которых основывается общество. Преступность, которая запрещена в любой стране, порождена состоянием ума, которое повсеместно признано неправильным; эмпирический факт — это неправильное состояние ума абсолютно несовместимо со знанием, единящим индивидуума с божественной Основой, которое, по Вечной Философии и есть высшее добро.

Глава 12 ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

Вселенная — это вечная цепь событий; но, согласно Вечной Философии, ее основой является вневременной "данный момент" божественного Духа. Классическое определение этой взаимосвязи между временем и вечностью можно найти в заключительных главах "Утешения Философией", в которой Бозций суммирует концепции своих предшественников, в частности, Плотина.

Одно дело — плыть по течению бесконечной жизни, и совсем другое — объять всю бесконечную жизнь, что и является отличительной способностью божественного Ума. Похоже на то, что бренный мир отчасти подражает тому, чего он не может полностью постичь или выразить, привязываясь к любой существующей в данное мимолетное мгновение сверхъестественной силе — силе, которая, ввиду того, что она является определенным образом вечной Божественной Силы, придает всем, что похоже на нее, видимость бытия. Но в силу того, что она не может стоять на месте, она отправляется в бесконечное путешествие во времени; итак, она пришла, чтобы уйти, и своим движением она продолжает жизнь, всю полноту которой невозможно постигнуть, пребывая в неподвижности.

Бозций

...Бог вечен и сохраняет состояние, в котором, кроме настоящего, нет ничего, то и знания Его, превосходя движение времени, пребывает в простоте Его настоящего, содержа в себе в совокупности бесконечную протяженность будущего и прошедшего. И все это Бог обзревает в непосредственности своего знания, как если бы все это происходило в настоящем.

Бозций

Знание того, что происходит в данный момент, не определяет самого события. То, что в обиходе называется Божественным провидением, в действительности, является вневременным знанием "настоящего момента", которое совместимо со свободой бренной человеческой воли.

Происхождение всего сущего, развитие всей вещей, которые изменяются и движутся, имеет свои причины, порядок, формы от неизменного божественного разума, заключенный в сферу своей простоты, этот разум содержит образ многообразия сущего, подлежащего управлению. Этот образ, когда рассматривается в чистом виде в самом божественном разуме, называется провидением, если же он сопрягается с вещами, подвластными Богу, то, как еще ведется от древних, называется судьбой... Провидение есть сам божественный разум, стоящий в главе всех вещей и располагающий все вещи, судьба же есть связывающее расположение изменяющихся вещей; посредством нее провидение упорядочивает их существование. Провидение объемлет в равной степени все, как отдельное, так и

бесконечное. Судьба же упорядочивает движением отдельное, распределяя и наделяя местом и формой. Таким образом, разветвление временного порядка, заключенное в самом божественном разуме, есть предзнающее провидение, а воплощение этого порядка непосредственно во времени зовется судьбой... Подобно тому, как мастер уже имеет форму вещи, которую собирается сделать, как бы держа ее перед своим мысленным взором всю сразу, приступает к ее осуществлению во времени, так и Бог в своем провидении располагает единственным и непреложным образом того, что должно совершиться. Судьба же предписываемое проведением направляет относительно времени и места... Отсюда следует: все, подчиненное судьбе, подвластно и провидению, которому подчиняется и сама судьба, но некоторые вещи, подвластные провидению, находятся выше линии судьбы.

Бозций

В самом деле, простое понятие часов свертывает в себе всю временную последовательность. Пусть часы будут замыслом. Тогда, хоть мы сначала слышим звон шестого, а не седьмого часа, седьмой мы слышим все равно не позже, чем предписывает [единовременный] замысел. Причем в замысле шестой час не прежде, чем седьмой или восьмой: в едином замысле часов никакой час не прежде и не после другого, хотя звонят только в предписанной последовательности, и не будет ошибкой сказать, когда мы слышим звон шестого часа, что часы звонят шесть потому, что так хочет замысел их мастера.

Николай Кузанский

Со времен Гоббса противники Вечной Философии отрицают существование вечного "настоящего момента". По мнению этих мыслителей, время и перемены — изначальны; другой реальности не существует. Более того, они полагают, что будущие события совершенно непредсказуемы и даже Бог не может ничего знать о них. Соответственно, Бог не может считаться Альфой и Омегой — а только Альфой и Ламбдой (впрочем, на месте Лам-бды может быть любая другая промежуточная буква из ныне действующего алфавита). Но факты, собранные Обществом Физических Исследований, и статистические данные, накопленные в ходе множества лабораторных исследований экстрасенсорного восприятия, неумолимо указывают на то, что даже человеческий разум способен на предвидение. И если даже брэнное сознание может знать, какая именно карта ляжет на игорный стол в течение следующих трех секунд, или какой корабль потерпит крушение на следующей неделе, то идея о том, что вечное сознание осведомлено о событиях, которые по отношению к нам будут происходить в далеком будущем, не может считаться невероятной или даже изначально невозможной. "Обманчивое сейчас", в котором живут человеческие существа, вероятно, всегда является чем-то большим, чем коротким периодом перехода от известного прошлого к неизвестному будущему, воспринимаемым, в силу живости памяти, как то, что мы называем "настоящим моментом"; возможно, что "сейчас" всегда содержит какую-то часть близкого и даже относительно далекого будущего. Для Божества это "обманчивое сейчас" может являться именно тем *intenriinabilis vitae tota simul et perpetua possessio*, о котором говорит Бозций.

Существование вечного "настоящего момента" иногда отрицается на том основании, что брэнный порядок не может сосуществовать с другим порядком, находящимся вне времени; говорят также, что изменчивая субстанция не может образовывать единство с субстанцией неизменной. Разумеется, эти доводы можно считать справедливыми в том случае, если бы природа вневременного порядка была механической, или если бы неизменная субстанция обладала бы пространственными и материальными качествами. Но Вечная Философия говорит о том, что вечный "настоящий момент" — это сознание; божественная Основа — это дух; бытие Брахмана — это "чит", или знание. Идея о том, что вечное сознание знает о вечном мире и, зная о нем, поддерживает его существование и постоянно занимается творчеством, не содержит в себе никакого противоречия.

Вот, наконец, мы добрались и до аргументов противников идеи о том, что человеческий разум может познать божественную Основу и, в результате, соединиться с ней. Эта идея считается абсурдной, поскольку дает основание для следующего заключения: "В один момент — я вечен, а в другой — завишу от времени". Но это утверждение является абсурдным только в том случае, если человек, с его двухслойной природой, способен жить только на одном уровне. Но если, как всегда утверждали комментаторы Вечной Философии, человек — это не только тело и душа, но также и дух, и если он способен по своей воле жить, как на обычном человеческом плане, так и на плане гармонии и даже единения с божественной Основой его бытия, то тогда эта идея выглядит совершенно логичной. Тело всегда пребывает во времени, дух всегда пребывает вне времени, а душа — это двойственное создание, которое вынуждено законами человеческого бытия до определенной степени быть связанным с телом, но которое способно, если только пожелает, ощутить свой дух, отождествиться с ним, а через него и с божественной Основой. Дух всегда остается тем, что пребывает в вечном "сейчас"; но человек устроен так, что его душа не может постоянно оставаться отождествленной с духом. В утверждении "В один момент — я вечен, а в другой — завишу от времени", местоимение "я" обозначает душу, которая

переходит из времени в вечность, когда она отождествляется с духом, и либо добровольно, либо по необходимости, возвращается из вечности во время, когда она решает или вынуждена отождествиться с телом.

Джалаладдин Руми говорил: "Суфий — это сын настоящего времени". Духовный прогресс идет по спирали. Сначала мы дети, живущие, подобно животным, вечным "сегодняшним днем", не тревожащиеся о будущем, и не сожалеющие о прошлом; затем мы переходим в специфически человеческое состояние, то есть оглядываемся назад и пытаемся заглянуть вперед, живем не только сегодняшним днем, но и в значительной степени воспоминаниями и ожиданиями, живем не спонтанно, а руководствуемся правилами, благоразумием, покаянием, страхом и надеждой; и если только мы захотим, то мы сможем продолжать наше спиралеобразное движение вверх к той точке, которая соответствует нашей исходной точке "животного состояния", но находится неизмеримо выше ее. Достигнувшие этой точки снова живут только сегодняшним днем — но это уже жизнь не субчеловеческого создания, а существа, в котором страх сменился любовью к ближнему, надежда — видением; положительный эгоизм спокойных размышлений и отрицательный эгоизм зависти — бескорыстием. Настоящий момент — это всего лишь проход, через который душа может пробраться из времени в вечность, через который благодать может пробраться из вечности в душу, через который любовь к ближнему может перебираться из одной живущей во времени души в другую живущую во времени душу. Вот почему суфий, да и любой активный последователь Вечной Философии, является или пытается быть сыном настоящего времени.

Но очень сходны меж собой тот, Кто суть познал, и тот, кто познает.

Порвите ж цепь, свободу обретая, Хоть, может, эта цепь и золотая...

И то постигни, что свирель пропела, Чтоб твой отринул дух оковы тела.

Джалаладдин Руми

Хотя опустошение памяти и не обладает такими преимуществами, как состояние единения, но оно освобождает души от огромного количества тоски, грусти, печалей, несовершенств и грехов, и уже поэтому является великим добром.

Сан Хуан де ла Крус

В идеалистической космологии буддизма махаяны память играет роль довольного зловредного творца. "Когда Бодхисаттва озирает тройной мир, он видит, что своим существованием он обязан памяти, накопившейся с незапамятных времен, но неверно истолкованной" (Ланкаватара Сутра). Слово, которое мы перевели, как "воспоминания", в буквальном смысле означает "благоухание". Разумтело несет с собой неистребимый запах всего, что было сделано, о чем было подумано, чего хотелось и что чувствовалось на протяжении всей жизни индивидуума и расы. Китайцы переводят этот санскритский термин двумя символами — "привычка" и "энергия". Мир таков, каков он есть, в силу всех осознанно, бессознательно и физиологически закрепившихся привычек, приобретенных нашими предками или нами, как в жизни, так и в прошлых жизнях. Эти устоявшиеся дурные привычки заставляют нас верить в то, что многообразие есть единственная реальность, и что идея "я", "меня", "мое" есть абсолютная истина. Суть Нирваны в том, чтобы "увидеть реальность такой, какова она есть", а не такой, как она нам представляется. Разумеется, такого состояния нельзя достичь до тех пор, пока существуем "мы", для которых реальность может быть относительной. Отсюда и потребность, о которой говорят все комментаторы Вечной Философии, в укрощении страстей, в умертвлении "я". И укрощаться должны не только аппетиты, чувства и воля, но и сила разума, само сознание и то, что делает наше сознание таким, какое оно есть — наша личная память и наши унаследованные привычки-энергии. Для достижения полного освобождения недостаточно только расстаться с грехами; должна произойти перестройка разума, "паравитти", как называют ее махаянисты, или коренной перелом в самых глубинах сознания. В результате уничтожаются привычки-энергии, накопившиеся воспоминания, и, вместе с ними, чувство того, что ты являешься отдельным эго. Реальность больше не воспринимается, как *quoad nos** (* Что мы (лат.). — *Прим.ред.*)(на том основании, что нет никакого *nos*, которое нужно воспринимать), а как реальность сама по себе. Словами Блейка: "Если б раскрыты были врата восприятия, всякое предстало бы человеку, как оно есть — бесконечным". Те, кто чист сердцем и смирен духом, Сансару и Нирвану, видимость и реальность, время и вечность воспринимают как одну и ту же вещь.

Время есть то, что не дает нам увидеть свет. Нет большего препятствия на пути к Богу, чем время. Но время не является единственным препятствием — есть еще тлен, бранные вещи, бранные интересы и само разлагающее влияние времени.

Экхарт

Святой Павел говорит: "Радуйся Богу все время". Радость того, кто радуется постоянно, не зависит от времени. Три вещи не дают человеку познать Бога. Первая — время, вторая — плотская природа, третья — многообразие. Для того, чтобы Бог смог прийти к вам, эти вещи должны вас покинуть, если конечно вы не подняли их на более высокий уровень: превратили многообразие в единство.

Экхарт

Каждый раз, когда о Боге думают, как о полностью существующем во времени, появляется тенденция рассматривать Его в качестве "сверхъестественного", а не как нравственного существа; как неумолимую Силу, а не как Силу, Мудрость и Любовь; как непостижимого и опасного повелителя, которого следует задабривать жертвоприношениями, а не как Дух, которому следует поклоняться душой. Все это вполне естественно; ибо время — это постоянное исчезновение, а Бог, полностью существующий во времени — это Бог, уничтожающий с такой же быстротой, с какой и создающий: Природа прекрасна и изобильна, но в то же время и непостижимо грозна. Если Божество постоянно пребывает во временном порядке и не выходит за его пределы, и если человеческий дух не поднимается над своей скованной временем душой, то тогда нет никакой возможности "оправдать отношение Бога к человеку". Такой Бог проявляется во вселенной как неодолимое Существо, которое обращается к Иову из самого центра бури, символами которого являются Бегемот и Левиафан, боевая лошадь и орел. Это тот же Бог, о котором говорится в апокалипсической одиннадцатой главе "Бхагавад Гиты". "Таким, каким ты сейчас себя (описал), о великий господь, — говорит Арджуна, обращаясь к Кришне, который, как уже известно Арджуне, является воплощением Божества — вождю зреть твой образ, о высочайший Дух," — то есть, увидеть его как Бога земного мира. Природы, временного порядка. Кришна отвечает, что в его теле тот узрит всю вселенную, со всеми одушевленными и неодушевленными вещами. Арджуна реагирует на это откровение с удивлением и страхом.

Вижу богов в твоём теле, о боже, также множество разных существ, владыку Брахму, сидящего на лотосе-престоле, всех риши и божественных змиев.

Вижу тебя с многочисленными руками, чревами, устами, глазами, везде бесконечно многообразно; ни начала твоего, ни середины, ни конца также не вижу, о владыка всеобразный.

Далее следует пространное описание всемогущества и всеобъемлемости Бога. Затем качество видения меняется и Арджуна с ужасом понимает, что Бог вселенной есть не только Бог созидания, но и Бог разрушения.

Выступающие клыки твои и зевы увидав, подобные пламени (всеуничтожающего) времени, я не узнаю сторон, не нахожу спасения; умилосердись, о, владыка богов, прибежище мира...

Как рек многочисленные водные потоки спешат, стремятся, направляясь к океану, так и эти витязи человеческого мира вступают в твои пламенеющие зевы,

Как мотыльки попадают в горящее пламя, гибелью завершая стремленье, так на гибель вступают миры в твои зевы, завершая стремленье...

Поведай мне, кто ты, ужаснообразный, поклонение тебе, о высший из богов, смилуйся, познать стремлюсь тебя, изначального, ибо я не постигаю твоих проявлений.

Ответ ясен и недвусмысленен:

Я есть время (Кала), возрастая, я причиняю разрушение миру...

Но Бог, являющийся в таком ужасном облике, как Время, также существует и вне времени, как Божество, как Брахман, чьей сущью является Сат, Чит, Ананда — Бытие, Знание, Блаженство; внутри и за пределами измученной временем души человека существует его дух ("несотворенный и не могущий быть сотворенным", как сказал Экхарт) Атман, родственный или даже тождественный Брахману. "Гита", как и остальные формулировки Вечной Философии, оправдывает отношение Бога к человеку утверждением — и утверждение это основано на наблюдении и непосредственном ощущении — что человек может, если только захочет, умертвить свое отдельное бренное "я" и соединиться с вечным Духом. Она также утверждает, что аватара воплощается для того, чтобы помочь людям достичь этого единения. Для этого он применяет три способа — несет истину миру, пребывающему в добровольном невежестве; пробуждает в душах "плотскую любовь" к своему человеческому образу, но любовь эта является не целью, а средством обретения духовной любви-знания Духа; наконец, он служит в качестве "проводника" благодати.

Богу, который есть Дух, можно поклоняться только в душе и во имя его самого; но Богу, существующему во времени, как правило, поклоняются посредством жертвоприношений ради достижения бренных целей. Существующий во времени Бог — это такой же явный разрушитель, как и созидатель; и поскольку это так, то поклоняться ему с помощью методов, таких же ужасных, как и порождаемые им катастрофы, представляется вполне уместным. Отсюда и кровавые жертвоприношения индийской богине Кали, вернее, ее аспекту Природы-Разрушительницы; отсюда проклятые иудейскими пророками приношения детей в жертву Молоху; отсюда человеческие

жертвоприношения, практиковавшиеся, например, ацтеками, карфагенянами, друидами, финикийцами. Во всех этих случаях Бог, которому приносились жертвы, был Богом, существующим во времени, или персонификацией Природы, которая является ничем иным, как самим Временем, пожирателем своих собственных детей; и во всех этих случаях ритуал преследовал одну и ту же цель — либо выпросить какую-либо милость, либо отвлечь какое-нибудь из тех ужасных несчастий, которые всегда имеются в запасе у Природы и Времени. Ибо эта цель казалась стоящей того, чтобы заплатить за нее высокую цену монетой страдания, которую Разрушитель явно очень ценил. Величием цели оправдывалось использование средств изначально ужасных, поскольку они изначально были похожи на время. Сублимированные следы этого древнего образа мышления и поведения до сих пор можно найти в определенных теориях о Побитии Камнями и в концепции Мессы, как постоянно повторяемого принесения в жертву Богочеловека.

В современном мире боги, которым приносятся человеческие жертвы, являются персонификациями уже не Природы, а сотворенных самим человеком политических идеалов. Разумеется, все они относятся к бранным событиям — реальным событиям прошлого и настоящего, воображаемым событиям будущего. И здесь следует отметить, что философия, утверждающая существование и непосредственное осознание вечности, связана с определенным типом политической теории и практики; философия, утверждающая, что единственной реальностью является происходящее во времени, порождает иной тип теории и оправдывает совершенно иной тип политической практики. Об этом ясно заявили марксистские авторы, указавшие, что когда христианство заботится, в основном, о бранных вещах, оно является "революционной религией", а когда, под воздействием мистиков, оно обращается к Вечному Евангелию, описываемые в котором исторические и псевдоисторические факты являются ничем иным, как символами, оно становится политически "статичным" и "реакционным".

Этот марксистский взгляд на проблему отличается некоторой упрощенностью. Не совсем верно, что все озабоченные бранным теологии и философии обязательно являются революционерами. Цель всех революций заключается в радикальном изменении и улучшении действительности. Но некоторые маниакальные философы озабочены только прошлым, а не будущим, и оправдывают политику, направленную исключительно на сохранение или восстановление *status quo** (* Существующее положение (лат.). - *Прим.ред.*) и возвращение к "добрым старым временам". Но ретроградывремяпоклонники имеют нечто общее с революционными борцами за светлое будущее; и те, и другие ради достижения своей цели готовы на безграничное насилие. И именно в этом состоит основное различие между политикой философов вечности и политикой философов времени. Ибо последние считают, что абсолютное добро следует искать в бранном мире — в будущем, когда все будут счастливы, потому что будут действовать и думать либо совершенно по новому, либо, наоборот, по старому, в соответствии с освященными временем традициями. И поскольку абсолютное добро находится в бранном мире, они считают оправданным применение бранных средств для его достижения. Инквизиция сжигает на кострах и пытается во имя чистоты веры, ритуал и церковно-политико-финансовая организация считаются необходимыми условиями вечного спасения человеческой души. Поклоняющиеся Библии протестанты ведут долгие и жестокие войны, чтобы в мире восторжествовало то, что они вообразили подлинным древним христианством апостольских времен. Якобинцы и большевики готовы принести в жертву миллионы человеческих жизней во имя светлого экономического и политического будущего, столь выгодно отличающегося от настоящего. И вот уже вся Европа и большая часть Азии должны быть принесены в жертву идеям людей, увидевших в каком-то магическом кристалле Вечнопроцветающее Коллективное Хозяйство и Тысячелетний Рейх. История недвусмысленно говорит о том, что большинство из тех религий и философских школ, которые слишком серьезно воспринимают время, связано с политическими теориями, насаждающими и оправдывающими широкомасштабное насилие. Единственным исключением является простая эпикурейская теория, провозглашающая следующее отношение к слишком реальному времени: "Ешь, пей и веселись, потому что завтра мы умрем". Это не очень благородный и даже не очень реалистичный вид нравственности. Но в нем гораздо больше здравого смысла, чем в революционной этике: "Умри (и убей), чтобы завтра кто-нибудь другой ел, пил и веселился". На практике, разумеется, борьба за веселье будущих поколений чрезвычайно опасна. Ибо процесс массового самопожертвования и массовых убийств создает материальные, социальные и психологические условия, которые фактически гарантируют провал величественных замыслов революционеров.

Те люди, философия которых не принуждает их относиться ко времени слишком серьезно, считают, что абсолютное добро нужно искать не в общественном прогрессе-апокалипсисе революционера и не в искусственно сохраняемом прошлом реакционера, а в вечном "сейчас", существование которого те, кто желает абсолютного добра достаточно сильно, могут осознать в результате непосредственного ощущения. Смерть сама по себе не является пропуском в вечность; точно так же массовое убийство не имеет ничего общего с освобождением ни жертв, ни убийц, ни их потомства. Мир, который не укладывается в понимании — вот плод освобождающего ухода в вечность; но и мир в его обычной

повседневной форме также является корнем освобождения. Ибо там, где бушуют страсти и существует множество отвлекающих факторов, абсолютное добро никогда не будет осознано. Это одна из тех причин, по которым политика философов вечности отличается терпимостью и ненасильственностью. Другая причина в том, что вечность, осознание которой является абсолютным добром, есть царство божие внутри нас. Ты — это Оно; и хотя Оно бессмертно и неуязвимо, убийство и мучение индивидуального "тебя" есть дело космического значения, поскольку оно является вмешательством в нормальные и естественные отношения между индивидуальными душами и божественной вечной Основой всего бытия. Любое насилие прежде всего является святотатственным мятежом против божественного порядка.

Переходя от теории к истории, мы обнаруживаем, что те религии, теологи которых в наименьшей степени интересовались бранными событиями и в наибольшей степени — вечностью, связаны только с наименее насильственной и наиболее гуманной политической практикой. В отличие от ранних иудаизма, христианства и ислама (все они были маниакально озабочены временем), индуизм и буддизм никогда не преследовали инакомыслящих, практически ни разу не призывали к священным войнам и удержались от сползания в религиозный империализм, идущий рука об руку с политическим и экономическим угнетением цветных народов. За четыреста лет, с начала шестнадцатого века и по начало двадцатого, большинство христианских европейских наций потратили значительную часть времени и энергии на агрессию против своих нехристианских соседей на других континентах, на их покорение и эксплуатацию. На протяжении этих столетий многие отдельные священники сделали все, что могли, для смягчения последствий этого беззакония; но ни одна из основных христианских церквей официально не осудила бесчинства европейцев. Первый коллективный протест против рабовладения, введенного англичанами и испанцами в Новом Свете, был в 1688 г. это был митинг квакеров Джерментауна. Очень знаменательный факт. Среди христианских сект семнадцатого века квакеры выделялись наименьшей склонностью истово молиться на историю и на бранные вещи. Они верили, что внутренний свет присутствует внутри каждого человека и что спасение обретут живущие в согласии с этим светом и не зависящие ни от веры в исторические или псевдоисторические события, ни от отправления определенных ритуалов, ни от поддержки конкретной религиозной организации. Более того, философия вечности удержала их от сползания в поклонение материалистическому апокалипсическому прогрессу, который в последнее время служит оправданием любого беззакония, начиная с войн и революций и заканчивая низкооплачиваемым тяжким трудом, рабством и эксплуатацией дикарей и детей. Все это оправдывается на том основании, что высшее добро ждет нас в будущем и для его достижения могут быть использованы любые бранные средства, пусть даже изначально ужасные. Поскольку теология квакеров представляла собой форму философии вечности, их политическая теория отрицала войну и преследования инакомыслящих как средство достижения идеальной цели, осуждала рабство и провозглашала расовое равенство. Представители других конфессий сделали немало полезного для африканских жертв алчности белого человека. Например, в памяти возникает образ святого Петра Клавера Картахенского. Но этот самоотверженно милосердный "раб рабов" ни разу не возвысил свой голос против рабства как института, или против преступной торговли рабами, питавшей само рабство; нет также никаких достоверных сведений о том, что он, подобно Джону Вул-мену, пытался убедить рабовладельцев дать свободу их "живому имуществу". Вероятно, причина заключается в том, что Клавьер был иезуитом, дал обет полного послушания и в силу своих теологических убеждений считал определенные политические и церковные организации мистическим телом Христа. Главы этих организаций не осудили рабство или работорговлю. И кто он, Педро Клавьер, был такой, чтобы высказывать мысли, не одобренные официально его начальниками?

Еще одним практическим следствием великих исторических философий вечности, типа индуизма и буддизма, является доброе отношение к животным. Иудаизм и ортодоксальное христианство учили, что животных можно использовать как вещи для решения бранных человеческих задач. Даже святой Франциск относился к животным в какой-то степени двусмысленно. Да, он обратил волка и читал проповеди птицам; но когда брат Можжевельник отрубил ноги у живой свиньи для того, чтобы уважить просьбу одного больного, очень любившего холодец, то святой просто осудил чрезмерное усердие своего ученика, приведшее к порче ценной частной собственности. И только в девятнадцатом столетии, когда власть ортодоксального христианства над умами европейцев сильно ослабла, представление о том, что доброе отношение к животным может быть благом стало распространяться в обществе. Эта новая нравственность совпала с новым интересом к Природе, подогреваемым поэтами-романтиками и учеными. Поскольку эта нравственность не основывалась на философии вечности, доктрине божественности всех живых созданий, то современное движение за доброе отношение к животным прекрасно уживалось и уживается с преследованиями, нетерпимостью и жестокостью по отношению к человеческим существам. Молодых нацистов учили хорошо обращаться с собаками и кошками и проявлять безжалостность к евреям. Причина кроется в том, что нацизм — это типичная философия времени, по которой абсолютное добро находится в будущем времени, а не в вечности. По

этой теории, евреи — это препятствие на пути к достижению высшего добра; собаки и кошки — нет. Подобная логика приводит к соответствующим действиям.

Эгоизм и пристрастность — чрезвычайно низменные и бесчеловечные качества, даже если речь идет о вещах этого мира; но если мы говорим о религиозных доктринах, то природа этих качеств еще более низменна. Что ж, это величайшее зло, порожденное разделением церкви; в каждой конфессии оно породило эгоистичную, нетерпимую ортодоксальность, заключающуюся в отважной защите всего, чем эта конфессия обладает, и порицании всего, чего у нее нет. И поэтому каждый защитник приучается отстаивать свою истину, свое знание и свою церковь, и самые большие почести воздаются тому, кто любит и защищает все свое и ничего не прощает тем, кто придерживается иной точки зрения. Кто же еще может причинить истине, добру, единению и религии больше вреда, как не эти их защитники? Если вы спросите, почему великий епископ города Мо написал столько ученых книг, направленных против всех теорий Реформации, то ответ будет следующим: он родился во Франции и был вскормлен Матерью Церковью. Родись он в Англии, будь его *Alma Mater** (* Кормящая, питающая мать (лат.). Поэтическое наименование студентами своего университета. — *Прим.ред.*) Оксфорд или Кембридж, и он мог бы еще посоревноваться с нашим епископом Стиллингфлитом в написании многих ученых трактатов, направленных против Римской Церкви. И все же я осмелюсь сказать, что если бы каждая церковь сумела породить хотя бы одного человека, обладающего верой апостола и беспристрастной любовью первых христиан Иерусалима, то протестанту и паписту такого рода не потребовалось бы и половины листа бумаги и получаса времени, чтобы признать, что они принадлежат к одной и той же религии. Стало быть, утверждение, что церкви разделены, отчуждены и недружелюбно настроены по отношению друг к другу в силу того, что их знания, история, логика и критика находятся в руках нетерпимости, равносильно утверждению, что каждая церковь имеет слишком много доказательств своей правоты, чтобы быть действительно правой. Спросите, почему даже лучшие среди католиков так неохотно признают правильность установок англиканской церкви; да потому, что они боятся утратить хоть каплю ненависти к Реформации. Спросите, почему ни один протестант ни за что не станет говорить о пользе или необходимости обета безбрачия для тех, кто удалился от мирских дел, чтобы проповедовать евангелие; да оттого, что протестанту кажется, что этим он смягчит ошибку Римской Церкви, избавившей свой клир от тягот брака. Спросите, почему даже самый достойный и набожный представитель Государственной Церкви боится признать достаточность Божественного Света, необходимость следовать только указаниям и вдохновению Святого Духа; да потому, что отошедшие от церкви квакеры сделали эту идею краеугольным камнем своей доктрины. Если бы мы любили истину как таковую, если бы мы искали ее ради нее самой, если бы мы любили наших ближних, как себя самих, если бы мы хотели от нашей религии только одного — быть приемлемой для Бога, если бы мы хотели освобождения для всех людей без исключения, если бы мы боялись ошибки только потому, что она плохо сказывается на нас и наших собратьях, то с нами не происходило бы ничего подобного.

Стало быть, существует католический дух, причастие святых к Богу и всеобщему добру, которое любой человек может обрести не посредством приверженности тому, что называется ортодоксальностью конкретных церквей, а только посредством полного умертвления всех мирских точек зрения, посредством чистой любви к Богу, и посредством такого помзания свыше, которое освобождает разум от всякого эгоизма и заставляет его любить истину, добро и любого человека, будь он христианин, еврей или язычник. Тот, кто обретет этот божественный и католический дух в условиях нынешнего хаотического положения вещей и будет принадлежать к какой-то конкретной церкви, не приемля ее отчужденности от других церквей, должен хорошо запомнить три следующие истины. Первое: всемирная любовь, которая направляет все силы сердца на служение Богу и заставляет нас любить каждого человека, как мы любим себя самих, является самым благородным, самым божественным, богоподобным состоянием души и абсолютным совершенством, до которого может довести нас самая совершенная религия; ни одна религия не принесет ни одному человеку никакой пользы, если только не породит в нем эту совершенную любовь. Второе: при нынешнем разделенном состоянии церкви на куски разорвана сама истина; стало быть, только тот может быть истинным католиком, в ком истины больше, а заблуждений меньше, чем в любой обособленной части церкви. Эта истина дает нам возможность принадлежать к обособленной церкви и не страдать от ее обособленности, она дает нам подлинную свободу и способность воспринимать все то добро, которое мы видим или слышим в любой другой церкви... Третье: человек должен всегда помнить ту великую истину, что величественная Божественная Справедливость не склоняется ни перед партиями, ни перед личностями, а воздает по заслугам, как еврею, так и язычнику. Стало быть, такой человек должен любить так, как любит Бог, и осуждать так, как осуждает Бог, не принимая во внимание, с кем он имеет дело — с папистом или с протестантом; он не должен любить истину меньше из-за того, что ее чрезвычайно усердным поборником был Игнатий Лойола или Джон Беньян, и он не должен

испытывать к заблуждению меньшее отвращение только потому, что его породил доктор Трапп или Джордж Фоке.

Вильям Ло

Доктор Трапп был автором религиозного трактата под названием "О природе, глупости, греховности и опасности чрезмерной праведности". Одно из полемических произведений Ло было ответом на эту работу.

Бенарес — Востоку, Мекка — Западу; но изучи свое сердце, ибо там живут и Рама и Аллах.

Кабир

Подобно пчеле, собирающей мед с разных цветов, мудрый человек впитывает суть разных Священных текстов и во всех религиях подмечает только хорошее

Из "Шримад Бхагаватам "

Его Священное Величество Король испытывает почтение к людям всех сект, как аскетам, так и домовладельцам, приносит им дары и выражает почтение в других формах. Однако, главным для Его Священного Величества являются не столько дары и внешнее почтение, сколько развитие сути каждой секты. Развитие сути проходит в разных формах, но в основе его лежит сдержанность в речах; мудрый человек не должен без причины восхвалять свою секту или осуждать другую. Для уничтожения требуется только особая причина; ибо любая секта, по той или иной причине внушает благоговение... Тот, кто почитает свою секту и осуждает другую исключительно из привязанности к своей, с намерением увеличить славу своей секты, на самом деле, подобным поведением причиняет ей страшный вред. Стало быть, добродетель — в согласии, и мудрый охот-но\$прислушивается к Закону Почтения, которому подчиняются другие люди.

Эдикт Ашоки

Увы, ни один из христианских королей не издал эдикта, похожего на эдикт Ашоки. Добрым старым простым правилом Запада было восхваление своей секты, осуждение и даже преследование всех остальных. Однако, в последнее время правительства изменили свою политику. Усердие в агитации и преследованиях теперь является отличительным признаком только политических псевдорелигий, типа коммунизма, фашизма и национализма; эти псевдорелигии относятся с презрительно-безразличной терпимостью к различным проявлениям Вечной Философии, если конечно, они не считают Вечную Философию препятствием на пути к провозглашаемым ими бранным целям.

Дети Божьи такие прелестные, но такие странные, такие милые, но такие ограниченные.

Садху Шундар Сингх

К такому заключению был вынужден прийти самый знаменитый из обращенных индусов после нескольких лет общения с братьями-христианами. Разумеется, есть немало достойных исключений; и все же правилом, даже среди образованных протестантов и католиков, является откровенно самоуверенный провинциализм, над которым можно было бы посмеяться, не причиняя он столько вреда истине и любви к ближнему. Еще сто лет назад почти никто из европейцев не знал санскрита, пали или китайского. Невежество европейских ученых вполне оправдывало их провинциализм. Сегодня, когда имеется достаточное количество более или менее адекватных переводов, для провинциализма нет причины и оправдания. Тем не менее, большинство европейских и американских авторов книг по религии и метафизике пишут так, словно кроме евреев, греков и христиан средиземноморского бассейна и западной Европы никто и никогда не занимался этими проблемами. Это, проявившееся в двадцатом веке, совершенно добровольное и осознанное невежество не только абсурдно и позорно; оно несет в себе опасность для общества. Как и любая другая форма империализма, теологический империализм представляет угрозу для мира во всем мире. Власть насилия не прекратится до тех пор, пока, во-первых, наиболее человеческие существа не станут исповедовать одну и ту же философию жизни; во-вторых, пока Вечная Философия не будет считаться наивысшим общим фактором всех религий; в-третьих, пока приверженцы всех религий не откажутся от идолопоклоннической философии времени, под слоем которой их конкретные религии погребли философию вечности; в-четвертых, пока весь мир не откажется от политических псевдорелигий, помещающих высшее добро человека в будущем времени и оправдывающих и поощряющих этим любые совершаемые в настоящем времени злодеяния, как средства достижения желаемой цели. Если все эти условия не будут соблюдены, то никакие политические планы, никакие хитроумные экономические расчеты не смогут предотвратить возобновления войн и революций.

Глава 13 СПАСЕНИЕ, УХОД, ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Спасение, но от чего? Уход — но из какой конкретной ситуации и в какую иную? Человечество неоднократно отвечало на эти вопросы, но поскольку люди отличаются друг от друга по темпераменту, живут в разных общественных условиях и не могут выйти за рамки конкретного образа мышления и чувств, то ответы получались различные и взаимоисключающие.

Прежде всего поговорим о материалистическом подходе к спасению. В своей простейшей форме — это просто-напросто жажда жизни, выражающаяся в осознанном желании выбраться из обстоятельств, опасных для жизни. На практике эффективная реализация этого желания зависит от двух вещей: использование разума для решения конкретных экономических и политических проблем и создание и поддержание атмосферы доброй воли, в которой разум сможет работать наиболее эффективно. Но люди не удовлетворяются только тем, что они умны и добры в рамках конкретной ситуации. Они жаждут соотнести свои деяния, а также соответствующие этим деяниям мысли и чувства с общими принципами и философией космического масштаба. Если такая направляющая и поучающая философия не является Вечной Философией или одной из исторических теологий, более или менее тесно связанных с Вечной Философией, она принимает форму псевдорелигии, системы организованного идолопоклонничества. Таким образом, простое желание не умереть с голоду, вполне обоснованная убежденность в том, что изнывающий от голода человек не может быть добрым, мудрым или счастливым, под влиянием метафизики Неизбежного Прогресса, превращаются в пророчествующий Утопизм; желание спастись от угнетения и эксплуатации объясняется и направляется верой в апокалипсис революции, в сочетании, не обязательно в теории, но обязательно на практике, с поклонением Молоху нации как высшему добру. Во всех этих случаях спасение рассматривается как уход с помощью различных политических и экономических средств от страданий и зла, связанных с плохими материальными условиями, к иному набору будущих материальных условий, которые будут настолько лучше нынешних, что все каким-то образом станут абсолютно счастливыми, мудрыми и достойными людьми. Эта теория, являющаяся официальной религией тоталитарных государств как правой, так и левой направленности, остается полулегальной в номинально христианском мире капиталистических демократий, где ее внедряют в общественное сознание не представители государства или церкви, а наиболее влиятельные из народных моралистов и философов — авторы рекламных текстов (единственные писатели в истории литературы, чьи произведения ежедневно читает все население).

В теологиях различных религий спасение также рассматривается как уход от глупости, зла и страданий в счастье, добро и мудрость. Но политические и экономические меры считаются всего лишь дополнением к обретению индивидуумом святости, добродетели и веры в некий божественный принцип или некую божественную личность, обладающую способностью так или иначе, но прощать и освящать индивидуальную душу. Более того, считается, что желанная цель находится не в каком-то утопическом будущем, которое начнется, скажем, в двадцать втором веке или даже раньше, если только наши любимые политики останутся у власти и издадут правильные законы, а на "небесах". Вот это последнее слово имеет два очень разных значения. Для большинства людей, исповедующих великие исторические религии, это слово, вероятно, означает и всегда означало счастливую вечную жизнь после смерти, награду за хорошее поведение, искреннюю веру и компенсацию за неизбежные в земной жизни страдания. Но для тех, кто независим от принадлежности к какой-либо религиозной традиции, принял Вечную Философию в качестве теории и сделал все возможное для воплощения ее на практике, "небеса" имеют другое значение. Такие люди стремятся уйти от отдельного существующего во времени "я" в вечность, понимаемую как знание, единящее индивидуума с божественной Основой. Поскольку это единящее знание может и должно быть обретено в этой жизни (обретение этого знания является ее единственной главной задачей), то "небеса" не означают исключительно посмертное состояние. Только тот полностью "спасен", кто уходит от бренности здесь сейчас. Что касается средств спасения, то они являются одновременно нравственными, интеллектуальными и духовными, и удивительно четко и сжато сформулированы в "Восьми правилах следования Путем Будды". Для полного ухода от бренности требуется соблюдение следующих условий: первое, Правильная Вера в ту абсолютно очевидную истину, что источником страданий и зла является жажда обособленного эгоцентрического существования, из чего следует, что от зла, как индивидуального, так и коллективного, можно уйти только освободившись от этой жажды и заикленое™ на "я", "меня", "мое"; второе, Правильная Воля, воля к освобождению себя и других; третье, Правильная Речь, обращенная с состраданием и любовью ко всем разумным существам; четвертое, Правильные Действия, целью которых является достижение и поддержание мира и доброй воли; пятое, Праведные Способы Зарабатывания На Жизнь, то есть выбор только таких профессий, которые не направлены на причинение вреда другим человеческим существам или, по возможности, любым живым существам; шестое, Правильные Усилия по укреплению

Самоконтроля; седьмое, Правильное Внимание или Собранность, которая не должна покидать индивидуума ни при каких обстоятельствах, чтобы он никому не причинил вреда просто по неведению, ибо "мы не ведаем, что творим"; и восьмое, Правильное Созерцание, знание, единое индивидуума с божественной Основой, знание, доступ к которому открывают упомянутые в шести первых условиях следования Путем Будды нравственное смирение и собранность. Таковы вполне доступные человеку средства достижения своей главной цели — "спасения". А вот о средствах, которые божественная Основа использует для того, чтобы помочь человеку в достижении его цели, Будда из священных свитков Пали (учитель, чья неприязнь к "глупым вопросам" не менее сильна, чем неприязнь к ним современных физиков-экспериментаторов) отказывается говорить. Он готов говорить только о "печали и конце печали" — о жестоком факте существования страдания и боли и другом, не менее эмпирическом факте существования метода, с помощью которого индивидуум может освободиться от зла и уменьшить сумму зла в окружающем его мире. Только в буддизме махаяны тайны благодати обсуждаются так же подробно, как в индуистской и, особенно, в христианской теологии. В более примитивном буддизме хинаяны теория ухода — это просто развитие последних записанных слов Будды: "Разложение изначально присуще сложным вещам. Прилежно ищи свой собственный путь к спасению". Как и в приводимом ниже общеизвестном отрывке, весь упор делается на усилия самого индивидуума.

Итак, Ананда, будь факелом самому себе, будь самому себе спасением. Не ищи спасения во внешнем мире. Крепко держи Истину, как факел; крепко держись за Истину, как за спасение. Не ищи спасения ни у кого, кроме как у себя самого. И те, Ананда, кто уже сейчас является или после моей смерти будут являться факелами самим себе, не будут искать спасения во внешнем мире, а будут крепко держать истину, как факел, и будут крепко держаться за Истину, как за спасение, и не будут искать спасения ни у кого, кроме себя самих — те взойдут на самую высокую Вершину. Но у них должно быть сильное желание учиться.

Ниже мы приведем отрывок из вольного перевода Чхандогья упанишады. Этот небольшой миф призван проиллюстрировать ту истину, что концепций спасения существует столько же, сколько существует уровней духовного знания и что достигнутый любым индивидуумом уровень свободы (или уровень рабства, в котором индивидуум пребывает), в сущности, зависит от того, до какой степени душа решила рассеять свое изначально добровольное невежество.

"Я", свободное от всего нечистого, от старости и смерти, от печали, жажды и голода, искренне жаждущее истины — вот "Я", о котором надо спрашивать, которое надо искать, вот "Я", которое нужно постичь.

И дэвы (боги или ангелы), и асуры (демоны или титаны) услышали об этой Истине. Они подумали: "Давайте опишем и осознаем это "Я", чтобы покорить все миры и исполнить все наши желания".

После чего дэв Индра и асур Вирочана отправились к Праджапати, известному учителю. Они были его учениками в течение тридцати двух лет. Затем Праджапати спросил: — Зачем вы жили со мной все это время? Они ответили:

— Мы услышали, что то, кто познает "Я", покорит все миры и исполнит все свои желания. Мы жили здесь потому, что хотели научиться познавать "Я".

Праджапати сказал им:

— Тот, кто отражается в глазах, — тот и есть "Я". Оно бессмертно, оно бесстрашно и оно есть Брахман. Ученики спросили:

— Господин, а кто отражается в воде или в зеркале?

— Атман, — был ответ. — Да, это его отражение. Затем Праджапати добавил:

— Поглядите на свое отражение в воде и о том, что вам будет непонятно, спросите у меня.

Индра и Вирочана долго разглядывали свое отражение в воде и когда учитель спросил их, видели ли они "Я", они ответили:

— Господин, мы видели "Я"; мы даже разглядели волосы и ногти.

Тогда Праджапати приказал им надеть их лучшие одежды и снова поискать "Я", в воде. Они так и сделали, и когда он вновь спросил их о том, что они видели, они ответили:

— Мы видели "Я", оно точно такое же, как мы, ухоженное и одетое в наши лучшие одежды. Затем сказал Праджапати:

— Да, действительно было "Я". Это "Я" — бессмертно и бесстрашно, и оно есть Брахман.

И ученики удалились страшно довольные.

Но, глядя им вслед, Праджапати с горечью воскликнул: — Оба они ушли не разобравшись в "Я" и не поняв его. Любопытно, кто примет эту фальшивую доктрину "Я", должен погибнуть. Довольный тем, что он открыл "Я", Вирочана вернулся к асурам и начал учить их, что поклоняться следует только плотскому "я", что служить следует только телу, и что тот, кто поклоняется это и служит телу, обретет оба мира — этот и потусторонний. В результате родилась доктрина асуров. Но Индра на обратном пути

к дэвам понял бесполезность этого знания. Он задумался: "Если это "Я" выглядит ухоженным, когда ухожено тело, хорошо одетым, когда хорошо одето тело, то тогда "Я" слепца будет слепым, "Я" хромого будет хромым, "Я" уроды — уродливым. Более того, если тело умрет, то умрет и "Я". Я не вижу никакой пользы в таком знании". И Индра вернулся к Праджапати за дальнейшими разъяснениями. Праджапати заставил Индру прожить с ним еще тридцать два года; после этого он начал его обучение. Праджапати сказал:

— Тот, кто приходит в сны, прекрасный и величественный — он и есть "Я". Оно бессмертно и бесстрашно, и оно и есть Брахман.

Довольный собой, Индра опять удалился. Но прежде, чем он успел вернуться к другим ангельским существам, он понял бесполезность и этого знания. Он подумал про себя: "Да, это новое "Я" не слепо, даже если слепо тело, не хромает и не болеет, если хромает или болеет тело. Но даже во снах "Я" испытывает многие страдания. Я не вижу пользы в таком знании".

В результате, он вернулся к Праджапати за дополнительными разъяснениями и Праджапати заставил его прожить с ним очередные тридцать два года. По окончании этого срока Праджапати поведал ему следующее:

— Когда человек спит абсолютно спокойным сном, его не посещают никакие сновидения, тогда он осознает "Я". Оно бессмертно и бесстрашно, и оно есть Брахман.

Удовлетворенный, Индра удалился. Но он даже не успел вернуться домой, как уже почувствовал бесполезность и этого знания. Он подумал: "Когда человек спит, то он не думает о себе: "Вот это — Я". Он вообще не осознает никакого существования. Он почти что умер. Не вижу никакой пользы и в этом знании".

И Индра снова вернулся за знаниями. Праджапати предложил ему остаться еще на пять лет. По окончании этого срока Праджапати поведал ему высшую Истину о "Я".

Он сказал:

— Тело — бrenно, оно вечно находится в железных объятиях смерти. Но внутри него живет "Я", бессмертное и не имеющее формы. Когда это "Я" связано с сознанием тела, то оно является объектом удовольствий и страданий; и до тех пор, пока существует эта связь, ни один человек не может освободиться от страданий и удовольствий. Но когда связь рвется, наступает конец удовольствиям и страданиям. Тот, кто поднимется над физическим сознанием, познает "Я", как нечто отдельное от органов чувств и разума, познает Его в его истинном свете, тот возрадуется и будет свободным.

Из Чхандогья упанишады

Брахман постигается знанием, подвижничеством и размышлением. Кто, зная это, почитает Брахмана этими тремя (способами), тот идет за пределы Брахмана к высшей божественности среди богов и достигает счастья — негибнущего, неизмеримого, свободного от страдания. Затем, освободившись от тех чувств, которыми он был наполнен, охвачен и прикреплен к колеснице, он достигает соединения с Атманом.

Машпри упанишада

Мы должны хорошо запомнить ту истину, что все добродетели и даже Вечное Добро, которое есть сам Бог, не могут сделать человека праведным, добрым или счастливым до тех пор, пока они находятся за пределами его души, то есть до тех пор, пока человек общается с внешними вещами с помощью своих чувств и разума и не уходит в себя и не пытается понять свою жизнь, понять кто и что он есть.

ЛТieologia Germanica

Воистину, Будда никогда не проповедовал спасительную истину, зная, что каждый должен осознать ее внутри себя.

Сутраламкара

В чем состоит спасение? Ни в какой угодно исторической вере, ни в знании чего-то абстрактного или далекого, ни в каких-то ограничениях, правилах и методах реализации добродетели, ни в формальности мнений о вере и трудах, о покаянии, прощении грехов, оправдании и освящении, ни в какой-либо истине, которую ты отыскал сам, или узнал от лучших из людей, или почерпнул из лучших книг, а исключительно в жизни Бога или божьего Христа, ускоренной и вновь рожденной в тебе, иными словами — в восстановлении и идеальном единстве изначальной двухслойной жизни человечества.

Вильям Ло

В данном случае Ло использует фразеологию Беме и тех "духовных реформаторов", которых дружно либо игнорировали, либо преследовали ортодоксальные протестанты, лютеране, кальвинисты

и англиканцы (это был один из тех очень немногих вопросов, по которым они сумели прийти к единому мнению). Но ведь абсолютно ясно, что явление, которое Ло и эти люди называли новым рождением Бога в душе, по сути является тем же самым ощущением, которое за две с лишним тысячи лет до них один индус определил как осознание "Я", находящегося внутри индивидуума и, в то же время, стоящего выше индивидуального эго.

Ленивый, глупый и неразборчивый не достигнут Нирваны, которая является развязыванием всех узлов.

Ити-вуттака

Эта мысль представляется достаточно очевидной. Но большинству из нас лень доставляет удовольствие, мы не можем быть постоянно собранными и еще страстно желать спасения от результатов лени и невежества. Отсюда и широко распространенная вера в Спасителя, который обязательно появится в нашей жизни, особенно в момент ее угасания и подобно Александру, одним ударом разрубит Гордиев узел, развязать который нам было лень. Но Бога нельзя обмануть. Природа вещей такова, что знание, единящее индивидуума с божественной Основой, зависящее от достижения индивидуумом полного бескорыстия, никак не может быть обретоно, даже при условии посторонней помощи, тем, кто еще не стал бескорыстным. Спасение души, обретенное в результате веры в спасительную силу Амида, или Иисуса — это не тот полный уход, описанный в упанишадах, буддистских книгах и трудах христианских мистиков. Это спасение не только иного уровня, но и иного типа.

Говори о философии сколько тебе угодно, поклоняйся какому хочешь количеству богов, соблюдай все церемонии, возноси молитвы какому угодно количеству божественных существ — освобождение не наступит даже и через сто миллиардов лет, пока не будет осознано Единство "Я".

Шанкара

Этот Атман не постигается ни толкованием, ни рассудком, ни тщательным изучением — Кого избирает этот (Атман), тем он и постигается, тому этот Атман открывает свою природу. Не отступающий от дурного поведения, беспокойный, несобранный, Мятущийся разум, поистине, не достигнет его даже с помощью познания.

Катха упанишада

Нирвана — это место, где нет ни рождения, ни смерти; это Реальность, абсолютно не укладывающаяся во все сконструированные разумом категории; ибо это есть внутреннее сознание Татхагаты.

Ланкаватара Сутра

Описанное в Чхандогья упанишаде фальшивое или в лучшем случае неполноценное спасение бывает трех видов. Первым является псевдоспасение, связанное с верой в то, что материя есть абсолютная Реальность. Вирочана, демоническое существо, апофеоз жажды власти, экстравертный соматотоник, находит совершенно естественным отождествление своего "я" со своим телом и возвращается к другим титанам, чтобы искать чисто материальное спасение. Воплотись Вирочана в нынешнем столетии, он стал бы ярким коммунистом, фашистом или националистом. Индра видит порочность материалистического пути к спасению, и ему предлагается "путь сновидений" — уход из плотского существования в промежуточный между материей и духом мир — эту завораживающе странную и восхитительную психическую вселенную, из которой в повседневную жизнь иногда совершенно неожиданно прорываются чудеса и пророчества, "общение с духами" и экстрасенсорное восприятие. Но это более свободный тип индивидуализированного существования все равно является слишком личностным и эгоцентрическим, чтобы удовлетворить душу, осознающую свое несовершенство и жаждущую цельности. А потому Индра идет дальше и встречается с новым искушением: неразделенное сознание глубокого сна, псевдосамадхи и квиетистский транс как полный уход. Но, по словам Брахма-нанды, Индра отказывается принимать "тамас" за "саттвас", лень и подсознание — за выдержку и сверхсознание. Таким образом, разбираясь, что к чему, Индра приходит к осознанию "Я", которое является лучом света во тьме невежества и уходом от бранных последствий этого невежества.

Иллюзорное спасение, о котором нас предупреждают авторы других приведенных в этой книге отрывков, относится к иному типу. Здесь упор делается на идолопоклонничество и суеверие, и прежде всего на идолопоклонническое отношение к аналитическому разуму и его представлениям, на суеверную убежденность в том, что ритуалы, догмы и символы веры являются магически эффективными сами по себе. Многие христиане грешат подобным идолопоклонничеством и

суеверностью. Для них полный уход в единство с божественной Основой невозможен, как в этом мире, так и посмертно. Самое большее на что они могут надеяться — это праведная, но, тем не менее, эгоцентрическая жизнь и некое счастливое посмертное "долголетие", как его называют китайцы, — определенная форма жизни, может быть и райской, но все равно существующей во времени, отчужденности и многообразии.

Красота, в которую уходит просветленная душа, имеет мало общего с удовольствием. Какова же тогда ее природа? Приведенные ниже цитаты дадут по крайней мере приблизительный ответ. Блаженство зависит от отстраненности и бескорыстия, а потому им невозможно пресытиться до отворачивания; блаженство находится в вечности и потому не знает ни взлетов, ни падений.

Только в настоящем Брахмане освобожденный дух становится абсолютно другим и совершенным. Плодом его усилий являются сброшенные оковы. Расставшись с желаниями, он достигает вечного и неизмеримого блаженства, и живет в нем.

Май/при упанишада

В этих низших радостях есть своя улада, но не такая, как в Боге моем, Который создал все, ибо в Нем наслаждается праведник, и Сам Он наслаждение для праведных сердцем.

Святой Августин

Разница между духовными и плотскими удовольствиями заключается в том, что перед тем, как мы получим плотское удовольствие, мы испытываем желание, а после того, как мы его получим — отвращение; с духовными удовольствиями все наоборот — если мы их не получаем, то нам их и не хочется, но получая их, мы хотим, чтобы они продолжались.

Святой Григорий Великий

Когда человек находится в одном из этих двух состояний (красота или темная ночь души), то с ним все в порядке, он пребывает в безопасности, как в аду, так и в раю. До тех пор, пока человек находится на земле, он может часто переходить из одного состояния в другое, более того, он может часто переходить из одного состояния в другое даже в течение одних суток, и не прилагать к этому никаких усилий. Но если человек не находится ни в одном из этих состояний, он противопоставляет себя другим созданиям, он мечется назад и вперед и не знает, что он за человек.

Theologia Germanica

Большинство книг суфиев написано в поэтической форме. Некоторые из этих произведений тяжеловесны и экстравагантны, некоторые красивы, ясны и просты, некоторые мрачны и тревожнозагадочны. К последним принадлежат изречения мусульманского святого десятого века Ниффари Египтянина. Вот что он написал о спасении.

Бог сделал так, что я узрел море, тонущие корабли и плавающие обломки; затем и обломки скрылись под водой. И Бог сказал мне: "Путешествующие не спасены". И Он сказал мне: "Те, кто вместо того, чтобы путешествовать, бросаются в море, рискуют". И Он сказал мне: "Путешествующие и не рискующие погибнут". И Он сказал мне: "Поверхность моря — недостижимый свет. Дно моря — непроницаемая тьма. А между ними — две большие рыбы, которых надо бояться".

Довольно понятная аллегория. Корабли, несущие индивидуальных путешественников по морю жизни — это секты, церкви, религиозные организации и наборы догм. Обломки, которые, в конце концов, тоже тонут — это все добрые дела, которым не хватило полного самоотречения, и все виды веры, менее абсолютные, чем знание, единящее индивидуума с Богом. Уход в вечность есть результат "прыжка в море"; если говорить языком Евангелия — индивидуум должен расстаться с жизнью, чтобы спасти ее. Но прыгать в море рискованно, не настолько, конечно, как путешествовать на огромном лайнере "Куин Мэри", оснащенном всеми новейшими догматическими удобствами и литургическими украшениями, и следующем напрямик в объятия морского дьявола или, в лучшем случае, не в тот порт, что нужно; и все же достаточно опасное. Ибо поверхность моря — божественная Основа в том ее виде, в каком она проявилась в брэнном и многообразном мире — сверкает отраженным светом, таким же неуловимым, как отражение красивого лица в зеркале; а дно, Основа в ее вечной изначальной форме, представляется заглядывающему в глубины аналитическому разуму обыкновенной тьмой; и когда разум принимает решение подчиниться воле и выполнить решающий прыжок в самоотречение, то во время погружения он должен увернуться от описанных в Чхандогья упанишаде прожорливых псевдоуходов — "пути сновидений", ведущему в тот восхитительный психический мир, в котором эго по-прежнему живет, но уже более счастливой и свободной жизнью, или псевдосамадхи, единения в подсознании, а не в сверхсознании.

Ниффари не заблуждается насчет шансов индивидуума достичь главной цели человека и потому не настроен излишне оптимистично. Но никто из святых, основателей религий и комментаторов Вечной Философии не относится к числу оптимистов. "Многие слышат призыв, но выбор падает на немногих". Те, кто не хотят быть избранными, не могут рассчитывать на нечто большее, чем определенная форма частичного спасения в условиях, при которых существует возможность полного ухода.

Глава 14 БЕССМЕРТИЕ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

Бессмертие — это существование в вечном "сейчас" божественной Основы; загробная жизнь — это существование в одной из форм времени. Бессмертие — это результат полного ухода. Загробная жизнь — удел тех, кто отчасти ушел в некий рай, или тех, кто вообще никуда не ушел и обнаружил, что в силу закона свое низменной природы вынужден выбрать некое очистительное или плотское рабство, еще более неприятное, чем оставшееся позади.

Праведность и добродетель заставляют человека познавать и любить их бессмертие, верить в него и находить в нем наслаждение. Когда душа очищается и просветляется истинной святостью, она становится более способной на эти божественные озарения, в ходе которых она чувствует свое единство с Богом. Она знает, что всемогущая Любовь, посредством которой она живет, сильнее смерти. Душа знает, что Бог никогда не забудет о Его собственной жизни, которую Он зажег в ней. Эти отчаянные воздыхания о вечном единении с Ним есть ни что иное, как энергия Его дыхания внутри нас.

Джон Смит, платоник

Я раньше утверждал и еще утверждаю, что уже теперь обладаю всем тем, что суждено мне в вечности! Ибо Бог со всем Своим Блаженством и в полноте Своего Божества пребывает в этом праобразе. Но это сокрыто в душе.

Экхарт

Вода, колышущаяся или спокойная, остается водой. Какая разница Освобожденному: существует он во плоти или он бесплотен? В бурю и в тихую погоду. Океан остается тем же самым Океаном.

Йогавасиш тха

На вопрос: "Куда уходит душа, когда умирает тело?" Якоб Беме ответил: "А ей нет надобности куда-либо уходить".

Татхагатай (одно из имен Будды) называют того, кто никуда не уходит и ниоткуда не приходит; потому его и называют Татхагатай (Так Пришедшим), святым и полностью просветленным.

Алмазная Сутра

Когда познан Бог, спадают все узы, с уничтожением страданий исчезают рождение и смерть... Следует знать это вечное, пребывающее в Атмане; ничего не следует знать, кроме него.

Шветашватара упанишада

Бог, в познании которого — вечная жизнь...

Книга Общей Молитвы

Я умер минералом и стал растением.

Я умер растением и стал животным.

Я умер животным и стал человеком.

Почему я должен бояться?

Когда это смерть причиняла мне вред?

Когда я еще раз умру, уже человеком, то воспарю

К блаженным ангелам; на даже и ангельский стан

Мне придется покинуть.

Исчезнет все, кроме Бога.

Когда я принесу в жертву свою ангельскую душу,

Я стану тем, что разум не может постичь.

О, дай мне не жить! Ибо Не-Бытие утверждает,

"К Нему мы вернемся".

Джалаладдин Руми

Как на Западе, так и на Востоке пришли к общему согласию в вопросе о том, что жизнь в теле дает уникальные возможности достижения спасения или ухода. Католическая и махаянистская доктрины утверждают, что отделившаяся от тела после его смерти душа не может иметь никаких заслуг, а просто страдает в чистилище в наказание за свои прошлые деяния. Но если ортодоксальные католики заявляют, что в потустороннем мире нет никаких возможностей для прогресса, что степень красоты души определяется исключительно тем, что она делала и о чем она думала в своей земной жизни, то эсхатологи Востока утверждают, что существует определенное посмертное состояние, в котором достойные души могут перейти из райски счастливой личностной загробной жизни в подлинное бессмертие, соединившись с вневременным, вечным Божеством. И конечно есть возможность (а для многих индивидуумов и необходимость) вернуться в определенную форму плотской жизни, во время существования в которой можно продолжать продвижение к полному блаженству или уходу посредством просветления. А пока что, как говорит Шанкара, индивидуум должен ежедневно возносить хвалу Богу за то, что был рожден человеком.

Духовные создания, которыми мы являемся, нуждаются в телах, без которых они никак не смогли бы обрести то знание, которое они обретают как единственный подход к тем вещам, посредством знания которых они становятся блаженными.

Святой Бернар

Родившись человеком, то есть достигнув редкого и благославленного воплощения, мудрец, оставляя тщеславие тщеславным, должен стремиться познать Бога, прежде чем жизнь перейдет в смерть.

Шримад Бхагаватам

Хорошие люди делают духовной свою плоть; плохие люди делают плотской свою душу.

Бенджамин Вичкот

Если сказать точнее, то хорошие люди делают духовным свой разум-плоть; плохие люди делают плотским и мыслящим свой дух. Полностью духовный разум-плоть — это Татхагата, который никуда не уходит после своей смерти, по той простой причине, что он, реально и осознано, уже находится там, где все люди всегда потенциально находились и находятся, не осознавая этого. Человек, который в этой жизни не вошел в Непостижимое Состояние, в вечный принцип всех состояний бытия, после смерти входит в определенное конкретное состояние, либо райское, либо очистительное. В священных индуистских книгах и комментариях к ним описываются несколько различных видов посмертного спасения. "Так-ушедшая" душа уходит в полное единение с божественной Основой; но возможно также и "мук-ти" или освобождение, при условии сохранения некой формы очищенного эго-сознания. Природа ухода любого индивидуума после его смерти зависит от трех факторов: степени святости, достигнутой им за время пребывания в теле; конкретного аспекта божественной Реальности, которому он был прежде всего верен; и конкретного пути, по которому он решил следовать. В "Божественной Комедии" также говорится о нескольких кругах Рая; но если в восточных эсхатологических школах спасенная душа может полностью уйти в вечность даже из сублимированной индивидуальности, даже из загробной жизни в каком-то космическом времени, то у Данте души навсегда остаются там, где они оказались (после того, как прошли позорные муки чистилища) в результате своего единственного воплощения. Ортодоксальная христианская доктрина не допускает возможности дальнейшего продвижения к абсолютному совершенству полного единения с Божеством ни в посмертном состоянии, ни в любом другом воплощении. Но в индуистских и буддистских версиях Вечной Философии божественное милосердие равняется божественному терпению: обо они бесконечны. Восточные теологи не верят в вечное проклятие; по их мнению душа проходит только через чистилище, а затем ей предоставляется бесконечное число шансов дойти до главной цели не только человека, но и всего сотворенного мира — до полного воссоединения с Основой всеобщего бытия.

Чрезмерная озабоченность посмертным уходом не является средством этого ухода и может легко стать препятствием на пути к нему. Нет никаких оснований предполагать, что заядлые спириты имеют больше шансов на спасение, чем те люди, которые ни разу в жизни не были на спиритическом сеансе или не читали посвященных этому вопросу книг: как тех, в которых содержатся реальные факты, так и тех, что полны измышлений. У меня нет намерения присоединяться к кругу их авторов, я просто хочу кратко подытожить все, что было написано на тему загробной жизни представителями разных религиозных традиций. По утверждению восточных теологов то, что остается после смерти, не является личностью. Буддизм принимает доктрину реинкарнации; но это не душа переходит в новое воплощение (буддизм отрицает существование души); переходит характер. То, что мы решаем сделать с нашей умственной и физической конституцией в ходе нашей земной жизни, воздействует на психическую среду, в которой индивидуальный разум проводит по крайней мере часть своего

двойственного существования, и эта модификация среды приводит после смерти тела к зачатию нового существования, либо в раю, либо в чистилище, либо в другом теле.

По космологии Веданты, над Атманом или духовным "Я", тождественным божественной Основе, в природе души имеется нечто, реинкарнирующееся в большое или малое тело, или в некое бесплотное состояние. Такая душа является не личностью усопшего, а скорее конкретизированным Я-сознанием, из которого и возникает личность. Любая из этих концепций загробной жизни логически самодостаточна и может быть использована для того, чтобы "спасти лицо" — иными словами, ее можно подогнать под странные и непонятные факты психических исследований. Единственными непосредственно знакомыми нам личностями являются воплощенные существа, состоящие из тела и некоего неизвестного *x*. Но если *x* плюс тело равняется личности, то тогда, само собой разумеется, что *x* минус тело никак не может быть той же самой вещью. Те на первый взгляд личностные существа, которые якобы периодически появляются в ходе психических исследований, могут рассматриваться только, как временные псевдоличности, состоящие из *x* и тела медиума.

Эти две концепции не являются взаимоисключающими и загробная жизнь может быть общим плодом неистребимого сознания и модификации психическом среды. Если это так, то вполне возможно, что конкретное человеческое существо после своей смерти принимает не одну, а несколько форм. Его "душа" — неличностная основа и принцип прошлых и будущих личностей — может продолжать движение в каком-то одном типе бытия, в то время как следы, оставленные его мыслями и желаниями в психической среде, могут породить новые индивидуализированные жизни в совершенно иных типах бытия.

Глава 15 МОЛЧАНИЕ

Отец произнес одно Слово; это Слово — его Сын, он произносит Его навечно в вечной тишине; и благодаря тишине душа слышит его.

Сан Хуан де ла Крус

Духовная жизнь есть ни что иное, как работа Божьего Духа внутри нас, и потому наше молчание должно играть большую роль в нашей подготовке к ней, а длинные речи и шумные восторги зачастую являются серьезной помехой тому хорошему, что мы можем услышать только от Духа и гласа Божьего, говорящих внутри нас... Риторика и изящные речи о духовных вещах являются самой пустой болтовней, которая только возможна; и тот кто думает, что он увеличивает свою праведность, слушая и произнося зажигательные речи или меткие выражения, которые так любит сегодняшний мир, может стать хорошим оратором, но в раю для его разговоров не будет места.

Вильям Ло

Знающий не говорит, говорящие не знают.

Лао-цзы

Безудержно разглагольствовать на любые темы — безнравственно и опасно в духовном смысле. "Но говорю тебе, за каждое пустое слово, произнесенное человеком, ему придется ответить в Судный День". На первый взгляд, довольно суровое предупреждение. И все же, если мы задумаемся обо всех тех словах, которые мы ежедневно исторгаем из себя, то обнаружим, что подавляющее их большинство относится к трем категориям: слова, вызванные злобой и неприязнью к нашим ближним; слова, вызванные жадностью, чувственностью и самолюбием; слова, вызванные чистой глупостью и произнесенные бездумно, без чувства, толка и расстановки, просто для того, чтобы создать привлекающий внимание шум. Это и есть пустые слова; и если мы копнем глубже, то обнаружим, что их количество значительно превышает количество слов, порожденных разумом, любовью и необходимостью. А если учесть бесконечное число невысказанных слов, составляющих идиотский внутренний монолог, то в большинстве случаев превосходство пустых слов будет подавляющим.

Все эти пустые слова, настолько же глупые, насколько и самодовольные и неприязненные, являются препятствием на пути к знанию, единящему нас с божественной Основой, танцем пылинок и мух, заслоняющих внутренний и внешний Свет. Сдержанность в речах (которая конечно же является и сдержанностью в мыслях) представляет собой не только один из самых трудных и требующих огромных усилий, но и самый полезный вид подавления страстей.

Когда несущка откладывает яйца, она обязательно должна кудахтать. И чего она этим добивается? Тут же появляется ворона, отбирает у нее яйца и пожирает все то, из чего должны были появиться живые птицы. И дьявол, подобно гнусной вороне, утаскивает у кудахчущих отшельниц и проглатывает

все то хорошее, что они породили, и что они могли бы, подобно птицам, вознести к небесам, если бы только не кудахтали.

Видоизмененный отрывок из Анкрена Риаде

Сколько не воздерживайся от суетных бесед, все равно будет мало.

Фенелон

Зачем так интересоваться новостями из-за границы, если все, что касается жизни и смерти, происходит внутри нас?

Вильям Ло

Моя дорогая Мать, повнимательней прислушайся к заповедям святых, которые все как один говорят, что жаждущий святости должен поменьше говорить о себе и своих делах.

Святой Франциск Сальский (из письма к святой Жанне Шанталь)

Не за звонкий лай собаку считают хорошей, не за красивые речи человека считают добродетельным, а тем более — великим.

Чжуан-цзы

Собака
лает, а
караван
идет.

*Арабская
поговорка*

Я не писал вам не потому, что не хотел, ибо я искренне желаю вам всяческого добра; просто я думал, что сказано уже достаточно всего и что нужны (если что-либо вообще нужно) не письма и речи — которых, как правило, более, чем достаточно — а молчание и труд. Ибо если речи отвлекают, то молчание и труд заставляют человека собраться с мыслями и укрепляют его дух. Стало быть, как только человек понимает, что сказанные ему слова были сказаны для его блага, ему больше нет нужды слушать или спорить; он должен сосредоточиться на претворении в жизнь того, что он узнал благодаря молчанию, вниманию, смирению, любви к ближнему и самоотверженности.

Сан Хуан де ла Крус

Молинос (и он, несомненно, сомнения, был не первым, кто использовал такую классификацию) выделил три категории молчания: молчание рта, молчание разума и молчание воли. Нелегко удержаться от пустых разговоров; гораздо труднее укротить трескотню памяти и воображения; и труднее всего заглушить голоса страсти и отвращения, которыми разговаривает воля.

Двадцатый век можно называть по-разному, в том числе и Веком Шума. Физический шум, шум разума и шум желаний — по всем этим показателям мы поставили исторический рекорд. Это и не удивительно; все силы нашей почти волшебной технологии брошены в непрерывное наступление на тишину. Самое популярное и действенное из недавних изобретений — радио — является ничем иным, как трубопроводом, по которому в наши дома течет изготовленный конвейерным способом шум. И шум этот, разумеется, проникает гораздо глубже барабанных перепонки. Он проникает в разум, воздвигая внутри него Вавилонскую башню отвлекающих факторов — выпусков новостей, бесполезных обрывков информации, аккордов маршевой или сентиментальной музыки, регулярно транслируемых эпизодов спектакля, у которого отсутствует кульминация и который просто порождает в слушателях потребность в ежедневной или даже ежечасной эмоциональной клизме. А там где радиостанции зарабатывают продажей рекламного времени (то есть в большинстве стран), проникающий в уши шум пробирается в царство фантазий, знания и чувства, а оттуда — в сердцевину эго, состоящую из желаний и страстей. Перед любой рекламой, будь то речь коммивояжера, радиоролик, газетная полоса или большой плакат, стоит одна единственная задача — не дать воле ни на секунду сохранить молчание. Отсутствие желаний — условие ухода и просветления. Вселенское желание — условие расширяющейся и технологически прогрессивной системы массового производства. Реклама — это организованные усилия по обострению желаний, то есть по укреплению той силы, которая (как всегда учили святые и проповедники всех высших религий) является основной причиной страданий и

пороков, и представляет собой величайшее препятствие на пути движения человеческой души к ее божественной Основе.

Глава 16 МОЛИТВА

"Молитвой" называют по крайней мере четыре разных процедуры: прошение, ходатайство, поклонение и созерцание. "Прощение" — это просьба за себя. "Ходатайство" — это просьба за других. "Поклонение" — это использование интеллекта, чувств, воли и воображения в свершении акта любви по отношению к Богу в его личностном аспекте или воплощенном в образе человека. "Созерцание" — это такое состояние напряженной пассивности, в котором душа открывается и внешней, и внутренней божественной Основе, имманентному и трансцендентальному Божеству.

Человек психологически не может погрузиться в созерцание, предварительно не пройдя через определенную форму поклонения и не чувствуя потребность в более или менее частом обращении к ходатайству и, по крайней мере, какой-то одной из форм прошения. С другой стороны, к практике прошений вполне возможно и очень легко обратиться не только без погружения в созерцание, но даже и не прибегая к поклонению, а в редких случаях абсолютного эгоизма — и к ходатайству. Молитва-прошение и молитва-ходатайство могут быть с успехом (как его понимают широкие слои населения) применены и более того, действительно применяются при самом поверхностном почтении к Богу в любом его аспекте. Для того, чтобы научиться получать ответы на свои прошения, человеку не обязательно знать или любить Бога, или даже знать или любить образ Божий, созданный разумом человека. Все что нужно такому человеку — это жгучее ощущение важности своего эго и его желаний, в сочетании с твердым убеждением, что там, во вселенной, существует некая сила, которую можно уговорить или заставить эти желания выполнить. Если я с достаточными верой и упорством повторяю "Да исполнится моя воля", то у меня есть шанс, что рано или поздно, в той или иной форме, я получу то, чего хочу. Совпадает ли моя воля с божьей волей и обрету ли я, добиваясь своего, духовное, нравственное или даже материальное благосостояние, — на эти вопросы я не могу ответить заранее. Только время и вечность дадут ответ. А пока для всех для нас будет лучше, если мы внимательнее прислушаемся к предупреждениям, содержащимся в фольклоре. Писатели-реалисты, создавшие сказки народов мира, знали многое о желаниях и их исполнении. Прежде всего они знали, что при определенных обстоятельствах просьба действительно будет услышана; но они также знали и то, что не один только Бог прислушивается к просьбам и что если кто-то просит о чем-либо с недобрыми намерениями, то его просьба тоже может быть удовлетворена, но удовлетворена не божественным Благодетелем, и за ее удовлетворение придется жестоко поплатиться. Добиваться желаемого с помощью эгоистичных прошений — это одна из форм гордыни, которая навлекает на просителя заслуженное соответствующее возмездие. Например, фольклор североамериканских индейцев полон историй о людях, которые постились и молились с эгоистическими намерениями — им хотелось иметь больше, чем должен требовать разумный человек. С удовлетворения их просьбы начиналось их падение. В другой части света родились легенды о мужчинах и женщинах, которые для того, чтобы добиться удовлетворения своих просьб, использовали тот или иной вид магии, что приводило либо к плачевным, либо к смехотворным результатам. Традиционный элемент нашего фольклора — сказка "Три Желания" — всегда печально заканчивается для ее главного героя, который действительно сумел добиться исполнения своих трех желаний.

Представьте себе Бога, обращающегося к вам со следующими словами: "Сын мой, почему ты каждый день молишься, преклоняешь колени, даже бьешь лбом о землю, более того, иногда даже проливаешь слезы и просишь меня: "Отче мой, Боже мой, дай мне богатства!" Положим, я дал его тебе, и вот воображаешь себя очень значительной личностью, ты воображаешь, что получил нечто весьма ценное. Ибо ты попросил и ты получил. Но богатство должно быть использовано во благо. Когда у тебя его не было, ты был скромней; сейчас, когда ты разбогател, ты презираешь бедных. Что же это за благо, которое делает тебя только хуже? Ты становишься хуже потому, что уже был плохим. И ты не знал, что богатство сделает тебя хуже; поэтому ты и просил его у Меня. Я дал его тебе и доказал, кто ты есть на самом деле; ты это понял сам и другие тоже поняли! Проси у Меня нечто большее, проси у меня нечто лучшее. Проси у Меня духовные вещи. Проси Меня, чтобы Я дал тебе Себя".

Святой Августин

О Господь, я, нищий, прошу у Тебя больше, чем может попросить тысяча царей. У каждого есть просьба к тебе; я пришел попросить, чтобы ты дал мне Себя.

Ансари ал-Харави

По словам Фомы Аквинского, мы имеем право молиться о чем угодно, на что мы имеем право. Есть вещи, которые никто не может возжелать — например, плоды преступлений или проступков. Есть вещи, которые люди имеют право желать на определенном уровне духовного развития, но не должны этого делать (и, в самом деле, перестают желать) на другом, более высоком уровне. Так, святой Франциск Сальский достиг такого состояния, что мог сказать: "У меня почти нет желаний, но если бы мне пришлось родиться заново, у меня их вообще бы не было. Мы должны ни о чем не просить и ни в чем не отказывать. Мы должны отдать себя на милость божественного Провидения. Мы должны желать только то, что хочет от нас Бог". Между тем миллионы людей ежедневно повторяют третий вирш из "Отче наш", но не имеют ни малейшего намерения выполнять чью-либо волю, кроме своей собственной.

Прекрасное путешествие по океану бессмертной жизни избавило меня от всех моих желаний;
Как дерево вырастает из семени, так и все болезни вырастают из желаний,

Господь, я не знаю, что просить у Тебя. Только Ты знаешь, что мне нужно. Ты любишь меня так сильно, как я сам не смог бы любить себя. Отче, дай сыну своему то, о чем он не просит, ибо не знает как. Порази меня насмерть или излечи, раздави меня или возвысь: я восхищаюсь любым Твоим решением, даже не зная о нем. Я молчу; я предлагаю себя в качестве жертвы; я отдаю Тебе себя; я не желаю ничего, кроме исполнения воли Твоей. Научи меня молиться. Молись во мне.

Фенелон

(Дьявол попытался склонить дервиша перестать взывать к Аллаху на том основании, что Аллах ни разу не ответил: "Слушаю тебя". И тогда мысленному взору дервиша явился пророк Хадир с посланием от Бога.)

Разве это не я призвал тебя к себе на службу?

Разве это не я сделал свое имя твоим делом?

Твой зов: "О, Аллах!" был моим ответом:

"Слушаю тебя".

Джалаладдин Руми

Я молюсь, чтобы Бог Всемогущий причислил нас к кругу избранных им, к тем, кого он направляет по безопасному пути; к тем, в кого он вселяет страстную веру, чтобы они не забыли Его; кого Он очищает от всякой скверны, чтобы в них не осталось ничего, кроме Него; да, к тем, кого Он заполняет настолько, что они не могут поклоняться ничему, кроме Него.

ал-Газали

Что касается ходатайства, то по этому вопросу, как и по многим другим, наиболее ясно, просто и точно высказался

Вильям Ло.

Если ты станешь просить Бога за своих ближних и знакомых, то тебе будет несложно примириться с ними. Тебе будет легко вынести и простить тех, для кого ты молил у Бога жалость и прощение.

Вильям Ло

Ходатайство — это лучший судья во всех спорах, лучший покровитель истинной дружбы, лучшее лекарство и предохранитель от всех вспышек злобы, гнева и нездоровых страстей.

Вильям Ло

Ты никак не можешь быть несдержанным и недобрым по отношению к человеку, о благополучии которого ты заботаешься настолько, что просишь о нем у Бога в частной беседе. Ибо ты никак не можешь относиться с презрением и пренебрежением к тому, для кого ты просишь у Бога любви и покровительства.

Вильям Ло

Как видим, с помощью ходатайства можно и полюбить ближнего своего, и выразить эту любовь. А с помощью поклонения можно и полюбить Бога, и выразить эту любовь — любовь, которая реализуется в обретении знания, единящего индивидуума с Божеством, знания, которое является плодом созерцания. Именно об этих высших формах общения с Богом думают авторы нижеследующих отрывков каждый раз, когда они используют слово "молитва".

Цель и задача молитвы заключаются в том, чтобы признавать, почитать и обожать верховное величие Бога, то есть то, чем Он является сам по себе, а не то, чем Он является по отношению к нам, и любить Его доброту ради нее самой, а не ради того, что она дает нам.

Бургонь

Во время молитвы, он (Шарль де Кондрен) не замыкался в рамках своего знания и своего мышления. Он обожал Бога и его тайны такими, какими они являются, а не такими, как он их понимал.

Амелот

"То, чем Бог является сам по себе", "Бог и его тайны такие, какими они являются" — эти фразы звучат несколько по-кан-товски. Но если Кант был прав, когда говорил о непознаваемости Вещи самой по себе, то получается, что Бургонь, де Кондрен и другие знатоки духовной жизни предавались несбыточным мечтам. Однако, мысль Канта верна только по отношению к непросветленному и неосвобожденному разуму. Такому разуму любая Реальность — материальная, психическая или духовная — представляется в той форме, в какую ее преломила и окрасила индивидуальная природа этого разума. Но для того, кто чист сердцем и смирен духом, не существует искаженной Реальности, поскольку, в данном случае, нет отдельного "я", заслоняющего или преломляющего Реальность, нет раскрашенных слайдов интеллектуальных верований и освященных плодов воображения, придающих личностную и историческую окраску "белому свету Вечности". Ибо, как говорит Олье, для такого разума "даже святые, дева Мария и Иисус Христос в его человеческом облике являются помехой, не дающей разглядеть Бога в его чистом виде". Вещь сама по себе познаваема — но только тем, кто сам является не-вещью.

Под молитвой я понимаю не прошение или просьбу, которые, в соответствии с доктринами различных школ, являются прежде всего плодами понимания, обозначая то, что индивидуум хочет получить от Бога. Нет, молитва предназначена для того, чтобы предложить и дать Богу то, что Он может справедливо потребовать от нас.

Что ж, молитве можно дать следующее общее определение: вознесение разума к Богу; можно дать и еще более широкое и выразительное: молитва есть движение мыслящей души по направлению к Богу, выражающее или по крайней мере подразумевающее всю зависимость от Него. как от автора и источника всего добра, выражающее волю и готовность воздать Ему должное, то есть не меньше, чем всю любовь, все послушание, обожание и поклонение, смиряя и уничтожая "я" и все создания в Его присутствии; наконец, молитву можно определить, как желание и намерение вознестись до духовного единения с Ним.

Отсюда следует, что молитва является самым совершенным и самым божественным действием, на которое только способна мыслящая душа. Она является необходимым действием и неотъемлемой обязанностью.

Августин Беикер

Эй же ныне и Ты, Господи Боже мой, научи сердце мое, где и как да ищет Тебя, где и как найдет Тебя. Господи, если Ты не здесь, где найду Тебя, отсутствующего? Если же Ты всюду, почему я не вижу тебя присутствующего? Но истинно обитаешь Ты в "свете неприступном". А где свет неприступный? Или как подступиться мне к свету неприступному? Или кто проведет и введет меня в него, чтобы я увидел Тебя в нем? И потом, в каких знаках, в каком обличий мне искать Тебя? Я никогда не видел Тебя, Господи Боже мой, не знаю лица твоего. Что делать. Господи всевышний, что делать этому дальнему Твоему изгнаннику? Что делать рабу Твоему, томящемуся от любви к тебе и далеко заброшенному от лица твоего? Пыхтит от усердия видеть Тебя, и вот отсутствует лицо Твое. Приступить к Тебе желает, и неприступна обитель Твоя. Найти Тебя страждет и не ведает места Твоего. Господи, Ты Бог и Ты Господь мой — а я ни разу не видел Тебя. Ты создал меня и воссоздал, и все добро, какое есть у меня, Ты вручил мне — а я так и не знаю Тебя. В конце концов, я и создан был для того, чтобы видеть тебя, — и все никак не исполню то, зачем был создан.

Святой Ансельм

О, Господи, не доверяй мне; не сомневайся, я не справлюсь, если ты не поддержишь меня.

Святой Филипп Нери

Ожидать благочестия без великого смирения и отречения от всех мирских нравов — значит ожидать невозможного. Тот, кто стремится к благочестию, должен прежде всего быть смиренным, полностью осознать свои недостатки, желания и тщету мира. Тогда его душа будет преисполнена жадой Бога.

Горделивый, тщеславный или приземленный человек может молиться, но он не может быть благочестивым, ибо счастье благочестивого человека — только в смиренном служении Богу.

Вильям Ло

Для того, чтобы дух мог заработать, следует устранить все чувственные образы, как положительные, так и отрицательные. Индивидуум, только вступающий на духовный путь, начинает его с использования положительных чувственных образов, потому что новичку совершенно не под силу вести духовную работу... Души, не склонные погружаться в самих себя, всегда используют чувственные образы и находят это занятие очень выгодным для себя и для других, а также очень приятным для Бога. Таков путь тех, кто ведет активную жизнь. Но другие, склонные погружаться в себя, не остаются навсегда в царстве чувств, а с течением времени заменяют его работой духа, не зависящей от чувств и воображения, и состоящей только из вознесения воли разумной души к Богу... Душа возносит свою волю к Богу, понимаемому, как дух, а не как воображаемый объект; таким образом, человеческий дух стремится к единению с Божественным Духом.

Августин Бейкер

Ты говоришь, что во время молитвы ничего не делаешь. Но что ты еще хочешь делать во время молитвы, кроме того, что уже делаешь — то есть представляешь свое ничтожество Богу? Когда нищие открывают свои язвы нашему взору, то это самый лучший призыв, с которым они могут к нам обратиться. Но судя по тому, что ты мне рассказываешь, ты, бывает, не делаешь ничего подобного, а просто лежишь, словно тень или статуя. Статуями украшают дворцы, чтобы радовать взор принцев. Будь доволен тем, что ты играешь такую роль в присутствии Бога: когда Он пожелает. Он вдохнет жизнь в статую.

Святой Франциск Сальский

Я подумала, что молясь, я не делаю свой разум достаточно простым, что я все время хочу привнести в молитву что-то свое, то есть поступаю очень плохо... Хотелось бы мне раз и навсегда отсечь свой разум от всего этого и напрягая все свои силы удержать его в этом единственном положении и простом единстве. Я позволила себе испугаться, что моя молитва может оказаться бесполезной и, пожелав свершить что-либо сама, я все испортила.

Святая Жанна Шанталь

До тех пор, пока ты будешь стремиться достичь состояния Будды с помощью специальных тренировок, оно останется недостижимым для тебя.

Юнь-цзя Та-ши

— Каким образом человек приходит к гармонии с Дао?

— Я уже утратил эту гармонию.

Ши Чоу

Как мне постичь это? Не постигай. То, что остается за пределами постигаемого, и есть "Я".

Панчадаш

Я повелеваю тебе просто пребывать в Боге или рядом с Ним, не пытаясь ничего сделать и ни о чем не спрашивая до тех пор, пока Он не подаст знак.

Святой Франциск Сальский

Поклонение — это форма деятельности любящей, но все еще обособленной индивидуальности. Созерцание — это состояние единения с божественной Основой всего бытия. Высшая форма

молитвы наиболее пассивна. Это неизбежно: ибо чем меньше "я", тем больше Бога. Вот почему путь к пассивному или глубокому созерцанию так труден, а для многих и очень болезнен — это путь через череду Темных Ночей или одну длинную Темную Ночь, путешествие, в ходе которого пилигрим должен умереть для чувственной жизни, как для самоцели, для частных и даже освященных традицией верований и мышления, и наконец, для глубокого источника всего невежества и зла — отдельной, индивидуализированной воли.

Глава 17 СТРАДАНИЕ

Божество — бесстрастно; ибо там где есть совершенство и единство не может быть никакого страдания. Способность к страданию возникает из несовершенства, разобщенности и обособленности

от всеобъемлющей совокупности; и способность эта реализуется в такой степени, в какой несовершенство, разобщенность и обособленность сопровождаются стремлением обострить эти качества сотворенного мира. Если индивидум достигает единства внутри своего собственного организма и достигает единства с божественной Основой, то для него это означает конец страданий. Цель творения состоит в том, чтобы вывести разумные существа из состояния обособленности и безумной жажды обособленности, являющегося источником страданий, и посредством единыящего знания вернуть их в совокупность вечной Реальности.

Элементы, из которых состоит человек, порождают способность к страданию. Причиной страдания является жажда индивидуальной жизни. Уход от этого желания есть уход от страдания. Уйти от него можно путем, состоящим из Восьми Этапов.

Четыре благородные истины буддизма

Стремление к обособленности, жажда независимого и индивидуализированного существования может проявляться на всех уровнях жизни, от клеточного и физиологического до инстинктивного и полностью осознанного. Оно может проявиться как стремление всего организма к обострению своей обособленности от окружающей среды и божественной Основы. Или же оно может проявиться как стремление части организма вести свою собственную самостоятельную жизнь, что в результате приводит к гибели организма. В первом случае речь идет об импульсе, страсти, желании, своеволии, грехе; во втором — о болезни, повреждении, функциональных или органических неполадках. В обоих случаях жажда обособленности приводит к страданиям, и не только самого жаждущего, но и его разумного окружения — других организмов во внешнем мире или других органов этого же организма. С одной стороны, страдание является исключительно частным делом страждущего; с другой — оно смертельно заразно. Ни одно живое существо не в состоянии ощутить страдания другого существа. Но жажда обособленности, которая рано или поздно, прямо или косвенно заставляет жаждущего переживать определенную форму исключительно индивидуального страдания, также рано или поздно, прямо или косвенно заставляет и других индивидумов проходить через исключительно индивидуальные формы страдания. Страдание и нравственное зло происходят из одного и того же источника — жажды обособленности, которая является основным признаком всего сотворенного мира.

Будет уместно проиллюстрировать это общее правило несколькими примерами. Для начала давайте подумаем о тех страданиях, которые живые организмы причиняют себе и окружающим просто в процессе сохранения своей жизни. Причиной такого страдания является жажда индивидуального существования, специфически выражающаяся в форме голода. Чувство голода вполне естественно — это часть дхармы любого существа. Страдания, которые оно причиняет, как голодающим, так и удовлетворяющим свой голод, неотделимы от бытия разумных созданий. Единственной целью и задачей существования разумных созданий является высшее добро каждого из них. Но пока что страдания созданий остаются фактом и обязательным атрибутом сотворенного мира. "Падение" происходит тогда, когда создания пытаются обострить свою обособленность настолько, что она выходит за рамки, установленные законом их бытия. Похоже на то, что в ходе эволюции на биологическом уровне Падение происходило довольно часто. Все виды, за исключением человека, выбрали быстрый и ограниченный успех, встав на путь специализации. Но специализация всегда приводит в тупик. Только тот организм, который рискует отказаться от специализации, сможет достичь высокого уровня умственного развития, являющегося компенсацией за неприспособленность тела и инстинктов к какому-то одному типу жизни в каких-то конкретных условиях. Высокий уровень умственного развития предоставляет возможности, с одной стороны, для беспрецедентных мирских успехов, а с другой — для дальнейшего продвижения к духовности и возврата, посредством единыящего знания, к божественной Основе.

Благодаря тому, что род человеческий удержался от Падения на биологическом уровне, человеческие индивидуумы сейчас имеют важнейшую возможность выбирать между бескорыстием, единением с Богом и обострением обособленности своего "я" до такой степени, которая совершенно недоступна примитивным животным. Способность человеческих индивидуумов творить добро — безгранична, поскольку при желании они могут найти внутри себя место для божественной Реальности. Но и способность их творить зло хотя и не безгранична (поскольку зло всегда саморазрушительно и поэтому временно), но уникально велика. Ад — это полная обособленность от Бога, а дьявол — это стремление к такой обособленности. Будучи разумными и свободными, человеческие существа способны на дьявольские поступки. На это не способно ни одно животное, ибо ни одно животное не является достаточно умным, достаточно целеустремленным, достаточно волевым или достаточно идейным, чтобы превратиться в дьявола. (Следует отметить, что для того, чтобы стать дьяволом крупного пошиба, индивидум должен подобно мильтоновскому Сатане в значительной степени обладать всеми достоинствами, за исключением любви к ближнему и мудрости.)

Способность человека более жестоко, чем любое животное, стремиться к обострению своей обособленности приводит не только к нравственному злу и страданиям, которые это зло, так или иначе, причиняет как жертвам зла, так и его носителям, но и к определенным чисто человеческим болезням тела. Животные страдают в основном от заразных болезней, которые принимают форму эпидемии каждый раз, когда стремление к воспроизводству в сочетании с исключительно благоприятными условиями приводит к перенаселенности. Кроме того, животные страдают от болезней, распространяемых паразитами. (Последние просто являются примером страданий, неизбежно возникающих там, где многие виды сосуществуют друг с другом и могут выжить только за счет друг друга.) Цивилизованный человек достиг больших успехов в защите от этих напастей, но зато он навлек на свою голову кучу дегенеративных болезней, вряд ли известных примитивным животным. Большинство из этих болезней проистекают из-того, что цивилизованные человеческие существа на любом уровне своего бытия не живут в гармонии с Дао, или божественной Природой Вещей. Они обожают баловать свое "я" обжорством и потому едят много и не то, что следовало бы; они развивают в себе хроническое беспокойство по поводу денег, а также, по причине стремления к возбуждению, хроническую перестимуляцию; в течение рабочего дня они страдают от хронической скуки и расстройства, вызванного той работой, которую они вынуждены выполнять для удовлетворения своих искусственно стимулируемых потребностей в плодах полностью механизированного массового производства. К числу последствий неверного использования психофизического организма относятся дегенеративные изменения в отдельных его органах, таких как сердце, почки, поджелудочная железа, кишечник и артерии. Провозглашая независимость своего "я" от организма в целом, дегенерирующие органы причиняют страдания самим себе и своей физиологической окружающей среде. Точно так же человеческий индивидуум провозглашает обособленность своего "я" от своих ближних, от Природы и от Бога, что приводит к катастрофическим последствиям для него самого, его семьи, друзей и общества в целом. И наоборот, смятенное общество, профессиональная группа или семья, исповедующая ложную философию, воспитывают своих членов в духе провозглашения обособленности индивидуального "я", точно так же как неправильно живущий и неверно мыслящий индивидуум подталкивает отдельные органы своего собственного тела к провозглашению, путем ослабленного или чрезмерно активного функционирования, независимости своего "я" от организма в целом.

Страдания могут оказывать на нравственное и духовное состояние индивидуума положительное, нейтральное или отрицательное воздействие, в зависимости от того, как страдания переносятся и какую они вызывают реакцию. Иными словами, они могут вызвать у страдальца осознанное или бессознательное стремление к обострению своей обособленности; или они могут вообще не сказаться на проявлении такого стремления; или, наконец, они могут ослабить это стремление и, таким образом, стать средством продвижения к самоотречению, к познанию Бога и к любви к Нему. То, какая из этих трех альтернатив будет реализована, по большому счету зависит от выбора самого страдальца. Это положение верно даже для субчеловеческого уровня. Похоже на то, что по крайней мере животные высокого уровня развития спокойно встречают боль, болезнь и смерть, хладнокровно принимая все, что уготовила им божественная Природа Вещей. Но в других случаях наблюдается панический страх и отчаянное сопротивление судьбе. Стало быть, воплощенное животное "я" перед лицом страданий имеет возможность, по крайней мере до определенной степени, выбора между самоотречением и самоутверждением. Наличие возможности выбора у воплощенных человеческих существ сомнению не подлежит. Если перед лицом страданий выбор делается в пользу самоотречения, то тогда возникает возможность получения милости — милости на духовном уровне, в форме доступа к познанию Бога и любви к Нему, и милости на умственном и физиологическом уровнях, в форме ослабления страха, чрезмерной озабоченности собой и даже боли.

Когда мы полюбим страдание, мы утратим чувствительность органов чувств, и умерев таким образом, мы будем жить в этом саду.

Святая Екатерина Сиенская

Мы должны питать большую любовь к страданию, ибо Бог ничего иного и не делал, пока был на земле.

Экхарт

В этой жизни нет чистилища, а есть только рай и ад; тот кто терпеливо выносит все страдания, находится в раю, тот, у кого это не получается — в аду.

Святой Филипп Нерн

Многие страдания являются непосредственным следствием нравственного зла и не могут оказать на страдальца никакого положительного воздействия до тех пор, пока не будут ликвидированы причины

его мучений.

Каждый грех порождает особое духовное страдание. Страдания такого типа подобны адским мукам, ибо чем больше ты страдаешь, тем хуже ты становишься. Это и происходит с грешниками; чем больше они страдают из-за своих грехов, тем большими грешниками они становятся; чтобы облегчить свои страдания, они вынуждены все глубже и глубже погружаться в свои грехи.

"Следуя за Христом "

Идее искупительного страдания слишком часто придавался примитивный юридический и торгашеский смысл. Индивидуум А совершил проступок, за который по закону полагается определенное наказание; индивидуум Б добровольно подвергается этому наказанию; суд и законодатели удовлетворены; следовательно, индивидуум А может быть свободен. Или же речь заводится о долге и его погашении. Индивидуум А должен индивидууму В некую сумму, которую он не может вернуть; появляется индивидуум Б с наличностью и не дает индивидууму В реализовать закладную. В применении к фактам человеческих страданий и отношений человека с божественной Основой, эти концепции не являются ни просветляющими, ни поучительными. Ортодоксальная доктрина Искупления приписывает Богу качества, позорные даже для земного властелина, а ее модель вселенной представляет собой не объясненный философами продукт духовного озарения, а скорее, проекцию фантазии юриста. Но, несмотря на эту достойный сожаления примитивизм формулировок, идея искупительного страдания и связанная с ней идея передачи добродетелей основаны на подлинных ощущениях. Бескорыстная и преисполненная Богом личность может выступить и действительно выступает в роли "проводника", по которому благодать может снизойти на несчастного индивидуума, оскорбившего божественность постоянным стремлением к обострению своей обособленности и отчуждению своего "я". Именно поэтому святые обладают способностью, тем более великой, что она не сопряжена ни с каким принуждением, вести за собой своих собратьев. Они "передают добродетель" тем, кто в ней нуждается; но не доблесть святого, состоящая в том, что он способен пропускать через себя божественную Реальность подобно тому, как чистая труба пропускает воду, обращает жертв своеволия в истинную веру и направляет их на путь освобождения; это заслуга божественного заряда, который несет в себе святой, вечной Реальности, "проводником" которой он является. То же самое можно сказать и о искупительном страдании — искупительными являются не ощущаемые святым реальные страдания, ибо сама мысль о том, что Бог может сердиться на грешников и что его гнев можно успокоить только определенной суммой страданий является богохульной по отношению к божественной Природе. Нет, искупление — это подарок, сотворенный за пределами временного порядка и врученный тем, кто заключен в своем "я", теми, кто бескорыстен и преисполнен Бога, теми, кто готов принять муку, чтобы помочь своим братьям. Клятва Бодхисаттвы — это обещание отказаться от плодов просветления и рождаться снова и снова со всеми вытекающими отсюда последствиями, болью и смертью, до тех пор, пока благодаря его трудам и благодати, "проводником" которой он является в силу своего бескорыстия, все разумные существа не добьются полного и окончательного освобождения.

Между Востоком и Западом я увидел массу материи скучного серого цвета; мне сказали, что этой массой были человеческие существа во всем своем ничтожестве; мне также сказали, что я один из них и не могу считать себя отличным от них или особенным существом.

Джон Вулмен

Почему праведные и невинные должны подвергаться незаслуженным страданиям? Для тех, кто воспринимает человеческие существа так же, как Юм воспринимал события и вещи, то есть как "отделенные и не связанные друг с другом", на этот вопрос не существует приемлемого ответа. Но ведь человеческие существа не являются отделенными друг от друга и не связанными друг с другом, и единственная причина, по которой мы утверждаем обратное — это наши собственные неправильно понятые нами интересы. Мы хотим "делать то, что нам, черт возьми, нравится", хотим "хорошо проводить время" и не хотим нести никакой ответственности. Соответственно мы находим очень удобными неточности языка и убеждение (не всегда конечно, а только тогда, когда это нас устраивает), что вещи, люди и события также обособлены друг от друга, как и слова, посредством которых мы думаем о них. Истина, конечно же, заключается в том, что все мы органически связаны с Богом, Природой и нашими братьями. Если бы каждое человеческое существо поддерживало постоянные, осознанные и правильные отношения с божественной, природной и социальной окружающей средой, то в мире было бы только то количество страданий, которое неизбежно возникает в результате Творения. Но в действительности большинство людей хронически пребывает в неправильных отношениях с Богом, Природой и, по крайней мере, с некоторыми из своих братьев. В результате этого на социальном уровне проявляются в виде войн, беспорядков, революций и эксплуатации; на

природном — в виде разбазаривания и истощения незаменимых природных ресурсов; на биологическом — в виде дегенеративных заболеваний и ухудшения генофонда расы; на нравственном — в виде предельной самоуверенности; и на духовном — в виде забвения божественной Реальности и полного непонимания причины и смысла человеческого существования. В подобных условиях было бы очень странно, если бы не страдали невинные и праведные — подобно тому, как было бы странно, если бы невинные почки и праведное сердце не страдали бы за грехи обожаемого спиртным неба и перегруженного желудка, грехи, нужно заметить, навязанные этим органам волей их хозяина — прожорливого индивидуума, который является частью общества, которое другие индивидуумы, его предки и современники, превратили в огромное и живучее воплощение беспорядка, причиняющего своим членам страдания и заражающего их своими невежеством и греховностью. Праведный человек может избежать страданий только приняв их и превзойдя их; а это возможно только при переходе от праведности к полному бескорыстию и сосредоточенности на Боге, прекратив быть просто фарисеем, просто хорошим гражданином, и став "совершенным, как твой Отец, совершенный на небесах". Разумеется, на пути к такой трансформации имеются труднопреодолимые препятствия. Но разве кто-нибудь из тех, "кто знает, о чем говорит", когда-либо говорил о том, что дорога к полному освобождению легка, "пряма и узка"?

Глава 18 ВЕРА

У слова "вера" есть множество значений и в них очень важно разобраться. В одном контексте оно применяется в качестве синонима слова "доверие", например, когда мы говорим, что верим в диагностические способности доктора *X* или в честность адвоката *Y*. Аналогичной является и наша "вера" в авторитеты — убеждение, что высказывания определенных людей на определенные темы, в силу их особой квалификации, являются, повидимому, истиной. В другом контексте словом "вера" обозначается наша уверенность в истинности определенных предположений, удостовериться в которой у нас не было возможности, но мы знаем, что мы смогли бы это сделать, будь у нас на то желание, возможность и необходимые средства. Например, даже если мы никогда не были в Австралии, мы "верим", что там живет такое существо, как утконос; мы "верим" в атомную теорию, хотя мы никогда не проводили эксперименты, на которых эта теория основывается, и мы не способны понять математические расчеты, подтверждающие результаты этих экспериментов. И, наконец, есть "вера" в идеи, истинность которых мы никак не можем проверить, даже если захотим, и нам известно об этом; например, вера в бессмертие или непорочное зачатие. Этот тип "веры" схоластики определяли как акт разума, принужденного к согласию волей.

"Вера", в первых трех значениях этого слова, играет очень важную роль не только в повседневной жизни, но и в чистой и прикладной науках. *Credo ut intelligam**, а мы добавим от себя — *ut agam*** и *ut vivam****.

* Верю, чтобы познать (лат.). — *Прим.ред.*

** Чтобы действовать (лат.). — *Прим.ред.*

*** Чтобы жить (лат.). — *Прим.ред.*

Вера является предпосылкой любого систематизированного знания, любого целенаправленного действия и любой достойной жизни. Общество не разваливается не потому, что большинство боится принуждающей силы меньшинства, а потому, что большинство людей верит в порядочность своих собратьев. Подобная вера имеет тенденцию сама создавать свой объект, а широко распространенное недоверие, возникающее, например, в результате войны или внутренних беспорядков, также создает объект недоверия. Перейдя из нравственной сферы в интеллектуальную, мы обнаружим, что вера лежит в основе всего организованного мышления. Наука и технология не смогли бы существовать, если бы мы не верили в надежность вселенной — если бы, по словам Клерка Максвелла, мы безоговорочно не верили в то, что книга Природы — это действительно книга, а не журнал, цельное произведение искусства, а не "рагу", мешанина не соединившихся в одно целое элементов. К этой общей вере в разумность и надежность мира ищущий истины должен добавить два особых вида веры — веру в авторитет квалифицированных экспертов, которая позволяет ему соглашаться с их точкой зрения, истинность которой сам он не проверял; и веру в свои собственные рабочие гипотезы, подталкивающую его к проверке своих профессиональных убеждений посредством соответствующих действий. Такие действия могут подтвердить убеждения, послужившие толчком для них. Или наоборот, они могут доказать, что изначальная рабочая гипотеза является необоснованной и потому должна быть трансформирована таким образом, чтобы она могла соответствовать фактам и, следовательно, перейти из области веры в область знания.

Вера четвертого типа — это то, что обычно называют "религиозной верой". Такое определение вполне оправданно не потому, что другие типы веры не имеют в религии такого же фундаментального значения, как в мирских делах, а потому, что волевое согласие с идеями, истинность которых

изначально не поддается проверке, существует в религии и только в религии, и является характерным дополнением к "вере" как "доверию", вере в авторитеты и вере в непроверенные, но поддающиеся проверке положения. По мнению христианских теологов, именно этот тип веры оправдывает и спасает. В своей крайней и наиболее бескомпромиссной форме эта доктрина может быть очень опасной. Вот, например, отрывок из одного из писем Лютера. *Esto peccator; et pecca fortiter; sed fortius crede et gaude in Christo, qui victor est peccati, mortis et mundi. Peccandum est quam diu sic sumus; vita haec non est habitatio iustitiae.* (Будь грешником и греси много; но еще больше верь в Христа и наслаждайся Христом, который побеждает грех, смерть и мирскую суету. До тех пор, пока мы живем в этом мире, мы должны грешить; земная жизнь — не убежище для праведности.) Вера в оправдание верой опасна не только тем, что может послужить оправданием греха и даже приглашением к нему, но также и тем, что положения этой веры не только не поддаются проверке, но и противоречат разуму, нравственности и открытиям тех, кто выполнил все условия духовного проникновения в Природу Вещей. В своем труде *De Sen'o Arbitrio* Лютер пишет: "Кульминацией веры является убежденность в милосердии Бога, который спасает столь немногих и наказывает столь многих; убежденность в справедливости Того, кто ради забавы обрек нас на неизбежное проклятие, о ком складывается такое впечатление, что Он находит удовольствие в муках грешников и потому заслуживает не любви, а ненависти.

Если бы я усилием своего разума мог понять, каким образом Бог, проявляющий столько гнева и жестокости, может быть милосердным и справедливым, тогда вера была бы не нужна". Откровение (которое, если оно истинное, является просто воспоминанием о непосредственном ощущении тех людей, которые настолько чисты сердцем и смиренны духом, что способны лицезреть Бога) ничего не говорит об этих ужасных доктринах, к согласию с которыми воля принуждает совершенно естественно и справедливо упирающийся интеллект. Подобные представления являются продуктом не озарения святых, а деловитой фантазии юристов, которые были настолько далеки от преодоления эгоизма и предрассудков своего образования, что имели глупость и наглость объяснить вселенную категориями иудейского и римского права, с которыми им довелось ознакомиться. "Горе вам, книжники и фарисеи!" — грозно сказал Христос. Сказал пророчески и навсегда.

Вечная Философия является духовной сердцевиной всех высших религий; и для того, чтобы принять Вечную Философию и жить в соответствии с ней не требуется вера, о которой пишет Лютер в вышеприведенных отрывках. Разумеется, должна присутствовать "вера" как доверие — ибо доверие к своим собратьям есть начало любви к ближнему, а вера в не только материальную, но и нравственную и духовную надежность вселенной есть начало любви к Богу. Также должна присутствовать и вера в авторитеты — тех, чье бескорыстие дало им право познать духовную Основу всего бытия, как непосредственно, так и из других уст. И наконец, должна присутствовать вера в такие положения о Реальности, которые сформулированы философами в свете подлинного откровения — положения, которые верующий, если он выполнит необходимые условия, сможет проверить сам, и ему об этом известно. Но до тех пор, пока Вечная Философия будет восприниматься во всей своей простоте, не будет никакой необходимости в вынужденном согласии с положениями, истинность которых изначально не поддается проверке. Здесь нужно добавить, что подобные не поддающиеся проверке положения могут превратиться в поддающиеся, поскольку подлинная вера воздействует на психический субстрат и таким образом создает нечто, производная объективность которого действительно может быть обнаружена "там, за гранью". Однако, давайте не будем забывать, что это самое "нечто", объективность которого порождена умственной деятельностью тех, кто яростно верит в существование этого "нечто", никак не может быть духовной Основой мира, и что разум, активно занимающийся той добровольной интеллектуальной деятельностью, которая называется "религиозной верой", никак не может пребывать в состоянии бескорыстия и напряженной пассивности, которое является обязательным условием обретения знания, единящего индивидуума с Основой. Вот почему буддисты утверждают, что "любящая вера ведет в рай; но послушание Дхарме ведет в Нирвану". Разумеется, вера в существование и силу любого сверхъестественного существа помимо абсолютной духовной Реальности и любая форма поклонения, не требующая полного самоотречения, приведут, при условии изначальной положительности предмета поклонения, к улучшению характера и, возможно, к посмертному существованию улучшенной личности в неких "райских" условиях. Но эта личностная жизнь после смерти все равно относится к временному порядку и не является вечной жизнью во вневременном единении с Духом. Вечная жизнь "находится в знании" Божества, а не в вере во что-либо меньшее, чем Божество.

Бессмертие, обретенное путем достижения любого объективного состояния (то есть состояния единения с предметом поклонения, достигнутого путем праведных трудов, вдохновленных любовью и верой в нечто меньшее, чем высшее Божество) обязательно когда-нибудь закончится; ибо в Священных Книгах ясно сказано: карма никогда не сможет быть причиной освобождения.

Шанкара

Карма — это причинная последовательность во времени, из которой мы можем уйти только посредством "умервщления" временного "я" и соединения с вечным, которое находится вне всякого времени и вне всяких причин. Ибо "говоря о Первопричине, или *Causa Sui* (мы цитируем слова выдающегося теолога и философа, доктора Ф.Р.Теннанта) мы должны, с одной стороны, помнить, что пытаясь установить ее с помощью причинной категории, мы опровергаем самих себя, ибо универсализированная причинность содержит в себе противоречие; и с другой стороны, мы должны помнить, что абсолютная Основа просто "есть". Говорить о полном и вечном освобождении можно только тогда, когда индивидуум также просто есть, по причине его единения посредством любви-знания с Основой.

Глава 19 БОГА НЕ ОБМАНЕШЬ

Почему ты говоришь: "Я столько нагрешил,
А Бог, по милости своей, не наказал меня за мои грехи?"
Сколько раз я поражаю тебя, а ты и не знаешь об этом!
Ты закован мною в цепи с головы до пят.
Сердце твое покрыто многими слоями ржавчины.
И потому божественные тайны недоступны тебе.
Когда человек упрям и следует путем зла,
Он бросает песок в глаза своей проницательности.
Его зеркало покрыто пятью слоями пыли,
Ржавчина начинает есть его железо,
Его драгоценный камень все тускнеет и тускнеет.
Джалаладдин Руми

Если свобода действительно существует (а даже детерминисты постоянно действуют так, словно они в этом уверены) и если (в чем всегда были уверены те, кто имеет основания обсуждать на эту тему) существует духовная Реальность, познание которой является главной целью сознания; тогда вся жизнь представляет собой тест умственных способностей и чем выше уровень сознания и чем больше потенциал существа, тем более сложные вопросы будут перед ним вставать. Ибо, как сказал Бейджот, мы не смогли бы быть тем, кем должны были стать, если бы мы жили в предсказуемой вселенной... Скрытно действующее Провидение, смятенная жизнь, странный материальный мир, существование, неожиданно прерывающееся посередине бытие — все это не трудности, а самые настоящие благоприятные факторы; ибо они, или что-то подробное им, являются необходимыми условиями нравственной жизни зависимого существа". Благодаря свободе мы можем давать правильные или неправильные ответы на вопросы, задаваемые нам жизнью. Если мы даем неверный ответ, то попадаем в глупое положение. Когда наша неспособность правильно ответить делает невозможной реализацию высшего потенциала нашего бытия, то мы, чаще всего, не сразу замечаем, что попали в глупое положение. И наоборот, иногда глупое положение проявляется на физическом уровне и в него попадают не только индивидуумы, но и целые сообщества, исчезающие в результате катастрофы или медленно вымирающие. Правильный ответ вознаграждается, прежде всего, духовным развитием и все большей реализацией скрытых потенциальных способностей, а также (если позволяют обстоятельства) доступом в царство Божие. Карма действительно существует; но она всем воздает по заслугам не настолько явно и материально, как это наивно представляли себе ранние буддистские и иудейские авторы. Плохой человек может жить в роскоши и не подозревать, что изнутри его точит некая "ржавчина", а страдания хорошего человека могут обернуться духовным развитием. Нет, Бога не обманешь; но не будем забывать и о том, что Бога и не поймешь.

Pero nella gelistua sempiterna la vista che riceve vostro mondo, corn 'occhio per lo mar, dentro s 'intema, che, benche dalla proda veggia il fondo, in pelago nol vede, e non di meno eli, ma ceta lul l'esser profondo.

("Ибо в силу вечной справедливости твое земное зрение не может объять всей картины, подобно тому, как оно не может объять океана; стоя у самого берега, ты можешь видеть дно океана, но выйдя в открытое море, ты уже не увидишь его; тем не менее, дно существует, просто оно скрыто под толщей воды".) Любовь — это и астролябия божественных тайн, и грузило, с помощью которого можно в них нырнуть; чистый сердцем может проникнуть в глубины божественной справедливости, и хотя ему не дано понять космический процесс во всех его деталях, по, по крайней мере, он получит представление о его принципе и природе. Эти озарения позволяют ему утверждать, вместе с Юлиа-ной Норвичской, что все будет хорошо, что, вопреки времени, все уже хорошо, и что решение проблемы зла находится в вечности, которую люди, если только они захотят, могут почувствовать, но не могут описать.

Но ты утверждаешь, что если люди грешат в силу самой своей природы, это является для них оправданием; однако, ты не говоришь, какой вывод делаешь из этого факта. Значит ли это, что Бога можно уговорить не сердиться на них? Или это значит, что они заслужили то блаженство, которое заключается в знании Бога и любви к Нему? Если ты имеешь ввиду первое, то я соглашусь, что Бог не сердится и что все происходит по его велению. Но я не согласен с тем, что по этой причине все люди должны быть счастливы. Да, многие люди могут найти оправдание своим поступкам, но, тем не менее, они разминутся со счастьем и будут испытывать разнообразные муки. Поступки лошади можно оправдать тем, что она — лошадь, а не человек; тем не менее, она должна быть лошадию, а не человеком. Можно найти оправдание поступкам человека, взбесившегося после того, как его покусала собака; тем не менее, будет справедливо, если он умрет от удушения. Так и поведение того, кто не может справиться со своими эмоциями, кто не может удержаться в рамках закона, может быть оправдано слабостью его характера; но такому человеку неведома радость покорности духу, знанию Бога и любви к Нему; и такой человек неизбежно сбивается с пути.

Спиноза

Человеческие существа отличаются друг от друга и размерами по вертикали и горизонтали, и физическими данными, и темпераментом, и уровнем способностей, и врожденной добротой. Почему? По каким причинам и во имя чего? "Учитель, кто виноват в том, что этот человек родился слепым — он сам или его родители?" Иисус ответил: "Ни родители этого человека, ни он сам, не согрешили. Просто работа Божья должна была проявиться в нем". Человек науки, напротив, возложил бы ответственность на родителей, сказав, что всему виной либо плохие гены, либо болезнь, которой можно было бы избежать. Индуисты и буддисты, верящие в реинкарнацию согласно "карме" (судьбе, которую индивидуумы и группы индивидуумов в результате своих действий сами выбирают себе, друг другу и своему потомству), дали бы другой ответ, сказав, что поступки, совершенные человеком в его прошлых жизнях, предопределили тип его родителей, наградивших его слепотой. Все эти три ответа не противоречат друг другу. Родители несут ответственность за то, чем ребенок стал, исходя из наследственных факторов, и результатов воспитания. Природа воплощенных в ребенке души или характера такова, что, в силу его поведения в прошлых жизнях, он вынужден выбрать именно таких родителей. С материальной и рациональной причинами совпадает и третья, главная причина — телеологическая тяга. Эта телеологическая тяга исходит из божественной Основы вещей, воздействуя на ту часть вневременного "сейчас", которое бранный разум должен воспринимать, как "будущее". Люди грешат и их родители тоже грешат; но работа Божья должна проявляться в каждом разумном существе (либо экстраординарно, как, например, в случае со сверхъестественным исцелением, так и в ходе обычных событий), — она должна проявляться снова и снова, с бесконечным терпением вечности, до тех пор, пока создание, наконец, не будет готово к совершенному и окончательному проявлению единого знания, к тому состоянию, когда индивидуум сможет сказать "не я, но Бог во мне".

По мнению индуистов, "Карма не рассеивает невежество, поскольку относится к той же самой категории. Только знание рассеивает невежество, подобно тому, как свет рассеивает тьму".

Иными словами, причинный процесс происходит во времени и никак не может привести к уходу из времени. Такое освобождение может быть достигнуто только в результате вторжения вечности в царство времени; а вечность не может вмешаться до тех пор, пока индивидуум не совершит творческий акт самоотречения, создав, таким образом, вакуум, в который может проникнуть вечность. Предполагать, что причинный процесс во времени может сам по себе привести к освобождению от времени, все равно, что предполагать, будто вода сможет заполнить пространство, из которого предварительно не вышел воздух.

Правильное соотношение молитвы с поведением заключается не в том, что поведение имеет основное значение, а молитва может помочь ему, а в том, что основное значение имеет молитва, а поведение подтверждает или опровергает ее искренность.

Архиепископ Темпл

Целью и задачей человеческой жизни является обретение знания, единого индивидуума с Богом. К числу необходимых средств достижения этой цели относится правильное поведение, и по уровню и типу обретенной добродетели можно определить уровень освобождающего знания и оценить его качество. Иными словами: дерево познается по плодам; Бога не обманешь.

Религиозные убеждения и обряды конечно же не являются единственными факторами, определяющими поведение данного общества. Коллективное поведение нации является, по крайней мере до некоторой степени, испытанием на прочность основной религии этой нации, критерием, по которому мы имеем полное право судить об истинности доктрин этой религии и ее практической способности помочь индивидуумам в их движении к цели человеческого существования.

В прошлом христианские нации во имя своей веры преследовали инакомыслящих, вели религиозные войны и устраивали крестовые походы против "неверных" и еретиков; сегодня эти нации являются христианскими только номинально, а единственной исповедуемой ими религией является местная разновидность идолопоклонничества, типа национализма, поклонения государству, поклонения начальнику или революционным идеям. Если задуматься над этими плодами (а есть еще и другие) исторического христианства, то что мы можем сказать о природе самого дерева? Ответ на этот вопрос мы уже дали в главе "Время и Вечность". Если христиане когда-то были палачами, а теперь не являются христианами, то причина в следующем — Вечная Философия, которая была частью их религии, оказалась погребенной под слоем ложных убеждений, которые неизбежно (Бога не обманешь) привели к неверным действиям. У этих ложных убеждений есть одна общая черта, а именно переоценка того происходящего во времени, и недооценка постоянного, вневременного факта вечности. Таким образом, вера в то, что для спасения души решающее значение имеют отдаленные исторические события, привела к кровавым конфликтам из-за трактовки не очень точных и зачастую противоречащих друг другу исторических сведений. А вера в святость, нет, даже в божественность церковно-политико-финансовых организаций, развившаяся после падения Римской Империи, не только обострила свойственную человеку борьбу за контроль над ними, но и послужила объяснением и оправданием самых страшных эксцессов со стороны тех, кто боролся за место, богатство и власть в Церкви и с помощью Церкви. Но это еще не все. Это же преклонение перед бранными вещами и событиями, которое однажды заставило христиан преследовать инакомыслящих и вести религиозные войны, в конце концов привело к широкому распространению безразличия к религии, которая вопреки всему продолжала, отчасти, интересоваться вечностью. Но природа не терпит пустоты и в зияющую пустоту безразличия к религии хлынул поток политического идолопоклонничества. Как мы имели возможность убедиться, его практическими последствиями являются тотальная война, революция и тирания.

Между тем, на правой стороне балансового отчета мы имеем следующие показатели: невероятное развитие техники и политических структур, а также невероятное увеличение научных знаний. Все это результаты общего смещения интересов западной цивилизации от вечности к бренности, которое поначалу происходило в сфере христианской религии, а потом неизбежно распространилось и на окружающий мир.

Глава 20 *Tantrum religio potuit suadere malorum**

* Сколько эол могла внушить религия (лат.) — *Прим. ред.*

Знаешь ли ты, откуда в мире взялось столько людей фальшивых духом, обманувших себя и других фальшивым огнем и фальшивым светом, утверждающих, что в минуту просветления им открылось знание божественной Жизни, и притязающих на право творить чудеса по велению Божьему? Причина вот в чем: они обратились к Богу, но не отвернулись от себя; они стали жить Богом, не умертвив своей природы. Теперь религия находится в руках эгоистичных или продажных людей и служит только для того, чтобы вскрывать еще более худшие грехи, чем те, которые изначально присущи природе. Отсюда все эти бушующие страсти религиозных людей, которые обжигают сильнее, чем страсти, вызванные мирскими делами; гордыня, тщеславие, ненависть и жестокость, укрывшись мантией религиозного рвения, освящают деяния, которых природа, будь она предоставлена самой себе, устыдилась бы.

Вильям Ло

"Обратившиеся к Богу, но не отвернувшиеся от себя" — абсурдно простая формула; но при всей своей простоте, она объясняет все глупости и несправедливости, совершенные во имя религии. Тех, кто обратился к Богу, но не отвернулся от себя, зло искушает несколькими характерными и легко узнаваемыми способами. Прежде всего, у них возникает искушение применять магические ритуалы, посредством которых они надеются заставить Бога ответить на их просьбы, и которые, как правило, служат либо частным целям одного индивидуума, либо частным целям определенной группы. Все эти мрачные игры с жертвоприношениями, песнопениями и тем, что Иисус называл "тщетным повторением", порождены желанием относиться к Богу, как к средству постоянного самовозвеличивания, а не как к цели, путь к которой лежит через полное самоотречение. Затем у них возникает искушение использовать имя Божье для оправдания деяний, совершаемых ими в погоне за местом под солнцем, властью и богатством. И поскольку они уверены в божественной оправданности своих поступков, они с чистой совестью продолжают творить злодеяния, "которых природа, будь она предоставлена самой себе, устыдилась бы". История хранит сведения о невероятном количестве преступлений, совершенных амбициозными идеалистами, попавшими в сети собственного словоблудия, жажды власти и убежденных, что они действуют во имя высшего блага своих братьев. В прошлом оправданием для подобных злодеяний служил "Бог", или "церковь", или "истинная вера"; в

наше время идеалисты убивают, пытаются и эксплуатируют во имя "революции", "нового порядка", "сообщества простых людей" или просто "будущего". И наконец, есть искушение, которое возникает тогда, когда фальшивая религия начинает приобретать силу, являющуюся плодом ее магических обрядов. Ибо ошибки, жертвоприношения, песнопения и "тщетное повторение" не могут быть полностью бесплодными, особенно если они практикуются в сочетании с физическим аскетизмом. Люди, которые обращаются к Богу, но не отворачиваются от себя, конечно же, не дотягиваются до Бога; но если они будут достаточно энергично практиковать свою псевдорелигию, они добьются определенных результатов. Некоторые из этих результатов, несомненно, являются плодом самовнушения. (Пациенты Куэ излечивались именно с помощью "тщетного повторения".) Другие результаты объясняются присутствием в психической среде "чего-то постороннего", чего-то, что не всегда способствует праведности, но всегда способствует достижению власти. Это может быть кусочек "вторичной объективности", спроецированной в среду индивидуальным идолопоклонником, его собратьями и предшественниками; или это может быть "первичная" объективность, соответствующая на психическом уровне данным материальной вселенной; или это может быть комбинацией этих двух факторов; точно сказать невозможно. По этому поводу следует добавить только одно — люди, которые обращаются к Богу, но не отворачиваются от себя, зачастую приобретают умение добиваться ответов на свои просьбы и иногда развивают у себя значительные сверхъестественные качества, например, способности к психическому исцелению и экстрасенсорному восприятию. Но можно задаться и таким вопросом: а так ли уж положительно умение добиваться желаемого ответа на свою просьбу? И насколько полезно для духа обладание "чудесными" способностями? Эти вопросы мы обсуждали в главе "Молитва" и будем еще обсуждать в главе "Чудеса".

Жрец Сородич в парадной одежде и в шапке, войдя в хлев для жертвенных животных, спросил Кабана:

— Зачем ты страшишься смерти? Разве тебе не нравится, что три луны я стану тебя откармливать, десять дней буду поститься, три дня бодрствовать, а уж потом, подостлав белый пырей, возложу твои лопатки и крестец на резную жертвенную подставку?

Заботящийся о Кабане сказал:

— Лучше кормиться отрубями и мякиной, да оставаться в хлеву!

Заботящийся о самом себе сказал:

— Хорошо бы жить почитаемым, обладателем колесницы с высоким передком и парадной шапки, а умереть — пусть похоронят в гробу на раскрашенной погребальной колеснице.

Заботившийся о себе предпочел то, от чего отказался Заботившийся о-Кабане. Чем же он отличается от Кабана?

Чжуан-цзы

Любой, кто приносит в жертву что угодно или кого угодно, но только не себя или не свои личные интересы, находится на том же уровне развития, что и Кабан из притчи Чжуан-цзы. Кабан ищет собственную выгоду, поскольку предпочитает чести и бойне жизнь и отруби; те, кто хочет принести их в жертву, тоже ищут собственной выгоды, поскольку и предпочитают смерти своих страстей и своеволия магическую, умиротворяющую Бога смерть Кабана. Это положение верно не только для жертвоприношений, но и для песнопений, ритуалов и "тщетного повторения", когда они применяются (что происходит довольно часто даже в высших формах религии), как форма магии принуждения. Ритуалы и "тщетное повторение" являются законными религиозными средствами, если они помогают сосредоточиться, напоминают об истинах, забытых в повседневной суете. Но если они используются в магических целях, то их применение либо совершенно бессмысленно, либо (что хуже) приводит к усилению эго, что ни в коей мере не способствует достижению главной цели человека.

Пестрые одежды Исида олицетворяют космос; Осирис облачен в белые одежды, символизирующие Разумный Свет, источник которого находится за пределами космоса.

Плутарх

До тех пор, пока в разуме верующего символ прочно привязан к тому, что он символизирует, применение таких вещей, как белые и пестрые одежды, не может причинить никакого вреда. Но если символ обособливается и становится самоцелью, то тогда, в лучшем случае, получаем бесполезный эстетизм и сентиментальность, а в худшем — психологически эффективную магию.

Все внешние обстоятельства должны быть подчинены любви; ибо они существуют ради любви, а не она ради них.

Ганс Денк

Сама по себе церемония не является грехом; но тот, кто думает, что сумеет обрести вечную жизнь с помощью обряда крещения или совместной трапезы, все еще является жертвой суеверия.

Ганс Денк

Если ты вечно занят только формальной стороной Слова, вечно восхищаешься ей, вечно пережевываешь ее, то что же ты делаешь такого великого? Не удивительно, что ты так ничтожен.

Джон Эверард

В те времена, когда все еще подчинялось Правильному Закону, существовало бесчисленное количество обращенных, которые постигли глубины Дхармы, просто выслушав половину станцы или даже одну фразу из учения Будды. Но вот настал век однообразия, буддизм изменился и мы воистину далеки от Мудрости. Люди тонут в море книг; они не знают, как им добраться до той единственной субстанции, которая является истиной. Этим и было вызвано появление Отцов (дзэн-буддизма), которые, прямо указав на человеческий разум, предложили нам именно там отыскать абсолютную основу всех вещей и с ее помощью достичь состояния Будды. Это способ обрести особое знание, не содержащееся в священных книгах. Если человек одарен выдающимися способностями или особой остротой ума, то ему будет достаточно одного слова или жеста, чтобы непосредственно познать истину. Уммон и Якусан были яркими сторонниками этого способа и потому Уммон совершенно непочтительно относился к историческому Будде, а Якусан запретил своим последователям читать даже сутры.

Дзэном называется та ветвь буддизма, которая довольно далека от Будды. Ее также называют мистической ветвью, потому что она не прислушивается к буквальному смыслу сутр. Поэтому те, кто слепо следует по стопам Будды, конечно же насмеются над дзэн, а тем, кто не любит читать священные книги, больше по душе, естественно, мистический подход. Сторонники этих двух школ поднаторели в борьбе друг с другом, но так и не поняли, что они, в сущности, дополняют друг друга. Разве дзэн не является одной из Шести добродетелей совершенства? Если это так, то как же он может входить в противоречие с учением Будды? С моей точки зрения, дзэн — это результат учения Будды, мистика, извлеченная из священных книг. У сторонников учения Будды нет никаких причин отвергать дзэн; а поклонники мистики дзэн не должны пренебрежительно относиться к священным книгам... Те, кто старательно изучает письменное наследие буддизма, рискуют стать фанатичными поклонниками священных книг, истинный смысл которых они не могут понять. Такие люди никогда не поймут абсолютной реальности и приход к дзэн будет для них настоящим спасением. А вот те, кто тщательно изучает дзэн, могут очень быстро привыкнуть к пустым разговорам и занятиям софистикой. Они не могут понять истинное значение священных книг. И выручить их может чтение буддистской литературы. Идеальное понимание учения Будды наступает только тогда, когда две эти однобокие точки зрения дополняют друг друга.

Чжан Чжэньцзи

Трудно отыскать более четкие выводы, к которым должен рано или поздно прийти любой духовно и психологически реалистический разум, чем вышеприведенные слова, написанные в одиннадцатом веке одним из учителей дзэн-буддизма. Ниже мы приводим отрывок, который является трогательным протестом против преступлений и глупостей, совершенных во имя религии теми реформаторами шестнадцатого века, которые обратились к Богу, но не отвернулись от себя, и потому больше интересовались брэнными аспектами исторического христианства — церковной организацией, идейными препирательствами, формальной стороной Священного Писания — чем Духом, которому следует поклоняться всей душой, вечной Реальностью, в бескорыстном познании которой кроется вечная жизнь человека. Написаны эти слова Себастианом Кастеллио, который был любимым учеником Кальвина, но расстался со своим учителем после того, как тот сжег Серветуса за ересь по отношению к ереси самого Кальвина. К счастью для Кастеллио, он написал свой призыв к любви и обычной порядочности в то время, когда жил в Базеле; напиши он его в Женеве, это закончилось бы пытками и смертной казнью.

Если бы ты, прославленный князь (эти слова были адресованы герцогу Вюртембергскому) уведомил бы своих подданных, что собираешься посетить их, не называя при этом времени своего визита, и потребовал бы от них, чтобы они приготовились встретить тебя облаченными в белые одежды, то что бы ты стал делать, если бы по прибытии обнаружил, что они вместо того, чтобы облачиться в белое, провели время в яростных спорах о твоей личности — одни настаивали на том, что ты находишься во Франции, другие — что в Испании; одни заявляли, что ты прибудешь верхом, другие — что в карете; одни утверждали, что ты прибудешь с большой помпой, а другие — что без всякой свиты? Мне особенно интересно, что бы ты сказал, если бы в их спорах звучали не только слова, но и удары кулаков, и лязг мечей, если бы одна группировка достигла бы успеха в убийстве и уничтожении

тех, кто придерживался иной точки зрения? "Он прибудет верхом". "Нет, он прибудет в карете". "Ты — врешь". "Нет, это ты — врешь". "Получай" — следует удар кулаком. "А это — тебе" — и меч пронзает тело. Князь, что бы ты подумал о таких гражданах? Христос попросил нас облачиться в белые одежды чистой и святой жизни; но чем заняты наши мысли? Мы спорим не только о поведении Христа, но и о его отношениях с Богом Отцом, с Троицей, с предназначением, со свободной волей, с природой Бога, с ангелами, с душой после смерти, в общем, о множестве вещей, не имеющих существенного значения для спасения души; более того, мы спорим о множестве вещей, которые останутся для нас непостижимыми до тех пор, пока не очистятся наши сердца; ибо постичь эти вещи можно только духовно.

Себастиан Кастеллио

Люди всегда получают то, о чем они просят; проблема заключается только в том, что до тех пор, пока они не добьются желаемого, они не знают, в чем, собственно, состоит их желаемое. Например, протестанты при желании могли бы пойти по пути Кастеллио и Денка; но они предпочли Кальвина и Лютера — потому что мысль о том, что верой и предназначением можно оправдать все, что угодно, показалась им более интересной, чем доктрины Вечной Философии. Такая позиция была не только более интересной, но и менее трудной; ибо если бы эта мысль была истинной, то в деле спасения души можно было бы обойтись без этого ужасного процесса самоотречения, который является необходимым предварительным условием ухода в знание вечной Реальности. Эта позиция была не только менее трудной, но и более удобной для интеллектуалов, обожающих четкие формулы и силлогистические доказательства абсолютных истин. Ожидание Бога — скучное занятие; но какую радость могут доставлять споры, оскорбления оппонентов, вспышки ярости, именуемые "праведным гневом", и наконец, переход от дискуссии к обмену ударами, от слов — к тому, что святой Августин так очаровательно назвал "милосердной жестокостью" преследований и репрессий!

Выбрав Лютера и Кальвина вместо живших с ними в одно время духовных реформаторов, протестантская Европа получила ту теологию, которая ей нравилась. Но вместе с ней она получила, среди прочих неожиданных плодов. Тридцатилетнюю войну, капитализм и первые признаки современной Германии. Дин Инж недавно написал: "Предположим у нас возникло желание найти козла отпущения, на которого можно было бы свалить все те несчастья, которые Германия принесла миру... Я все больше и больше убеждаюсь в том, что злым гением этой страны был не Гитлер, не Бисмарк, не Фридрих Великий, а Мартин Лютер... Лютеранский Бог несправедлив и безжалостен... Закон Природы, который должен быть убежищем от несправедливостей власти, Лютером отождествляется с существующим общественным строем, которому следует безоговорочно подчиняться". И так далее. Истинная вера — это первый шаг по Восемистапному Пути, ведущему к освобождению; главным препятствием на этом пути является ложная вера или невежество; и давайте помнить, что невежество не может быть абсолютно непреодолимым, ибо оно всегда является порождением воли. Если мы чего-то не знаем, то только потому, что нам так удобнее. Изначальное невежество — это то же самое, что и первородный грех.

Глава 21 ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСТВО

Для образованных людей наиболее примитивные формы идолопоклонничества утратили свою привлекательность. Они легко справляются с искушением поверить в то, что определенные природные объекты являются богами или что определенные символы и образы представляют собой формы божественных существ и потому им надо поклоняться и их надо задабривать. Да, немало фетишистских суеверий дожило даже и до сегодняшнего дня. Но, хоть эти суеверия и выжили, они утратили свою респектабельность. К примитивным формам идолопоклонничества относятся так же, как к пьянству и проституции — их терпят, но не одобряют. В принятой иерархии ценностей они занимают одно из самых последних мест.

И совсем другое дело — это развитые и более современные формы идолопоклонничества! Эти не просто выжили, но и достигли высшего уровня респектабельности. Люди науки рекомендуют их в качестве современной замены подлинной религии, а многие профессиональные религиозные учителя уравнивают их с поклонением Богу. Это явление может вызывать сожаление, но не удивление. Наша система образования развенчивает наиболее примитивные формы идолопоклонничества; и в то же время она осуждает, или в лучшем случае игнорирует Вечную Философию и духовную деятельность. И примитивный шаманизм, и трансцендентальное и имманентное Божество оно заменяет иными объектами восхищения, веры и поклонения — пантеоном исключительно человеческих идей и идеалов. И фетишисты, и созерцатели — редкое явление в академических кругах и среди людей, получивших высшее образование; зато яростных сторонников какой-нибудь формы политического или социального идолопоклонничества там пруд пруди. Когда я пользовался университетскими

библиотеками, то обратил внимание на знаменательный факт — книги по духовной религии пользовались там гораздо меньшим спросом, чем в публичных библиотеках, которые посещают мужчины и женщины, не познавшие преимуществ или недостатков длительного академического образования.

Самые разнообразные формы высшего идолопоклонничества можно разделить на три основные группы: технологическую, политическую и нравственную. В технологическую группу входят наиболее наивные и примитивные формы идолопоклонничества; их сторонники, подобно сторонникам низшего идолопоклонничества, верят в то, что покаяние и освобождение зависят от материальных объектов — в данном случае, технических новинок. Технологическое идолопоклонничество является религией, доктрины которой, прямо или косвенно, пропагандируются с рекламных страниц газет и журналов; в скобках можем добавить, что эти страницы являются источником, из которого миллионы мужчин, женщин и детей черпают практическую философию своей жизни. Идолу технологии истово поклонялись и в Советской России, где в годы индустриализации эта форма идолопоклонничества стала чем-то вроде государственной религии. Нынешняя вера в технологических идолов настолько искренна, что в мышлении современного человека невозможно отыскать (несмотря на все уроки механизированной войны) и следа древней и глубоко реалистичной доктрины о гордыне и неизбежном возмездии. По вопросу технических новшеств широко распространено убеждение в том, что в данном случае мы что-то получаем и ничего не даем взамен — то есть мы можем наслаждаться всеми преимуществами сложной, порождающей большое количество узких специалистов и постоянно развивающейся технологии, не испытывая никакого неудобства от ее недостатков.

Лишь отчасти менее наивными являются политические идолопоклонники. В данном случае поклонение спасительным игрушкам заменяется поклонением спасительным общественным и экономическим организациям. Стоит только навязать человеческим существам правильный тип организации, как все их проблемы, начиная с грехов и отсутствия счастья и заканчивая национализмом и войной, автоматически исчезнут. Большинство политических идолопоклонников являются также и технологическими идолопоклонниками — невзирая на то, что две эти псевдорелигии в принципе несовместимы, поскольку технологический прогресс в настоящее время идет с такой скоростью, что любые политические проекты, как бы изобретательно они не были составлены, становятся бессмысленными даже не через поколение, а по прошествии нескольких лет, а в некоторых случаях и нескольких месяцев. Далее, человеческое существо, к сожалению, является созданием, наделенным свободной волей; и если по какой-либо причине индивидуумы не захотят идти по указанному им пути, то даже самая лучшая организация не даст ожидаемых от нее результатов.

Нравственные идолопоклонники отчасти являются реалистами, поскольку понимают, что технические новинки и всевозможные виды организаций сами по себе не могут гарантировать триумф добродетели и рост счастья, и что индивидуумы, из которых состоит общество и которые управляют машинами, и являются теми арбитрами, от которых в итоге зависит, будут ли существовать порядочность в отношениях между людьми и порядок в обществе. Материальные и организационные инструменты — незаменимы, а хорошее орудие труда лучше плохого. Но в руках беспокойных или злых людей даже самый совершенный инструмент либо бесполезен, либо является орудием дьявола.

Поборники нравственности перестают быть реалистами и приходят к идолопоклонничеству, начиная поклоняться не Богу, а своим нравственным идеалам, воспринимая их как самоцель, а не как необходимое условие обретения знания Бога и любви к Нему — знания и любви, без которых добродетель никогда не станет совершенной или хотя бы социально эффективной.

Ниже мы приводим отрывок из замечательного письма, написанного в 1836 г. Томасом Арнольдом своему старому ученику и будущему биографу А.П.Стэнли. "Фанатизм — это идолопоклонничество; и в нем содержится нравственное зло идолопоклонничества; а именно, фанатик поклоняется чему-то, порожденному его собственными желаниями, и потому даже его самопожертвование во имя объекта поклонения только кажется самопожертвованием; ибо, в действительности, он приносит часть своей натуры или своего разума, то есть то, что он менее всего ценит, в жертву тому, что он ценит более всего. Мне кажется, что идолопоклонничество является нравственным дефектом, поскольку оно представляет собой наиболее близкую нашему разуму идею, занявшую место Христа, единственного, кто не может быть идолом и сеять идолопоклонничество, потому что Он гармонично объединяет в себе все идеи совершенства. Для моего разума (если брать его с лучшей стороны) естественным является убеждение, что моими идолами должны быть истина и справедливость; и они действительно будут именно идолами, потому что не будут давать разуму всей пищи, которую он хочет, и поклоняясь им, он, скорее всего, забудет о почтении, смирении и нежности. Но Христос содержит в себе и истину, и справедливость, и все остальные качества... Узость мышления приводит к греховности, поскольку она притупляет бдительность отдельных частей нашей нравственной природы, в которых и начинается развиваться греховность".

Восхитительный пример психологического анализа. Единственным его недостатком является одно упущение: в этом рассуждении не принимаются во внимание прорывы вечного порядка в бранный,

которые называются благодатью или вдохновением. Благодать и вдохновение даются человеку по мере того, как он отрывается от своеволия и постепенно, через постоянную собранность и отстраненность, приходит к послушанию воле Божьей. Помимо животной и духовной благодатей, источником которых является божественная Природа Вещей, существуют и человеческие псевдоблагодати — например, сила и доблесть, проистекающие из самопожертвования во имя какой-либо формы политического или нравственного идолопоклонничества. Отличить истинную благодать от ложной зачастую бывает очень трудно; но с течением времени и развитием обстоятельств их воздействие на душу становится настолько очевидным, что заметить разницу может даже человек, не обладающий особым даром озарения. Когда благодать является истинно "сверхъестественной", то за улучшение одного аспекта личности не приходится платить атрофией или ухудшением другого. Добродетель, которая сопровождается и совершенствуется любовью к Богу и знанием Его, абсолютно не похожа на "праведность книжников и фарисеев", которую Христос относил к худшим из нравственных зол. Жестокость, фанатизм, немилосердность и духовная гордыня — вот обычные побочные результаты следования путем стоического самосовершенствования, по которому личность движется своими собственными силами, вне зависимости от того, помогает ей или нет псевдоблагодать, которая дается индивидууму только тогда, когда он посвящает себя достижению цели, не являющейся истинной, когда целью является не Бог, а обычная усиленная проекция любимых идей или нравственных достоинств самого индивидуума. Поклонение этическим ценностям как таковым наносит ущерб самому объекту поклонения, и не только потому, что, по утверждению Арнольда, приводит к дисгармонии развития, но прежде всего потому, что даже высшие формы нравственного идолопоклонничества не дают возможность разглядеть Бога и стало быть наглухо закрывают идолопоклоннику доступ к просветляющему и освобождающему знанию Реальности.

Глава 22 ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

Ты прожил всю свою жизнь с убеждением, что полностью посвятил ее другим людям, а не достижению своих корыстных целей. Ничто так не тешит самодовольство индивидуума, как это убеждение себя самого в полном освобождении от себялюбия и бескорыстной преданности своим ближним. Но эта любовь только кажется любовью к другим, а в действительности это любовь к себе. В своем себялюбии ты доходишь до того, что начинаешь все время поздравлять себя с тем, что свободен от него; ты все время думаешь о том, как бы удовлетворить свое "я"; в этом корень всех твоих сомнений. Это "я" делает тебя таким восприимчивым и чувствительным. Ты хочешь, чтобы и Бог и люди, всегда были довольны тобой, и ты хочешь быть удовлетворенным своими отношениями с Богом.

Кроме того, ты не привык удовлетворяться простой доброй волей — твое себялюбие хочет сильных эмоций, удовольствия, дающего уверенность в себе, своеобразного возбуждения. Ты слишком привык следовать за своим воображением и полагать, что твой разум и воля бездействуют, если ты не осознаешь их работы. И потому ты так зависишь от возбуждения, сходного с тем, что вызывается страстями, или от театральных жестов. Достигнув утонченности, ты впадаешь в другую крайность — настоящую примитивность воображения. Ничто не может быть более чуждым не только истинной вере, но и истинной мудрости. Нет более опасной иллюзии, чем фантазия, с помощью которой люди пытаются освободиться от иллюзии. Это воображение уводит нас с истинного пути; а уверенность, которую мы ищем с помощью воображения, чувства и вкуса, является одним из самых опасных источников фанатизма. Это море тщеславия и разврата, которое Бог заставит тебя найти у себя в сердце; ты должен взирать на него со спокойствием и простотой, свойственным истинному смирению. Предаться отчаянию от осознания своего несовершенства — это самое обыкновенное себялюбие; но смело взглянуть несовершенству в глаза, не льстить ему, но и не проявлять к нему снисхождения, пытаться исправить его, не становясь при этом раздражительным — значит желать того, что хорошо само по себе и хорошо для Бога.

Фенелон

Письмо от архиепископа Камбре — какое событие, какая высокая честь! И все же, когда ломаешь гербовую печать, возникает чувство страха. Просить совета и откровенного мнения о себе у человека, в котором характер святого сочетается с талантами Марселя Пруста, значит напрашиваться на жестокий удар по своему самовосприятию. И точно, такой удар наносится посредством ясной и вместе с тем изысканной прозы, но вместе с ударом предлагается и духовное противоядие от его мучительных последствий. Фенелон всегда без колебаний разрушал спокойствие, в котором пребывало это его партнер по переписке; но это разрушение всегда сопровождалось указанием пути к возрождению на более высоком, неэгоистическом уровне.

Данное письмо представляет собой не только восхитительный образец анализа характера; в нем также содержатся очень интересные мысли об эмоциональном возбуждении и его связи с жизнью духа.

Словосочетание "религия ощущения" имеет два разных и несовместимых значения. Есть "ощущение", о котором говорит Вечная Философия, — непосредственное восприятие божественной Основы в процессе акта интуиции, который, во всей своей полноте, может произойти только с бескорыстным, чистым сердцем индивидуумом. А есть "ощущение", вызываемое мессами "возрожденцев" (* Название секты. — Прим. пер. ю*), впечатляющими церемониями или осознанными усилиями воображения индивидуума.

"Ощущение" такого рода представляет собой состояние эмоционального воображения — возбуждение, которое может быть длительным и ненавязчивым, или кратким и эпилептически острым, может проявляться в экзальтации или отчаянии, может выражаться в песне и танце или в безудержных рыданиях. Но эмоциональное возбуждение, каковы бы не были его причина и природа, всегда является возбуждением того индивидуализированного "я", которое должно быть подавлено любым, кто стремится к жизни в божественной Реальности. "Ощущение" как эмоция, вызванная мыслями о Боге (высшая форма возбуждения такого рода), несовместима с "ощущением" как непосредственным осознанием Бога, происходящем в чистом сердце, укротившем все свои, даже самые сильные эмоции. Вот почему Фенелон в вышеприведенном фрагменте настаивает на необходимости "спокойствия и простоты", вот почему святой Франциск Сальский неустанно проповедует спокойствие, с которым он сам никогда не расставался, вот почему все священные буддистские книги твердят о спокойствии разума, как о необходимом условии спасения. Есть вполне понятное спокойствие, которое является одним из плодов духа. Но есть также и спокойствие, превосходящее любое понимание, смиренное спокойствие эмоционального самоконтроля и самоотречения; оно является не плодом духа, а одним из его незаменимых корней.

Несовершенные люди разрушают истинную веру, поскольку они ищут в молитве понятную им сладость.

Сан Хуан де ла Крус

Муха, севшая на мед, не сможет воспользоваться своими крыльями; так и душа, прилипшая к духовной патоке, теряет свою свободу и лишается способности к созерцанию.

Сан Хуан де ла Крус

То, что верно для приятных эмоций, так же верно и для эмоций неприятных. Если есть люди, которые любят болеть, то есть и такие, которые любят испытывать угрызения совести. Покаяние — это "метанойя", или "изменение сознания"; и без него духовная жизнь даже и не начнется — ибо жизнь духа не совместима с жизнью "старца", деяния, мысли, само существование которого являются мешающим духу злом, в котором надо покаяться. Обязательное "изменение сознания", как правило сопровождается печалью и ненавистью к самому себе. Но не следует задерживаться на этих эмоциях и ни в коем случае нельзя позволить им превратиться в привычку постоянно испытывать угрызения совести. В средневековом английском, словосочетание "угрызения совести"* переводилось, с буквальностью, которая одновременно и потрясает, и стимулирует современного читателя, как "новый укус" (** (*Remorse* — слегка измененное французское слово *remords*. — Прим. пер. По-французски, *remorde* — "снова кусать". — Прим. пер.)). Кто кого кусает в этой каннибальской формуле? Наблюдательность и самоанализ позволят найти ответ: похвальные аспекты "я" кусают позорные аспекты, а те кусают их в ответ, нанося раны, которые беспрерывно выделяют гной стыда и отчаяния. Но, по словам Фенелона, "предаваться отчаянию от осознания своего несовершенства — это самое обыкновенное себялюбие". Угрызения совести — мучительный процесс; но сама боль является обнадеживающим доказательством того, что "я" все еще цело; до тех пор, пока внимание сосредоточено на больном эго, оно не может быть сосредоточено на Боге, и эго (которое живет благодаря вниманию и умирает только после его отключения) не может раствориться в божественном Свете.

Бойся как ада размышлений о себе и своих проступках. Ни один человек никогда не должен думать об этом, за исключением тех случаев, когда он хочет укротить себя и возлюбить Господа нашего. Достаточно считать себя *грешником вообще*, тем более, что на небесах достаточно святых, которые были таковыми.

Шарль де Кондрен

Наши недостатки пойдут нам на пользу, если мы используем их для воспитания в себе смирения, не прекращая при этом попыток улучшить наше поведение. В унынии нет никакого смысла; уныние — это всего-навсего отчаяние уязвленного себялюбия. Извлечь выгоду из своих унижительно ужасных недостатков можно только одним способом — признаться в них самому себе, не прекращая надеяться на Бога и ничего не ожидая от своего "я".

Разве Мария Магдалена спустилась с высоты свой жажды Бога в глубины своей грешной жизни и принялась копать в том затхлом болоте, той навозной куче, которой была ее душа? Нет конечно же, она ничего такого не делала. А почему? Ибо Бог, по милости своей, дал ей знать, чтобы она никогда не занималась ничем подобным. Ибо, в противном случае, она скорее развила бы в себе способность к частому грехопадению, чем добилась бы прощения своих грехов.

"Облако Незнания"

В свете всего сказанного, мы можем понять ту особую духовную опасность, которая грозит любому виду эмоциональной религии. Религия "адского пламени", которая использует театрализованные обряды "возрожденцев" для того, чтобы стимулировать угрызения совести и вызвать кризис внезапного перевоспитания; культ "спасителя", который постоянно разжигает то, что святой Бернар называет *amor carnalis* или плотской любовью к аватаре или личностному Богу; религия мистических ритуалов, внушающая страх, почитание и эстетический восторг с помощью таинств и церемониалов, музыки и благовоний, сверхъестественной тьмы и священного огня — любая из этих религий рискует превратиться в форму психологического идолопоклонничества, в котором Бог отождествляется с экзальтированным отношением к Богу, а эмоция, в конце концов, становится самоцелью, которую жаждут и которой поклоняются ее почитатели, уподобляющиеся наркоманам, которые всю жизнь гонятся за своим искусственным раем. Все это достаточно очевидно. Но не менее очевидно и другое — религия, которая вообще не вызывает к эмоциям, имеет очень немного приверженцев. Более того, как только на арене возникают активно вызывающие к эмоциям псевдорелигии, они тут же привлекают к себе миллионы восторженных сторонников из числа тех масс людей, для которых истинные религии перестали иметь смысл или перестали быть утешением. Но если любому приверженцу псевдорелигии (типа современного нам политического идолопоклонничества, состоящего из национализма и революционности) доступ к истинной духовности наглухо закрыт, то для приверженцев даже самых эмоциональных разновидностей истинной религии эта дорога всегда остается открытой. Те, кто действительно прошел по этой дороге до самого конца и обрел знание, единящее их с божественной Основой, составляют очень незначительное меньшинство. Зов слышат многие; но стать избранными решаются очень немногие, и потому избранных так мало. Остальным, как считают восточные комментаторы Вечной Философии, предоставляется еще один шанс сдать, в более или менее благоприятных обстоятельствах (в зависимости от их заслуг), экзамен по космическому мышлению. Если они его "сдают", то переходят в некое райское состояние более свободного личностного существования, из которого (непосредственно или через дальнейшие инкарнации) они могут окончательно уйти в вечность. Если они "проваливаются", то временно погружаются в более густую тьму и заковываются в более прочные оковы своеволия, являющееся корнем и принципом всего зла.

Следовательно, мы можем сделать вывод, что эмоциональная религия, если к ней относиться искренне, может дать неплохие результаты, но далеко не самые лучшие. Река эмоций впадает в море единящего знания и желающие плыть по ней в этом направлении, считаются хорошо подготовленными, если использовали эмоциональный подход, не поддаваясь искушениям, которыми изобилует этот путь. Только абсолютно бескорыстные и просветленные индивидуумы могут творить добро, за которое не надо расплачиваться (в той или иной форме) реальным или потенциальным злом. Религиозные системы мира были созданы людьми, большинство из которых не были абсолютно бескорыстными или просветленными. Поэтому у любой религии есть мрачный и даже ужасный аспект и хотя иногда религия творит добро безвозмездно, все же, в большинстве случаев, за него приходится расплачиваться, либо сразу, либо "в рассрочку". Обостряющие эмоции доктрины и обряды, играющие важную роль во всех организованных религиях мира, не являются исключением из этого правила. Они творят добро, но не безвозмездно. Размеры оплаты зависят от природы индивидуальны верующих. Некоторые принимают решение полностью погрузиться в эмоциональность и, становясь идолопоклонниками чувства, расплачиваются за положительные аспекты избранного ими культа духовным злом, которое может перевесить эти положительные свойства. Другие сопротивляются искушению самовозвеличивания и продолжают укрощать свое "я", в том числе и его эмоциональную сторону, и поклоняются Богу, а не своим представлениям о Нем. Чем дальше они продвигаются в этом направлении, тем меньше они должны платить за положительные результаты, которые большинству из них могла принести только эмоциональность.

Глава 23 ЧУДО

Откровение есть смятение веры; это отвлекающий фактор, который нарушает простоту отношений с Богом, смущает душу и заставляет ее свернуть с прямого пути к Богу. Откровение приводит к тому,

что душа забывает о Боге и начинает заниматься другими вещами. Просветление, "голос свыше", пророчество и все прочее являются признаками слабости души, которая не может устоять перед искушением или тревожными мыслями о будущем и Божьем суде. Пророчества также являются признаком творческого любопытства души, к которой Бог относится, как снисходительный отец к настырному ребенку, позволяющий ему съесть несколько конфеток, чтобы удовлетворить его аппетит.

Ж.Ж.Олье

Даже самая незначительная очищающая благодать ценнее чуда, в котором сверхъестественной является только породившая его причина (*quoad modum*), но не его внутренняя реальность; жизнь, возвращенная трупу — это всего лишь естественная жизнь, не идущая ни в какое сравнение с благодатью. *Р. Гарригу-Лагранж*

Ты научился ходить по воде? На поверхности воды может держаться любая соломинка. Ты научился летать по воздуху? Любая трупная муха делает это лучше тебя. Победи свои сердце; тогда ты можешь быть будешь кем-то.

Ансари ал-Хараби

Ненормальное физическое состояние, которым зачастую сопровождается непосредственное ощущение божественной Основы, ни в коей мере не является существенной частью этого ощущения. Многие мистики с сожалением указывали на то, что подобные вещи являются признаком не божественной благодати, а слабости тела. По словам де Кондрена, левитация, транс, потеря сознания — это "животное, плотское восприятие священного божественного послания".

Святой Франциск Сальский говорил: "Один грамм очищающей благодати стоит больше, чем центнер тех милостей, которые теологи называют "безвозмездными", и к которым относится дар творить чудеса. Можно обладать таким даром и при этом быть страшным грешником; к тому же эти милости не являются обязательным условием спасения души".

Жан Пьер Камю

Суфии считают чудеса "занавесом", разделяющим душу и Бога. Учителя индийской духовности говорят своим ученикам, чтобы те не обращали внимания на сиддхи, или психические силы, которые могут прийти к ним непрошенными, будучи побочным продуктом сосредоточенного созерцания. Учителя предупреждают, что культивирование этих сил отвлекает душу от Реальности и воздвигает непреодолимые препятствия на пути к просветлению и освобождению. Подобную позицию занимают и лучшие буддистские учителя, а в одной из священных книг Пали содержится сухой комментарий Будды по поводу удивительного дара левитации, который продемонстрировал один из его учеников. Будда сказал: "Это не приведет к обращению неверующих и не даст никаких преимуществ уже обращенным". После чего он вернулся к беседе об освобождении.

Поскольку рационалисты ничего не знают о духовности и считают материальный мир и свои представления о нем единственно важными проблемами, им очень хочется убедить себя и других, что чудес нет и быть не может. А комментаторы Вечной Философии, знакомые и с духовной жизнью, и с порождаемыми ею побочными явлениями, убеждены в том, что чудеса действительно случаются, но считают их явлениями незначительными и несущими в себе, по большей части, отрицательный и антидуховный заряд.

Чудеса, которые в настоящее время пользуются самым большим спросом и постоянно имеются в наличии, относятся к области психического исцеления. Евангелие говорит о том, в каких обстоятельствах и до какой степени можно применять способность к психическому исцелению: "Ибо что легче сказать: "прощаются тебе грехи", или сказать: "встань и ходи"? Если индивидуум может "прощать грехи", он имеет право пользоваться своим даром исцеления. Но полностью прощать грехи может только тот, "кто знает о чем говорит", будучи бескорыстным проводником божественного Духа. Геоцентрические святые вызывают у обычных, непреображенных человеческих существ и любовь, и благоговейный ужас; людям хочется быть к ним ближе, но сама их святость вынуждает людей говорить: "Оставь меня, ибо грешен я". Святость геоцентрического святого делает его способным простить грехи тех, кто приближается к нему, и в результате они получают возможность начать все с начала, принять последствия своих прошлых проступков (поскольку последствия, конечно же, имеются) с обновленным духом, что сделает возможным нейтрализацию зла или даже трансформацию его в добро. Менее идеальное прощение грехов может быть даровано теми, кто сам не обладает выдающейся святостью, но имеет основания говорить от лица учреждения, которое грешник считает проводником сверхъестественной благодати. В этом случае между непреображенной душой и

божественным духом устанавливается только косвенный контакт, возникающий в воображении грешника.

Святые, являющиеся бескорыстными проводниками Духа, могут совершенно спокойно заниматься психическим врачеванием; они будут знать, когда больной готов принять прощение грехов вместе с исцелением тела. Те, кто не обладает святостью, но может прощать грехи в силу своей принадлежности к учреждению, которое считается проводником благодати, также могут заниматься врачеванием с уверенностью, что не причинят больше вреда, чем пользы. Но, к сожалению, некоторым людям способность к психическому врачеванию дается от рождения, а другие способны развить ее, не приобретая при этом ни малейшей святости. ("Можно обладать таким даром и при этом быть страшным грешником".) Подобные люди безудержно используют свои способности либо ради заработка, либо ради тщеславия. Зачастую они достигают феноменальных результатов, но поскольку не обладают способностью прощать грехи и даже не понимают психические обстоятельства или причины болезни, которую чудесным образом изгнали из тела, они оставляют душу опустошенной и готовой принять семь других дьяволов, каждый из которых еще хуже изгнанного.

Глава 24 РИТУАЛ, СИМВОЛ, ТАИНСТВО

"Яджньявалкья, — сказал он [Ашвала], — все это объято смертью, все подвержено смерти. Как может приносящий жертву может полностью освободиться от объятий смерти?"

[Яджньявалкья ответил]: "С помощью жреца хотара, огня, речи. Поистине, речь. хотар жертвы. Эта речь — тоже, что и огонь; этот [огонь] — хотар, это — освобождение, это — полное освобождение".

Брихадараньяка упанишада

Иными словами, ритуалы, таинства и церемониалы приносят пользу до тех пор, пока они напоминают их участникам об истинной Природе Вещей, напоминают о том, какую связь с миром и его божественной Основой они должны бы были и (если бы только покорились имманентному и трансцендентальному Духу) на самом деле могли бы установить в действительности. Теоретически, любой ритуал или таинство приносят пользу при условии, что символизируемый объект обязательно является определенным аспектом божественной Реальности и связь между символом и фактом четко обозначена и постоянна. Точно так же можно сказать, что любой язык теоретически так же хорош, как и любой другой. Человеческие ощущения можно адекватно выразить по-китайски, по-английски или по-французски. Но на практике, китайский лучше всего подходит тем, кто вырос в Китае, английский — тем, кто вырос в Британии, а французский — тем, кто вырос во Франции. Разумеется, разобраться в ритуале и понять его смысл гораздо легче, чем овладеть тонкостями иностранного языка. Тем не менее, то, что верно для языка, то, в значительной степени, верно и для ритуала. Ибо людям, которые привыкли думать о Боге с помощью определенного набора символов, очень трудно начать думать о Нем посредством других, не почитаемых ими, слов, церемоний и образов.

И тогда Господь Будда предупредил Субхути, сказав ему:

"Субхути, не думай, что Татхагата мыслит следующим образом: "Я должен разработать систему знаний, разъясняющую Дхарму". Гони от себя эту мысль. Почему? Потому что, если ученик согласится с этой мыслью, он не только неправильно поймет учение Татхагаты но и опорочит учителя. Более того, выражение "система знаний" не имеет никакого смысла; Истина (то есть Реальность,) не может быть разрезана на части, которые будут соединены в систему. Это словосочетание является всего лишь речевым образом".

Алмазная сутра

И все же слова, при всей своей неадекватности и абсолютной несхожести с излагаемыми ими факты, остаются самыми надежными и точными символами. Каждый раз, когда мы хотим точно изложить факты или идеи, мы должны обращаться к словам. Церемония, резное или рисованное изображение, могут содержать в себе более глубокий смысл и передавать больше оттенков этого смысла, чем словесная формула; но, скорее всего, они передадут эти оттенки в гораздо более смутной и расплывчатой форме. В современной литературе часто можно встретить суждение, что средневековые соборы были архитектурным, скульптурным и живописным эквивалентом теологической *summa* и что верующие Средневековья, восхищаясь окружающими их произведениями искусства, одновременно познавали суть доктрины. У наиболее ревностных церковников Средневековья явно была иная точка зрения. Культон цитирует речь одного из проповедников, который жаловался, что прихожане получают совершенно неверное представление о католицизме, потому что разглядывают картины, вместо того, чтобы слушать проповедь. (Нечто подобное произошло не когда-нибудь, а именно в наше время. Индейцы-католики Центральной Америки создали самые дикие виды ереси в результате длительных

размышлений над резными и рисованными символами, которыми конкистадоры наполнили их храмы.) Недовольство святого Бернара богатством Клунийской архитектуры, скульптуры и церемониала было вызвано как интеллектуальными, так и чисто нравственными соображениями. "Глаз натывается на такое количество разнообразных форм, что у человека возникает искушение больше разглядывать камни, чем читать книги, провести целый день в созерцании резных изображений, а не в размышлениях о законе Божьем". Душа приходит к знанию, единящему ее с Реальностью, только в результате безобразных размышлений; поэтому те, кто подобно святому Бернару и его цистерцианцам, действительно хотят достичь главной цели человека, считают, что чем меньше им на глаза попадает отвлекающих символов, тем лучше.

Большинство людей поклоняется богам потому, что хочет добиться успеха в своих земных делах. С помощью этого поклонения, здесь на земле, можно очень быстро добиться материального успеха.

Бхагавад Гита

Те, кто очистил себя своими добрыми деяниями, делятся на четыре группы поклоняющихся Мне людей: уставшие от мира, ищущие знания, ищущие счастья и обладающие духовной проницательностью. Обладающие духовной проницательностью — лучшие из них. Они находятся в постоянном единстве со Мной. Они всегда посвящают себя Мне и никому другому. Ибо Я мил этим людям, а они — Мне.

Разумеется, все эти люди — благородны;

Но обладающего духовной проницательностью Я считаю своим собственным "Я". Ибо он один любит Меня За то, что Я — это Я, Главная и единственная цель Его преданного сердца.

В течение его долгой жизни Его проницательность развивается;

Он считает Меня своим убежищем,

Зная, что Брахман — это все.

Как редко встречаются такие великие люди!

Люди, проницательность которых притупили их мирские желания, создают той или иной ритуал или культ, и обращаются к различным богам, соответственно импульсу их природы. Но совершенно не важно, какое именно божество выберет себе верующий, ибо если у него есть вера, Я сделаю его веру непоколебимой. Получив от меня в дар веру, он поклоняется своему божеству и получает у него все, о чем просит. Но на самом деле, Я, и только Я, удовлетворяю его просьбы.

Но люди слабого понимания молятся только о преходящих и бренных вещах. Поклонники дэвов отправятся к дэвам. Те, кто поклоняется Мне, придут ко Мне.* (* Здесь и выше свободная интерпретация О.Хасли соответствующих фрагментов Бхагавад Гиты. — Прим.ред)

Бхагавад Гита

Если истинно верующие постоянно отправляют священные ритуалы, то они оказывают более или менее постоянное воздействие на психическую среду, в которой "купаются" индивидуальные разумы и из которой они, так сказать, выкристаллизовываются в личности, достигающие более или менее полного развития, соответствующего более или менее совершенному развитию тел, с которыми они связаны. (Выдающийся современный философ доктор Ч.Д. Броуд в своем эссе, включенном в "Записки Общества Психических Исследований", написал по поводу этой психической среды следующие слова. "Должно быть, мы должны серьезно задуматься над вероятностью того, что ощущения личности вызывают более или менее постоянные изменения в структуре или функционировании чего-то, что не является ни разумом личности, ни ее мозгом. Нет никаких оснований предполагать, что эта среда является чем-то, что можно определить местоимениями типа "мое", "твое", "его", подобно тому, как мы определяем ими разум и одушевленное тело... Изменения среды, порожденные определенными прошлыми ощущениями индивидуума М, получают новый импульс от нынешних ощущений и интересов индивидуума Н и становятся причинными факторами, порождающими или изменяющими последующие ощущения Н".) Внутри этой психической среды или не-личностного субстрата индивидуальных разумов независимо существует нечто, что мы можем метафорически назвать "вихревым движением", обладающим своей собственной производной и вторичной объективностью; поэтому, каждый раз при отправлении ритуала индивидуумы, чья вера достаточно сильна, действительно обнаруживают "нечто", отличное от субъективного "чего-то", существующего в их воображении. И до тех пор, пока это спроецированное психическое существо питается верой и любовью своих поклонников, оно обладает не только объективностью, но и способностью отвечать на молитвы. В конечном итоге, разумеется, истинным является выражение "Я, и только Я, удовлетворяю просьбы", смысл которого заключается в том, что все происходит в соответствии с божественными законами, обязательными как для материальных, так и для психических и духовных аспектов

вселенной. Тем не менее, дэвы (те несовершенные формы, посредством которых люди из-за своего добровольного невежества поклоняются божественной Основе) могут считаться относительно независимыми силами. Примитивное представление о том, что боги питаются принесенными им жертвами, является, просто-напросто, схематичным выражением глубокой истины. Когда культ утрачивает привлекательность, когда вера слабеет, дэвы заболевают и, в конце концов, умирают. Европа полна старых гробниц, лежащие в которых святые, Девы и реликвии утратили силу и вторичную объективность, которыми они когда-то обладали. Например, в те времена, когда жил и творил Чосер, дэв по имени Томас Бюкет давал любому пришедшему в Кентербери пилигриму при условии, что тот обладал достаточно сильной верой, все блага, о которых тот только мог попросить. Теперь это когда-то могущественное божество — всего лишь мертвый камень; но есть еще церкви на Западе, мечети и храмы на Востоке, в который даже самые нерелигиозные и психически устойчивые туристы не могут не почувствовать осязаемое присутствие чего-то "сверхъестественного". Разумеется, ошибочным будет предположение, что они ощущают присутствие Бога, который есть Дух и которому надо поклоняться в душе; скорее, они ощущают психическое присутствие мыслей человека о конкретной, ограниченной форме Бога, и чувств, которые он испытывает к этой форме, обращаясь к ней "соответственно импульсу своей натуры"; мысли и чувства проецируются в объективность и бродят по священному месту так же, как мысли и чувства другого рода, но такого же напряжения, бродят по местам бывших страданий или преступлений. Нечто действительно присутствует в священных местах и присутствие это вызвано отправлением традиционных ритуалов или изначально присуще священному объекту, имени или формуле; но это "нечто" является не Богом или аватарой, а чем-то, что может отражать божественную Реальность, но что меньше этой Реальности и не похоже на нее.

Diilcis Jesii memoria dans vera cordi gaudia:

sed super met el omnia ejiis dulcis praesentia.

"Сладка память об Иисусе и доставляет истинное наслаждение сердцу; но слаще меда и всего остального — его присутствие". Это первое четверостишие известного гимна двенадцатого века, состоящее всего из семнадцати слов и междометий, представляет собой определение связи между ритуалом и истинным присутствием Бога, а также реакции верующего и на то, и на другое.

Систематическое культивирование *memoria* (вещи, самой по себе, полной сладости) поначалу приводит к воскрешению воспоминаний о непосредственном ощущении *praesentia*, а потом, в некоторых случаях, выливается в само это ощущение, которое приносит с собой наслаждение совершенно иного и более высокого порядка. Существо, присутствие (спроецированная объективность которого иногда бывает настолько полной, что ее ощущают не только истово верующие, но и более или менее равнодушные посторонние) которого ощущается в том или ином месте, всегда является тем божественным существом, о котором в данной местности помнят испокон веков — Иисусом, Кришной или Амитабхой Буддой.

* Из совершенного деяния (лат.) — *Прим.пер.*

Ценность этого упражнения (повторения имени Амитабха Будды) заключается в следующем. До тех пор, пока один человек выполняет свои духовные упражнения, а другой — свои, они уравнивают друг друга и не имеют значения, встречаются они или нет. Но если два человека выполняют одни и те же упражнения, то их память становится все крепче и крепче, они, из жизни в жизнь, помнят друг о друге и развивают близость друг к другу. Более того, кто бы не повторял имя Амитабха Будды, сегодня или в будущем, обязательно увидит Будду Амитабху и навсегда соединится с ним. В силу этого единства, подобно тому, как создатель духов весь пропитывается их запахом, такой человек умащается состраданием Амитабхи и просветляется, не прибегая ни к каким другим средствам.

Сурангама сутра

Теперь мы видим, что истовая вера в сочетании с упорным следованием многих людей определенной форме поклонения или духовных упражнений, имеет тенденцию объективизировать идею или воспоминание, которые являются ее содержанием, и создавать своего рода настоящее присутствие чего-то сверхъестественного, которое верующие обнаруживают "там" не реже, и совершенно иначе, чем "здесь". До тех пор, пока дело обстоит именно так, ритуалист абсолютно прав, используя свои священные слова и действия, силу которых при других обстоятельствах можно было бы назвать магической. Мантра на самом деле действует, жертвоприношение действительно дает результаты, таинство притягивает благодать *ex opere operate* : вышеперечисленные действия являются или скорее могут быть проявлениями непосредственного ощущения, фактами, истинность которых эмпирически может проверить любой, кто решится выполнить необходимые условия. Но благодать, полученная *ex opere operate*, не всегда является духовной благодатью, а священные действия и формулы обладают силой, которая не всегда исходит от Бога. Верующие могут получить и зачастую

действительно получают благодать и силу друг от друга и от истовой веры их предков, спроецированной в независимые психические существа, обитающие в определенных местах, словах и действиях. По большому счету, ритуальная религия — это не духовность, а оккультизм, утонченная и добродушная форма белой магии. Что ж, точно так же, как искусство или наука не причиняют никакого вреда, а приносят большую пользу при условии, что эти виды деятельности считаются не целью, а средством достижения главной цели в жизни, так и белая магия не причиняет вреда и может принести пользу при условии, что ее воспринимают не как истинную религию, а как одну из дорог к истинной религии — эффективным способом напоминания людям при помощи определенного психофизического "антуража" о существовании Бога, "в познании которого находится их вечная жизнь". Но если ритуальная белая магия сама по себе считается истинной религией, если порожденное ею сверхъестественное "нечто" считается Богом, а не человеческими мыслями о Нем и чувствами по отношению к Нему, или хотя бы чем-то меньшим, чем Бог, если священные ритуалы отправляются и посещаются во имя ощущения "духовной сладости" и приобретения власти и преимуществ — тогда это уже идолопоклонничество. Подобное идолопоклонничество, в лучших своих проявлениях, представляет собой во многих аспектах полезную религию. Но последствия поклонения Богу, как чему угодно, но только не Духу, и в какой угодно форме, но только не в истине и не в душе, совершенно нежелательны — ибо они ведут только к неполному спасению души и оттягивают ее абсолютное единение с вечной Основой.

То, что очень многие мужчины и женщины обожают ритуалы и церемонии, неопровержимо доказывает история религии. Почти все иудейские пророки были против ритуальности. "Раздирай свое сердце, а не одежды на себе". "Я жажду милосердия, а не жертвоприношения". "Я ненавижу ваши праздники, я презираю их; я не нахожу никакой радости в ваших серьезных сборищах". И все же, невзирая на то, что пророки считались вдохновленными Богом, Храм Иерусалимский продолжал оставаться на протяжении сотен лет после их смерти центром религии ритуалов, церемониалов и кровавых жертвоприношений. (Мимоходом можно заметить, что пролитие крови, своей или животных, или других человеческих существ, похоже является на удивление эффективным способом внушить "оккультному" или психическому миру нежелание отвечать на просьбы и наделять просителя сверхъестественными силами. Если это действительно так, а имеющиеся антропологические и летописные данные свидетельствуют в пользу этого предположения, то мы имеем еще один веский аргумент против принесения в жертву животных, свирепых телесных истязаний и даже, поскольку мысль является формой действия, против воображаемого любования пролитой кровью, столь популярного в определенных христианских кругах.) То, что иудеи делали вопреки учению своих пророков, христиане делали вопреки учению Христа. Евангельский Христос — проповедник, а не мастер ритуалов и таинств; он высказывается против "тщетного повторения"; он настаивает на главенстве поклонения в душе; ему не нужны жертвоприношения и не очень-то нужен и Храм. Но это не помешало историческому христианству пойти по своему, слишком человеческому, пути. Также происходило в буддизме. Ибо Будда из священных палийских книг считал ритуалы кандалами, не дающими душе достичь просветления и освобождения. Тем не менее, основанная им религия активно использует церемонии, "тщетное повторение" и священные ритуалы.

Существуют две основные причины подобного развития исторических религий. Во-первых, большинство людей жаждет не духовности или освобождения, а религии, приносящей эмоциональное удовлетворение, жаждет слышать ответы на свои молитвы, жаждет сверхъестественных способностей и частичного спасения в каком-то посмертном раю. Во-вторых, те немногие, стремящиеся к духовности и освобождению, считают, что наиболее эффективными средствами достижения этой цели являются церемонии, "тщетные репетиции" и священные обряды. Участие в этих церемониях и повторение этих формул сильнее всего напоминает им о вечной основе всего бытия; погружаясь в символы, им легче всего добраться до того, что эти символы выражают. Каждая вещь, каждое событие и каждая мысль являются точками, в которых пересекаются творение и Творец, более или менее отдаленное проявление Бога и луч, так сказать, непроявленного Божества; стало быть, каждая вещь, каждое событие или каждая мысль могут стать дверью, сквозь которую душа может выйти из времени в вечность. Вот почему религия ритуалов и таинств может привести к освобождению. Но в то же время, каждое человеческое существо обожает власть и самовозвеличивание, и любая священная церемония, любая словесная формула или любое таинство являются каналом, по которому сила и власть могут перетечь из восхитительной психической вселенной во вселенную воплощенных "я". Вот почему религия ритуалов и таинств может также и увести от освобождения.

Есть еще один недостаток, изначально присущий любой системе организованных таинств, и заключается он в том, что она дает власть касте жрецов, которой жрецы, естественно, злоупотребляют. В обществе, которое приучено к мысли, что спасение достигается исключительно или в основном посредством определенных таинств и что эффективно отправлять эти таинства могут только профессиональные жрецы, эти жрецы будут обладать огромной властью. Обладание такой властью

является постоянным искушением использовать ее для удовлетворения индивидуальных и корпоративных потребностей. Если это искушение достаточно постоянно, то большинство человеческих существ, не являющихся святыми, неизбежно ему поддастся. Вот почему Христос говорил своим ученикам, чтобы они молились о способности не поддаваться искушению. Это положение является или должно являться главным принципом всех социальных реформ. Экономические, политические и социальные отношения между человеческими существами должны быть организованы таким образом, чтобы свести до минимума искушение отдельных индивидуумов или отдельных социальных групп жадностью, гордыней, жестокостью и властью. Поскольку мужчины и женщины являются теми, кем они являются, то освободить человеческие сообщества от зла, по крайней мере до определенной степени, можно только ослаблением искушений и уменьшением их количества. Что ж, искушения, которым подвергается каста жрецов принявшего религию таинств общества таковы, что упорного сопротивления им можно ожидать только от самых святых людей. Что происходит, если служители религии поддаются этим искушениям, хорошо видно из истории Римской церкви. Поскольку католическое христианство проповедовало свою версию Вечной Философии, оно породило целый ряд великих святых. Но поскольку Вечная Философия была покрыта толстым слоем обрядности и идолопоклоннической озабоченности бранными вещами, менее святые члены церковной иерархии испытывали сильные и совершенно ненужные искушения, поддались им и встали на путь преследований инакомыслящих, симонии, политики с позиции силы, тайной дипломатии, зарабатывания больших денег и сотрудничества с тиранами.

Поскольку Бог по милости своей привел меня к вере его любимого Сына, то я сильно сомневаюсь в том, что каждый раз, когда я пью вино или разламываю хлеб, даже в самых обычных обстоятельствах, это не вызывает у меня никаких мыслей об израненном и истекающем кровью теле моего дорогого Господа и Спасителя и глубоких чувств к Нему.

Стивен Греллет

Мы видим, что ритуальность и обрядность, превращенные в стержень организованного религиозного поклонения, ни в коей мере не являются благом. Но если свою повседневную жизнь человек сам превратит в некий бесконечный ритуал, если каждый объект окружающего его мира он будет рассматривать как символ вечной Основы мира, если каждое его действие будет частью священного обряда — вот это принесет пользу. Вседуховные учителя от авторов Упанишад до Сократа, от Будды до святого Бернара, согласны с тем, что без самопознания не может быть адекватного познания Бога, а без постоянной собранности — полного освобождения. Человек, который научился воспринимать вещи как символы, личности, как храмы Святого Духа, а действия, как таинства, является человеком, который научился постоянно напоминать себе о том, кто он есть. каково его место во вселенной и по отношению к ее Основе, как он должен вести себя со своими собратьями и что он должен делать для достижения своей главной цели.

Кеннет Сондерс, в своем ценном исследовании четвертого Евангелия, Гиты и сутры Лотоса, пишет: "Только благодаря тому, что в каждой вещи живет Логос, все вещи обладают реальностью. Они являются священными символами, а не иллюзией, подобно феноменальному миру Веданты". О том, что Логос присутствует в вещах, жизнях и осознанном разуме, а они живут в Логосе, Веды повествуют более подробно и четко, чем четвертое Евангелие; та же самая идея, разумеется, является основной в теологии даосизма. Но хотя в действительности любая вещь существует в точке пересечения божественного проявления с лучом непроявившегося Божества, из этого никак не следует, что все и всегда знают об этом. Напротив, подавляющее большинство человеческих существ считает, что его "я" и окружающие его объекты обладают своей собственной реальностью, совершенно независимой от Логоса. В результате люди отождествляют свое бытие со своими чувствами, желаниями и личными представлениями, а это самоотожествление с тем, чем они не являются, в свою очередь, наглухо закрывает им доступ к божественному влиянию и самой возможности освобождения. Для большинства из нас, в большинстве случаев, вещи не являются символами, а действия не являются частью обряда; и мы должны осознанно и старательно учить себя не забывать, чем они в действительности являются.

Мир является узником собственной деятельности, за исключением тех случаев, когда его действия являются формой поклонения Богу. Стало быть, ты должен совершать любое свое действие так, словно оно является частью священного обряда (словно оно — это *яджна*, жертвоприношение, которое в своей божественной Логос-сути тождественно Божеству, которому оно посвящается), и должен освободиться от всяких мыслей о результате.

Бхагавад Гита

Аналогичные мысли можно найти у христианских авторов, писавших, что к людям и даже вещам следует относиться, как к храмам Святого Духа, и что любое деяние или страдание должно "посвящаться Богу".

Вряд ли есть необходимость напоминать, что этот процесс осознанного освящения действий может применяться только к тем деяниям, которые не являются изначально злыми. Жаль конечно, что Гита сразу была опубликована не как самостоятельное произведение, а как теологическая вставка в эпическую поэму; и поскольку Махабхарата, как и большинство эпо-сов, в основном посвящена подвигам воинов, то совет Гиты действовать отстранено и только во имя Бога воспринимается в связи с военным делом. Что ж, спутником и следствием войны, среди всего прочего, является повсеместное распространение гнева, ненависти, гордыни, жестокости и страха. Тогда возникает вопрос, возможно ли (принимая во внимание суть Природы Вещей) освятить действия, побочными психологическими результатами которых являются эти страсти, совершенно затмевающие Бога? Будда из священных палийских книг непременно ответил бы на этот вопрос только отрицательно. То же сказал бы и Лао-цзы в "Дао-дэ-цзин". И Христос из Синоптического Евангелия. А вот Кришна из Гиты (который по прихоти литературы является так же и Кришной из Махабхараты) дает утвердительный ответ. Но следует помнить, что он привязан к очень конкретным условиям. Отстраненное отношение к убийству рекомендуется тем, кто принадлежит к касте воинов, и для кого война является долгом и призванием. Но то, что является долгом или *дхармой* для кшатрия, является *адхармой* для брахмана и запрещено ему; оно также не является долгом класса трудящихся и класса торговцев. Индуизм учит, что смешение каст, принятие на себя одним человеком обязанностей другого являются нравственным злом и угрозой стабильности общества. Итак, долг брахмана — стать провидцем, чтобы суметь объяснить своим собратьям природу вселенной, главную цель человека и путь к освобождению. Когда воины, чиновники, ростовщики, помещики или работники узурпируют функции брахманов и формулируют философию жизни в соответствии со своими искаженными представлениями о вселенной, тогда общество погружается в хаос. Хаос восцаряется и в том случае, когда брахман, человек, обладающий духовной, а не административной властью, берет в свои руки административную власть кшатрия, или когда ту же власть узурпируют ростовщики и менялы, или, наконец, когда дхарма войны касты воинов навязывается, посредством призыва в армию, брахманам, вайшьям и шудрам. История Европы времен Средневековья и Возрождения — это, по большей части, история социальных конфликтов, возникавших в результате того, что многие люди, которые должны были быть провидцами, обменяли духовную власть на власть политическую и финансовую. А новейшая история представляет собой ужасную летопись того, что происходит, когда политические лидеры, бизнесмены и "классово сознательные" пролетарии берут на себя функции брахманов по формулированию философии жизни; когда ростовщики определяют политику и рассуждают о войне и мире; и когда обязанности касты воинов навязываются всем и каждому, вне зависимости от психо-физической конституции и призвания.

Глава 25 ДУХОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Ритуалы, таинства, церемонии, литургии — все это атрибуты коллективного поклонения. Это — инструменты, с помощью которых индивидуальные верующие, собравшись вместе, напоминают друг другу об истинной Природе Вещей, о правильном отношении друг к другу, к вселенной и к Богу. Духовное упражнение — этот тот же ритуал, но отправляемый не в коллективе, а индивидуально. Духовное упражнение — это инструмент, которым пользуется отдельно взятый индивидуум, когда он запирается у себя в комнате и просит Отца о том, что является его тайной. Как и всеми другими инструментами, от псалмов до гимнастики, от логики до двигателей внутреннего сгорания, духовные упражнения можно использовать во благо и во вред. Одни люди применяют духовные упражнения и продвигаются вперед по дороге духовности; другие выполняют те же самые упражнения и топчутся на месте. Вера в то, что духовные упражнения либо являются составляющими просветления, либо гарантируют его достижение — обычное суеверие и идолопоклонничество. А нежелание их выполнять, нежелание узнать каким образом они могут помочь нам в достижении главной цели и могут ли помочь вообще, есть ни что иное, как самонадеянность и упрямое мракобесие.

Святой Франциск Сальский говорил: "Повсеместно я слышу речи о совершенстве; но я вижу, что только очень немногие люди достигли его. И у каждого есть свое представление о совершенстве. Один человек думает, что совершенство заключается в покрое его одежды, другой — в посте, третий — в раздаче милостыни, или в частом посещении Святынь, в медитации, в каком-то особом даре созерцания, или в экстраординарных способностях; но все они, с моей точки зрения, ошибаются, потому что путают средства или результаты с целью и причиной. Что касается меня, то единственное известное мне совершенство — это искренняя любовь к Богу и умение полюбить ближнего своего как себя самого. Любовь к ближнему — это единственная добродетель, которая по-настоящему единит нас

с Богом и людьми. Подобное единение и является нашей главной целью, а все остальное — просто иллюзия".

Жан Пьер Камю

Святой Франциск сам рекомендовал выполнение духовных упражнений, как средств достижения любви к Богу и своему ближнему, и утверждал, что подобные упражнения заслуживают того, чтобы относиться к ним с величайшим вниманием; но он предупредил, что пристрастие к определенным формам и времени умственной молитвы не должно перерасти в манию. Не обращать внимания на отчаянный призыв к любви или послушанию только потому, что наступило время выполнять духовные упражнения — значит пренебрегать целью и наилучшими средствами во имя средств не только не лучших, но и вообще непригодных для достижения высшей цели.

Духовные упражнения представляют собой особую разновидность аскетизма, цель которой прежде всего состоит в подготовке интеллекта и эмоций к тем высшим формам молитвы, в которых душа совершенно пассивна по отношению к божественной Реальности; а впрочем, это самостоятельно достигнутое просветление приводит к большему самопознанию, которое вызывает еще большее отращивание к самому себе, а оно, в свою очередь, способствует изменению характера.

На Востоке духовные умственные упражнения были систематизированы еще в глубокой древности, хотя и неизвестно когда именно. И в Индии, и в Китае духовные упражнения (сопровождающиеся или предваряющиеся более или менее сложными физическими упражнениями, особенно дыхательными) применялись за несколько сотен лет до рождения Христа. На Западе виванские монахи значительную часть дня проводили в медитации, считая ее средством созерцания или обретения знания, единящего их с Богом; и на протяжении всей истории христианства, более или менее методичная "умственная молитва" активно использовалась в качестве дополнения к молитве, произносимой вслух в ходе актов коллективного или индивидуального богослужения. Но преобразование "умственной молитвы" в стройную систему духовных упражнений произошло только в самом конце Средневековья, когда реформаторы Церкви стали популяризировать эту новую форму духовности, пытаясь вдохнуть новую жизнь в загнивающее монашеское движение и укрепить позиции религии среди светских слоев общества, озадаченных Великим Расколом и глубоко потрясенных продажностью священнослужителей. Наиболее влиятельными среди первых систематизаторов были каноники Виндесхайма, которые находились в тесном контакте с Поборниками Простой Жизни. В шестнадцатом и начале семнадцатого века духовные упражнения, если можно так выразиться, стали почти модными (в положительном смысле этого слова). Первые иезуиты, добившиеся удивительной трансформации характера, продемонстрировали, какой силы воли и истовости может достичь человек, если он систематически выполняет интеллектуальные упражнения, разработанные святым Игнатием Лойолой; поскольку в то время в католической Европе иезуиты пользовались очень большим авторитетом, то и духовные упражнения стали очень престижным занятием. На протяжении первого столетия Контрреформации были составлены, опубликованы и разошлись большими тиражами многочисленные системы духовных упражнений (многие из которых, в отличие от системы Лойолы, были чрезвычайно мистическими). После дискуссии с квиетистами мистицизм впал в немилость, а вместе с ним и многие некогда популярные системы, разработанные их авторами для того, чтобы помочь душе отыскать путь к созерцанию. Более подробную информацию по этому интересному и важному вопросу читатель может найти в "Христианской духовности" Пурра, "Искусстве молиться про себя" Беда Фроста, "Духовном развитии и умении молиться про себя" Эдварда Лина и "Духовных упражнениях" Эльфрида Тиллгарда. В данной книге у нас есть возможность только привести несколько характерных цитат представителей разных религиозных традиций.

Знай, что когда ты научишься терять себя, ты дотянешься до Любимого. Это единственное, чему стоит учиться, и единственная достойная цель, которая мне известна.

АН сари ал-Харави

Шестьсот лет спустя святой Франциск Сальский сказал почти то же самое молодому Камю и всем остальным, пришедшим к нему с наивной верой в то, что он раскроет им какой-то несложный и безотказный фокус, с помощью которого они смогут обрести знание, единящее их с Богом. Но секрет очень прост — нужно отказаться от себя и раствориться в Любимом. Тем не менее суфии, как и их христианские коллеги, активно использовали духовные упражнения. Разумеется, не как самоцель и даже не в качестве оптимальных средств, а как средство обретения наилучшего средства для единения с Богом, а именно — бескорыстного и любовного созерцания.

Я выковывывал свою душу в течение двенадцати лет. Я поместил ее в печь аскетизма и обжег огнем сражения, я положил ее на наковальню упрека и бил ее молотом стыда до тех пор, пока она не

превратилась в зеркало. В течение пяти лет я был зеркалом самого себя и все время полировал это зеркало всевозможными актами поклонения. Затем в течение года я сосредоточенно смотрел в него. На своей талии я увидел пояс гордыни, тщеславия, самодовольства, уверенности в своей вере и одобрения трудов своих. Я трудился в течение еще пяти лет, пока пояс не распался и я не стал заново исповедовать ислам. Я оглянулся вокруг себя и увидел, что все сотворенные вещи были мертвы. Я произнес над ними четыре *акбир*ы, я похоронил их всех, на пути моем больше не стояла ни одна сотворенная вещь и с одной только Божьей помощью я смог дотянуться до Бога.

Байазид ал-Бистами

Самой простой и наиболее распространенной формой духовного упражнения является повторение божественного имени или какой-либо фразы, подтверждающей существование Бога и зависимость души от Него.

А потому, когда ты настраиваешь себя на эту работу (созерцание) и чувствуешь призыв Бога, то подними свое сердце к Богу на покорной волне любви. И думай только о Боге, который сотворил тебя, который поставил тебя на твое место, который милостиво дал тебе все, что ты имеешь. И думать ты должен только о единении с Богом: ибо голого желания единения с Богом, причиной которого является только он сам, вполне достаточно. И если ты хочешь выразить это свое желание одним словом, чтобы тебе было легче говорить о нем, тогда выбери односложное слово, поскольку оно лучше, чем двусложное; ибо, чем короче слово, тем больше оно соответствует работе духа. И таким словом является слово "Бог" или слово "любовь"*.

Какие бы слова тебе не нравились, лучше всего односложные слова. И пристегни это слово к своему сердцу, дабы оно навсегда осталось там, чтобы ни случилось. Это слово будет и твоим щитом, и твоим мечом, и в дни мира, и в дни войны. Этим словом ты разгонишь облака и тьму, сгустившиеся над тобой. Этим словом ты прогонишь все другие мысли в царство забвения. И если кто-то начнет докучать вопросом, что ты за все это будешь иметь, отвечай только одним этим словом (Бог или любовь). И если кто-то, очень ученый, предложит объяснить тебе это слово, скажи ему, что ты получишь это знание целиком, а не отдельными частями. И если ты будешь неуклонно идти к своей цели, то будь уверен — другая мысль тебе придет в голову.

"Облако незнания"

В другой главе "Облака" его автор высказывает предположение, что слово, символизирующее нашу главную цель, периодически должно заменяться словом, указывающим наше нынешнее положение относительно этой цели. "Грех" и "Бог" — вот какие слова следует повторять в ходе этого упражнения.

Пусть твой пытливый разум не пытается разобрать эти слова на составные части и объяснить их, полагая, что этим он укрепит твою веру. Я полагаю, что в этом случае и в этой работе это совершенно не нужно. Воспринимай эти слова целиком; а под "грехом" понимай "сгусток" чего-то, чего ты никогда не знал, но что есть ни что иное, как ты сам... И поскольку до тех пор, пока ты проживаешь свою несчастную жизнь, ты должен все время чувствовать этот грязный вонючий сгусток греха, словно он полностью слился с субстанцией твоего бытия, ты должен попеременно произносить оба эти слова — "грех" и "Бог". Ты должен усвоить общее правило: если бы у тебя был Бог, то у тебя не было бы греха; и если бы у тебя не было бы греха, у тебя был бы Бог.

"Облако незнания"

* Английское слово "love" — односложное. — *Прим.пер.*

Шейх взял меня за руку и привел в монастырь. Я сел в галерею, а шейх взял книгу и начал читать. Как и любой ученик, я не мог не заинтересоваться тем, что это была за книга. Шейх прочитал мои мысли. Он сказал: "Абу Саид, все сто двадцать четыре тысячи пророков были посланы на землю для того, чтобы проповедовать только одно слово. Они просили людей говорить "Аллах" и посвящать себя Ему. Тем, кто воспринимал это слово одними только ушами, оно входило в одно ухо и выходило через другое; новосприявшие это слово душой, запечатали его в своих душах и повторяли его до тех пор, пока оно не пропитало их сердца и души, а все их бытие не стало одним этим словом. Им больше было не нужно произносить это слово; они освободились от необходимости слышать его звучание. Поняв духовное значение этого слова, они настолько растворились в нем, что уже не осознавали своего небытия".

Абу Саид

Возьми короткий вариант псалма, и он станет тебе щитом от всех твоих врагов.

Кассиан, цитирующий аббата Исаака

В Индии повторение божественного имени или *мантры* (краткого утверждения религиозного или житейского характера) называется *джана* и является любимым духовным упражнением членов всех индуистских и буддистских школ. Самой короткой мантрой является *ом* — речевой символ, вобравший в себя всю философию Вед. Этой и другим мантрам индусы приписывают некую магическую силу. Повторение их представляет собой священодействие, получение благодати *ex opere operato*. Подобную силу приписывали и приписывают священным словам буддисты, мусульмане, иудеи и христиане. Разумеется точно так же, как традиционные религиозные обряды обладают способностью вызывать к жизни существа, спроецированные в психическую объективность истовой верой многих поколений верующих, так и освященные многими тысячелетиями слова и фразы становятся проводниками энергии, гораздо более мощной, чем та, которой обладает индивидуум, их произносящий. И действительно, постоянное повторение слов "Бог" и "любовь" может при благоприятных обстоятельствах оказать глубокое воздействие на подсознание, порождая ту бескорыстную целеустремленность воли, мышления и чувства, без которой невозможно обретение знания, единящего индивидуума с Богом. Более того, если просто произносить это слово, "не пытаясь разобрать его на составные части" и проанализировать, то Факт, который это слово обозначает, может явиться душе в форме целостного интуитивного ощущения.

Когда это происходит, то "отворяются врата букв этого мира" (выражение суфиев) и душа проходит сквозь в них в Реальность. Да, все это может произойти, но может и не произойти. Ибо не существует никакого запатентованного духовного лекарства, никакой приятной и безотказной панацеи, исцеляющей души от отчужденности от Бога. Нет, гарантированного лекарства не существует; и если лекарство духовных упражнений применять не по назначению, то можно обострить старую болезнь или получить новую. Например, простое механическое повторение божественного имени может привести к определенному отупению, которое находится настолько же ниже аналитического мышления, насколько интеллектуальное видение находится выше его. И поскольку священное слово содержит в себе некое предубежденное восприятие ощущения, вызываемое его повторением, то это отупение, или любое другое ненормальное состояние, принимается за непосредственное осознание Реальности, превращается в желанный объект идолопоклонничества, а воля направляется на то, что считается Богом, прежде, чем отсекается от "я".

С опасностями, подстерегающими практикующего *джана* недостаточно смиренного и недостаточно собранного человека, сталкиваются в такой же или иной форме использующие более сложные духовные упражнения. Рекомендуемая многими, как восточными, так и западными учителями, полная сосредоточенность на конкретном образе или идее может быть чрезвычайно полезна определенным людям при определенных обстоятельствах и может быть очень вредна в других случаях. Сосредоточенность полезна в том случае, когда она приводит к такому умственному спокойствию, к такому "молчанию" интеллекта, воли и чувств, при котором в душе может прозвучать божественное Слово. Сосредоточенность вредна в том случае, когда образ, на котором сконцентрировался индивидуум, становится настолько галлюциногенно-реальным, что принимается за объективную Реальность и превращается в предмет идолопоклонничества; она вредна также и тогда, когда приводит к необычным психофизическим результатам, которые добившаяся их личность воспринимает с гордостью, полагая, что они являются особой формой благодати. Среди этих необычных психо-физических явлений наиболее распространенными являются видения, способность слышать "голоса свыше", предвидение, телепатия и другие психические способности, а также любопытный феномен резкого повышения температуры тела. Многие люди из числа тех, что тренируют способность к сосредоточению, периодически сталкиваются с этим явлением. Многие христианские святые испытывали это ощущение постоянно. Наиболее известными из таких людей являются святой Филипп Нери и святая Екатерина Сиенская. На Востоке была разработана система, с помощью которой выделяемое в сосредоточенном состоянии большое количество тепла можно регулировать, контролировать и использовать с толком, например для того, чтобы совершенно не мерзнуть даже в лютый мороз. В Европе, где этот феномен не был понят до конца, многие искатели созерцания ощутили это тепло и вообразили, что имеют дело с какой-то особой божьей милостью, или даже с ощущением единения. Поскольку они не были достаточно смиренными людьми, то впадали в закрывающие доступ к Богу идолопоклонничество и духовную гордыню.

Ниже мы приводим отрывок из одной великой книги маха-яны, в котором подвергаются критике духовные упражнения, пропагандируемые учителями хинаяны — концентрация на символических объектах, медитирование о бренности и распаде (чтобы отвлечь душу от привязанности к земным вещам), о различных добродетелях, которые следует в себе культивировать, о фундаментальных доктринах буддизма. (Многие из этих упражнений подробно описаны в "Пути к чистоте", книге, которая была полностью переведена и опубликована Обществом текстов Пали. Упражнения

махаянистов описаны в Сурангама сутре, и в сборнике "Тибетская Йога", опубликованном под редакцией доктора Эванса-Вентца.)

Выполняя упражнение, йогин в своем воображении видит нечто, напоминающее солнце, или луну, или лотос, или преисподнюю, или небо, или огонь и тому подобное. Все эти образы ведут его по пути философов; они ввергают его в состояние Шива, в реалии Пратиекабудд. Когда эти образы отбрасываются в сторону и наступает состояние без-образности, тогда создаются условия для единения с Реальностью, и Будды всех стран придут сюда и своими сияющими руками коснутся головы этого благодетеля.

Ланкаватара сутра

Иными словами, полная сосредоточенность на любом образе (даже если этот образ является священным символом, например лотосом) или на любой идее, от идеи ада до идеи какой-нибудь желательной добродетели или ее апофеоза в форме одного из неотъемлемых качеств божества, всегда является сосредоточенностью на чем-то, порожденном разумом самого индивидуума. Иногда, если индивидуум отличается смиренностью и собранностью, акт сосредоточенности переходит в состояние открытости и напряженного недеяния, в котором становится возможным истинное созерцание. Но иногда тот факт, что сосредоточенность является порождением разума индивидуума, выливается в фальшивое или несовершенное созерцание. Реальность или божественная Основа всего бытия открывается только тем, в ком нет эгоцентричного (нет даже альтер-эгоцентричного), у кого нет ни воли, ни воображения, ни чувств, ни мыслей.

И потому я говорю, что следует отказаться от сосредоточенности на своих внутренних переживаниях, потому что никак нельзя сосредоточиваться на внешних предметах; нужно все время жить в бездне божественной Сути и в отсутствии вещей; и если человек обнаруживает, что отделился от них (от божественной Сути и сотворенного отсутствия вещей), то он должен вернуться к ним, но не посредством ухода в себя, а посредством самоуничтожения.

Бенет Кэнфилдский

Ланкаватара сутра запрещает йогину сосредоточиваться на своих внутренних переживаниях, утверждая, что этот процесс, в худшем случае, ведет к идолопоклонничеству, а в лучшем — к частичному познанию Бога внутри себя, но не к полному его познанию, как вне, так и внутри себя. Самоуничтожение (которое отец Бенет разделил на два типа — активное и пассивное) махаянисты называют "состоянием без-образности", если речь идет о созерцании, или, если речь идет об активной жизни, состоянием полной отстраненности, в котором вечность можно воспринять в категориях времени, а Сансара воспринимается как единое целое с Нирваной.

И потому, если только ты устоишь, ни на мгновение не отступай от своего намерения и все больше и больше пронзай облако незнания, которое оказалось между тобой и твоим Богом, острым дротиком страстной любви. И возненавидь сами мысли о чем угодно, кроме как о Боге. И не обращай внимания ни на что. Ибо только так ты уничтожишь основу и корень греха...

Что же еще сказать? Сколько бы ты не переживал по поводу своих грехов и по поводу страданий Христа, и сколько бы ты не думал о радостях рая, что тебе это даст? Если ты думаешь обо всем этом, то, разумеется, это принесет тебе много пользы, много выгоды, много благ. Но все это ничто по сравнению со всплеском слепой любви, которая обходится безо всех этих мыслей. Все лучшее в Святой Деве обходится без этих мыслей. Те, кому не дано не думать, получают лишь ничтожную выгоду, ибо отсутствие этих мыслей не только .. уничтожает основу и корень греха, но и развивает добродетели. Ибо, если это состояние будет действительно достигнуто, то все добродетели будут идеально поняты, прочувствованы и осознаны в нем, не будучи замутненными никакими твоими желаниями. Сколько бы добродетелей человек не приобрел не входя в это состояние, все они будут содержать примесь его корыстных желаний и потому будут несовершенны. Ибо добродетель есть не что иное, как чистая и бескорыстная любовь к Богу.

"Облако незнания"

Если сосредоточенное повторение божественного имени или медитация о характерных свойствах Бога или воображаемых сценах из жизни святого или Аватары помогают вам обрести бескорыстие, открытость и (используем выражение Августина Бей-кера) "чистую божественную любовь", которые создают возможность для единения души с Божеством, то тогда эти духовные упражнения полезны и желательны. Если же они дают другие результаты — что ж, дерево познается по его плодам. Бенет Кэнфилдский, английский капуцин, который написал "Правило Совершенства" и был духовным пастырем мадам Акари и кардинала Берулли, в своем трактате говорит о методе, с помощью которого

сосредоточенность на образе может привести к без-образно-му созерцанию, "незрячему зрению", "чистой божественной любви". Молитва "про себя" должна начинаться со сцены страданий Христа; затем разум отвергает этот священный человеческий образ и переходит к воплощенному в этом образе Божеству, у которого нет формы и характерных качеств. Поразительно похожее упражнение описывается в "Тибетской Книге Мертвых" (удивительно красивом и глубоком произведении, к счастью, уже переведенном и снабженном ценными примечаниями и введением доктором Эвансом-Вентцем).

Каким бы не было покровительствующее тебе божество, в течение долгого времени медитируй о его форме — форме, ясно видной, но не существующей в реальности, подобно форме, созданной фокусником... А затем, пусть образ покровительствующего тебе божества начнет постепенно таять до тех пор, пока не исчезнет совсем; и погрузи себя в состояние Чистоты и Пустоты — совершенно непостижимое для тебя — и побудь в этом состоянии некоторое время. Снова помеди-тируй о покровительствующем тебе божестве: опять помеди-тируй о Чистом Свете; пусть одна медитация сменяет другую. А потом пусть твой разум начнет таять и постепенно растает совсем.

"Тибетская Книга Мертвых"

Подытожить обсуждение этого вопроса мы можем сентенцией Экхарта. "Ибо тот, кто каким-то образом ищет Бога, схватывает устоявшийся образ, но Бог, сокрытый за этим образом, от него ускользает". В данной сентенции ключевым словом является "устоявшийся". Бога можно искать во непостоянной форме, которая изначально считается простым символом реальности, символом, который рано или поздно должен быть отброшен во имя того, что он символизирует. Искать Его в устоявшемся образе — который "устоялся" потому, что считается образом истиннымреальности — значит стать жертвой иллюзии и впасть в идолопоклонничество.

Главными препятствиями на пути к овладению искусством "молиться про себя" являются незнание Природы Вещей (которое, разумеется, никогда еще не достигало таких грандиозных размеров, как в наш век бесплатного обязательного образования) и увлеченность собой, положительными и отрицательными эмоциями, связанными со страстями и тем, что определяется термином "хорошее времяпрепровождение". А когда индивидуум овладевает искусством "молитвы про себя", эти главные препятствия становятся отвлекающими факторами на пути к цели молитвы.

Скорее всего, что любому индивидууму, даже самому святому, приходится иметь дело с отвлекающими факторами. Но нет никакого сомнения в том, что человек, который в промежутках между "молитвами про себя" ведет эгоистичную, несобранную, рассеянную жизнь, столкнется с гораздо более сильными отвлекающими факторами, чем живущий целенаправленно, ни на секунду не забывающий о том, кто он такой и каково его место во вселенной относительно ее божественной Основы. Некоторые наиболее полезные духовные упражнения дают индивидууму возможность использовать к своей выгоде даже отвлекающие факторы, превратив их из препятствия на пути к самоотречению, молчанию разума и пассивности в отношениях с Богом, в средство продвижения по этому пути.

Но, прежде чем приступить к описанию этих упражнений, следует заметить, что все мастера искусства "молитвы про себя" в один голос советуют своим ученикам ни в коем случае не пытаться справиться с возникающими в их разуме отвлекающими факторами с помощью страшного напряжения внешней воли. Бенет Кэнфилдский, в своем трактате "Правило Совершенства", дал этому очень лаконичное объяснение. "Чем больше человек действует, тем больше становится его "я". И чем больше становится его "я", тем меньше в нем остается Бога". Любой рост отдельного личного "я" порождает соответствующее ослабление осознания этим "я" божественной Реальности. А любая яростная реакция внешней воли на отвлекающие факторы автоматически усиливает отдельное личное "я" и тем самым уменьшает шансы индивидуума на обретение знания Бога и любви к Нему. Пытаясь усилием воли справиться с иллюзиями, заслоняющими от нас Бога, мы просто усугубляем тьму нашего врожденного невежества. Вот поэтому мы должны отказаться от борьбы с отвлекающими факторами и найти способ либо обойти, либо использовать их. Например, если мы уже достигли определенного уровня "напряженного бездействия" по отношению к Реальности и тут возникает отвлекающий фактор, мы можем просто "бросить взгляд через плечо" на зловредного и похотливого болвана, который оказался между нами и объектом нашего "простого созерцания". Отвлекающий фактор сейчас находится на переднем плане сознания; мы замечаем его присутствие, а затем, осторожно и непринужденно, совершенно не напрягая воли, переносим фокус нашего внимания на Реальность, которую мы либо заметили на заднем плане сознания, либо (в силу прошлых ощущений или нашей веры) просто знаем, что она там есть. Зачастую это непринужденное перемещение внимания приводит к тому, что отвлекающие факторы перестают настойчиво "маячить перед глазами" и исчезают, по крайней мере на какое-то время.

Если сердце сбилось с пути или отвлеклось, очень осторожно верни его Господу. И если в течение целого часа ты занимался только тем, что возвращал сердце Господу Нашему каждый раз, когда оно от Него убегало, то этот час ты потратил с толком.

Святой Франциск Сальский

В данном случае обход отвлекающих факторов представляет собой ценный урок выдержки и упорства. Другой и более прямой метод использования к своей выгоде забравшегося в наше сердце проказника описан в "Облаке незнания".

Когда ты чувствуешь, что не можешь справиться с отвлекающими факторами, тогда склонись перед ними, как презренный трус склоняется в битве перед врагом, и подумай, что нет ничего более глупого, чем враждовать с ними, сдайся на милость своих врагов и тем самым предайся Богу...

Я уверен, что если эта идея правильно понята, то она является ничем иным, как истинным осознанием того, кем ты являешься на самом деле, мерзкой и грязной вещью, гораздо худшей, чем ничто; это осознание и есть покорность (смирение). И это смирение заслуживает того, чтобы Бог снизошел и отомстил твоим врагам, чтобы он поднял тебя с колен и осушил твои измученные глаза, как это делает отец, пришедший на помощь своему ребенку в тот момент, когда его уже готовились разорвать дикие кабаны и медведи.

"Облако незнания"

Наконец, есть упражнение, которое активно используется в Индии. Оно состоит в бесстрастном изучении отвлекающих факторов по мере их возникновения, а также в определении, через воспоминания о конкретных мыслях, чувствах и поступках, их источников в темпераменте и характере, конституции и приобретенных привычках. Эта процедура открывает душе истинные причины ее отчужденности от божественной Основы ее бытия. Душа приходит к пониманию того, что ее духовное невежество проистекает из внутреннего непослушания или мятеж-ности ее "я", и обнаруживает те конкретные точки, в которых это затмевающее Бога "я" образует самые плотные, самые твердые сгустки. Затем, приняв решение сделать в ходе своей повседневной жизни все, что в ее силах, чтобы избавиться от этих препятствий на пути к Свету, душа спокойно оставляет всякую мысль о них и пустая, очищенная и тихая покорно отдается тому, чтобы там ее ни ждало, как за внешними, так и за внутренними пределами.

Noverim me. noverim Te, — говорил святой Франциск Ассизский. Познание самого себя, ведущее к недовольству самим собой и смирению — вот условие обретения знания Бога и любви к Нему. Большое достоинство духовных упражнений, при выполнении которых используются отвлекающие факторы, заключается в том, что они способствуют самопознанию. Каждая приближающаяся к Богу душа должна знать, кем и чем она является. Если индивидуум произносит про себя или вслух молитву, которой он, так сказать, нравственно недостоин, то он просто врет: и последствиями этой лжи являются неверные представления о Боге, идолопоклонническое отношение к своим частным и нереалистичным фантазиям, а также (в силу отсутствия порожденного самопознанием смирения) духовная гордыня.

Вряд ли есть необходимость напоминать о том, что у этого метода, как и у любого другого, есть свои преимущества и свои недостатки. Те, кто используют его, постоянно сталкиваются с искушением забыть о цели в суете использования слишком убогих частных средств, рискуют увлечься самовосхвалением или угрызениями совести, в ущерб чистой Божественности.

Теперь обратимся к тому, что можно назвать духовными упражнениями в повседневной жизни. В данном случае проблема достаточно проста — как в рабочее время и в минуты отдыха не забывать о том, что вселенная — это нечто гораздо большее, чем то, что доступно глазу, занятому делом или удовольствиями. У этой проблемы нет единого решения. Некоторые типы работы и отдыха настолько просты и нетребовательны, что дают возможность постоянно повторять священное имя или фразу, постоянно думать о божественной Реальности, или, что еще лучше, постоянно хранить "умственное молчание" и "напряженное недеяние". Например, повседневная работа брата Лоренса (чьи "упражнения по ощущению присутствия Бога" пользовались большим успехом даже в кругах, равнодушных к духовным упражнениям) была именно таким простым и нетребовательным занятием. Но есть и другие виды человеческой деятельности, слишком сложные для того, чтобы индивидуум имел возможность постоянно пребывать в сосредоточенном состоянии. Так, по словам Экхарта, "отправляющий службу священник, который слишком озабочен сохранением сосредоточенности, скорее всего совершит ошибку. Лучше всего попытаться сосредоточиться до и после мессы, но во время мессы думать о самой мессе". Этот совет годится для любой профессии, требующей полного внимания. Но полное внимание требуется редко и с трудом сохраняется в течение длительного периода

времени. Всегда есть перерывы, в которых можно расслабиться. Любой человек волен решать, чем он заполнит этот перерыв — грезами или чем-то более лучшим.

Выди вон из себя и иди так далеко, чтобы не возвратиться совсем, и войди в Бога так далеко, чтобы никогда из Него не выйти, только там пребывай, чтобы никогда вновь не быть тебе в положении, чтобы ты не имела дело с творениями... И не помешай себе самой каким-либо деланием, которое ты возьмешь на себя: лишь за чистой природой своей следуй, за "Ничто", которое ни в чем не нуждается, и не ищи другой обители: Бог, сотворивший тебя из "Ничто", Он будет, как это ни в чем не нуждающееся "Ничто", твоей обителью, и в Его неизменности станешь ты неизменной, чем "Ничто".

Экхарт

Я не считаю, что мы должны добровольно подвергнуть себя воздействию разрушающих сил: Боже упаси! Это значило бы, что мы искушаем судьбу и напрашиваемся на неприятности. Но если по прихоти судьбы на пути индивидуума возникают такие отвлекающие факторы, то индивидуум должен принять соответствующие меры предосторожности, посвятить несколько часов сосредоточенным молитвам и чтению, и тогда эта ситуация пойдет ему на пользу. Зачастую, те самые вещи, из-за которых вы скучаете по одиночеству, гораздо больше способствуют воспитанию в вас смиренности и самоотречения, чем полное одиночество... Иногда возвышенная религиозная книга, истовая медитация, насыщенная беседа могут льстить вашим чувствам и вызвать у вас чувство самодовольства и спокойствия, когда вы вообразите себя близкими к совершенству; они переполняют вас неверными представлениями, раздувают вашу гордыню, в результате чего духовные упражнения делают вас менее терпимыми ко всему, что противоречит вашей воле. Я бы посоветовал вам соблюдать следующее простое правило: не ищите ничего разрушающего, но смиренно принимайте все вещи, которые посылает Бог, в том числе и те, которых вы не ищете, даже если это вещи разрушающие или отвлекающие. Абсолютно ошибочно искать Бога в вещах, скорее всего, вам совершенно недоступных, не обращая внимания на то, что Он находится рядом с нами в наших повседневных заботах до тех пор, пока мы смиренно и мужественно принимаем все то, что возникает из многочисленных несовершенств наших ближних и нас самих.

Фенелон

Считай, что твоя жизнь — это постоянное исчезновение, и каждый раз, когда бьют часы, поднимай свой разум надо всем, поднимай его к Богу, говоря при этом: "Боже, я преклоняюсь перед Твоим вечным бытием; я счастлив, что мое бытие может прерваться в любой момент, поскольку в любой момент я могу принести дань Твоей вечности".

Ж.Ж.Олье

Когда ты бродишь в одиночестве или когда ты бродишь среди людей, посмотри на общую волю Бога, благодаря которой осуществляются его милосердие и справедливость в небесах, на земле и под землей, и согласишься с этой волей, восхвали, а затем полюби ее, абсолютно святую, абсолютно справедливую, абсолютно прекрасную. А потом посмотри на особую волю Бога, благодаря которой он любит свои создания и трудится в них поразному, утешая и терзая их. А затем ты должен немного подумать о разнообразии утешений, особенно о разнообразии страданий, о том, что страдают праведные; а затем с великим смирением согласишься с этой Его волей, восхвали и возлюби ее. Подумай о присутствии ее в тебе самом, во всем хорошем и плохом, что случается или может случиться с тобой, за исключением греха: затем одобри все это, восхвали и возлюби ее, воскликни, что ты будешь вечно лелеять, почитать и обожать эту всевластную волю, подчинишься прихотям Бога и отдай Ему всех своих ближних, к которым отношусь и я. Закончи выражением абсолютной уверенности в том, что эта воля действует только ради нашего добра и нашего счастья. А я прибавлю, что когда ты выполнишь это упражнение два или три раза, ты можешь сократить его, переделать его так, как сочтешь наиболее удобным для себя, ибо оно должно звучать в тебе также часто, как удары твоего сердца.

Святой Франциск. Сальский

Когда ты живешь в свете, то ты не можешь споткнуться, поскольку все видишь. Когда ты отправляешься в далекие края, это свет присутствует в твоей груди и тебе нет нужды искать его; и когда ты лежишь в постели, этот свет учит тебя и порицает твой блудный разум, блуждающий невесть где, и твои возвышенные мысли и представления, подчиняя их себе. Ибо если ты будешь следовать за своими мыслями, ты быстро заблудишься. Если ты будешь жить в этом свете, то увидишь тело греха, свою развращенность и свой дом, пришедший в упадок. Стой в этом свете, в котором ты видишь это все; ни шагу не делай ни вправо, ни влево.

Джордж Фоке

Ниже приводится отрывок из китайского перевода трактата Ашвагоши "Пробуждение Веры". Эта работа была написана в первом веке нашей эры на санскрите, но оригинал ее был утрачен. Одну из глав своего трактата Ашвагоша посвятил "целесообразным средствам", как они называются в буддизме, с помощью которых может быть обретено знание, единящее индивидуума с Реальностью. Список этих незаменимых средств включает любовь к ближнему, сострадание ко всем разумным существам, как человеческим, так и субчеловеческим, самоотречение или укрощение страстей, личную преданность воплощениям Абсолютной Будда-природы и духовные упражнения, освобождающие разум от губительного стремления к обособленности и независимости "я" и делающие его способным осознать тождественность его собственной сути с всемирной Сутью Разума. Мы приводим отрывок, касающийся только двух последних из этих "целесообразных средств" — Пути Спокойствия и Пути Мудрости.

Путь Спокойствия. Это упражнение состоит из двух этапов: сначала нужно усыпить все беспокойные мысли (а все пристрастные мысли являются беспокойными) и успокоить все сильные эмоции, чтобы дать возможность разуму сконцентрироваться на цели медитации и осознания. Потом, когда разум, избавившись от отвлекающих мыслей, успокоился, следует перейти к медитации или "размышлению", но не логическому и аналитическому, а к более интеллектуальному (между мышлением и интеллектом есть разница), разбавляясь в смысле и значении своих мыслей и ощущений. Это состоящее из двух этапов упражнение укрепит уже пробужденную веру и постепенно два этапа сольются в один — разум будет совершенно спокоен и при этом погружен в процесс самого активного осознания. В прошлом человек верил в свою способность к аналитическому мышлению и это было совершенно естественно, но сейчас этому следует положить конец.

Для выполнения этого упражнения следует уединиться в каком-нибудь тихом месте, сесть, спину держать прямо и старательно пытаться успокоить и сосредоточить свой разум. Хотя человек поначалу может думать о своем дыхании, не следует заниматься этим слишком долго и не следует сосредоточивать разум на каких-либо конкретных образах, или формах, или концепциях, порождаемых чувствами; например, на первичных элементах земли, воды, огня и воздуха (поклонники хинаяны имели обыкновение сосредоточиваться именно на этих объектах на одной из стадий их духовной подготовки); не следует также сосредоточивать свой разум на каком-либо восприятии, анализе, настроении или какой-либо эмоции. Все проявления способности формировать идеи следует отбрасывать сразу же после их возникновения; следует избавиться даже от самой мысли об отбрасывании этих проявлений. Разум должен уподобиться зеркалу, он должен отражать вещи, но не анализировать и не удерживать их. Сами по себе концепции не имеют субстанции; если они возникают, дайте им пройти мимо и не задерживайте их. Концепции, порождаемые чувствами и низшим разумом, обретут форму только в том случае, если они привлекут ваше внимание; если же вы их игнорируете, то они не появляются и не исчезают. То же самое относится и к внешним условиям; на них не следует сосредоточивать внимание, ибо это может повредить выполнению упражнения. Разум не может быть абсолютно пустым; и если порождаемые чувствами и низшим разумом мысли отбрасываются и игнорируются, то они должны быть заменены правильным умонастроением. Тогда возникает вопрос: что есть правильное умонастроение? Ответ: правильное умонастроение есть осознание разумом самого себя, своей чистой единой Сути. Когда разум сосредоточен на Сути, то в нем не может быть мыслей о "я", даже о "я" в процессе осознания, даже об осознании, как о явлении...

Путь Мудрости. Цель этого упражнения состоит в том, чтобы развить у человека привычку использовать озарение, пришедшее к нему в результате выполнения предыдущих упражнений. Когда человек встает, идет, останавливается, что-то делает, он должен постоянно сосредоточивать свой разум на действии и его выполнении, а не на своей связи с этим действием, или на характере или ценности этого действия. Человек должен думать так: это — ходьба, это — остановка, это — осознание; а не так: это я иду, это я это делаю, это — хорошо, это — плохо, я буду за это вознагражден, я понимаю, как это прекрасно. Отсюда возникают посторонние мысли, ощущения восторга, неудачи и горечи. Вместо всего этого человек должен просто сосредоточивать разум на самом действии, понимая его, как целесообразное средство обретения спокойствия разума, осознания, озарения и Мудрости; и человек должен это делать с верой, желанием и удовольствием. После многократного выполнения этого упражнения оковы старых привычек ослабнут и исчезнут, а их место займут уверенность, удовлетворенность, осознание и спокойствие. Для чего служит Путь мудрости? Существуют три класса условий, мешающих человеку идти по пути к Просветлению. Первый: соблазны, порождаемые чувствами, внешними условиями и аналитическим разумом. Второй: внутреннее состояние разума, его мысли, желания и настроения. Эти два класса должны быть ликвидированы в результате выполнения первых (нравственных и смиряющих) упражнений. Третий класс препятствий состоит из инстинктивных и фундаментальных (и поэтому наиболее опасных и труднопреодолимых) потребностей индивидуума — желания жить и наслаждаться, желания лелеять свою индивидуальность, желания

размножаться, которые порождают жадность и похоть, страх и гнев, безрассудную любовь, гордыню и эгоизм. Упражнение Мудрости предназначено для того, чтобы обуздать и ликвидировать эти фундаментальные и инстинктивные помехи. С помощью этого упражнения вы сделаете ваш разум более чистым, более светлым, более спокойным. Озарение станет более проникающим, вера более крепкой и в конце концов они сольются в непостижимом Самадхи Чистой Сути Разума. По мере того, как человек упражняется в Пути Мудрости, он становится все менее и менее подвержен радостным или печальным мыслям; его вера становится более крепкой, более убедительной, более радостной; исчезает страх деградации. Но не думайте, что этого можно добиться легко или быстро; может потребоваться много перерождений, может пройти много эпох. До тех пор пока существуют сомнения, неверие, клевета, недостойное поведение, препятствия кармы, слабость веры, гордыня, расхлябанность и умственное возбуждение, до тех пор пока существует хотя бы их тень, Самадхи Будд остается недостижимым. Но тот, кто достигнет сияния наивысшего Самадхи, или единящего Знания, тот сможет осознать вместе со всеми Буддами совершенное единство всех разумных существ с Дхармакайей Будд. В чистой Дхармакайе нет никакой дуальности, нет и тени раздвоенности. Любое разумное существо, которое окажется способным понять это, попадет в Нирвану. Чистая Суть Разума — это и есть наивысшее Самадхи, Ануттара самадхи, Праджна Парамита, Высшая Совершенная Мудрость.

Ашвагоша

Глава 26 УПОРСТВО И РЕГУЛЯРНОСТЬ

Тот, кто прерывает ход своих духовных упражнений и молитвы, подобен человеку, позволяющему птице выпорхнуть у него из рук; вряд ли он поймает ее снова.

Сан Хуан де ла Крус

Si volumiis non redire, currendum est. (Если мы не хотим идти вспять, мы должны бежать.)

Пелагий

Если ты скажешь: "Достаточно, я уже достиг совершенства", то все пропало. Ибо задача совершенства и состоит в том, чтобы заставить человека почувствовать свое несовершенство.

Святой Августин

У буддистов есть примерно такая же пословица, гласящая, что если архат думает о себе, что он архат, значит он не архат.

Кто не отвергнет всего внешнего, творений, тот не может ни быть зачатым, ни рожденным в этом божественном рождении [Бога в душе]. Когда ты лишишься себя самого и всего внешнего, тогда воистину ты это найдешь.

Экхарт

Если на меня налагалась суровая епитимья, то я не знаю такой, какую бы я с охотой не приняла, лишь бы только не готовиться к сосредоточенной молитве. И Сатана, разумеется, набрасывался на меня с такой неотразимой яростью, или мои дурные привычки были настолько сильны, что я не предавалась молитве; и печаль, которую я ощущала, когда входила в молельню, была настолько велика, что мне требовалось все мое мужество, чтобы заставить себя войти туда. Обо мне говорят, что я обладаю немалым мужеством и что Бог наградил меня отвагой, не свойственной женщине; но я не воспользовалась ими как следует. В конце концов Господь Наш пришел ко мне на помощь, и когда я совершила насилие над собой, я обрела больше мира и радости, чем тогда, когда у меня было желание молиться.

Святая Тереза

Одному из своих духовных детей наш дорогой отец (святой Франциск Сальский) сказал: "Будь терпелив со всеми, но прежде всего с самим собой. Я хочу сказать, что твои несовершенства должны не обескураживать тебя, а вызывать новый прилив мужества. Я рад, что ты каждый день начинаешь жизнь заново; для достижения духовной жизни лучше всего постоянно начинать жизнь заново и никогда не думать, что ты сделал уже достаточно. Как мы можем терпеливо относиться к недостаткам наших ближних, если мы нетерпеливы в отношении собственных недостатков? Тот, кого раздражают его недостатки, не сможет их исправить; все исправления в лучшую сторону порождаются спокойным уравновешенным разумом".

Жан Пьер Камю

Вряд ли какие души отдают себя внутренней молитве и, в результате время от времени они оказываются в великом смятении, когда их разум перестает ясно мыслить, а чувства утрачивают остроту; так что если несовершенные души не будут хорошо обучены и подготовлены, они рискуют, в том случае если подобные противоречия низкого свойства продержатся долго, быть разочарованными в молитве, поскольку они будут думать, что их размышления вообще не имеют никакого смысла, что любые их мысли о Боге и чувства к Нему не имеют никакой ценности и являются лишь пустой тратой времени; стало быть, подумают они. будет полезнее использовать время как-нибудь иначе.

Да, Всемогущий Бог ведет некоторые души именно таким путем скучной молитвы и они в любом размышлении находят не разумное удовлетворение, а наоборот — постоянные боль и противоречие; и все же. благодаря скрытым в глубине души благородству и отваге, они не останавливаются, а решительно прорвутся сквозь все препятствия и продолжают наилучшим способом, на который они только способны, свои духовные упражнения, ведущие к великому развитию их духа.

Августин Бейкер

Глава 27 СОЗЕРЦАНИЕ, ДЕЙСТВИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА

В любой исторической системе Вечной Философии есть аксиома: целью человеческой жизни является созерцание или непосредственное и интуитивное осознание Бога; любое действие является средством достижения этой цели; общество хорошо настолько, насколько оно создает своим членам возможности для подобного созерцания; существование хотя бы небольшого количества созерцателей необходимо для благополучия любого общества. В наше время широкое распространение получила идея, что целью человеческой жизни является действие; что созерцание (и прежде всего его низшая форма — аналитическая мысль) является средством для достижения этой цели; что общество хорошо настолько, насколько действия его членов способствуют прогрессу в технологии и организации общества (этот прогресс считается основой нравственного и культурного развития); и что небольшая группа созерцателей абсолютно бесполезна и, вероятно, даже вредна для общества, которое терпит ее существование. Нет нужды дальше говорить на тему этой современной философии; прямо или косвенно она присутствует на любой рекламной странице любой газеты и любого журнала. Ниже приводятся цитаты, призванные проиллюстрировать более древние, более истинные, и менее известные постулаты Вечной Философии.

Целью работы является очищение разума, а не усовершенствование Реальности. Даже если ты совершишь десять миллионов деяний, ты все равно не осознаешь Истины, поскольку осознать ее можно только отделив от заблуждения.

Шанкара

Что ж, главная цель любой вещи такова, какой ее задумал первотворец этой вещи; а первотворцом нашей вселенной является разум. Следовательно, главная цель вселенной должна устраивать разум; а устраивать его может только истина. Стало быть, главной целью вселенной должна являться истина, а ее постижение должно быть главным занятием мудрости. И поэтому божественная Мудрость, облаченная в плоть, утверждает, что Он пришел в мир, чтобы сообщить истину.

...Более того, Аристотель определяет Первую Философию, как знание истины, но не любой истины, а той, которая является источником всех истин, то есть связана с первым принципом бытия всех вещей; вот поэтому эта истина и является принципом всех остальных истин, поскольку в истине вещи обладают такими же свойствами, как и в бытии.

Святой Фома Аквинский

Вещь может быть созерцающей по существу или может быть предрасположенной к созерцанию... Нравственные добродетели являются предрасположенностью к созерцанию. Ибо акту созерцания, из которого собственно и состоит жизнь созерцателя, мешают как бурные страсти, так и внешние отвлекающие факторы. А нравственные добродетели обуздывают страсти и снимают порожденные внешней деятельностью отвлекающие факторы. Вот поэтому нравственные добродетели и являются предрасположенностью к созерцанию.

Святой Фома Аквинский

Акты милосердия не очень заметны, но очень полезны и с них начинается путь человека к созерцанию.

Уолтер Хилтон

В буддизме, веданте и во всех, за исключением только самых поздних, формах христианства, праведное действие считается средством для подготовки разума к созерцанию. Первые семь этапов Восьмизападного пути — это активная, нравственная подготовка к обретению знания, единящего индивидуума с Реальностью. Только те, кто упорно совершает Четыре Добродетельных Деяния, которые включают в себя все другие добродетели (плата любовью за ненависть, самоотречение, "святое безразличие" или отсутствие желаний, послушание дхарме или Природе Вещей), могут надеяться на освобождающее понимание того, что Сансара и Нирвана — едины, что принципом жизни души и всех других существ является Разумный Свет или Будда-матка.

Теперь, естественно, возникает вопрос: кому дано обрести эту высшую форму молитвы, которая называется созерцанием? Ответ прост и недвусмысленен. Это дано всем, поскольку всем дано обрести освобождение, которое является ничем иным как знанием, которое единит знающего с тем, что он знает, а именно — с вечной Основой или Божеством. Восточные комментаторы Вечной Философии пожалуй не согласились бы с тем, что это дано всем и в данной жизни; они бы сказали, что в данной жизни данный индивидуум вряд ли сможет достичь чего-то большего, чем частичное освобождение, типа личного выживания в некоем "раю", из которого индивидуум может либо двинуться дальше к полному освобождению, либо вернуться в те материальные условия, которые, по общему мнению всех духовных учителей, уникально благоприятны для экзамена на космическую разумность, положительный исход которого приводит к просветлению. Ортодоксальное христианство отрицает, что индивидуальная душа может воплощаться более одного раза, или что она может продолжать развиваться и в посмертном состоянии. Если она попадает в ад, то там она и остается. Если она попадает в чистилище, то просто искупает свои прошлые грехи и получает возможность увидеть райское блаженство. А если она попадает в рай, то получает столько блаженства, сколько заработала в своей короткой земной жизни, и это количество блаженства она должна растянуть на всю оставшуюся вечность. Если согласиться с этими постулатами, тогда получается, что если созерцание дано каждому, то дано оно ему в соответствии с занимаемым им положением в иерархии бытия, которое определяется природой, воспитанием, свободной волей и божьей милостью. По словам выдающегося современного теолога отца Гарригу-Лагранжа, "все души слышат доносящийся к ним издали призыв к мистической жизни, и если все они могли бы выполнить свой долг — избежать не только смертных, но и незначительных грехов, если бы все они, каждая по своему, были послушны Святому Духу, и если бы все они прожили достаточно долго, то тогда бы наступил день, когда перед всеми отворились врата, за которыми сразу же начинается настоящая мистическая жизнь". Эта точка зрения (что жизнь в мистическом созерцании является законным и нормальным продолжением "внутренней жизни" собранного и преданного Богу человека) подтверждается следующими умозаключениями. Во-первых, у этих двух жизней — один и тот же принцип. Во-вторых, внутренняя жизнь реализуется только в мистическом созерцании. В-третьих, у них общая цель — вечная жизнь; более того, только мистическое созерцание непосредственно и идеально готовит душу к достижению этой цели.

Созерцателей так мало, потому что мало истинно смиренных душ.

"Подражание Христу"

Бог не закрепил столь возвышенное призвание (мистическое созерцание) за какими-то конкретными душами; напротив, Он хочет, чтобы все могли объять его. Но Он видит, что только очень немногие позволяют ему совершить для них столь тонкую работу. Многие, когда Он посылает им испытания, горбятся под их тяжестью и, вместо того, чтобы терпеливо принимать их, отказываются выносить тяготы и лишения.

Сан Хуан де ла Крус

На первый взгляд, утверждение, что созерцание дано всем, противоречит тому, что нам известно о разнообразии врожденных темпераментов и доктрине о трех основных путях к освобождению (путь труда, путь набожности и путь знания). Но это всего лишь внешнее противоречие. Если набожность и труд ведут к освобождению, то только потому, что они ведут к знанию. Ибо полное освобождение наступает лишь с обретением единящего знания. Душа, прошедшая путь набожности и путь труда, но не вступившая на путь знания, не обретает полного освобождения; в лучшем случае ей достается частичное освобождение, ведущее в "рай". Что же касается темперамента, то мы видим, что конкретные индивидуумы от природы склонны к различным доктринам и видам деятельности. Но хотя существуют прирожденные верующие, прирожденные труженики, прирожденные созерцатели, тем не менее фактом является то, что даже индивидуумы с чрезвычайно эксцентричным темпераментом способны использовать методы, отличные от тех, к которым их тянет от рождения. Проявив требуемое послушание указаниям Света, прирожденный созерцатель может научиться очищать свое сердце трудом и сосредоточивать свой разум на поклонении божеству; прирожденный верующий и

прирожденный труженик могут научиться "спокойствию и знанию того, что я есть Бог". Никто не должен быть жертвой присущих только ему талантов. Много их или мало, высокого они уровня или не очень, все они даны нам в качестве средств для достижения одной и той же цели. В наших силах использовать их хорошо или плохо — пойти по более легкому (плохому) или по более сложному (хорошему) пути.

Те, кто более приспособлен к активной жизни, могут готовить себя к созерцанию в процессе своей активной деятельности, а те, кто более приспособлен к созерцательной жизни, могут заняться активной деятельностью, чтобы еще больше развить свою способность к созерцанию.

Святой Фома Аквинский

Тот, кто силен в вере, но слаб в понимании, как правило оказывает доверие ни на что не годным людям и верит не в то, во что нужно верить. Тот, кто силен в понимании, но слаб в вере, склонен к нечестности, и эта его склонность с трудом поддается лечению, подобно болезни, вызванной лекарством. Тот, кто одинаково силен как в вере, так и в понимании, верит в то, во что нужно верить.

Тот, кто хорошо умеет сосредоточиваться, но не обладает достаточной энергией, не сможет преодолеть лень, поскольку природа сосредоточенности сходна с природой лени. Тот, кто обладает большой энергией, но не способен сосредоточиться, не может справиться с отвлекающими факторами, поскольку по природе своей энергия порождает отвлекающие факторы. Стало быть умение сосредоточиваться и энергичность должны быть равны друг другу, поскольку из этого равенства рождаются созерцание и экстаз...

Любой человек должен быть внимательным, поскольку внимание спасает разум от ловушки рассеянности, в которую он может попасть, поскольку природа веры, энергии и понимания сходна с природой рассеянности; она также спасает ум от лени, в которую он может погрузиться, поскольку природа сосредоточенности сходна с природой лени.

Буддхагхоша

Попутно стоит заметить, что Бог ни в коей мере не является единственным возможным объектом созерцания. Существовали и существуют многочисленные созерцатели-философы, созерцатели-эсты и созерцатели-ученые. Полная сосредоточенность на чем-то, что не является высшим, может превратиться в опасную форму идолопоклонничества. В письме Хукеру Дарвин написал, что "проклят тот, кто так же поглощен своим делом, как я поглощен своим". Проклят, потому что такая односторонность может привести к более или менее полной атрофии всех остальных сторон деятельности разума. Дарвин сам написал, что во второй половине своей жизни он уже был совершенно неспособен интересоваться поэзией, искусством или религией. Да, в избранной им профессии он стал зрелым человеком. Но в духовном и даже нравственном смысле, в своих отношениях с Богом и своими близкими, он оставался зародышем.

В случае с абсолютно сосредоточенным созерцанием Бога тоже есть риск атрофирования незадействованных способностей разума. Отшельники Тибета и Фив определенно были людьми сосредоточенными, но их сосредоточенность была сродни истязанию и обособленности. Будь они более "послушными Святому Духу", то возможно, поняли бы, что сосредоточенность обособленности в лучшем случае является подготовкой к сосредоточенности единения — осознанию Бога как во всей полноте его космического бытия, так и внутри индивидуальной души. Подобно даосскому мудрецу, они оседлали бы свою укрощенную и обновленную индивидуальность, и вернулись бы в мир; они бы приняли "есть и пить", общаться с "мытарями и грешниками", или, как говорят буддисты, с "виноделами и мясниками". Для полностью просветленной, абсолютно свободной личности, Сансара и Нирвана, время и вечность, феноменальное и Реальное — по сути своей являются одним и тем же. Вся жизнь такой личности представляет собой непрерывное и сосредоточенное созерцание Божества в вещах, жизнях, событиях и разуме прекрасного мира. Там нет места истязанию души, атрофирования любой из ее способностей. Наоборот, присутствуют место усиление и обострение сознания, наряду с его развитием и трансформацией. Еще ни один святой не жаловался, что стремление к Богу было для него "проклятием".

В начале было Слово: узри Того, кого слушала Мария. И Слово стало плотью; узри Того, кому служила Марфа.

Святой Августин

В процессе созерцания Бог поднимает нас к Себе и тогда мы должны полностью принадлежать Ему; но потом Дух Божий низвергает нас, чтобы мы могли поупражняться в любви и добрых делах.

Фома Аквинский говорит, что деяние должно быть дополнением к молитве, а не противоположностью ей. Этот совет он дает в том числе и по совершенно утилитарной причине: деяние, являющееся "противоположностью молитве" есть деяние, не озаренное контактом с Реальностью, не вдохновенное и не целенаправленное; соответственно, оно может не дать результатов и может даже причинить вред. Чжуан-цзы говорит: "Мудрецы древности сначала сами обретали Дао, а потом уже добывали его для других". Как можно вынуть сучок из глаза ближнего своего, если бревно в вашем глазу не даст вам увидеть божественное Солнце и трудиться в его свете. Говоря о тех, кто хочет просто действовать вместо того, чтобы с помощью созерцания обрести способность действовать хорошо. Сан Хуан де ла Крус спрашивает: "Что смогут совершить они?" И отвечает: *Poco mas que nada, y a veces nada, y aun a veces dano* (Немногим больше, чем ничего, а иногда и вообще ничего, а иногда даже что-нибудь плохое). Прибыль должна соответствовать затратам. Это правило верно не только для экономики, но и для физиологии, мышления, нравственности и духовности. Мы не можем обрести физическую энергию, если предварительно не наполнили наше тело горючим в виде пищи. Мы не можем надеяться на то, что скажем что-то стоящее, если предварительно не прочитали и не "переварили" написанное лучшими умами. Мы не можем действовать правильно и эффективно, если не развили у себя привычку беспрекословно подчиняться божественной Природе Вещей. Мы должны черпать добро из вечности, чтобы обрести способность творить добро во времени. Но почерпнуть добро из вечности можно только в том случае, если посвятить хотя бы небольшую часть нашего времени молчаливому ожиданию его появления. Это значит, что жизнь, в которой духовная "прибыль" должна соответствовать нравственным "затратам", должна быть жизнью, в которой активная деятельность сменяется покоем, речь — напряженным молчанием. *Ofium sanctum: quaerit caritas veritatis; negotium justum suscipit necessitas caritatis*. (Любовь к Истине требует святого безделья; потребность в этой любви порождает праведные деяния.) Тела людей и животных являются двигателями с возвратно-поступательным принципом действия; в них напряжение всегда сменяется расслаблением. Даже вечно бодрствующее сердце отдыхает между ударами. В живой Природе нет ничего даже отдаленно напоминающего величайшее техническое изобретение человека — постоянно вращающееся колесо. (Этим фактом, вне всякого сомнения, объясняются скука, усталость и апатия современных фабричных работников, вынужденных подстраивать движения своего разума и тела под круговое механическое движение конвейера, движущегося с одинаковой скоростью.) Экхарт говорит: "То, что человек приобретает в процессе созерцания, он изливает в любви". Доброжелательный гуманист и мускулистый христианин, воображающие, что они могут выполнить вторую из великих заповедей, даже не дав себе труда подумать над тем, как именно им лучше всего любить Бога всем сердцем, разумом и душой, ставят перед собой нереальную задачу постоянно черпать из сосуда, который никогда не наполняется.

Дочери Любви к Ближнему должны любить молитву, как тело любит душу. И так же как тело не может жить без души, так и душа не может жить без молитвы. И до тех пор, пока дочь молится, как она должна молиться, она поступает правильно. Она не идет, она бежит по пути Господа и поднимется на высшую ступень любви к Богу.

Святой Винсент де Паль

Семьи, города, страны и народы испытывали огромное счастье, когда один-единственный индивидум прислушивался к Добру и Красоте... Такие люди освобождают не только себя; они освобождают разум тех, с кем встречаются.

Филон

Подобную точку зрения выражает и ал-Газали, считающий мистику не только единственным источником нашего знания о душе, ее сильных и слабых сторонах, но и "солью", которая не дает загнить человеческому обществу. Он пишет: "Во времена философов, как и в любой другой период, существует истовые мистики. Бог не лишает наш мир таких людей, ибо благодаря им мир и существует". Это они, умервщляя свое "я", развивают в себе способность к постоянному вдохновению и становятся орудием божественной благодати, с помощью которого она приходит к тем, чья непробразованная природа остается глухой к нежным прикосновениям Духа.

ЛИТЕРАТУРА

Алмазная цупра. "Наука и религия", 1991, NN 8—12. *Al- Ghazzali. Confessions*. Translated by Claud Field (London, 1909).

Ansari of Herat. *The Invocations of Sheikh Abdulallah Ansari of Herat*. Translated by Sardar Sir Jogendra Singh (London, 1939).

Св. Ансельм Кентерберийский. *Сочинения*. М.: Канон, 1995. Attar, *Selections*. Translated by Margaret Smith (London, 1932). Augustine, St. *Confessions* (numerous editions). Аврелий Августин. *Исповедь*. М.: Renaissance, 1991. Aurobindo, Sri. *The Life Divine*, 3 vols. (Calcutta, 1939). Baker, Augustine. *Holy Wisdom* (London, 1876).

Beausobre, Julia de. *The Woman Who Could Not Die* (London and New York, 1938).

Bernard of Clairvaux, St. *The Steps of Humility* (Cambridge, Mass., 1940).

Bernard of Clairvaux, St. *On the Love of God* (New York, 1937).

Bernard of Clairvaux, St. *Selected Letters* (London, 1904) An admirably lucid account of St. Bemad's thought may be found in *The Mystical Doctrine of Saint Bernard*, by Professor Etienne Gilson (London and New York, 1940).

Bertocci, Petter A. *The Empirical Argument for God in Late British Philosophy* (Cambridge, Mass., 1938).

Bhagavad Gita. Among many traslations of this Hindu scripture the best, from a literary point of view, is that of Swami Prabhavanan-da and Christopher Isherwood (Los Angeles, 1944). Valuable notes, based upon the commentaries of Shankara, are to be found in Swami Nikhilananda's edition (New York, 1944), and Professort Franklin Edgerton's literal translation (Cambridge, Mass., 1944) is preceded by a long and scholarly introduction.

Бхагавад Гита. СПб. 1994. Binyon, L. *The Flight of the Dragon* (London, 1911).

Boehme, Jakob. A good introduction to the work of this very difficult writer is *The Mystic Will*, by Howard H. Brinton (New York, 1930).

Бозэций. *Утешение философией и другие трактаты*. М.: Наука, 1990.

Brahmananda, Swami. Records of his teaching and a biography by Swami Prabhavananda are contained in *The Eternal Companion* (Los Angeles, 1944).

Camus, Jean Pien'e. *The Spirit of St. Francis de Sales* (London, n. d.). Caussade, J. P. de. *Abandonment* (New York, 1887). Caussade, J. P. de. *Spiritual Letters*, 3 vols. (London, 1937).

Chantal, St. Jeanne Francoise. *Selected Letters* (London and New York, 1918).

Chapman, Abbot John. *Spiritual Letters* (London, 1935).

Chuang Tzu. *Chuang Tsu, Mystic, Moralist and Social Reformer*. Translated by ^Herbert Giles (Shanghai, 1936).

Чжуан-цзы. В кн.: *Мудрецы Кумая*. СПб.: XXI век, 1994. Chuang Tzu. *Musings of Chinese Mystic* (London, 1920).

Chuang Tzu. *Chinese Philosophy in Classical Times*. Translated by E. R. Hughes (London, 1943).

The Cloud of Unknowing (with commentary by Augustine Baker). Edited with an introduction by Justin McCann (London, 1924).

Coomaraswamy, Ananda K. *Buddha and the Gospel of Buddhism* (New York, 1916).

Coomaraswamy, Ananda K. *The Transformation of Nature in Art* (Cambridge, Mass., 1935)

Coomaraswamy, Ananda K. *Hinduism and Buddhism* (New York, n. d.).

Curtis, A. M. *The Way of Silence* (Burton Bradstock, Dorset, 1937). Deussen, Paul. *The Philosophy of the Upanishads* (London, 1906). *Упанишады в 3 тт.* М.: Наука, 1992.

Dionysius the Areopagite. *On the Divine Names and the Mystical Theology*. Translated with an introduction by C. E. Rolt (London, 1920).

Дионисий Ареопагит. *О божественных именах. О мистическом богословии*. СПб.: Глаголь, 1994.

Eckhart, Meister. *Works*, translated by C. B. Evans (London, 1924).

Eckhart, Meister. *Meister Eckhart, A Modern Translation*. By R. B. Blakney (New York, 1941).

Мейстер Экхарт. *Духовные проповеди и рассуждения*. М.: ИПЛ, 1991.

Evans-Wentz, W. Y. *The Tibetan Book of the Dead* (New York, 1927). Evans-Wentz, W. Y. *Tibet's Great Yogi, Milarepa* (New York, 1928).

Evans-Wentz, W. Y. *Tibetan Yoga and Secret Doctrines* (New York, 1935).

В.И. Эванс-Венц. *Тибетская йога и тайные доктрины*. 2 тт. Киев, 1993.

The Following of Christ. Unknown author, but mistakenly attributed to Tauler in the fist English edition (London, 1886).

Frost, Bede. *The Art of Mental Prayer* (London, 1940). Frost, Bede. *Saint John of the Cross* (London, 1937).

Garrigou-Lagrange, R. *Christian Perfection and Contemplation* (London and St. Louis, 1937).

Goddard, Dwight. *A Buddhist Bible* (published by the editor, Thetford, Maine, 1938). This volume contains translations of several Mahayana texts not to be found, or to be found only with much difficulty, elsewhere. Among these are "The Diamond Suntra", "The Surangama Sutra", "The Lankavatara Sutra", "The Awakening of Faith" and "The Sutra of the Sixth Patriarch".

Guenon, Rene. *Man and His Becoming According to the Vedanta* (London, n. d.).

Guenon, Rene. *East and West* (London, 1941). Guenon, Rene. *The Crisis of the Modern World* (London, 1942). Р.Генон. *Кризис современного мира*. М.: Арктогея, 1991. Heard, Gerald. *The Greed of Christ* (New York, 1940). Heard, Gerald. *The Code of Christ* (New York, 1941). Heard, Gerald. *Preface to Prayer* (New York, 1944). Hilton, Walter. *The Scale of Perfection* (London, 1927).

Hugel, Friedrich von. *The Mystical Element in Religion as Studied in Saint Catherine of Genoa and Her Friends* (London, 1923).

Ibn Tufail. *The Awakening of the Soul*. Translated by Paul Bronnie (London, 1910).

The Imitation of Christ. Whitford's translation, edited by E. J. Klein (New York, 1941).

John of the Cross, St. *Works*, 3 vols. (London, 1934-1935).

Jones, Rufus. *The Spiritual Reformers in the 16th and 17th Centuries* (New York, 1914).

Jones, Rufus. *The Flowering of Mysticism* (New York, 1939). Jorgensen, Johannes. *Saint Catherine of Sienna* (London, 1938).

Lao Tzu. There are many translations of the Tao Ten King. Consult and compare those of Arthur Waley in *The Way and Its Power* (London, 1933), of F. R. Hughes in *Chinese Philosophy in Classical Times* (Everyman's Library) and of Ch'u Ta-Kao (London, 1927) reprinted in *The Bible of the World* (New York, 1939).

Лао-цзы. *Дао-дэ-цзин*.

Law, William. Several modern editions of the *Serious Call* are available;

but many of Law's finest works, such as *The Spirit of Love* and *The Spirit of Prayer*, have not been reprinted in recent years and are hard to come by. An excellent anthology of Law's writings. *Characters and Characteristics of William Law*, was compiled by Alexander Whyte towards the end of last century (3rd ed., London, 1898).

Leen, Edward. *Progress through Menial Prayer* (London, 1940).

McKeon, Richard. *Selections from Medieval Philosophers*, 2 vols (New York, 1929).

The Mirror of Simple Souls. Author unknown (London, 1927). Nicholas of Cusa. *The Idiot* (San Francisco, 1940). Nicholas of Cusa. *The Vision of God* (London and New York, 1928). Николай Кузанский, *Сочинения* в 2 тт. М.: Мысль, 1990. Nicholson, R. *The Mystics of Islam* (London, 1914). Oman, John. *The Natural and the Supernatural* (London, 1938). Otto, Rudolf. *India's Religion of Greece* (London, 1930). Otto, Rudolf. *Mysticism East and West* (London, 1932).

Patanjali. *Yoga Aphorisms*. Translated with a commentary by Swami Vivekananda (New York, 1899).

Патанджали. *Йога сутра*. М.: Наука, 1992.

Ponnelle, L. and L. Bordet. *St. Philpi Neri and the Roman Society of His Time* (London, 1932).

Poulain, A. *The Graces of interior Prayer* (London, 1910). Pourrat, P. *Christian Spirituality*, 3 vols (London, 1922). Pratt, J. B. *The Pilgrimage of Buddhism* (New York, 1928).

Radhakrishnan, S. *The Hindu View of Life* (London and New York, 1927).

Radhakrishnan, S. *Indian Philosophy* (London and New York, 1923-1927).

Radhakrishnan, S. *Eastern Religions and Western Thought* (New York, 1939).

Ramakrishna, Sri. *The Gospel of Sri Ramakrishna*. Translated from the Bengali narrative of "M" by Swami Nikhilananda (New York, 1942).

Пол Репс. *Плот и кости Дзен*. Харьков: Аре, 1991.

Rumi, Jalal-uddin. *Masnavi*. Translated by E. H. Whinfield (London, 1898).

Джалаладин Руми. *Поэма о скрытом смысле*. М.: Наука, 1996.

Ruysbroeck, Jan van. *The Adornment of the Spiritual Marriage* (London, 1916) Consult also the studies by Evelyn Underhill (London, 1915) and Wautier d'Aygalliers (London, 1925).

Sales, St. Francois de. *Introduction to the Devout Life* (numerous editions).

Sales, St. Francois de. *Treatise on the Love of God* (new edition, Westminster, Md., 1943).

Sales, St. Francois de. *Spiritual Conferences* (London, 1868). Sales, St. Francois de. See also J. P. Camus.

The Secret of the Golden Flower. Translated from the Chinese by Richard Wilhelm. Commentary by Dr. C. G. Jung (London and New York, 1931).

Stocks, J. L. *Time, Cause and Eternity* (London, 1938). Stout, G. F. *Mind and Matter* (London, 1931).

Sutra Spoken by the Sixth Patriarch, Hui Neng. Translated by Wung Mou-lam (Shanghai, 1930). Reprinted in a Buddhist Bible (Thetford, 1938).

Suzuki, B. L. *Mahayana Buddhism* (London, 1938). Suzuki, D. T. *Studies in Zen Buddhism* (London, 1927).

Suzuki, D. T. *Studies in the Lankavatara Sutra* (Kyoto and London, 1935).

Suzuki, D. T. *Manual of Zen Buddhism* (Kyoto, 1935). Tagore, Rabindranath. *One Hundred Poems of Kabir* (London, 1915) Tauler, Johann. *Life and Sermons* (London, 1907). Tauler, Johann. *The Inner Way* (London, 1909).

Tauler, Johann. Consult Inge's *Christian Mysticism*, Rufus Jones's *Studies in Mystical Religion* and Pourrat's *Christian Spirituality*.

Tennant, F. R. *Philosophical Theology* (Cambridge, 1923).
Theologia Germanica. Winkworth's translation (new edition, London, 1937).
 Tillyard, Aelfrida. *Spiritual Exercises* (London, 1927). Traheme, Thomas. *Centuries of Meditation* (London, 1908).

Traheme,
 Thomas.
Consult
Thomas
 Traheme, A
 Critical
 Biography, by
 Gladys I. Wade
 (Princeton,
 1944).
 Дж. С.
 Тримингэм.
Суфийские
ордены в
исламе. М.:
 Наука, 1980.
 Underhill,
 Evelyn.
Mysticism
 (London,
 1924).
 Underbill,
 Evelyn. *The*
Mystics of the
church
 (London,
 1925).
 Upanishads.
The Thirteen
principal
Upanishads.
 Translated by
 R.E.Hume
 (New York,
 1931).
The Ten
principal
Upanishads.
 Translated by
 Shree Purohit
 and W. B.
 Yeats (London,
 1937).
The
Himalayas of
the soul.
 Translated by J.
 Mascaro
 (London,
 1938). Watts,
 Alan W. *The*
Spirit of Zen
 (London,
 1936). Whitney,
 Janet. John
 Woolman,
American
Quaker
 (Boston, 1942).
 Elizabeth Fry,
Quaker
Heroine
 (Boston, 1936).
Дхаммапада.
 М.: Изд-во
 восточной
 литературы,
 1960.

издательствах
"Рефл-бук" и
"Ваклер" вышли в
свет:
в серии
"Библиотека
Эзотерической
литературы":
ФУЛКАНЕЛЛИ
"Тайны
готических
соборов" Дж.
КУНЦ "Магия
камней"
Х.ПАТЕРСОН
"Кельтская
астрология"
Т.ЭНДРЮС
"Магия танца"
о.диксон
"Символика
чисел" А.БЕЗАНТ
"Исследование
сознания"
Э.ШЮРЕ
"Божественная
эволюция"

в серии "Философия сквозь века":

Д.РАДЬЯР "Планетаризация сознания" ПЛОТИН "Космогония" О.СТЕПЛДОН "Создатель звезд"

Corpus
Hermeticum, или
Герметический
корпус — это
знаменитый свод
трактатов,
написанных во
II-III веках н.э.
на греческом
языке и
приписываемых
легендарному
Гермесу
Трисмегисту.
Большая часть
трактатов — это
речи Гермеса,
обращенные к
ученикам, в
которых он
излагает
полученное
Божественное
откровение.
Идеи,
содержащиеся в
Корпусе,
обосновывают и
алхимию, и
астрологию, и
магию.

Текст
трактатов
сопровождается
обширными и
глубокими
комментариями
Уолтера Скотта,
являющимися
самостоятельным
исследованием
герметизма и
гностицизма.

Справки и запись на прием по тел.:

(095) 302-91-59, (095) 915-33-81

По вопросам оптовой закупки книг издательств "Рефл-бук" и "Ваклер" обращаться:

г. Москва, издательство "Рефл-бук", ул. Гиляровского, 47 тел/факс (095) 281-70-15

г. Киев, издательство "Ваклер" бул. Леси Украинки, 34 тел. (044) 295-56-14 факс. (044) 295-49-94

г. Санкт-Петербург, издательский дом ПЭТ

тел. 218-66-52

Донецк, "Классика" тел. (0622) 93-07-17

Наши читатели всегда могут приобрести интересующие их книги по эзотерике, психологии и философии по следующим адресам:

в Москве:

Метро "Полянка", 1 казачий пер., 8, маг. "19 октября" Метро "Лубянка". ул. Мясницкая, 6, маг. "Библио-Глобус" Метро "Белорусская", Ленинградский пр-т, 10а, "Путь к себе" Метро "Медведково", ул. Заревый пр-д, 12, Дом книги

Для получения книг и каталогов издательства по почте конверт с отчетливо написанным обратным адресом послать по адресу:

103064 г. Москва, а/я 373 или 253183 г. Киев а/я 33

Олдос Хаксли. Вечная философия. Пер. с англ. — М.: "Рефл-бук", К.: "Ваклер", 1997. — 336 с. Серия "Созвездия мудрости".

Блестящий обзор духовного наследия всех мировых религий, подкрепленный выдержками из канонических текстов, принадлежащих к различным религиозным традициям, изложенный мастерским пером эрудита, интеллектуала и признанного стилиста Олдоса Хаксли, дает великолепное представление по таким проблемам, как самопознание, просветление, свобода воли, нисхождение благодати и другим аспектам, связанным с высшим сознанием.

Научно-популярное издание Олдос Хаксли Вечная философия